

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК**

2026, Том 5, № 2

Подписано к публикации: 14.04.2026

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Бобырева Екатерина Валерьевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Буряковская Валерия Анатольевна (РФ, г. Волгоград) – доктор филологических наук, доцент
Гуревич Любовь Степановна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Дреева Джанетта Мурзабековна (РФ, г. Владикавказ) – доктор филологических наук, профессор
Краснощёков Евгений Владиславович (РФ, г. Таганрог) – доктор филологических наук, доцент
Кусова Маргарита Львовна (РФ, г. Екатеринбург) – доктор филологических наук, профессор
Лутфуллина Гюльнара Фирдавиевна (РФ, г. Казань) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) — доктор филологических наук, профессор
Рамазанова Гюльназ Гилемдаровна (РФ, г. Уфа) — доктор филологических наук, доцент
Рогалева Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Халидова Рашидат Шахрудиновна (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Черкасова Инна Петровна (РФ, г. Люберцы) — доктор филологических наук, доцент
Чеэрчиев Мугума Чеэрчиевич (РФ, г. Дагестан) – доктор филологических наук, профессор
Шакирова Резеда Дильшатовна (РФ, г. Набережные Челны) – доктор филологических наук, доцент

«Филологический вестник» включен в перечень ВАК с 23.04.2024г., Единый государственный перечень научных изданий (ЕГПНИ) - «Белый список» с 09.09.2025г., Elibrary.ru.

Регистрационный номер СМИ: ЭЛ № ФС 77-86731 от 22.01.2024 г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2949-4656 (online)

E-mail: fv-journal@yandex.ru

Сайт: <https://fv-journal.ru>

© Филологический вестник, 2026

Содержание

Курбанова Э.О., Ибрагимова А.А. Педагогический потенциал интерактивных онлайн-инструментов в обучении английскому языку учащихся высшей школы	5-8
Караульщикова Ю.В. Субъективная модальность англоязычного телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте	9-14
Басова Е.Н. Опыт изучения образа леса в языковом сознании	15-20
Сахарова Е.Е., Багдасарян Т.М. Некатегоричное речевое поведение в проповедническом дискурсе: прагматические функции	21-26
Юй Циньвэй, Го Цзинюань Конструирование китайского сельскохозяйственного дискурса: история, реальность и перспективы	27-33
Соколова Е.М. Мифопоэтический образ дерева в современном славянском фэнтези: от архетипов к антропоцентризму (на материале романов А. Рубанова «Финист – ясный сокол» и «Человек из красного дерева»)	34-39
Шкурихин В.Д. Модификация античного канона рока и судьбы в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей»	40-44
Бочкарева Т.С., Кабанова О.В. Моделирование кросс-культурных профессиональных ситуаций в обучении английскому языку как метод формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей	45-50
Горшков И.П. Эталонная текстовая модель немецкой притчи: грамматические и стилистические корреляции	51-58
Егорова Е.В., Мишутина О.В. Специфика компонента «мультимодальность» в заголовках англоязычных научно-образовательных статей	59-65
Марачева А.В., Зорина М.В. Специфика мультимедийных лонгридов как современных спецпроектов	66-71
Оздемир С. Причастие -asi/-äse в татарском и турецком языках: будущность, модальность, аналитические конструкции	72-82
Якубовская Э.В. Пространственная концептуализация дохода и расхода в английском языке (на материале отыменных инструментальных глаголов)	83-87
Ли Фэн, Ячина Н.П. Культурная коннотация зоонима «конь» в русском песенном жанре	88-94
Хэ Юй Ритуализация и вариативность речевых клише вежливости в русском и китайском языках: сопоставительный аспект	95-99

Владимирова Т.Н. Медиаграмотность на уроках музыки и изобразительного искусства	100-105
Глаголева А.Р. Феномен «нового героя» в русской драматургии конца XIX века от А.Н. Островского к А.П. Чехову	106-113
Светкина А.А. Языковая личность Ермолая Алексеевича Лопухина в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»: лингвоперсонологический аспект	114-119
Антипова Л.А., Максименко Е.Ю., Саркисян Л.Т. Лингвокультурологический аспект перевода медицинской лексики в произведениях Агаты Кристи	120-127
Баркинхоева З.М. Медиаконвергенция в условиях обновленной модели регулирования Интернета в России	128-133
Ван Чжибинь Историческая эволюция и культурный след московской топонимики	134-139
Гаспарян Л.А. Культурный трансфер готики в сборнике рассказов «Дом с привидениями» В. Вульфа	140-146
Марачева А.В., Зорина М.В., Смирнова П.Е., Райков А.А. Специфика мультимедийного сторителлинга в российской журналистике на современном этапе	147-152
Кошевой Б.Д. Метафорические модели в коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе	153-162
Павлова И.В. Сопоставление языковых и культурных явлений как способ формирования межкультурной компетенции в обучении русскому языку индийских студентов	163-170
Янь Хуаньхуань Сравнительное исследование концептуальных метафор «头/голова» в китайском и русском языках	171-176
Быданцева А.Н. Трансформация роли преподавателя английского языка в юридическом вузе в эпоху цифровизации права	177-180
Пермякова Е.Г. Модусные категории оценочности и эмотивности (сопоставительный анализ употребления глаголов получения в русском и французском языке)	181-185
Ходыка А.И. Тактики конфронтации и мобилизации в молодёжном экологическом дискурсе	186-194
Кабакова С.А., Азизова А.А., Малышева Ю.Б. Юмор и ирония как способы раскрытия характера героя в повести В.В. Медведова «Капитан Соври-голова»	195-200

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 372.881.111.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-5-8

Педагогический потенциал интерактивных онлайн-инструментов в обучении английскому языку учащихся высшей школы

¹ Курбанова Э.О., ¹ Ибрагимова А.А.,
¹ Дагестанский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается педагогический потенциал интерактивных онлайн-инструментов в процессе обучения английскому языку учащихся высшей школы. Анализируются возможности цифровых образовательных платформ, мобильных приложений, сервисов для совместной работы и онлайн-коммуникации, способствующих формированию и развитию иноязычной коммуникативной компетенции. Особое внимание уделяется влиянию интерактивных технологий на мотивацию обучающихся, активизацию их познавательной деятельности, развитие навыков самостоятельной работы и критического мышления. Рассматриваются дидактические условия эффективного использования онлайн-инструментов в учебном процессе, а также их роль в реализации личностно-ориентированного и компетентностного подходов в обучении иностранному языку. На основе анализа выявляются преимущества и ограничения применения интерактивных онлайн-инструментов в образовательной практике высшей школы.

Ключевые слова: интерактивные онлайн-инструменты, обучение английскому языку, высшая школа, цифровые образовательные технологии, коммуникативная компетенция, мотивация, дистанционное обучение

Для цитирования: Курбанова Э.О., Ибрагимова А.А. Педагогический потенциал интерактивных онлайн-инструментов в обучении английскому языку учащихся высшей школы // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 5 – 8. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-5-8

Поступила в редакцию: 23 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Pedagogical potential of interactive online tools in teaching English to higher education students

¹ Kurbanova E.O., ¹ Ibragimova A.A.,
¹ Dagestan State University

Abstract: the article examines the pedagogical potential of interactive online tools in the process of teaching English to higher education students. It analyzes the capabilities of digital educational platforms, mobile applications, and online collaboration and communication services that contribute to the formation and development of foreign language communicative competence. Particular attention is paid to the impact of interactive technologies on learners' motivation, the activation of their cognitive activity, and the development of independent learning skills and critical thinking. The study also considers the didactic conditions for the effective use of online tools in the educational process, as well as their role in implementing learner-centered and competence-based approaches to foreign language teaching. Based on the analysis, the advantages and limitations of using interactive online tools in higher education practice are identified.

Keywords: interactive online tools, teaching English, higher education, digital educational technologies, communicative competence, motivation, distance learning

For citation: Kurbanova E.O., Ibragimova A.A. Pedagogical potential of interactive online tools in teaching English to higher education students. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 5 – 8. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-5-8

The article was submitted: December 23, 2025; Approved after reviewing: February 20, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования процесса обучения английскому языку в системе высшего образования в условиях цифровизации образовательной среды. Внедрение интерактивных онлайн-инструментов в образовательный процесс способствует повышению эффективности формирования иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся, развитию их познавательной активности, автономности в обучении, а также мотивации к изучению иностранного языка. В связи с этим особую значимость приобретает изучение педагогического потенциала интерактивных онлайн-инструментов как средства оптимизации учебного процесса в высшей школе.

Цель исследования заключается в выявлении педагогического потенциала интерактивных онлайн-инструментов в обучении английскому языку студентов высших учебных заведений. В соответствии с поставленной целью были определены следующие задачи исследования:

- проанализировать научно-методическую литературу по проблеме использования интерактивных онлайн-инструментов в обучении иностранным языкам;
- рассмотреть особенности применения цифровых образовательных ресурсов в процессе обучения английскому языку студентов;
- определить дидактические условия эффективного использования интерактивных онлайн-инструментов в образовательном процессе высшей школы;
- обобщить и систематизировать результаты проведённого исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и систематизации научных представлений о возможностях использования интерактивных онлайн-инструментов в процессе обучения английскому языку студентов, а также в определении их роли в формировании и развитии иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных результатов в практике преподавания дисциплин «Практический курс английского языка» и «Методика преподавания иностранных языков», а также при разработке учебно-методических материалов, направленных на интеграцию интерактивных онлайн-инструментов в образовательный процесс высшей школы.

Материалы и методы исследований

Современный этап развития высшего образования характеризуется активной цифровизацией образовательной среды, что требует пересмотра традиционных подходов к обучению иностранным языкам. Интеграция интерактивных онлайн-инструментов в процесс преподавания английского языка обусловлена необходимостью формирования у студентов не только языковой, но и цифровой компетентности.

Использование интерактивных онлайн-инструментов в обучении английскому языку направлено на повышение эффективности образовательного процесса за счёт внедрения технологий активного обучения, способствующих развитию познавательной активности обучающихся, их учебной мотивации и самостоятельности. В условиях цифровой образовательной среды особое значение приобретает возможность организации интерактивного взаимодействия между преподавателем и студентами, а также между самими обучающимися.

Теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых в области педагогических технологий, информатизации образования и методики преподавания иностранных языков. В частности, Е.С. Полат подчеркивает, что современные информационные технологии создают условия для реализации личностно-ориентированного обучения и развития коммуникативной компетенции обучающихся [1].

А.В. Хуторской рассматривает цифровую образовательную среду как пространство для формирования ключевых компетенций обучающихся, включая коммуникативные и информационные [2]. В контексте высшего образования это особенно важно, поскольку будущие специалисты должны уметь эффективно использовать цифровые ресурсы в профессиональной деятельности.

И.В. Роберт отмечает, что информатизация образования способствует индивидуализации обучения, расширению возможностей самостоятельной работы студентов и повышению качества усвоения учебного материала [3]. Данное положение легло в основу гипотезы исследования о положительном влиянии интерактивных онлайн-инструментов на результаты обучения английскому языку.

Материалами исследования выступили цифровые платформы (Kahoot!, Quizlet, Quizizz, Padlet, Socrative, Google Forms), применяемые в образовательной практике высшей школы для:

- формирования и закрепления лексических навыков;
- отработки грамматических конструкций;
- развития навыков чтения и аудирования;
- организации текущего и итогового контроля;
- реализации формирующего оценивания.

Методологической базой исследования послужили положения педагогической технологии, разработанные В.П. Беспалько, который определял педагогическую технологию как системный метод проектирования и реализации учебного процесса [4]. Использование интерактивных онлайн-инструментов рассматривалось как технологически организованный компонент образовательной деятельности.

Также были учтены идеи Г.К. Селевко о классификации современных образовательных технологий и их роли в повышении эффективности обучения [5]. Интерактивные цифровые инструменты были отнесены к технологиям активного и развивающего обучения.

В ходе исследования применялись следующие методы:

- анализ научно-методической литературы;
- педагогическое наблюдение;
- анкетирование студентов;
- тестирование (входной и итоговый контроль);
- количественный и качественный анализ результатов.

Таким образом, методическая основа исследования опиралась на современные концепции цифровой педагогики и теории обучения.

Результаты и обсуждения

Результаты исследования продемонстрировали положительное влияние интерактивных онлайн-инструментов на формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов высшей школы.

В ходе педагогического эксперимента было выявлено повышение уровня учебной мотивации обучающихся. Студенты отмечали, что использование геймифицированных сервисов способствует созданию благоприятного эмоционального фона на занятиях и снижает уровень тревожности при выполнении контрольных заданий.

Е.С. Полат указывает, что применение интернет-технологий позволяет организовать обучение на основе сотрудничества и интерактивного взаимодействия, что усиливает мотивационный компонент учебной деятельности [6]. Полученные в ходе эксперимента данные подтвердили данное положение.

Развитие навыков самостоятельной работы студентов является одним из ключевых требований современного высшего образования. В.В. Гузеев подчеркивает, что эффективная организация самостоятельной деятельности обучающихся способствует формированию устойчивых учебных навыков и повышению качества знаний [7]. Использование онлайн-платформ позволило студентам самостоятельно выполнять тренировочные задания, отслеживать результаты и корректировать собственные ошибки.

Кроме того, применение цифровых инструментов обеспечило реализацию формирующего оценивания. М.В. Кларин рассматривает инновационные модели обучения как средство повышения эффективности обратной связи в образовательном процессе [8]. Интерактивные тесты и онлайн-опросы позволяли преподавателю оперативно получать информацию о степени усвоения материала и корректировать содержание занятий.

Особое значение имеет развитие коммуникативных умений студентов. И.А. Зимняя отмечает, что формирование коммуникативной компетенции предполагает активное включение обучающихся в речевую деятельность [9]. Онлайн-платформы способствовали организации дискуссий, коллективного выполнения заданий и обсуждения результатов, что положительно отразилось на развитии устной и письменной речи студентов.

П.В. Сысоев и М.Н. Евстигнеев подчеркивают, что использование информационно-коммуникационных технологий в обучении иностранному языку расширяет возможности межкультурного взаимодействия и повышает эффективность формирования языковых навыков [10]. Результаты исследования подтвердили, что цифровые инструменты способствуют более прочному усвоению лексико-грамматического материала и развитию речевых умений.

Таким образом, анализ полученных данных свидетельствует о комплексном педагогическом потенциале интерактивных онлайн-инструментов в системе высшего образования.

Выводы

Проведенное исследование позволило установить, что интеграция интерактивных онлайн-инструментов в процесс обучения английскому языку студентов высшей школы способствует:

- повышению учебной мотивации;
- активизации познавательной деятельности;
- развитию навыков самостоятельной работы;
- формированию коммуникативной компетенции;
- реализации принципов индивидуализации и формирующего оценивания.

Использование цифровых образовательных ресурсов является эффективным средством модернизации системы обучения иностранным языкам в условиях цифровой трансформации высшего образования.

Список источников

1. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю., Моисеева М.В., Петров А.Е. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования: учеб. пособие для студ. пед. вузов и системы повыш. квалиф. пед. кадров / Под ред. Е.С. Пولات. М.: Издательский центр «Академия», 2002. С. 40 – 49.
2. Хуторской А.В. Современная дидактика. СПб.: Питер, 2017. С. 109 – 116.
3. Роберт И.В. Теория и методика информатизации образования (психолого-педагогический и технологический аспекты): монография. эл. изд. Москва: Лаборатория знаний, 2014. С. 86 – 100.
4. Беспалько В.П. Слагаемые педагогической технологии. М.: Педагогика, 1989. С. 176 – 186.
5. Селевко Г.К. Современные образовательные технологии. М.: Народное образование, 2005. С. 131 – 140.
6. Полат Е.С. Интернет на уроках иностранного языка // Иностранные языки в школе. ИЯШ. 2001. № 2. С. 14 – 18.
7. Методы и организационные формы обучения. Москва: Народное образование, 2001. С. 70 – 76.
8. Кларин М.В. Инновационные модели обучения. М.: Просвещение, 2016. С. 82 – 94.
9. Зимняя И.А. Педагогическая психология: учебник для вузов. 2-е изд., доп., испр. и перераб. М.: Логос, 2005. С. 184 – 195.
10. Сысоев П.В., Евстигнеев М.Н. Методика обучения иностранному языку с использованием новых информационных технологий. М.: Глосса-Пресс, 2010. С. 10 – 17.

References

1. Polat E.S., Bukharkina M.Yu., Moiseeva M.V., Petrov A.E. New pedagogical and information technologies in the education system: a textbook for students of pedagogical universities and the system of advanced training of teaching staff. Ed. E.S. Polat. Moscow: Publishing Center "Academy", 2002. P. 40 – 49.
2. Khutorskoy A.V. Modern didactics. St. Petersburg: Piter, 2017. P. 109 – 116.
3. Robert I.V. Theory and methodology of informatization of education (psychological, pedagogical and technological aspects): monograph. electronic publication. Moscow: Laboratory of knowledge, 2014. P. 86 – 100.
4. Bepalko V.P. Components of pedagogical technology. M.: Pedagogika, 1989. P. 176 – 186.
5. Selevko G.K. Modern educational technologies. M.: Narodnoe obrazovanie, 2005. P. 131 – 140.
6. Polat E.S. Internet in foreign language lessons. Foreign languages at school. IYASh. 2001. No. 2. P. 14 – 18.
7. Methods and organizational forms of teaching. Moscow: Narodnoe obrazovanie, 2001. P. 70 – 76.
8. Klarin M.V. Innovative learning models. M.: Prosveshchenie, 2016. P. 82 – 94.
9. Zimnyaya I.A. Pedagogical psychology: textbook for universities. 2nd ed., supplemented, corrected and revised. M.: Logos, 2005. P. 184 – 195.
10. Sysoev P.V., Evstigneev M.N. Methods of Teaching Foreign Languages Using New Information Technologies. M.: Glossa-Press, 2010. P. 10 – 17.

Информация об авторах

Курбанова Э.О., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет, Elmira896341@mail.ru

Ибрагимова А.А., Дагестанский государственный университет, ibragimovaalina2004@gmail.com

© Курбанова Э.О., Ибрагимова А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-9-14

Субъективная модальность англоязычного телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте

¹ Караульщикова Ю.В.,

¹ Самарский государственный социально-педагогический университет

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию лексико-грамматических и композиционно-стилистических средств выражения субъективной модальности англоязычного телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. Актуальность работы обусловлена устойчивым ростом интереса лингвистики к прагматическим аспектам коммуникации и роли категории модальности в реализации коммуникативной интенции говорящего. Объектом исследования выступает категория модальности, предметом – средства выражения субъективной модальности. Цель работы заключается в установлении взаимосвязи между использованием названных средств и их коммуникативно-прагматической направленностью.

Материалом для анализа послужило интервью Принцессы Дианы Мартину Баширу для программы Panorama (BBC, 1995), которое рассматривается как образец автобиографического медиадискурса. Методологическую базу составили лингвистическое описание, а также стилистический, контекстуальный и дискурсивный анализ.

В результате исследования выявлено, что на лексическом уровне субъективная модальность реализуется через эмоционально-оценочную лексику, глаголы чувственного восприятия и интенсификаторы. Грамматический уровень представлен модальными глаголами и формами пассивного залога, подчёркивающими положение говорящего как объекта внешнего давления. Композиционно-стилистический анализ показал активное использование метафор, лексических и синтаксических повторов, антитез, а также дискурсивных маркеров, способствующих созданию эффекта исповедальности и диалогичности. Делается вывод, что совокупность перечисленных средств формирует модальный фон интервью и служит целям речевого самораскрытия, репрезентируя новую форму публичного женского дискурса.

Результаты исследования могут найти применение в курсах дискурсивного анализа, медиалингвистики и интерпретации текста.

Ключевые слова: субъективная модальность, телеинтервью, английский язык, коммуникативно-прагматический аспект, лексико-грамматические средства, композиционно-стилистические средства

Для цитирования: Караульщикова Ю.В. Субъективная модальность англоязычного телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 9 – 14. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-9-14

Поступила в редакцию: 24 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Subjective modality in English TV interviews in a communicative and pragmatic approach

¹ Karaulshchikova Yu.V.,

¹ Samara State University of Social Sciences and Education

Abstract: this paper is devoted to the study of lexical-grammatical and compositional-stylistic means of expressing subjective modality in English television interviews from a communicative-pragmatic perspective. The relevance of the work is due to the steady growth of interest in linguistics regarding the pragmatic aspects of communication and the role of category of modality in realization of the speaker's communicative intention. The object of the study is the category of modality, while

the subject is the means of expressing subjective modality. The aim of the work is to establish the relationship between the use of these means and their communicative-pragmatic orientation.

The material for the analysis is the interview of Princess Diana with Martin Bashir for the program Panorama (BBC, 1995) which is considered as an example of autobiographical media discourse. The methodological basis includes linguistic description as well as stylistic, contextual and discourse analysis.

The study revealed that at the lexical level subjective modality is realized through emotionally evaluative vocabulary, verbs of sensory perception and intensifiers. The grammatical level is represented by modal verbs and passive voice forms, emphasizing the speaker's position as an object of external pressure. Compositional-stylistic analysis showed the active use of metaphors, lexical and syntactic repetitions, antitheses, as well as discourse markers that contribute to creating an effect of confession and dialogicity. It is concluded that the combination of these means forms the modal background of the interview and serves the purposes of verbal self-disclosure, representing a new form of public female discourse.

The research results can be applied in courses on discourse analysis, media linguistics and text interpretation.

Keywords: subjective modality, television interview, the English language, communicative-pragmatic aspect, lexical-grammatical means, compositional-stylistic means

For citation: Karaulshchikova Yu.V. Subjective modality in English TV interviews in a communicative and pragmatic approach. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 9 – 14. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-9-14

The article was submitted: December 24, 2025; Approved after reviewing: February 21, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

В современной лингвистике наблюдается устойчивый рост интереса к исследованию прагматических аспектов коммуникации [10, 15, 6], среди которых особое значение придаётся категории модальности – «функционально-семантической категории, выражающей разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [9, с. 303]. Ключевую роль в этой связи приобретает субъективная модальность, которая служит инструментом реализации коммуникативной интенции говорящего, его эмоционального состояния, интерпретации событий [12, 3].

Интервью как разновидность текстов массовой коммуникации, занимающее пограничное положение между официальной и неофициальной речью, а также между письменной и устной формами взаимодействия, представляет несомненный научный интерес с точки зрения изучения речевых стратегий и языкового наполнения – в частности, средств выражения субъективной модальности. Современные исследователи публицистического стиля подчёркивают, что интервью представляет собой сложный многоуровневый жанр, сочетающий в себе признаки публицистического стиля, разговорной речи и медийного дискурса [7, 16, 13]. Мы опираемся на определение интервью, приведённое в Большой российской энциклопедии: «Интервью – 1) коммуникативный акт в режиме диалога, в ходе которого интервьюер получает от респондента сведения по заранее намеченной теме, один из основных (наряду с наблюдением, анализом документов, экспериментом) методов получения информации в социологии, статистике, этнографии и др. социальных науках; 2) жанр журналистики (помимо очерка, репортажа и др.), представляющий беседу (диалог) представителя СМИ на определённую тему с компетентным в ней лицом» [4, с. 436-437]. Таким образом, интервью является многоплановым явлением – с одной стороны, разновидностью медиатекстов, с другой – диалогическим построением с позиции взаимодействия коммуникантов, их речевых стратегий и тактик, что делает его продуктивным материалом для анализа средств выражения субъективной модальности, определяя актуальность настоящего исследования.

На материале англоязычных интервью исследуется категория оценочности как характерная особенность текстов названного жанра [17, 11], категория эмотивности [5], категория персуазивности [14]; рассматриваются лингвопрагматические характеристики [2], лингвориторические особенности [1], коммуникативные стратегии и тактики [8]. Научная новизна настоящего исследования заключается в том, что впервые текст англоязычного интервью становится материалом для комплексного изучения средств выражения субъективной модальности с учётом коммуникативно-прагматической направленности.

Объектом настоящего исследования является категория модальности в тексте англоязычного интервью. В качестве предмета исследования выступают лексико-грамматические и композиционно-стилистические средства выражения субъективной модальности.

Цель настоящего исследования – установить взаимосвязь между использованием языковых и речевых средств выражения субъективной модальности и их коммуникативно-прагматической направленностью в англоязычном интервью.

Задачи исследования заключаются в определении лексико-грамматических и композиционно-стилистических средств, выражающих субъективную модальность в англоязычном интервью, а также в описании коммуникативно-прагматических функций выявленных средств.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужило интервью Принцессы Дианы М. Баширу для BBC и транслированное в эфире телеканала в 1995 году [18, 19]. Выбранное в качестве материала интервью представляет собой образец медиадискурса, сочетающий в себе черты институционального интервью и личностно окрашенного монолога.

Методология исследования состоит в использовании метода лингвистического описания с элементами стилистического, сравнительного, контекстуального и дискурсивного анализа.

Результаты и обсуждения

Интервью как жанр публичного речевого взаимодействия предполагает наряду с передачей информации выражение субъективных оценок и личностных смыслов. В особенности это характерно для автобиографических интервью, в которых коммуникант выступает в роли рассказчика и носителя собственного опыта. Классическим примером подобного интервью является беседа Принцессы Дианы с журналистом Мартином Баширом, состоявшаяся в 1995 году и транслировавшаяся в рамках программы Panorama на телеканале BBC.

Анализируемый текст отличается насыщенностью лингвистических средств, обеспечивающих экспрессивность и адресность реплик. Средства выражения субъективной модальности в интервью Дианы представлены на лексико-грамматическом и композиционно-стилистическом уровнях.

К числу основных и наиболее частотных лексических средств выражения субъективной модальности относятся эмоционально-оценочная лексика, подчёркивающая модальный фон страдания (Deer, deer profound sadness; I was very daunted; I was pretty devastated myself; I was crying out for help), борьбы (I'll fight to the end; I will fight for my children), желания (I wanted to share everything together); искренности (And I respected very much the honesty; But then I admired the honesty; when people are dying they're ... much more real than other people). Глаголы чувственного и ментального восприятия придают речи субъективность восприятия и оценки (I think we had a great deal of interest; I felt I had the support of my husband-to-be; I believe I have a role to fulfil; I suppose it could have been a relief for us both; I knew I could do it), используя в составе субъектно-предикатных синтагм с дейксисом первого лица и усиливая эффект исповедальности. Интенсификаторы (I desperately wanted it to work, I desperately loved my husband; obviously we'd both run out of steam) и прилагательные в превосходной степени (the biggest disease) акцентируют внимание на ключевых моментах нарратива.

Активное использование личных местоимений первого лица (I never know where a lens is going to be; I don't think many people will want me to be Queen; it was never at the forefront of my mind when I married my husband) подчёркивает личностный характер высказываний. В то же время противопоставление местоимений "I" и "They", имплицитно маркирующего враждебный истеблишмент, отражает конфликт личности и системы, тогда как использование местоимения "we" по отношению к общественности способствует сопричастности аудитории.

Грамматический уровень реализации субъективной модальности отличает использование модальных глаголов и их эквивалентов: I did it everywhere, and will always do that (семантика волеизъявления); I hope I can be of help there – now I can't tolerate it because it's become abusive; I knew I could do it, but I needed people to be patient – I couldn't cope with the pressures (семантика возможности/невозможности), Things could change (семантика вероятности); I had to either sink or swim; every strong woman in history has had to walk down a similar path (семантика вынужденности); It was, you know, if we are going to divorce, my husband would hold more cards than I would (семантика предположительности), I would like a monarchy that has more contact with its people (семантика предпочтения).

Формы пассивного залога выступают индикатором положения Принцессы как объекта внешнего давления со стороны семьи, медиа и общественности: I seemed to be on the front of a newspaper every single day; I wasn't given any credit for growth; I was reputed to have made 300 telephone calls; Visits abroad being blocked, ... things... being stopped; I was compelled to perform.

Таким образом, для лексического уровня реализации категории субъективной модальности характерно использование эмоционально-оценочной лексики, создающей общий модальный фон за счёт высокой частотности, глаголов чувственного и ментального восприятия, интенсификаторов, прилагательных в превос-

ходной степени, личных местоимений, в то время как грамматический уровень характеризуется употреблением модальных глаголов, их эквивалентов и форм пассивного залога.

Композиция интервью может быть охарактеризована как структурированное линейно-хронологическое повествование, построенное по принципу тематического развёртывания. Начальные блоки интервью фокусируются на внешних аспектах жизни героини – вступлении в королевскую семью, восприятии роли супруги и общественной фигуры, – в то время как последующие части освещают внутреннюю трансформацию и психоэмоциональные переживания Принцессы. Реплики М. Башира, сводящиеся, как правило, к одному вопросу, выполняют роль катализаторов развёрнутых высказываний Принцессы Уэльской.

Стилистически интервью представляет собой сочетание элементов разговорной и публичной речи. Наиболее распространёнными стилистическими приемами являются метафоры, описывающие изоляцию Принцессы в королевской семье (the fairy story that everybody wanted to work; a ton of bricks came down on me; there were three of us in this marriage); метафоры болезни (The biggest disease this world suffers from ... is the disease of people feeling unloved; It was my release valve); игры (it was very much a poker game, chess game); войны (there's no better way to dismantle a personality than to isolate it); света (to give them light in their dark tunnels).

Среди значимых для модального содержания стилистических приёмов следует отметить сравнение (people were using my bulimia as a coat on a hanger; you see yourself as a good product that sits on a shelf); лексический повтор (deep, deep, profound sadness), синтаксический повтор (I was very daunted... I was very aware... I was very confused; I was a problem. I was a liability; I know I can, I know I can); анафору (You fill your stomach up... and you bring it all up...; You'd wake up... you felt misunderstood... you felt low); антитезу (I lead from the heart, not the head).

В интервью широко представлены такие дискурсивные маркеры как well, you know, I mean, выполняющие функции поддержания контакта с адресатом, и маркеры смягчения категоричности I suppose, maybe, rather, a bit, являющиеся характерным признаком речевой вежливости. В словесной ткани интервью преобладают простые предложения (I love being with people; She won't go quietly; And I was very aware of that. But I don't want a divorce), эллиптические формы (No, not particularly; Uh, uh, very much so), интонационно маркированные повторы (It was, it was isolating; Yes I do, yes I do; Enormous relief, enormous relief) и паузы.

Перечисленные композиционно-стилистические средства анализируемого интервью – хронологическое повествование о пути личностной трансформации с использованием метафорической лексики, синтаксического и лексического повтора, использования приёмов сравнения, анафоры и антитезы, дискурсивных маркеров смягчения категоричности, простых предложений, эллиптических конструкций и просодических акцентов – служат целям речевого самораскрытия Принцессы Уэльской и формирования её имиджа от первого лица.

Выводы

Проанализировав лексико-грамматические и композиционно-стилистические средства выражения субъективной модальности в интервью Леди Дианы, можно заключить, что общий модальный фон интервью служит созданию образа искреннего и ответственного эмпатичного человека – «народной принцессы». Проанализированное интервью демонстрирует отступление от традиционной модели монархической публичности и представляет собой пример новой формы публичного женского дискурса, основанного на эмоциональной открытости и индивидуальной ответственности перед обществом.

Полученные результаты могут найти применение в рамках исследований категории модальности в аспекте дискурсивного анализа, медиаречи, когнитивной лингвистики, учитывающей взаимодействие языковых форм и речевых установок говорящего. Кроме того, полученные результаты могут быть применимы в рамках преподавания английского языка, анализа публичных выступлений, а также в практической деятельности переводчиков, занимающихся интерпретацией текстов.

Список источников

1. Афанасьева И.В. Лингво-риторические особенности англоязычного интервью: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 221с.
2. Бабич Н.Г. Президентское интервью как жанр политического дискурса и его лингвопрагматические характеристики: на материале английского и русского языков. Москва, 2015. 256с.
3. Бичарова М.М. Трансформация новостного текста: от субъективной модальности к субъективной оценочности // Евразийский филологический вестник. 2025. № 1 (9). С. 6 – 21.

4. БРЭ – Большая российская энциклопедия: энциклопедический словарь: в 30 т. / отв. ред. С.Л. Кравец. М., 2011. Т. 11. 1007с.
5. Дудкин О.С. Реализация категории эмотивности в тексте интервью: на материале английского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2014. 220 с.
6. Жигулин Д.П., Бондарева Л.М. Лингвопрагматические средства реализации стратегии апелляции к СМИ (на материале речей Д. Трампа за 2020 год) // Известия Южного федерального университета. 2025. Т. 29. № 4. С. 37 – 47.
7. Кибрик А.А. О некоторых видах знаний в модели естественного диалога // Вестник языкознания. 1991. № 1. С. 61 – 68.
8. Лавринова Н.И. Текстовая актуализация речевого поведения коммуникантов в политическом интервью: на материале современного английского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2010. 23 с.
9. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. Москва, 1990. 685с.
10. Мельникова К.А. Лингвопрагматическая нейтрализация дискриминационно маркированных языковых средств в медиадискурсе (на материале англо- и русскоязычных медиаисточников): дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2024. 224 с.
11. Михалева Д.А., Бузук Л.Г. Особенности выражения оценочности в английском интервью [Электронный ресурс] // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 11 (115). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-vyrazheniya-otsenochnosti-v-anglijskom-intervyu.html> (дата обращения: 08.10.2025)
12. Никонова Е.А. Объективная и субъективная модальность в англоязычном политическом дискурсе (на примере аналитических статей и политических эссе): дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2019. 204с.
13. Попова Т.И. Телевизионное интервью: семантический и прагматический аспекты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 40с.
14. Роот Э.В. Языковая реализация персуазивности в дискурсе интервью (на материале англоязычной прессы) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2. С. 144 – 146.
15. Сабурова Н.А. Лингвопрагматическая специфика словесного ярлыка как средства политической дискредитации объекта // Интеграция наук – 2024. Краснодар, 2024. С. 483 – 490.
16. Тертычный А.А. Жанры периодической печати: учебное пособие. Москва, 2000. 312с.
17. Щербатых Е.Ю. Конструкции оценочной семантики в текстах современных англоязычных интервью: дис. ... канд. филол. наук. Ярославль, 2016. 256 с.
18. An Interview with H.R.H. The Princess of Wales to Martin Bashir for BBC “Panorama” (video), 1995 [Электронный ресурс]. URL: <https://rutube.ru/video/83f720e699c7b28e61bb360f84051fc7/> (дата обращения: 08.10.2025)
19. An Interview with H.R.H. The Princess of Wales to Martin Bashir for BBC “Panorama” (script), 1995 [Электронный ресурс]. URL: <https://todifordaily.com/2021/03/princess-dianas-full-1995-panorama-interview/> (дата обращения: 08.10.2025)

References

1. Afanasyeva I.V. Lingvo-rhetorical Features of the English-Language Interview: Diss. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2010. 221 p.
2. Babich N.G. Presidential Interview as a Genre of Political Discourse and its Lingvopragmatic Characteristics: Based on the English and Russian Languages. Moscow, 2015. 256 p.
3. Bicharova M.M. Transformation of the News Text: From Subjective Modality to Subjective Evaluation. Eurasian Philological Bulletin. 2025. No. 1 (9). P. 6 – 21.
4. BRE – Great Russian Encyclopedia: Encyclopedic Dictionary: in 30 volumes. ed. S.L. Kravets. Moscow, 2011. Vol. 11. 1007 p.
5. Dudkin O.S. Implementation of the Category of Emotivity in the Text of an Interview: Based on the English and German Languages: Diss. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2014. 220 p.
6. Zhigulin D.P., Bondareva L.M. Lingvopragmatic Means of Implementing the Strategy of Appealing to the Media (Based on D. Trump's Speeches in 2020). Bulletin of the Southern Federal University. 2025. Vol. 29. No. 4. P. 37 – 47.
7. Kibrik A.A. On Some Types of Knowledge in the Model of Natural Dialogue. Bulletin of Linguistics. 1991. No. 1. P. 61 – 68.

8. Lavrinova N.I. Textual Actualization of Communicators' Speech Behavior in Political Interviews: Based on Contemporary English: Abstract of Cand. Sci. (Philology). St. Petersburg, 2010. 23 p.
9. LES – Linguistic Encyclopedic Dictionary. Ed. V.N. Yartseva. Moscow, 1990. 685 p.
10. Melnikova K. A. Lingvopragmatic Neutralization of Discriminatory Marked Language Means in Media Discourse (Based on English- and Russian-Language Media Sources): Cand. Sci. (Philology). Yaroslavl, 2024. 224 p.
11. Mikhaleva D.A., Buzuk L.G. Features of Expressing Evaluation in an English Interview [Electronic resource]. Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2024. No. 11 (115). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-vyrazheniya-otsenochnosti-v-anglijskom-intervyu.html> (date of access: 10.08.2025)
12. Nikonova E.A. Objective and Subjective Modality in English-Language Political Discourse (Based on Analytical Articles and Political Essays): Diss. ... Cand. Sci. (Philological Sciences). Moscow, 2019. 204 p.
13. Popova T.I. Television Interview: Semantic and Pragmatic Aspects: Abstract of Dr. Sci. (Philological Sciences) Dis. St. Petersburg, 2004. 40 p.
14. Root E.V. Linguistic Implementation of Persuasiveness in Interview Discourse (Based on the English-Language Press). Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov, 2017. No. 9 (75): in 2 parts. Part 2. P. 144 – 146.
15. Saburova N.A. Lingvopragmatic Specificity of a Verbal Label as a Means of Political Discrediting of an Object. Integration of Sciences – 2024. Krasnodar, 2024. P. 483 – 490.
16. Tertychny A.A. Genres of Periodicals: A Textbook. Moscow, 2000. 312 p.
17. Shcherbatykh E.Yu. Constructions of Evaluative Semantics in the Texts of Modern English-Language Interviews: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Yaroslavl, 2016. 256 p.
18. An Interview with H.R.H. The Princess of Wales to Martin Bashir for BBC “Panorama” (video), 1995 [Electronic resource]. URL: <https://rutube.ru/video/83f720e699c7b28e61bb360f84051fc7/> (date of access: 10.08.2025)
19. An Interview with H.R.H. The Princess of Wales to Martin Bashir for BBC “Panorama” (script), 1995 [Electronic resource]. URL: <https://todifordaily.com/2021/03/princess-dianas-full-1995-panorama-interview/> (date of access: 10.08.2025)

Информация об авторе

Караульщикова Ю.В., старший преподаватель, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0003-1222-0660>, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, ул. Блюхера, 25, karaulshchikova@sgsru.ru

© Караульщикова Ю.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'23

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-15-20

Опыт изучения образа леса в языковом сознании

¹ Басова Е.Н.,

¹ Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова

Аннотация: статья посвящена исследованию роли леса в формировании русского национального сознания и особенностях его восприятия носителями русского языка. Рассматривается понятие языкового сознания как способа отражения действительности языковыми средствами, формирующими уникальную картину мира каждого народа и определяющими национальную картину мира. Лес представлен как важнейший компонент культурной идентичности, запечатленный в фольклоре, литературе и повседневной речи. Концептуализация леса представлена как важный аспект культурного самосознания, проявляющийся в устойчивых образах и пословицах. Приведены результаты исследования, направленного на выявление ассоциативных реакций современных русскоязычных респондентов, связанных с понятием «лес». Проведен анализ ассоциативных реакций респондентов в зависимости от региона их проживания и величины населенного пункта. Результаты исследования подтверждают значительную роль природного окружения в формировании ментальности и системы ценностей русского народа, демонстрируя тесную связь человека с природой родного края.

Ключевые слова: лес, природа, культура, образ, символ, концепт, языковое сознание, языковая картина мира, ассоциация, коннотация

Для цитирования: Басова Е.Н. Опыт изучения образа леса в языковом сознании // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 15 – 20. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-15-20

Поступила в редакцию: 26 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 февраля 2025 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Experience in studying the image of the forest in the language consciousness

¹ Basova E.N.,

¹ Saint Petersburg State Forestry University named after S.M. Kirov

Abstract: the article is devoted to the study of the role of the forest in the formation of Russian national consciousness and the peculiarities of its perception by native speakers of the Russian language. The concept of linguistic consciousness is considered as a way of reflecting reality through linguistic means, which form a unique worldview for each nation and determine the national worldview. The forest is presented as an essential component of cultural identity, which is reflected in folklore, literature, and everyday speech. The article analyzes the associative reactions of respondents depending on their region of residence and the size of their locality. The results of the study confirm the significant role of the natural environment in shaping the mentality and value system of the Russian people, demonstrating the close connection between humans and the nature of their native land.

Keywords: forest, nature, culture, image, symbol, concept, linguistic consciousness, linguistic worldview, association, connotation

For citation: Basova E.N. Experience in studying the image of the forest in the language consciousness. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 15 – 20. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-15-20

The article was submitted: December 26, 2025; Approved after reviewing: February 22, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Языковое сознание – это психолингвистический термин, означающий «специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [9, с. 336]. Он устанавливает взаимосвязь сознания, как психического феномена, с языком, как лингвистическим явлением [12]. По сути, язык используется людьми для отражения того, что происходит в их сознании, для выражения внутренних переживаний и состояний [13]. Языковое сознание можно рассматривать, как лингвокультурный образ мира, отраженный в языке, и тем самым представляющий собой часть национального сознания [1, с. 40]. Оно представляет собой «языковой тезаурус носителя языка» [13], центром которого выступает жизнь человека, отраженная средствами языка. Этот центр лежит в основе языковой картины мира, служит для ориентации в окружающей действительности и сохраняется на протяжении жизни. Языковое сознание определяет специфику мышления, культурные ценности и особенности восприятия и понимания мира, а также влияет на формирование менталитета народа [1, с. 33].

Лес как пространственный объект является одним из основных компонентов языковой картины мира [6, с. 144]. В нем отражены как представления народа об окружающей среде, так и процесс познания мира.

Лес как культурный символ имеет множество значений, как присущих определенной исторической эпохе, так и относящихся к той или иной культуре. Как символ он воплощает некую реальность, выраженную с помощью конкретного знака, представляет собой наиболее емкий и содержательный способ выражения культурных смыслов [4, с. 60]. В нем воплощены ключевые ценности культуры на определенном историческом этапе.

Концепт «лес» выступает особой частью концептосферы большинства народов и противопоставляется концепту «дом». Чаще всего лес представляет собой то место, населенное растениями, животными, а также мистическими существами, не подвластными человеку, что делает их потенциально опасными: человек не знает, чего от них можно ожидать и можно ли ими управлять (тогда как «дом» олицетворяет свое, безопасное, привычное).

Исторически лес – это место инициации, населенное сверхъестественными сущностями, в котором можно найти как помощь и ответы на сакральные вопросы, так и погибель; как спрятаться, так и заблудиться [8]. Для благополучного выхода из леса необходимо соблюдать ряд определенных правил поведения, аутентичных для каждой культуры. Чаще всего они отражают правила этикета и представления о добре и зле, принятые в той или иной культуре. Образ леса выступает, как символизация некоего пространства, в котором герой проходит испытания [8, с. 45].

К.З. Островская указывает, что в наивной сакральной картине мира концепт «лес» всегда связывается с определенными вербальными формулами (например, «избушка-избушка, встань к лесу задом, ко мне пере-дом») и сопровождается различными эпитетами в значениях «пугающий», «подавляющий» [7, с. 4].

Материалы и методы исследований

Исследование представлений о лесе в языковом сознании позволяет выявить уникальные черты национальной культуры.

Из-за природно-географических условий России лес всегда оказывал большое влияние на русское национальное сознание. О.Н. Старостина указывает, что особая сакральная связь с лесом является отличительной особенностью русского этноса, лежит в основе формирования ценностей национального сознания и включена в русскую систему традиционных духовных ценностей, что проявляется в русском сознании даже в современном мире [11, с. 224-226].

Процесс концептуализации этого понятия является антропоцентричным и связан с двояким восприятием леса древними славянами. С одной стороны, лес – это источник различных благ: еды, лекарственных средств, дров и т.п. А с другой стороны, он рассматривается, как враждебное, чуждое начало, которое противопоставляется «своему», уже освоенному человеком [6, с. 146]. В лесу всегда много опасностей и трудностей, он наполнен враждебными существами [10, с. 32]. Кроме того, русский крестьянин был вынужден в буквальном смысле отвоевывать у леса пахотные земли. То есть, в исходном, архаичном сознании лес часто враждебен и чужд человеку, в нем находится все непознанное, непонятное, чужое и из-за этого страшное. При этом он может служить и убежищем, на что указывает Г.А. Соколова [10, с. 32].

О.Н. Старостина обращает внимание, что в сборниках пословиц В.И. Даля и В.П. Аникина более трети всех пословиц о лесе имеют негативные коннотации, тогда как позитивным значением он наделяется толь-

ко в 10-16% случаев [11, с. 226]. Положительное отношение к лесу отражает его незаменимость в хозяйственной жизни человека (как источника тепла, пищи, стройматериалов и пр.). В них лес выступает, как элемент мироздания, данный человеку Богом для удовлетворения потребностей. Также некоторое количество пословиц отражает эстетическое отношение к лесу.

В современном сознании образ леса как враждебной силы утратил свою актуальность, при этом архаичные формы сознания сохранились в таких фразеологизмах, как «дремучий лес», «темный лес», «как в лесу», несущих негативные коннотации, связанные с переживанием запутанности растерянности, незнания и т.п. Но восприятие природы как живого организма сохранилось [11, с. 225].

Лес в сознании русского человека является основной формой проявления Природы, то есть, того, что традиционно противопоставляется Культуре. В этом отношении образ леса включает в себя различные типы отношения к Чужому, чуждому человеку, тому, что находится за пределами его безопасной жизни. С другой стороны, лес – это не только форма проявления природы, но и те смыслы и символические значения, которыми его наделяет человек, как носитель определенной культуры [5, с. 174-175].

В русском национальном сознании заложена способность видеть в будничности и повседневности прекрасное, возвышенное и величественное [5, с. 176]. Устойчивое словосочетание «лес – легкие планеты», использованное Л. Леоновым в романе «Русский лес» и вошедшее в широкий обиход в русской языковой среде, отсутствует в других культурах, где отношение к лесу скорее узкоутилитарное или эстетическое [5, с. 176]. Также для русского сознания характерно очеловечивание деревьев, придание им определенного, характерного только для России, смысла [5, с. 177]. Сам процесс концептуализации понятия «лес» антропоцентричен [6, с. 143].

В.Л. Кургузов высказывает гипотезу о том, «что образы леса какими-то неведомыми путями влияют на характер и менталитет народов» [5, с. 178].

Т.А. Демешкина и М.А. Толстова, анализируя концепт «лес», указывают, что в него входят такие элементы, как «тип растительности», «источник древесины, ягод, грибов, технического сырья», «среда обитания животных», «фактор устойчивости биосферы» [3, с. 63].

О.В. Бутерина, рассматривая концепт «лес» в структуре обыденного сознания, выделяет в нем 5 основных элементов [2]:

Лес, как часть ландшафта (место, где рубят деревья; пространство, обеспечивающее удовлетворение потребностей (в дровах и пище); охраняемое пространство) (1).

Лес, как обитаемое пространство (лесные звери и птицы; люди (народы и/или деклассированные элементы), живущие в лесу; лесные сакральные сверхъестественные силы) (2).

Лес, как живое существо (3); лес, как неизвестность (4); лес, как множество (5).

На основе рассмотренных представлений о лесе, как неотъемлемом элементе русского языкового сознания, было проведено исследование образа леса с помощью метода вербальных ассоциаций, в котором респондентам предлагалось написать слова, которые первыми приходят на ум при прочтении слова «лес». Также респондентов просили указать, в каком регионе они выросли и в каком населенном пункте (мегаполисе, городе, поселке) прошло их детство.

Опрос проводился анонимно с помощью яндекс-форм.

Были выдвинуты гипотезы о том, что существуют различия в восприятии леса людьми, выросшими и сформировавшимися как личность в разных регионах и в разных населенных пунктах.

В исследовании анализируются ответы 46 респондентов: 13 мужчин, 33 женщин. Возраст: 17-20 лет – 36 человек, 21 год и старше – 10 человек.

Распределение выборки по регионам (федеральным округам):

Северо-Западный федеральный округ – 18 человек,

Сибирский – 9 человек,

Приволжский – 8 человек,

Уральский – 4 человека,

Центральный – 3 человека,

Южный и Дальневосточный – по 2 человека,

Северо-Кавказский федеральный округ не представлен.

В ходе дальнейшего анализа рассматривались 3 укрупненные группы регионов:

Северо-Запад (18 чел.),

«Сибирь» (15 чел., включает в себя Сибирь, Урал и Дальний Восток),

«Центр» (13 чел., включает в себя Центральную и Южную Россию и Поволжье).

По численности населения в родном городе респондентов выборка распределилась следующим образом:

Города с населением от 250 тысяч человек и выше – 12 респондентов,
Города с населением от 50 до 250 тысяч человек – 18 человек,
Населенные пункты с населением до 50 тысяч человек – 16 человек.

Результаты и обсуждения

Общая характеристика ответов:

Большая часть ответов представляет собой перечни ассоциаций (в основном отдельных слов (в подавляющем большинстве – имен существительных), реже словосочетаний). 4 ответа из 46 ответов представляют собой развернутые предложения.

Количество ассоциаций у респондентов колеблется от 1 до 14. Общее количество ассоциаций – 205. Из них 137 связаны с образами природы (флора, фауна, явления природы и пр.), 68 отражают психологические состояния или социальные и культурные характеристики (спокойствие, тишина, душа, отдых, красота, гармония, храм, дзен и пр.).

Важно отметить, что ассоциации в основном либо нейтральные (описательные), либо связаны с положительными образами и состояниями. Негативно окрашенных ассоциаций крайне мало (дважды встречается ассоциация «пожар», по одному разу – мрачность, грязь и изнасилование). Таким образом, в целом для респондентов лес либо имеет положительную окраску, либо не вызывает никаких оценочных образов. Если принять точку зрения Е.В. Наумовой о том, что коннотации формируются под влиянием коллективной оценки понятия внутри этноса [6, с. 145], можно говорить о положительном образе леса в современном русском сознании. Это подтверждает ранее упоминавшийся тезис О.Н. Старостиной о том, что в современном сознании архаичное восприятие леса как враждебной силы в основном утратило свою актуальность.

Самым распространенным вариантом ответа является «дерево»/«деревья» (его дали 20 из 46 человек), что совпадает с определениями «леса», приводимыми в толковых словарях [6, с. 144-145], где лес рассматривается прежде всего, как пространство, (обильно) заросшее большим количеством деревьев, кроны которых могут соприкасаться. В целом «дерево» – символ взаимосвязи жизни и вселенной [10, с. 33]. Дерево традиционно наделяется чудесной силой: оно может защитить, исцелить, помочь и пр. Разные деревья имеют различное символическое значение. В опросе некоторые респонденты указывали не «дерево» вообще, а называли конкретные виды или элементы деревьев: елка (3 человека), береза (2 человека), дуб и сосна (по 1 человеку); шишки (3 человека), хвоя (2 человека), ветки, побеги (по 1 человеку), пень (пенёк) (4 человека).

Вторым наиболее частым вариантом ответа стало слово «природа» (11 человек), отражающее соотношение «часть-целое», где лес рассматривается, как часть биосферы.

Третий вариант – «грибы» (10 человек) может отражать утилитарное отношение респондентов к лесу, как к источнику пищи. Некоторые опрошенные указали конкретные сорта грибов: подосиновик, мухомор и лисички (по 1 человеку). Интересно при этом, что вариант ответа «ягоды» указали всего 6 человек, причем в отличие от деревьев и грибов, этот вариант ответа никем не был конкретизирован.

Для дальнейшего анализа весь массив ответов был разделен на две большие категории: «природа» и «не-природа». В первую категорию вошли слова, обозначающие явления природы, растения, животных и т.п. Во вторую были включены состояния души, характеристики бытия и сознания, которые указывали респонденты, такие как «гармония», «тишина», «покой», «спокойствие», «отдых» и пр. Всего «природных» ассоциаций оказалось 143, «не-природных» – 70. Такое распределение ответов может говорить о том, что лес в современном сознании в первую очередь воспринимается как часть природы и не имеет дополнительных ассоциаций.

Для проверки выдвинутых гипотез были рассмотрены ответы респондентов по группам.

В зависимости от региона проживания наибольшее количество ответов было дано жителями Северо-Запада (46%). При этом жители центральной части России чаще остальных (в 79% случаев) описывали лес, как природное явление, а наибольшее количество ассоциаций, описывающих лес как место отдыха и расслабления было дано жителями Северо-Запада (40%).

При разделении выборки в зависимости от величины населенного пункта меньше ответов было дано жителями крупных городов (20%), а жители небольших городов и поселков дали примерно одинаковое количество ответов (40 и 39% соответственно). Все жители городов чаще описывают лес, как природный объект (71% в крупных городах, 73% – в небольших), а жители небольших населенных пунктов чаще отмечают рекреационные характеристики леса (39%).

Выводы

Можно предположить, что гипотеза о том, что восприятие леса связано с регионом проживания и величиной населенного пункта подтвердилась, но требует подкрепления методами математической статистики.

Результаты показали, что в русском языковом сознании лес в большей степени воспринимается, как природный объект. На его «не-природные» характеристики, такие, как покой, тишина, красота, чаще обращают внимание жители Северо-Западного региона и небольших населенных пунктов.

Список источников

1. Абильдинова Ж.Б. Языковое сознание как психолингвистический феномен // Неофилология. 2018. № 14. С. 31 – 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie-kak-psiholingvisticheskiy-fenomen> (дата обращения: 07.10.2025)
2. Бутерина О.В. Фреймовая структура концепта ЛЕС, отраженная в текстах филологических словарей русской лингвокультуры // Молодой ученый. 2011. № 1 (24). С. 126 – 128. URL: <https://moluch.ru/archive/24/2562> (дата обращения: 07.10.2025)
3. Демешкина Т.А., Толстова М.А. Репрезентация концепта «лес» (на материале диалектной речи) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 65. С. 60 – 76. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1971/files/65-060.pdf> (дата обращения: 07.10.2025)
4. Камалов Р.М. Лес как символ и мифопоэтический образ // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012 № 4 (18): в 2-х ч. Ч. I. С. 60 – 64. URL: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/17.html (дата обращения: 07.10.2025)
5. Кургузов В.Л. Культурные смыслы образа русского леса как плод символического воображения // Культура и цивилизация. 2016. № 2. С. 172 – 187. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26460364> (дата обращения: 07.10.2025)
6. Наумова Е.В. Особенности концептуализации природного объекта "лес" в русском языке (на материале толковых словарей) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 4(70): в 2-х ч. Ч. I. С. 143 – 147. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/41.html (дата обращения: 07.10.2025)
7. Островская К. З. Концепт лес в народной волшебной сказке как экспликация надбытийности сакрального // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 8 (122). [Электронный ресурс]. URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.58> (дата обращения: 07.10.2025)
8. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Лен. ун-та, 1986. 370 с.
9. Ремизова С.В. Соотношение языкового и иноязычного сознания // Психологический вестник Уральского государственного университета / Уральский государственный университет им. А.М. Горького. Том Вып. 7. Екатеринбург: Уральский государственный университет им. А.М. Горького. 2009. С. 335 – 346. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49469312> (дата обращения: 07.10.2025)
10. Соколова Г.А. Восприятие леса в сказочном мире // Russian Linguistic Bulletin. 2021. № 4 (28). С. 32 – 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatие-lesa-v-skazochnom-mire> (дата обращения: 07.10.2025)
11. Старостина О.Н. Социокультурный феномен леса в традиционном и современном экосознании // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2007. № 32. С. 223 – 226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-fenomen-lesa-v-traditsionnom-i-sovremennom-ekosoznanii> (дата обращения: 07.10.2025)
12. Ушакова Т.Н. Понятие языкового сознания и структура рече-мысле-языковой системы // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты // Сб. под ред. Н.В. Уфимцевой. М.-Барнаул. 2004. С. 6 – 17. URL: http://creativity.ipras.ru/texts/ushakova_yazykovoe_sozn.pdf (дата обращения: 07.10.2025)
13. Ушакова Т.Н. Языковое сознание и принципы его исследования. [Электронный ресурс]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html#ref1 (дата обращения: 07.10.2025)

References

1. Abildinova Zh.B. Linguistic consciousness as a psycholinguistic phenomenon. Neofilologiya. 2018. No. 14. P. 31 – 43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovoe-soznanie-kak-psiholingvisticheskiy-fenomen> (date of access: 07.10.2025)
2. Buterina O.V. Frame structure of the concept FOREST, reflected in the texts of philological dictionaries of Russian linguoculture. Young scientist. 2011. No. 1 (24). P. 126 – 128. URL: <https://moluch.ru/archive/24/2562> (date of access: 07.10.2025)

3. Demeshkina T.A., Tolstova M.A. Representation of the concept "forest" (based on dialectal speech). Bulletin of Tomsk State University. Philology. 2020. No. 65. P. 60 – 76. URL: <https://journals.tsu.ru/uploads/import/1971/files/65-060.pdf> (date of access: 07.10.2025)
4. Kamalov R.M. Forest as a symbol and mythopoetic image. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Theoretical and practical issues. Tambov: Gramota, 2012, No. 4 (18): in 2 parts. Part I. P. 60 – 64. Available at: www.gramota.net/materials/3/2012/4-1/17.html (date of access: 07.10.2025)
5. Kurguzov V.L. Cultural meanings of the image of the Russian forest as a figment of symbolic imagination. Culture and Civilization. 2016. No. 2. P. 172 – 187. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26460364> (date of access: 07.10.2025)
6. Naumova E.V. Features of the conceptualization of the natural object "forest" in the Russian language (based on explanatory dictionaries). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. Tambov: Gramota, 2017. No. 4 (70): in 2 parts. Part 1. P. 143 – 147. URL: www.gramota.net/materials/2/2017/4-1/41.html (date of access: 07.10.2025)
7. Ostrovskaya K. Z. The concept of the forest in a folk fairy tale as an explication of the supra-existence of the sacred. International Research Journal. 2022. No. 8 (122). [Electronic resource]. URL: <https://research-journal.org/archive/8-122-2022-august/10.23670/IRJ.2022.122.58> (date of access: 07.10.2025)
8. Propp V.Ya. Historical roots of the fairy tale. L.: Leningrad University Publishing House, 1986. 370 p.
9. Remizova S.V. The relationship between linguistic and foreign-language consciousness. Psychological Bulletin of the Ural State University. Ural State University named after A.M. Gorky. Vol. Iss. 7. Yekaterinburg: Ural State University named after A.M. Gorky. 2009. P. 335 – 346. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49469312> (date of access: 07.10.2025)
10. Sokolova G.A. Perception of the Forest in the Fairytale World. Russian Linguistic Bulletin. 2021. No. 4 (28). P. 32 – 34. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-lesa-v-skazochnom-mire> (date of access: 07.10.2025)
11. Starostina O.N. The Sociocultural Phenomenon of the Forest in Traditional and Modern Eco-Awareness. Bulletin of the A.I. Herzen State Pedagogical Univ. 2007. No. 32. P. 223 – 226. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsiokulturnyy-fenomen-lesa-v-traditsionnom-i-sovremennom-ekozoznanii> (date of access: 07.10.2025)
12. Ushakova T.N. The Concept of Linguistic Consciousness and the Structure of the Speech-Thought-Language System. Linguistic Consciousness: Theoretical and Applied Aspects. Collection edited by N.V. Ufimtseva. Moscow-Barnaul. 2004. P. 6 – 17. URL: http://creativity.ipras.ru/texts/ushakova_yazykovoe_sozn.pdf (accessed: 07.10.2025)
13. Ushakova T.N. Linguistic Consciousness and the Principles of Its Research. [Electronic resource]. URL: https://iling-ran.ru/library/psylingva/sborniki/Book2000/html_204/1-2.html#ref1 (date of access: 07.10.2025)

Информация об авторе

Басова Е.Н., старший преподаватель, SPIN-код 3237-4355, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет имени С.М. Кирова, e.n@inbox.ru

© Басова Е.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-21-26

Некатегоричное речевое поведение в проповедническом дискурсе: прагматические функции

¹ Сахарова Е.Е., ¹ Багдасарян Т.М.,

¹ Донской государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена изучению некатегоричных высказываний в дискурсе русскоязычной храмовой проповеди. Цель исследования заключается в выявлении прагматической специфики некатегоричных высказываний в речевом поведении проповедников. В работе рассматриваются равноуровневые языковые средства репрезентации некатегоричности; при помощи метода модифицированного контент-анализа изучается речевое поведение проповедников по критерию категоричности/некатегоричности; выявляются прагматические смыслы некатегоричных высказываний, реализуемые в проповедническом дискурсе. В ходе исследования установлено, что некатегоричные высказывания имеют существенное значение для проповеди: некатегоричность выступает доминирующей линией речевого поведения проповедников. Выявлено, что некатегоричные высказывания в проповедническом дискурсе выполняют множество прагматических функций, в зависимости от интенций религиозного оратора и ситуативного контекста: установление и поддержание контакта с аудиторией; смягчение негативной оценки; проявление солидарности с аудиторией; призыв к совместным действиям; молитвенные прошения и благопожеланий; апелляция к авторитетным источникам; выражение личного мнения. Использование в проповеди некатегоричных высказываний направлено, прежде всего, на организацию благоприятных условий общения, установление атмосферы сотрудничества и оказание эффективного воздействия на целевую аудиторию. Результаты исследования могут быть полезны в практике публичных выступлений, при разработке рекомендаций для ведения эффективной коммуникации, а также при создании учебных курсов по прикладной лингвистике, прагмалингвистике, риторике, культуре речи.

Ключевые слова: категория категоричности/некатегоричности, некатегоричное высказывание, категоричное высказывание, речевое поведение, проповеднический дискурс, проповедь

Для цитирования: Сахарова Е.Е., Багдасарян Т.М. Некатегоричное речевое поведение в проповедническом дискурсе: прагматические функции // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 21 – 26. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-21-26

Поступила в редакцию: 27 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Non-categorical speech behavior in preaching discourse: pragmatic functions

¹ Sakharova E.E., ¹ Bagdasaryan T.M.,

¹ Don State Technical University

Abstract: the article is devoted to the study of non-categorical statements in the discourse of the Russian church sermon. The purpose of the study is to identify the pragmatic specifics of non-categorical statements in the speech behavior of preachers. The work examines the multilevel linguistic means of representing non-categoricity; using the method of modified content analysis, the verbal behavior of preachers is studied according to the criterion of categoricity/non-categoricity; the pragmatic meanings of non-categorical statements realized in the preaching discourse are revealed. The study found that non-categorical statements are essential for preaching: non-categoricity is the dominant line of speech behavior of preachers. It has been revealed that non-categorical statements in preaching discourse perform many pragmatic functions, depending on the intentions of the religious speaker and the situational context: establishing and maintaining contact with the audience; mitigation of negative assessment; showing solidarity with the audience; calling for joint action; prayer petitions and well-wishes; an appeal to

reputable sources; expressing a subjective opinion. The use of non-categorical statements in preaching is primarily aimed at creating favorable conditions for communication, establishing an atmosphere of cooperation and exerting effective influence on the target audience. The results of the research can be useful in the practice of public speaking, in developing recommendations for effective communication, as well as in training courses in applied linguistics, pragmalinguistics, rhetoric, and speech culture.

Keywords: category of categoricity/non-categoricity, non-categorical statement, categorical statement, speech behavior, preaching discourse, sermon

For citation: Sakharova E.E., Bagdasaryan T.M. Non-categorical speech behavior in preaching discourse: pragmatic functions. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 21 – 26. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-21-26

The article was submitted: December 27, 2025; Approved after reviewing: February 24, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

К проблемам речевого поведения отправителя сообщения не ослабевает научный интерес лингвистов, и это не удивительно, поскольку речевое поведение, с одной стороны, – это «зеркало», в котором отражается сам говорящий, его цели, намерения, личностные особенности, привычки, а, с другой, – это вербальный способ воздействия на окружающих, создающий определенный прагматический эффект. С точки зрения прагматики, актуальным является анализ языковых средств, которые использует отправитель сообщения для достижения своих целей и оказания необходимого влияния на получателя сообщения. Одним из таких средств выступает некатегоричное высказывание.

В лингвистике понятие некатегоричности рассматривается в рамках коммуникативной категории категоричности/некатегоричности высказывания. Исследователи относят данную категорию к универсальным и определяют как семантико-прагматическую, поскольку она связана не только со значением языковых знаков, но также с выбором этих знаков отправителем сообщения и восприятием их адресатом в конкретных условиях общения [7]. Бинарная сущность категории проявляется в том, что категоричные (прямые) высказывания трактуются как безусловные, окончательные, решительные и характеризуют уверенное речевое поведение говорящего, в то время как некатегоричные (косвенные) высказывания воспринимаются как осторожные, не окончательные и могут демонстрировать неуверенное речевое поведение.

В этой связи некатегоричность исследуется в самых разных аспектах: как особенность диалогической речи [4], как стилевая черта научного дискурса [11; 12], как стратегия общения и диагностический маркер речевого поведения [8; 9]. Актуализация некатегоричности изучается также сквозь призму гендерных характеристик [1] и лингвокультурных различий [2; 4; 14], в связи с категорией вежливости [6].

Цель данной статьи – проанализировать прагматическую специфику некатегоричного высказывания в дискурсе храмовой проповеди. Для достижения цели в работе рассматриваются разноуровневые языковые средства репрезентации некатегоричности, осуществляется прагмалингвистический анализ речевого поведения проповедников, приводится статистика употребления ими маркеров некатегоричности, выявляются прагматические функции некатегоричных высказываний в проповедническом дискурсе.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении и систематизации прагматических функций некатегоричного высказывания на материале русскоязычных православных проповедей.

Практическое значение проведенного исследования видится в том, что основные результаты и выводы могут быть использованы в практике публичных выступлений, при разработке рекомендаций для ведения эффективной коммуникации, в том числе, позволяющих избежать конфликтных моментов в общении, а также при разработке учебных курсов по прикладной лингвистике, прагмалингвистике, речевому воздействию, риторике, культуре речи.

Материалы и методы исследований

Исследование выполнено в русле антропоцентрической парадигмы и коммуникативного подхода к языку, согласно которому коммуниканты рассматриваются как равноценные участники общения, действующие в соответствии со своей коммуникативной ролью и социальным статусом; в аспекте прагмалингвистики – интегративной научной дисциплины, изучающей речевое поведение отправителя сообщения с точки зрения воздействия на получателя.

В работе применялись общенаучные методы наблюдения, классификации, обобщения, интерпретации, а также частные методы функционального и прагмалингвистического описания, контекстуальный анализ;

для изучения речевого поведения использовался модифицированный контент-анализ по методике, разработанной Матвеевой Г.Г. [8, с. 97-131] в рамках направления скрытой прагмалингвистики, а также количественные методы (количественный и статистический).

Материалом исследования послужили тексты проповедей русскоязычных православных священников Иоанна Крестьянкина, Антония Сурожского, Иоанна Снычева, выдающихся деятелей Русской православной церкви, широко известных и почитаемых религиозных ораторов, чьи проповеди признаются образцовыми. Тематика проповедей, отобранных для анализа, связана с датами церковного календаря. Тексты подбирались из печатных источников. Всего было проанализировано 27 проповедей, в том числе методом контент-анализа – 2979 малых синтаксических групп.

Методика прагмалингвистического анализа речевого поведения заключалась в следующем: тексты проповедей были поделены на малые синтаксические группы (МСГ), соответствующие речевому поступку говорящего. В качестве МСГ на синтаксическом уровне выделялись простые предложения, обращения, вводные слова и конструкции, придаточные предложения, причастные и деепричастные обороты. Анализ проводился по критерию категоричности/некатегоричности с подсчетом частоты употребления речевых маркеров указанных семантических планов.

Результаты и обсуждения

Исследователи единодушно отмечают, что использование некатегоричных высказываний в речевом поведении согласуется с коммуникативными принципами кооперации [3] и вежливости [16]. Эти принципы лежат в основе законов успешного и эффективного взаимодействия коммуникантов. Проиллюстрируем действие этих принципов на примере, часто обсуждаемом в социальных сетях. Наверняка, многие замечали, что фраза, сказанная одним из пассажиров в общественном транспорте, «Передайте за проезд!» вызывает раздражение, а иногда и возмущение у других, поскольку она расценивается как слишком категоричное требование, и даже агрессивное действие. Эта же фраза, но со словами «Пожалуйста» или «Будьте добры» воспринимается пассажирами как вежливая просьба и обычно выполняется без лишних рассуждений. Это можно объяснить тем, что во втором случае фраза содержит этикетные сигналы вежливости, которые направлены на сохранение лица и статуса адресата в ситуации просьбы. Такой прием снижает степень категоричности императивного высказывания и помогает добиться цели, которую ставит отправитель сообщения.

Подобные сигналы некатегоричности в речевом поведении говорящего демонстрируют его внимание и стремление сотрудничать с адресатом. Фигура адресата в прагмалингвистике признается ключевой, поскольку учет фактора получателя (возрастные, психологические, социальные, культурные особенности и т.п.) оказывает решающее влияние на выбор говорящим коммуникативной стратегии, линии речевого поведения и соответствующих языковых единиц для оказания наиболее эффективного воздействия [15]. Именно поэтому кооперативное речевое поведение, ориентированное на собеседника, характеризуется использованием некатегоричных высказываний.

Интерес представляет исследование некатегоричности в различных дискурсивных практиках, в частности, в проповедническом дискурсе. Проповедь – это фундаментальный жанр религиозной коммуникации, традиционный способ передачи учения веры. Храмовая проповедь разъясняет основы и правила верования, обличает греховное поведение, содержит назидания, поучения, наставления верующим. Назидательный характер проповеди предполагает, на первый взгляд, императивную, категоричную форму выражения. Однако наш анализ показывает, что проповедники часто прибегают к некатегоричным высказываниям.

Некатегоричность в речи эксплицируется, как правило, выбором лексических единиц, выражающих условность, желательность, сомнение, неточность, приблизительность, неопределенность, гипотетичность, а также форм инклюзивного императива, глаголов в сослагательном наклонении, прошедшем времени [8; 9]. К речевым маркерам некатегоричности в речевом поведении проповедников отнесем также ссылки на авторитетные источники, цитаты, обращения, инклюзивное местоимение «мы» и его словоформы, вопросы, этикетные формулы благодарности, приветствия, поздравления, пожелания.

Проведенный прагмалингвистический анализ текстов храмовых проповедей показал, что в стереотипном речевом поведении проповедников некатегоричные высказывания актуализируются чаще, чем категоричные: средние показатели составили 58% и 42% соответственно. Предпочтительный выбор проповедниками некатегоричных высказываний обусловлен, на наш взгляд, рядом дискурсивных факторов: во-первых, устной формой проповеди как публичной речи, во-вторых, обращенностью к целевому множественному адресату, т.е. к верующим людям, в-третьих, спецификой взаимодействия людей в религиозной сфере, включая нормы и правила поведения.

Следующий этап нашего исследования заключался в выявлении прагматической специфики некатегоричных высказываний в проповедническом дискурсе. Анализ показал, что некатегоричные высказывания в проповеди выполняют целый ряд прагматических функций. Далее рассмотрим их подробнее.

1. Установление контакта с аудиторией, создание благоприятных условий общения

Как правило, священники для этого используют непосредственно обращения к верующим. В начале проповеди обращения сигнализируют о смене действия, речевого жанра и коммуникативных ролей священника и прихожан в рамках богослужебного ритуала, вектор которого был направлен от людей к Богу. Обращаясь с проповедью непосредственно к прихожанам, священник меняет вектор взаимодействия – теперь общение строится от Бога через проповедника к людям. В ситуации проповеди «право на речь» принадлежит исключительно священнику, поэтому он при помощи обращений вовлекает слушателей в коммуникацию. В проповедях Иоанна Крестьянкина находим такие примеры: *«Возлюбленные братья и сестры!»*, *«Дорогие мои»*, *«Други мои»*. Обращения здесь эмоционально окрашены, подчеркивают дружелюбный характер общения, позитивный настрой на адресата, снижая тем самым степень официальности и категоричности и устраняя статусное неравенство коммуникантов в ситуации проповеди.

2. Поддержание связи со слушателями, диалогичность

На протяжении всей речи проповедники многократно напрямую обращаются к прихожанам, чтобы поддерживать контакт со своей аудиторией. Для этой же цели в проповеди используются и другие средства и приемы, снижающие степень категоричности высказывания. Прежде всего, это вопросительные предложения, например, риторические вопросы: *«Разве это не диво? ... Разве это не радость?»* (Антоний Сурожский). Или вопросы к аудитории, ответы на которые дает сам священник: *«Что же такое сердечное безмолвие?»* (Иоанн Снычев). Такие вопросы имитируют диалогическое общение, помогают удерживать внимание слушателей на теме проповеди, побуждают их обдумать услышанное, следовать за ходом мысли проповедника.

3. Смягчение негативной оценки

Для этого используются разные языковые средства, такие как модальные актуализаторы со значением возможности, желательности, предположительности, неточности, например: *«... обиды, которые мы, быть может, нанесли кому-то...»* (Иоанн Крестьянкин). Такие речевые маркеры демонстрируют не столько неуверенность церковного оратора, сколько его стремление быть тактичным, осторожным в высказываниях, желание не обидеть и не осудить слушателей.

4. Солидаризация с аудиторией

Еще одним средством снижения категоричности в речевом поведении проповедников выступает выражение солидарности со слушателем. Данная функция вербализуется в речи проповедников через инклюзивное местоимение «мы» и его словоформы. Например: *«В нас зарождается искренняя молитва – дыхание нашей души»* (Иоанн Крестьянкин). Проповедник не противопоставляет себя слушателям, но демонстрирует, что он такой же, как они, что он с ними вместе. Тем самым создается эффект единения священника и верующих, их единства в целях, ценностях и устремлениях. Инклюзивное «мы» позволяет снизить категоричность высказывания, устранить эмоциональное напряжение аудитории и, следовательно, становится мощным средством убеждения [5; 13].

5. Призыв к совместному действию

Данная прагматическая функция некатегоричного высказывания осуществляется в проповеди при помощи инклюзивного императива: *«Укрепимся же в добродетели и твердою поступью восшествуем спасительным путем»* (Иоанн Снычев); *«Проявим же эту любовь к каждому отдельному человеку ...»* (Антоний Сурожский). Смягчение императивного высказывания достигается тем, что призыв к действию относится в равной мере к слушателям и к проповеднику, что подчеркивает их равенство перед Богом и единство в вере.

6. Выражение пожелания, молитвенные прошения

В каждой проповеди, чаще всего в ее завершающей части, священник обращается к прихожанам с благопожеланиями и напутствиями, например: *«Пусть Господь среди нас пребудет вовек»* (Антоний Сурожский) или *«Да укрепит нас Крест Господень в добром навыке ...»* (Иоанн Снычев). Модальность пожелания имеет смысловой оттенок некатегоричности. Кроме того, в подобных высказываниях содержатся, как правило, формы инклюзивного местоимения «мы», которые объединяют проповедника с верующими, повышают доверие к нему.

7. Аппеляция к авторитетному источнику, экспертному мнению

В силу того, что проповедь представляет собой слово священника по поводу слова Бога [10], она обладает высокой интертекстуальной плотностью. Проповедники часто цитируют Библию, ссылаются на почи-

таемых религиозных деятелей. Например: «*Иоанн Златоустый говорит: не бывайте ни в чем должны друг другу, кроме как в одном – в любви, ...*» (Антоний Сурожский). Ссылка на авторитетный источник дает возможность священнику разделить с ним ответственность за сказанное, что снижает категоричность высказывания. Одновременно апелляция к экспертному мнению работает на повышение убедительности речи [13, с. 19].

8. Фокус на субъективном мнении говорящего

Несмотря на то, что в проповеди священники, как правило, излагают и основы религиозного учения, разъясняют нормы и правила христианской жизни, они также могут выражать свою точку зрения на ту или иную проблему, ситуацию. Например: «*Мне кажется, что мы друг друга полюбили с первой встречи в нашем храме*» (Антоний Сурожский). Так, в высказывании Антония Сурожского обозначение собственного мнения демонстрирует некатегоричность его речевого поведения: религиозный оратор старается не нарушать личных границ слушателей и не навязывать свою оценку.

Как показывает анализ, некатегоричные высказывания в проповедническом дискурсе обладают широким спектром прагматических смыслов. Их разнообразие обусловлено экстралингвистическими условиями, в которых разворачивается проповедь: целями и интенциями священника, особенностями религиозной сферы коммуникации, спецификой целевой аудитории, ситуативными факторами общения.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что в проповедническом дискурсе некатегоричность выступает доминирующей линией речевого поведения проповедников, которое характеризуется осторожностью, толерантностью, рассудительностью, позитивной настроенностью на слушателя.

Некатегоричные высказывания в речевом поведении проповедников выполняют множество прагматических функций, которые обусловлены ситуативным контекстом и актуализируются в зависимости от интенций религиозного оратора: установление и поддержание контакта с аудиторией; выражение осторожности и тактичности, смягчение давления на слушателей; солидаризация с аудиторией и призыв к совместным действиям; молитвенные прошения и благопожелания; апелляция к авторитетным источникам; выражение собственного мнения. Использование в проповеди некатегоричных высказываний направлено, прежде всего, на установление благоприятных условий общения, создание атмосферы сотрудничества, что делает их в устах умелого религиозного оратора эффективным инструментом воздействия на целевую аудиторию.

Список источников

1. Андреева Е.Г. Язык и культура: категоричность высказывания как отражение социокультурных норм в языковых моделях // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2008. № 1. С. 242 – 251.
2. Блох М.Я., Зиброва А.А. Проблема некатегоричного высказывания // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 11 (29). Ч. 2. С. 39 – 44.
3. Грайс Г.П. Логика речевого общения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. Москва: Прогресс, 1985. С. 217 – 238.
4. Гущина Г.И. Актуализация категории категоричности / некатегоричности высказывания в языковой картине мира // Современная филология: материалы междунар. заоч. науч. конф. Уфа: Лето, 2011. С. 154 – 157.
5. Крапивкина О.А. Прагматический потенциал местоимения *мы* в юридических дискурсивных практиках // Вестн. Сев. (Арктич.) ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2018. № 3. С. 90 – 98.
6. Малышкин К.Ю. К вопросу о взаимосвязи вежливости и некатегоричности // Гуманитарные исследования. 2013. № 1. С. 85 – 87.
7. Малышкин К.Ю. Семантико-прагматический подход к изучению категоричности высказывания // Омский научный вестник. Филологические науки. 2013. № 4 (121). С. 121 – 123.
8. Матвеева Г.Г. Основы прагмалингвистики. Москва: ИНФРА-М, 2022. 205 с.
9. Матвеева Г.Г., Сахарова Е.Е. Прагмалингвистический потенциал проповеднического дискурса // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 88 – 92.
10. Мечковская Н.Б. Язык и религия. Москва: Агентство «ФАИР». 1998. 352 с.
11. Милянчук Н.С. Внутренняя дифференциация системы средств выражения некатегоричности высказывания в научном стиле современного русского языка // Вестник Азиатско-Тихоокеанской ассоциации преподавателей русского языка и литературы. 2011. № 2-3. С. 82 – 85.
12. Рущкая Е.А., Звягина В.В. Некатегоричность в научных статьях технической тематики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12 (90). Ч. 2. С. 371 – 375.

13. Урунова Р.Д. Местоимения как средство эмоционального воздействия на аудиторию // Язык. Текст. Социум: 1-я Международная научно-практическая конференция (22-23 октября 2020). Самара, 2020. С. 8 – 11.
14. Цапко В.И. Некатегоричные высказывания в лингвистических текстах (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пятигорск, 2009. 28 с.
15. Basenko G., Revyakina N., Sakharova E. The addressee factor in modern communication of sustainable society // E3S Web of Conferences. 2022. Vol. 363. Art. 04041. DOI: 10.1051/e3sconf/202236304041
16. Leech G.N. Principles of Pragmatics. New York: Longman, 1983. 250 p.

References

1. Andreeva E.G. Language and Culture: Categorical Statement as a Reflection of Sociocultural Norms in Language Models. Bulletin of the Russian Christian Humanitarian Academy. 2008. No. 1. P. 242 – 251.
2. Blokh M.Ya., Zibrova A.A. The Problem of Non-Categorical Statement. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2013. No. 11 (29). Part 2. P. 39 – 44.
3. Grais G.P. Logic of Speech Communication. New in Foreign Linguistics. Issue 16. Linguistic Pragmatics. Moscow: Progress, 1985. P. 217 – 238.
4. Gushchina G.I. Actualization of the Category of Categoricality. Non-Categoricality of an Utterance in the Linguistic Picture of the World. Modern Philology: Proc. of the International Correspondence Scientific Conf. Ufa: Leto, 2011. P. 154 – 157.
5. Krapivkina O.A. Pragmatic Potential of the Pronoun We in Legal Discursive Practices. Bulletin of the Northern (Arctic) University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2018. No. 3. P. 90 – 98.
6. Malyshev K.Yu. On the Relationship between Politeness and Non-Categoricality. Humanitarian Studies. 2013. No. 1. P. 85 – 87.
7. Malyshev K.Yu. Semantic-Pragmatic Approach to the Study of the Categoricality of an Utterance. Omsk Scientific Bulletin. Philological Sciences. 2013. No. 4 (121). P. 121 – 123.
8. Matveeva G.G. Fundamentals of Pragmalinguistics. Moscow: INFRA-M, 2022. 205 p.
9. Matveeva G.G., Sakharova E.E. Pragmalinguistic Potential of Preaching Discourse. Bulletin of Pyatigorsk State Linguistic University. 2012. No. 1. P. 88 – 92.
10. Mechkovskaya N.B. Language and Religion. Moscow: FAIR Agency. 1998. 352 p.
11. Milyanchuk N.S. Internal Differentiation of the System of Means Expressing Non-categorical Statements in the Scientific Style of the Modern Russian Language. Bulletin of the Asian-Pacific Association of Teachers of Russian Language and Literature. 2011. Nos. 2-3. P. 82 – 85.
12. Rutsкая E.A., Zvyagina V.V. Non-categorical nature in scientific articles on technical topics. Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2018. No. 12 (90). Part 2. P. 371 – 375.
13. Urunova R.D. Pronouns as a means of emotional impact on the audience. Language. Text. Society: 1st International Scientific and Practical Conference (October 22-23, 2020). Samara, 2020. P. 8 – 11.
14. Tsapko V.I. Non-categorical statements in linguistic texts (based on the English and Russian languages): Abstract of Cand. Sci. (Philological Sciences). Pyatigorsk, 2009. 28 p.
15. Basenko G., Revyakina N., Sakharova E. The addressee factor in modern communication of sustainable society. E3S Web of Conferences. 2022. Vol. 363. Art. 04041. DOI: 10.1051/e3sconf/202236304041
16. Leech G.N. Principles of Pragmatics. New York: Longman, 1983. 250 p.

Информация об авторах

Сахарова Е.Е., кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0694-6908>, Донской государственный технический университет, elenasakharova19@bk.ru

Багдасарян Т.М., кандидат филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4355-8015>, Донской государственный технический университет, tatyana.bagdasaryan.78@mail.ru

© Сахарова Е.Е., Багдасарян Т.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.38

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-27-33

Конструирование китайского сельскохозяйственного дискурса: история, реальность и перспективы

¹ Юй Циньвэй, ² Го Цзинюань,

¹ Далайский университет иностранных языков, Китай,

² Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства, Китай

Аннотация: целью настоящего исследования является комплексный анализ формирования и трансформации сельскохозяйственного дискурса в китайском языке на различных исторических этапах развития китайского общества. При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: методы дискурсивного анализа, корпусной лингвистики, концептуального анализа и сравнительно-исторический метод для изучения текстов различных жанров сельскохозяйственной тематики. Основные результаты работы демонстрируют существенную трансформацию терминологического аппарата, метафорических моделей и идеологических компонентов сельскохозяйственного дискурса от традиционного периода к современности. Выводы, полученные автором в процессе исследования подтверждают, что китайский сельскохозяйственный дискурс представляет собой динамичную систему, отражающую социально-экономические преобразования общества и сохраняющую при этом культурно-специфические особенности языковой картины мира китайского народа.

Ключевые слова: китайский язык, сельскохозяйственный дискурс, дискурсивный анализ, терминология, концептуальная метафора, языковая картина мира, современный китайский язык

Для цитирования: Юй Циньвэй, Го Цзинюань Конструирование китайского сельскохозяйственного дискурса: история, реальность и перспективы // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 27 – 33. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-27-33

Поступила в редакцию: 27 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Constructing Chinese agricultural discourse: history, reality, and prospects

¹ Yu Qingwei, ² Guo Jinyuan,

¹ Dalian University of Foreign Languages, China,

² Northwestern University of Agriculture and Forestry, China

Abstract: the aim of this study is to comprehensively analyze the formation and transformation of agricultural discourse in Chinese at various historical stages of Chinese society's development. In writing this article, the author applied the following research methods: discourse analysis, corpus linguistics, conceptual analysis, and a comparative historical method to study texts of various genres on agricultural topics. The main results of the study demonstrate a significant transformation in the terminology, metaphorical models, and ideological components of agricultural discourse from the traditional period to the present. The author's findings confirm that Chinese agricultural discourse is a dynamic system that reflects the socioeconomic transformations of society while preserving the culturally specific features of the Chinese people's linguistic worldview.

Keywords: the Chinese language, agricultural discourse, discourse analysis, terminology, conceptual metaphor, linguistic picture of the world, modern Chinese language

For citation: Yu Qingwei, Guo Jinyuan Constructing Chinese agricultural discourse: history, reality, and prospects. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 27 – 33. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-27-33

The article was submitted: December 27, 2025; Approved after reviewing: February 24, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена, прежде всего, возрастающей ролью Китайской Народной Республики в мировой экономике и необходимостью глубокого понимания специфики китайского языкового сознания через призму одной из ключевых сфер жизнедеятельности китайского общества. Как справедливо отмечают современные исследователи, сельское хозяйство традиционно занимало центральное место в китайской цивилизации, что не могло не отразиться на формировании особого дискурсивного пространства. Безусловно, по мнению автора, изучение сельскохозяйственного дискурса позволяет выявить глубинные механизмы концептуализации действительности носителями китайского языка [1].

Целью исследования является выявление лингвистических и экстралингвистических факторов, определяющих специфику конструирования китайского сельскохозяйственного дискурса в диахронической и синхронической перспективах.

Научная новизна исследования определяется тем, что в рамках настоящего исследования, автором впервые предпринята попытка комплексного анализа китайского сельскохозяйственного дискурса как целостной системы, сформировавшейся на протяжении нескольких тысячелетий и продолжающей трансформироваться в современных условиях. Впервые систематизированы основные этапы развития сельскохозяйственной терминологии и выявлены культурно-специфические метафорические модели, характерные для данного типа дискурса.

Теоретическая значимость работы заключается в расширении автором представлений о механизмах функционирования специализированных дискурсов в китайском языке и вкладе в развитие теории дискурсивного анализа применительно к материалу неевропейских языков. Практическая значимость исследования состоит в возможности использования полученных автором результатов при составлении специализированных словарей, разработке курсов по китайскому языку для специальных целей, а также в переводческой практике при работе с текстами сельскохозяйственной тематики.

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования послужили тексты различных исторических периодов и жанров, относящиеся к сельскохозяйственной тематике. В частности, автором были проанализированы классические трактаты, такие как «Ци минь яо шу» (齐民要术) VI века, представляющий собой энциклопедическое описание сельскохозяйственных технологий. Кроме того, в корпус исследуемых автором текстов вошли официальные документы периода КНР, включая постановления правительства о развитии сельского хозяйства, материалы периодической печати, такие как газета «Жэньминь жибао», а также современные научные статьи из журнала «Чжунго нуньэ кэсюэ» (中国农业科学).

Методология настоящего исследования базируется на принципах комплексного подхода к анализу дискурса, сочетающего качественные и количественные методы.

При написании статьи, автором применялись следующие методы научного познания: методы дискурсивного анализа, корпусной лингвистики, концептуального анализа и сравнительно-исторический метод для изучения текстов различных жанров сельскохозяйственной тематики.

Результаты и обсуждения

Исторический анализ формирования китайского сельскохозяйственного дискурса демонстрирует, что его основы были заложены еще в глубокой древности, когда земледелие стало основой экономики китайского общества. Действительно, уже в период династии Чжоу (1046-256 гг. до н.э.) появляются первые письменные упоминания о сельскохозяйственных практиках, что отражено в классических текстах «Шицзин» (诗经) и «Шуцзин» (书经). Так же примечательно, что базовая терминология этого периода демонстрирует тесную связь с космологическими представлениями древних китайцев, где земледельческий цикл соотносился с движением небесных тел и сменой сезонов [2].

Анализ классического трактата Цзя Сысе «Ци минь яо шу» показывает значительное расширение терминологического аппарата и формирование систематизированного описания сельскохозяйственных технологий. В данном тексте, насчитывающем девять глав, представлено детальное описание методов обработки почвы, выращивания различных культур, животноводства и переработки сельскохозяйственной продукции. По мнению автора, характерно, что терминология этого периода отличается конкретностью и

детальностью, что свидетельствует о высоком уровне развития агрономических знаний в средневековом Китае [3].

Особенно интересным, в контексте настоящего исследования представляется период правления династии Сун (960-1279 гг.), когда произошла так называемая «зеленая революция» средневекового Китая, связанная с внедрением новых сортов риса из Вьетнама и совершенствованием ирригационных систем. Соответственно, лексический состав сельскохозяйственного дискурса, значительно обогатился терминами, обозначающими новые технологии и сорта растений. Примечательно, что именно в этот период формируется устойчивая метафорическая модель «государство как сад», где правитель выступает в роли садовника, заботящегося о благополучии подданных [4].

Переходя к анализу современного периода, необходимо отметить радикальную трансформацию сельскохозяйственного дискурса после образования КНР в 1949 году. Безусловно, стоит отметить, что идеологические факторы сыграли определяющую роль в конструировании нового типа дискурса, ориентированного на коллективизацию и модернизацию сельского хозяйства. В этот период активно внедряется новая терминология, связанная с понятиями народных коммун (人民公社), производственных бригад (生产大队) и производственных звеньев (生产队). Так же характерно использование военной метафоры в описании сельскохозяйственных кампаний, что отражает мобилизационный характер экономической политики того времени [5].

Проведенный автором анализ материалов газеты «Жэньминь жибао» за период 1958-1962 годов показывает преобладание утопического дискурса, связанного с кампанией «Большого скачка», в текстах этого периода доминируют гиперболические конструкции, описывающие невероятные урожаи и достижения в области сельского хозяйства. Впоследствии, после провала этой политики, дискурс становится более прагматичным и ориентированным на реальные показатели производства.

Период реформ и открытости, начавшийся в 1978 году, ознаменовал новый этап в развитии сельскохозяйственного дискурса. По мнению автора, существенно, что происходит постепенный отход от идеологизированной риторики и формирование дискурса, ориентированного на экономическую эффективность и рыночные механизмы. В терминологический аппарат активно внедряются заимствования из западных языков, связанные с современными агротехнологиями, генетикой растений и менеджментом в сельском хозяйстве.

Проведенный в контексте настоящего исследования корпусный анализ современных текстов сельскохозяйственной тематики выявляет определенные тенденции, наблюдается интенсивное проникновение научной терминологии, включающей термины биотехнологии, экологии и информационных технологий. Так же, отмечается активное использование аббревиатур и акронимов, что характерно для современного китайского языка в целом и фиксируется появление новых концептуальных метафор, связанных с представлением о сельском хозяйстве как высокотехнологичной отрасли [6].

Сравнительный анализ терминологии различных периодов представлен в табл. 1, демонстрирующей эволюцию ключевых понятий сельскохозяйственного дискурса.

Таблица 1

Эволюция ключевой терминологии китайского сельскохозяйственного дискурса.

Table 1

Evolution of key terminology in Chinese agricultural discourse.

Период	Базовые термины	Метафорические модели	Идеологические компоненты
Древний период (до III в. н.э.)	农 (земледелие), 耕 (пахота), 种 (сеять), 收 (собирать урожай)	Космологические (связь с временами года и небесными циклами)	Конфуцианские ценности труда
Средневековый период (III-XIX вв.)	农业 (сельское хозяйство), 灌溉 (ирригация), 施肥 (удобрение), 品种 (сорт)	Государство как сад, правитель как земледелец	Патерналистская модель управления
Маоистский период (1949-1978 гг.)	人民公社 (народная коммуна), 集体化 (коллективизация), 机械化 (механизация), 大跃进 (Большой скачок)	Военные метафоры, битва за урожай	Классовая борьба, социализм

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Период реформ (1978-2000 гг.)	家庭联产承包 (семейный подряд), 农业现代化 (модернизация сельского хозяйства), 市场经济 (рыночная экономика)	Рынок как регулятор, эффективность	Социализм с китайской спецификой
Современный период (2000-настоящее время)	精准农业 (точное земледелие), 智慧农业 (умное сельское хозяйство), 生态农业 (экологическое земледелие), 农业科技 (агротехнологии)	Технологические метафоры, цифровизация	Экологическая цивилизация, инновационное развитие

Проведенный автором детальный анализ концептуальных метафор, структурирующих современный китайский сельскохозяйственный дискурс, позволяет выделить несколько доминирующих моделей, таким образом, наиболее распространенной является метафора «сельское хозяйство как наука и технология», что отражается в широком использовании терминов 农业科技 (сельскохозяйственная наука и технология), 科学种田 (научное земледелие), 技术推广 (распространение технологий). Данная метафорическая модель, по мнению автора, подчеркивает стремление к модернизации традиционного сектора экономики и повышению его эффективности [7].

Отметим, что другой значимой метафорической моделью выступает концептуализация сельского хозяйства через призму экологии и устойчивого развития, например, термины 绿色农业 (зеленое сельское хозяйство), 有机农业 (органическое земледелие), 循环农业 (циркулярное сельское хозяйство) отражают возрастающую озабоченность экологическими проблемами и стремление к гармонизации отношений между человеком и природой. Интересно, что данная метафорическая модель резонирует с традиционными даосскими представлениями о единстве человека и природы, что свидетельствует о преемственности культурных ценностей [8].

Третья важная метафорическая модель связана с цифровизацией сельского хозяйства, что выражается в терминах 数字农业 (цифровое сельское хозяйство), 智能农机 (умная сельхозтехника), 农业大数据 (большие данные в сельском хозяйстве). В данном контексте, очевидно, что данная модель отражает глобальные тенденции развития сельского хозяйства в эпоху четвертой промышленной революции и стремление Китая занять лидирующие позиции в этой области [9].

Анализ частотности употребления ключевых терминов в современных текстах представлен автором в табл. 2, демонстрирующей актуальные приоритеты в развитии китайского сельского хозяйства.

Таблица 2

Частотность употребления ключевых терминов в современном китайском сельскохозяйственном дискурсе (на материале корпуса ВСС, 2015-2023 гг.).

Table 2

Frequency of use of key terms in contemporary Chinese agricultural discourse (based on the VCC corpus, 2015-2023).

Термин (китайский)	Термин (русский)	Частота на 1 млн словоупотреблений	Основные коллокации
农业现代化	Модернизация сельского хозяйства	156,3	推进 (продвигать), 实现 (осуществлять), 加快 (ускорять)
智慧农业	Умное сельское хозяйство	89,7	发展 (развивать), 建设 (строить), 技术 (технология)
乡村振兴	Возрождение деревни	243,8	战略 (стратегия), 推动 (продвигать), 实施 (осуществлять)
精准农业	Точное земледелие	67,4	技术 (технология), 应用 (применение), 发展 (развитие)
绿色农业	Зеленое сельское хозяйство	112,9	发展 (развитие), 生态 (экология), 可持续 (устойчивое)
农业科技	Агротехнологии	198,5	创新 (инновации), 研发 (разработка), 推广 (распространение)

Особого внимания заслуживает анализ дискурсивных стратегий, используемых в официальных документах по вопросам развития сельского хозяйства, характерно, что в текстах правительственных постановлений и планов развития активно используется стратегия легитимации через апелляцию к научному знанию и технологическому прогрессу. Типичными являются конструкции, подчеркивающие научную обоснованность предлагаемых мер и их соответствие мировым тенденциям развития.

Вместе с тем, в дискурсе сохраняются элементы традиционной риторики, связанные с представлением о сельском хозяйстве как основе государства и благополучия народа, например, фразеологизмы типа 民以食为天 (для народа пища подобна небу) регулярно используются в текстах различных жанров, что свидетельствует о преемственности культурных ценностей. Данное обстоятельство подтверждает тезис о том, что современный китайский сельскохозяйственный дискурс представляет собой синтез традиционных и современных элементов [10].

Анализ научных статей, опубликованных в специализированных научных отечественных и зарубежных китайских журналах, показывает формирование особого субдискурса, характеризующегося высокой степенью терминологизации и использованием международной научной лексики. Интересно, что в научных текстах наблюдается тенденция к использованию параллельных конструкций, где китайский термин сопровождается английским эквивалентом в скобках, что облегчает международную коммуникацию и интеграцию китайской науки в глобальное научное сообщество.

Отметим, что гендерный аспект сельскохозяйственного дискурса, также заслуживает внимания, так как, в китайской культуре, традиционно, китайское сельское хозяйство ассоциировалось преимущественно с мужским трудом, что отражалось в использовании соответствующих языковых форм. Однако, по мнению автора, современный дискурс демонстрирует тенденцию к гендерной нейтральности, что соответствует общему курсу на гендерное равенство в китайском обществе, термины типа 女农民 (женщина-крестьянка) и 女农业专家 (женщина-специалист по сельскому хозяйству) становятся все более употребительными [11].

Региональная специфика сельскохозяйственного дискурса также представляет значительный интерес автора, особенно учитывая огромную территорию Китая и разнообразие природно-климатических условий, в различных регионах сформировались локальные варианты дискурса, отражающие специфику местного земледелия. Например, как было установлено, в южных провинциях доминирует терминология, связанная с рисоводством, тогда как в северных регионах преобладают термины, относящиеся к выращиванию пшеницы и других зерновых культур.

Таким образом, в заключение отметим, что перспективы развития китайского сельскохозяйственного дискурса связаны, по всей видимости, с дальнейшей технологизацией и интернационализацией терминологии, как, например, концепция «умной деревни» (智慧乡村), активно продвигаемая правительством КНР, предполагает интеграцию современных информационных технологий во все сферы сельской жизни, что неизбежно приведет к появлению новых терминов и дискурсивных практик. Кроме того, возрастающее внимание к вопросам продовольственной безопасности, и устойчивого развития, будет способствовать дальнейшему обогащению китайского сельскохозяйственного дискурса соответствующей терминологией [12].

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие основные выводы относительно конструирования китайского сельскохозяйственного дискурса.

Прежде всего, в процессе исследования установлено, что китайский сельскохозяйственный дискурс прошел длительный путь исторического развития, от простых описаний земледельческих практик в древних текстах, до сложной многоуровневой системы, включающей научную терминологию, идеологические компоненты и культурно-специфические метафорические модели. Автором было установлено, что ключевую роль в трансформации китайского сельскохозяйственного дискурса, играли социально-экономические преобразования китайского общества, особенно образование КНР в 1949 году и начало политики реформ и открытости в 1978 году.

Доказано, что современный китайский сельскохозяйственный дискурс характеризуется сосуществованием традиционных и инновационных элементов, что отражает специфику китайского пути модернизации, сочетающего заимствование передовых технологий с сохранением культурной идентичности. В исследовании автором определено, что доминирующими метафорическими моделями в современном дискурсе являются концептуализация сельского хозяйства как науки и технологии, как экологически устойчивой системы и как объекта цифровизации.

Так же установлено, что терминологический аппарат современного китайского сельскохозяйственного дискурса активно пополняется за счет заимствований из английского языка и создания новых терминов на основе продуктивных словообразовательных моделей китайского языка. Особо отметим, что официальный китайский сельскохозяйственный дискурс характеризуется использованием специфических дискурсивных стратегий, направленных на легитимацию государственной политики КНР в области развития сельского хозяйства, через апелляцию к научному знанию и национальным интересам.

Таким образом, как показало проведенное исследование, китайский сельскохозяйственный дискурс, представляет собой динамично развивающуюся систему, отражающую как глобальные тенденции развития сельского хозяйства, так и специфику китайской культурной традиции. Перспективы дальнейших исследований, по мнению автора, могут быть связаны с более детальным изучением региональных вариантов дискурса, анализом его функционирования в цифровой среде, а также сравнительным анализом с сельскохозяйственными дискурсами других языков и культур.

Список источников

1. Круглов В.В., Урывская Т.А., Русак Д.В. Кросс-лексикографический анализ понятий общественно-политического дискурса китайского языка // *Litera*. 2021. № 10. С. 1 – 20.
2. Семашко Н.В. Особенности публицистического дискурса китайского языка. Перевод неологизмов в современных публицистических текстах // *Русский лингвистический бюллетень*. 2021. № 2 (26). С. 110 – 113.
3. Костина А.А. Особенности перевода текстов гастрономического дискурса с китайского языка на русский (на материале двуязычного меню) // *Грани познания*. 2024. № 1 (90). С. 32 – 36.
4. Вань Я. Типичные растительные концептуальные метафоры в российском и китайском политическом дискурсе // *Litera*. 2025. № 5. С. 115 – 127.
5. Янь Ц., Цзяо М. Исследование мультимодальных метафор сельских языковых ландшафтов в рамках стратегии возрождения сельской местности Китая // *Политическая лингвистика*. 2023. № 1 (97). С. 157 – 167.
6. Халина Н.В., Хуэй Х., Пивкина Н.Н. Современная китайская медийная лингвокультура через призму семантики слов группы «времена года» словаря Эръя // *Гуманитарные и социальные науки*. 2024. Т. 105. № 4. С. 112 – 117.
7. Цюйань Ю., Ян Ц., Ли С. и др. Мифологемы Китая в контексте современной культуры и языка // *Управление образованием: теория и практика*. 2022. № 12 (58). С. 74 – 81.
8. Красикова Е.А. Модели метафоризации при формировании фразеологизмов в китайском языке: языковая система vs дискурс // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2025. Т. 24. № 4. С. 54 – 65.
9. Болдырева А.С. Трудности в изучении китайского языка и перевода с китайского языка: основные ошибки и способы их устранения // *Доклады Башкирского университета*. 2023. Т. 8. № 3. С. 77 – 92.
10. Ма Лина Китайский язык: от общего национального языка к всеобщепотребительному языку // *Преподаватель XXI век*. 2025. № 1-2. С. 427 – 439.
11. Цзин Л. Распространение китайской культуры через обучение китайскому языку как иностранному // *Filologické Vědomosti*. 2020. № 2. С. 17 – 20.

References

1. Kruglov V.V., Uryvskaya T.A., Rusak D.V. Cross-lexicographic analysis of concepts of socio-political discourse of the Chinese language. *Litera*. 2021. No. 10. P. 1 – 20.
2. Semashko N.V. Features of journalistic discourse of the Chinese language. Translation of neologisms in modern journalistic texts. *Russian Linguistic Bulletin*. 2021. No. 2 (26). P. 110 – 113.
3. Kostina A.A. Features of the translation of texts of gastronomic discourse from Chinese into Russian (based on a bilingual menu). *Facets of Knowledge*. 2024. No. 1 (90). P. 32 – 36.
4. Wan Ya. Typical Plant Conceptual Metaphors in Russian and Chinese Political Discourse. *Litera*. 2025. No. 5. P. 115 – 127.
5. Yan Q., Jiao M. A Study of Multimodal Metaphors of Rural Linguistic Landscapes in the Framework of China's Rural Revitalization Strategy. *Political Linguistics*. 2023. No. 1 (97). P. 157 – 167.
6. Khalina N.V., Hui H., Pivkina N.N. Contemporary Chinese Media Linguistic Culture through the Prism of the Semantics of the “Seasons” Group of Words in the Erya Dictionary. *Humanities and Social Sciences*. 2024. Vol. 105. No. 4. P. 112 – 117.

7. Quyan Yu., Yan Q., Li S., et al. Mythologemes of China in the Context of Modern Culture and Language. *Education Management: Theory and Practice*. 2022. No. 12 (58). P. 74 – 81.

8. Krasikova E.A. Metaphorization Models in the Formation of Phraseologisms in the Chinese Language: Language System vs. Discourse. *Bulletin of the Novosibirsk State University. Series: History, Philology*. 2025. Vol. 24. No. 4. P. 54 – 65.

9. Boldyreva A.S. Difficulties in Learning Chinese and Translation from Chinese: Main Mistakes and Ways to Eliminate Them. *Reports of the Bashkir University*. 2023. Vol. 8. No. 3. P. 77 – 92.

10. Ma Lina. Chinese Language: From Common National Language to Generally Used Language. *Teacher of the 21st Century*. 2025. No. 1-2. P. 427 – 439.

11. Jing L. Dissemination of Chinese Culture through Teaching Chinese as a Foreign Language. *Filologické Vědomosti*. 2020. No. 2. P. 17 – 20.

Информация об авторах

Юй Циньвэй, Даляньский университет иностранных языков, Китай, yuqinwei@mail.ru

Го Цзинюань, Северо-Западный университет сельского и лесного хозяйства, Сиань, Китай, guojingyuan@nwsuaf.edu.cn

© Юй Циньвэй, Го Цзинюань, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.09

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-34-39

Мифопоэтический образ дерева в современном славянском фэнтези: от архетипов к антропоцентризму (на материале романов А. Рубанова «Финист – ясный сокол» и «Человек из красного дерева»)

¹ Соколова Е.М.,

¹ *Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: в статье исследуется трансформация мифопоэтического образа дерева в современном славянском фэнтези на материале романов Андрея Рубанова «Финист – ясный сокол» и «Человек из красного дерева». Автор анализирует, как традиционные для славянской мифологии представления о мировом древе и его функциях переосмысляются в современной литературе через призму антропоцентрического мировоззрения. В работе выделяются и рассматриваются основные разновидности образа дерева (дерево-существо, дерево-дом, дерево-символ), раскрывается их взаимосвязь с архетипическими представлениями и авторской концепцией. В обоих произведениях дерево выступает не только как элемент, структурирующий художественное пространство, но и как средство воплощения творческого замысла человека. Особое внимание уделяется описанию и анализу трёхчастной структуры мироздания, создаваемой автором в соответствии с традиционными мифологическими представлениями, изоморфизму человека и дерева, а также трансформации этой мифологической параллели в художественном мире А. Рубанова. Подчёркивается, что гармоничное существование человека возможно только при органичном сосуществовании с природой, а дерево символизирует экологические аспекты взаимоотношений человека и окружающего мира. В результате исследования выявлена и описана эволюция мифопоэтического образа дерева от архетипической сакральной сущности к материалу для реализации человеческого творческого потенциала, отражающая современное гуманистическое мировоззрение. Результаты исследования могут быть использованы при разработке комплексных образовательных курсов по современной русской литературе на различных академических уровнях, предоставляя необходимые сведения об эволюции мифологической символики и обеспечивая методологическую основу для анализа современных литературных интерпретаций традиционных архетипов.

Ключевые слова: славянское фэнтези, мифопоэтика, архетип, мировое древо, Андрей Рубанов, антропоцентризм, изоморфизм, неомифологизм

Для цитирования: Соколова Е.М. Мифопоэтический образ дерева в современном славянском фэнтези: от архетипов к антропоцентризму (на материале романов А. Рубанова «Финист – ясный сокол» и «Человек из красного дерева») // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 34 – 39. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-34-39

Поступила в редакцию: 28 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Mythopoetic image of the tree in contemporary Slavic fantasy: from archetypes to anthropocentrism (based on A. Rubanov's novels "Finist – The Bright Falcon" and "Man of Redwood")

¹ *Sokolova E.M.,
Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the article examines the transformation of the mythopoetic tree image in contemporary Slavic fantasy through Andrei Rubanov's novels "Finist – The Bright Falcon" and "Man of Redwood." It analyzes how traditional Slavic concepts of the world tree are reinterpreted through an anthropocentric lens in modern literature. The study identifies three primary tree manifestations (tree-being, tree-home, tree-symbol), exploring their connections to archetypal concepts and the author's artistic vision. In Rubanov's works, trees function beyond mere spatial structuring elements to become vehicles for human creative expression. The research analyzes the three-tiered universe structure created according to traditional mythological frameworks, the isomorphism between humans and trees, and how these mythological parallels transform within Rubanov's literary world. The study emphasizes that harmonious human existence requires organic coexistence with nature, with trees symbolizing the ecological relationship between humanity and the environment. The research traces the evolution of the tree image from a sacred archetypal entity to a medium for human creative potential, reflecting contemporary humanistic perspectives.

Keywords: Slavic fantasy, mythopoetics, archetype, world tree, Andrei Rubanov, anthropocentrism, isomorphism, neomythologism

For citation: Sokolova E.M. Mythopoetic image of the tree in contemporary Slavic fantasy: from archetypes to anthropocentrism (based on A. Rubanov's novels "Finist – The Bright Falcon" and "Man of Redwood"). *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 34 – 39. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-34-39

The article was submitted: December 28, 2025; Approved after reviewing: February 25, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Неомифологизм, яркий феномен современного искусства, демонстрирует, как исторические мотивы и легенды древности продолжают оказывать глубокое воздействие на художественное творчество наших дней. Интерес к мифологическим образам и сюжетам, отмеченный многими исследователями, представляет собой важное направление в современной литературе. Обращение авторов к традиционным мифам и сказкам создаёт особый культурный дискурс, актуализирующий вневременные человеческие ценности и проблемы.

Мифопоэтика как метод анализа позволяет не только постичь авторский замысел, но и приблизиться к пониманию фундаментальных законов человеческого мышления. Особенно плодотворным представляется исследование мифологических структур в произведениях фэнтези, где фантастическое выступает не только на уровне метода, но и на уровне жанра.

Материалы и методы исследований

Андрей Рубанов – популярный современный писатель, чьи произведения в жанре славянского фэнтези привлекают внимание широкой читательской аудитории и литературных критиков. Роман «Финист – ясный сокол», удостоенный премии «Национальный бестселлер» в 2019 году, представляет собой оригинальное переосмысление русской народной сказки «Перышко Финиста ясна сокола» из сборника А.Н. Афанасьева. Произведение повествует о пути девушки Марьи, стремящейся воссоединиться со своим возлюбленным – Финистом, представителем небесного птичьего народа. Действие романа разворачивается в художественном мире, напоминающем дохристианскую Русь с её обычаями и верованиями.

«Человек из красного дерева» был опубликован в 2021 году; сам автор определяет его как «фантастическую приключенческую повесть». В центре повествования – история деревянных людей, оживших истуканов, использующих магическую силу в борьбе со злом. Присутствие элементов славянской мифологии, включая упоминание языческой богини Мокоши, позволяет классифицировать это произведение как славянское фэнтези. Для анализа художественного текста применялся комплексный метод.

Результаты и обсуждения

Объединяющим элементом обоих произведений выступает образ дерева, который «для восточнославянской мифологической картины мира ... является ключевым, системообразующим и многоаспектным» [2, с. 43]. Образ дерева часто становится предметом анализа литературоведов: А.Б. Жамсарановой и Е.М. Ячменёвой описаны различные воплощения «Древа мирового» в сказочном фольклоре народов Забайкалья [4, с. 8-9], О.Н. Смылова анализирует этот образ в творчестве Ф.М. Достоевского [9, с. 92-103], Ф. Варлало – в «Колымских рассказах» В. Шаламова [3, с. 317-330], К.Ю. Пауэр исследует образ дерева в текстах Егора Летова [6, с. 240-245]; исследователи О.В. Анисимова и И.С. Макарова [1], анализируя литературу жанра фэнтези, выделяют три основные функциональные разновидности этого образа: дерево-существо, дерево-дом и дерево-символ.

Дерево как символ мироздания занимает центральное место в культуре многих народов. В.Н. Топоров характеризует миф о мировом дереве как ключевой культурный концепт, определявший модель мира человеческих сообществ на протяжении тысячелетий [10, с. 266]. Трёхчастная структура дерева (корни, ствол, крона) соотносится с тремя мирами (нижний мир мёртвых, средний земной мир, верхний божественный мир), а также символизирует течение времени (прошлое, настоящее, будущее) и преемственность поколений.

В романе «Финист – ясный сокол» Рубанов непосредственно апеллирует к мифу о мировом древе: «Были меж нас... любители грибов-дурогонов, верившие в дерево, растущее из нижнего мира в верхний мир, и в белку, которая бегаёт по стволу того дерева, перенося сплетни от нижних богов к верхним – и обратно» [7, с. 120]. Включение существующей мифологии в художественный текст усиливает его достоверность и помогает читателю глубже погрузиться в воображаемый мир.

Художественное пространство романа структурировано в соответствии с мифологической трёхчастной композицией. Мир представлен тремя областями:

- окрестности города Резана (средний мир);
- Зелёная долина, где обитают Змей Горын и Бабка Язва (нижний мир);
- небесный город Вертоград, населённый птичьим народом (верхний мир).

Путь главной героини Марьи организован не только по горизонтали, но и по вертикали – из среднего мира через нижний к верхнему. Спуск в нижний мир символизирует погружение в глубины подсознания, где героиня проходит ряд испытаний, но не отказывается от своей цели.

В романе «Человек из красного дерева» трёхчастная структура мира реализуется частично. Средний мир представляет собой обыденную среду, где герои существуют, но не могут в полной мере проявить свои способности. Символично, что мастерская главного героя Антипа расположена в подвале его дома. Снижение пространственного уровня символизирует погружение в подсознательное, скрытое от окружающих, но отражающее истинную сущность человека. Именно в этой мастерской Антипу удаётся «оживить» деревянные статуи Мары и Дуняши. Образ «матери-сырой земли», из чрева которой рождаются героини, апеллирует к древним славянским верованиям.

Верхний, божественный мир в романе не представлен, что имеет символическое значение: для язычников, не принявших истинную веру, мир истинного Бога остаётся недоступным, как невозможен для них вход в церковь.

Использование образа мирового древа в романах Рубанова позволяет автору создать объёмную, многоуровневую модель художественного пространства, насыщенную символическими смыслами. Эта модель не только структурирует повествование, но и воплощает философские идеи о духовном пути человека, взаимосвязи различных уровней реальности и поиске сакрального в повседневном. Гармоничное соединение древних мифологических представлений с современным литературным языком создаёт уникальный художественный мир, где пространственная организация становится отражением духовных исканий героев.

«Реликтовые проявления субъектно-объектной нерасчлнённости образа дерева-человек в фольклорно-мифологической традиции сохраняются до наших дней. Вместе с ними в пережиточных формах удерживаются и древние представления о невыделенности человека из мира природы», – пишет Н.А. Криничная [5, с. 84]. Образ дерева-существа характерен не только для фольклора, но и для произведений фэнтези. В отличие от классических представителей архетипа дерева-существа, таких как энты из трилогии Толкина «Властелин колец», Рубанов создаёт иной образ – человекоподобных существ, созданных из дерева. Внешность этих персонажей полностью человеческая, но материалом для их создания служит не плоть и кровь, а дерево. Жизнь в деревянную скульптуру вселяется благодаря любви творца к своему произведению или молитвам людей, обращённым к идолу.

Таким образом, дерево выступает не как самостоятельная магическая сущность, а как идеальный материал, из которого человеческими руками и силой человеческого духа может быть создано живое существо. Это творческое переосмысление античного мифа о Пигмалионе, где вместо вмешательства богини Афродиты жизнь статуе дарует человеческая любовь и вера.

Образ дерева-дома реализуется в романе «Финист – ясный сокол» в двух значимых вариациях, каждая из которых отражает особенности соответствующего мира и его обитателей.

Во второй части романа, действие которой происходит в Зелёной долине, деревья выступают фундаментальным элементом жизненного пространства людей. Рубанов детально описывает, как лесные массивы определяют все аспекты человеческого существования в этом месте: «Мы все ходили в лес каждый день, с младенческого возраста. Лес нас питал, давал нам тепло и материал для наших домов, и даже развлекал. Люди и лес составляли единое целое» [7, с. 200].

В третьей части романа небесный город Вертоград представляет собой уникальное воплощение идеи дерева-дома, доведённой до совершенства. Город птичьего народа полностью создан из дерева: «Небесный город был построен на земле, из самого лёгкого и прочного дерева, которое существовало в природе: из бальсы, бамбука и пробки» [7, с. 423] – и это символически значимо: дерево, стремящееся ввысь, становится материалом для города, физически расположенного между небом и землёй.

Особенностью Вертограда является то, что он не просто построен из дерева, но и вознесён силой человеческой мысли: «Вертоград, небесный город, второй Аркаим, парит в воздухе не сам по себе – а благодаря его жителям. Наша подъёмная сила настолько сильна, что поддерживает не только нас самих, но и наш дом» [7, с. 423] – то есть представляет собой воплощение творческого потенциала разумного существа, преобразующего природный материал в соответствии со своими представлениями о прекрасном. В этом проявляется важнейшая для Рубанова идея взаимодействия материального и духовного, где дерево выступает посредником между природным миром и миром идей.

Примечательно также, что жители Вертограда, птицелюди, имеют двойственную природу: они одновременно принадлежат миру неба (через свою способность к полёту) и миру земли (через своё человеческое обличье). Дерево, соединяющее небо и землю через свои корни и крону, становится идеальным материалом для создания их жилища, отражая сущность самих обитателей.

В обоих романах Рубанова дерево выступает прежде всего как средство реализации человеческого творческого потенциала. Создание из дерева предметов быта, жилищ и даже человекоподобных существ символизирует торжество человеческого разума, его способность преобразовывать природный материал в соответствии со своими потребностями и представлениями о красоте.

При этом автор подчёркивает, что подобное преобразование возможно только при органичном сосуществовании человека с природой, при глубоком понимании свойств материала и уважительном отношении к нему.

Гармоничное бытие человека в художественном мире Рубанова возможно лишь при соблюдении определённых правил и разумном поведении. Дерево становится символом мира, в котором живёт человек, а забота о мире воплощается в заботе о деревьях, их грамотном выращивании и рациональном использовании. В этом проявляется экологическое измерение творчества Рубанова, актуализирующее проблему взаимоотношений человека и природы в современном мире.

Выводы

Анализ мифопоэтического образа дерева в романах А. Рубанова позволяет сделать следующие выводы:

1. Обращение к архетипическому образу мирового древа помогает автору структурировать художественное пространство произведений, придавая им глубинное мифологическое измерение.
2. Традиционные мифологические представления о дереве как оси мироздания трансформируются в авторской концепции в сторону антропоцентризма: дерево становится не самостоятельной сакральной сущностью, а материалом для реализации человеческого творческого потенциала.
3. Изоморфизм человека и дерева, характерный для мифопоэтического мышления, получает новое осмысление: «одеревенение» интерпретируется как утрата человеческой сущности, а «оживление» дерева – как результат вложенной в него человеческой любви и веры.
4. Образы дерева-существа, дерева-дома и дерева-символа в произведениях Рубанова не изолированы, а взаимодействуют, создавая сложную мифопоэтическую систему.
5. Через образ дерева автор исследует вопросы взаимоотношения человека и природы, духовного и материального, языческого и христианского мировоззрений.

6. В отличие от классического мифа, где дерево является проводником между мирами богов и людей, в романах Рубанова оно становится медиатором между материальным миром и духовными устремлениями самого человека.

7. Писатель создаёт оригинальную мифопоэтическую систему, в которой древние славянские верования органично сочетаются с современным гуманистическим мировоззрением.

Таким образом, мифопоэтический образ дерева в современном славянском фэнтези А. Рубанова эволюционирует от традиционных архетипических представлений к антропоцентрической концепции, где человек выступает не как пассивный объект воздействия сакральных сил, а как активный творец, способный силой своей любви и веры одухотворять материальный мир.

Список источников

1. Анисимова О.В., Макарова И.С. Мифопоэтика литературы: символический язык англоязычной фантастики // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 9. С. 2919 – 2925.
2. Денисова И.М. «Сступай к этому древу лазоревому, влезь на него» (к вопросу об образе дерева в русских сказках) // Этнографическое обозрение. 2012. № 6. С. 43 – 59.
3. Варларо Ф. Образ дерева в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова и в их переводах на итальянский язык // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 317 – 330. DOI: 10.17223/18137083/76/23
4. Жамсаранова А.Б., Ячменёва Е.М. Образ мирового дерева в сказках народов Забайкалья // Юный учёный. 2019. № 2 (22). С. 8 – 9. Казань: ООО «Издательство Молодой учёный».
5. Криничная Н.А. Дерево-человек: к проблеме синкретизма и дифференциации фитоантропоморфного образа (по материалам нарративного фольклора Карелии) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. 2010. № 4. С. 77 – 85.
6. Пауэр К.Ю. Архетипический образ дерева в поэтике Егора Летова // Цифровизация в эпоху развития современного общества: сборник материалов Международной научно-практической онлайн-конференции, Москва, 23 апреля 2020 г. / ИМПЭ им. А.С. Грибоедова. Москва: Изд-во «Юрист», 2020. С. 240 – 245.
7. Рубанов А. Финист – ясный сокол. М.: АСТ, 2019. 480 с.
8. Рубанов А. Человек из красного дерева. М.: АСТ, 2021. 352 с.
9. Смыслова О.Н. Образ дерева в романе «Идиот» Ф.М. Достоевского // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2018. № 3. С. 92 – 103. М.: Изд-во Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
10. Топоров В.Н. Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2010. Т. 1. 448 с.

References

1. Anisimova O.V., Makarova I.S. Mythopoeitics of Literature: The Symbolic Language of English-Language Science Fiction. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 9. P. 2919 – 2925.
2. Denisova I.M. “Go to this azure tree and climb it” (on the image of the tree in Russian fairy tales). Ethnographic Review. 2012. No. 6. P. 43 – 59.
3. Varlaro F. The Image of the Tree in Varlam Shalamov’s Kolyma Tales and Their Italian Translations. Siberian Philological Journal. 2021. No. 3. P. 317 – 330. DOI: 10.17223/18137083/76/23
4. Zhamsaranova A.B., Yachmeneva E.M. The Image of the World Tree in the Fairy Tales of the Peoples of Transbaikalia. Young Scientist. 2019. No. 2 (22). P. 8 – 9. Kazan: Young Scientist Publishing House.
5. Krinichnaya N.A. Tree-Man: On the Problem of Syncretism and Differentiation of the Phytoanthropomorphic Image (Based on the Narrative Folklore of Karelia). Transactions of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 4. P. 77 – 85.
6. Power K.Yu. The Archetypal Image of a Tree in the Poetics of Yegor Letov. Digitalization in the Era of Modern Society Development: Collection of Materials from the International Scientific and Practical Online Conference, Moscow, April 23, 2020. A.S. Griboyedov Institute of World Economy and International Relations. Moscow: Yurist Publishing House, 2020. P. 240 – 245.
7. Rubanov A. Finist the Bright Falcon. Moscow: AST, 2019. 480 p.
8. Rubanov A. The Red Wood Man. Moscow: AST, 2021. 352 p.

9. Smyslova O.N. The Image of a Tree in F.M. Dostoevsky's Novel "The Idiot". Dostoevsky and World Culture. *Philological Journal*. 2018. No. 3. P. 92 – 103. Moscow: Publishing House of the A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences.

10. Toporov, V.N. The World Tree: Universal Sign Complexes. Moscow: Handwritten Monuments of Ancient Rus', 2010. Vol. 1. 448 p.

Информация об авторе

Соколова Е.М., аспирант, Московский педагогический государственный университет,
Sokolovaelenag@gmail.com

© Соколова Е.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 82.091

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-40-44

Модификация античного канона рока и судьбы в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей»

¹ Шкурихин В.Д.,

¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в работе рассматривается канон античного рока и судьбы. Анализируется представление о роке в древнегреческой мифологии, связанное с мойрами – антропоморфными божествами, прядущими нить судьбы. Также показана модификация канона в произведениях авторов Серебряного века, влияние античных идей на культуру и литературу Серебряного века в России через призму концепции славянского ренессанса (на примере трагедии Вячеслава Иванова «Прометей»). Автор переводит проблему рока из этической области в онтологическую и рассматривает соотношение судьбы личности и коллективной судьбы. Композиция трагедии, основанная на архаичных, обрядовых формах, подчёркивает символическое значение событий и действий персонажей. Иванов создаёт новую философскую парадигму, где рок становится следствием активных действий титана, а не просто внешней силой.

Ключевые слова: рок, судьба, Серебряный век, античная трагедия, мифологизм, модификация античного канона, Вячеслав Иванов, Славянский ренессанс

Для цитирования: Шкурихин В.Д. Модификация античного канона рока и судьбы в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 40 – 44. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-40-44

Поступила в редакцию: 28 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Modification of the ancient canon of fate and destiny in Vyacheslav Ivanov's tragedy «Prometheus»

¹ Shkurikhin V.D.,

¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: the article examines the canon of ancient fate and destiny. It analyzes the concept of fate in ancient Greek mythology, which is associated with the Moirai, anthropomorphic deities who spin the thread of fate. The paper also shows how the canon was modified in the works of Silver Age authors, and how ancient ideas influenced the culture and literature of the Silver Age in Russia through the lens of the concept of the Slavic Renaissance (as exemplified by Vyacheslav Ivanov's tragedy "Prometheus"). The author shifts the focus from the ethical realm to the ontological realm, exploring the relationship between individual fate and collective destiny. The composition of the tragedy, based on archaic, ritual forms, emphasizes the symbolic significance of the events and actions of the characters. Ivanov creates a new philosophical paradigm, where fate becomes a consequence of the titan's active actions rather than just an external force.

Keywords: fate, destiny, the Silver Age, ancient tragedy, mythologism, modification of the ancient canon, Vyacheslav Ivanov, the Slavic Renaissance

For citation: Shkurikhin V.D. Modification of the ancient canon of fate and destiny in Vyacheslav Ivanov's tragedy «Prometheus». Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 40 – 44. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-40-44

The article was submitted: December 28, 2025; Approved after reviewing: February 25, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Проблема изначальной предопределённости событий, связанных с жизнью конкретной личности, волнует человечество с древнейших времен. Осмысление данной категории занимало важнейшее место в рамках исследования мифологической картины мира, а впоследствии было продолжено на уровне философского знания с выделением соответствующих категорий, таких как «рок» и «судьба». В литературе данные понятия возникли вместе с рождением первых художественных текстов. Драматические произведения Серебряного века зачастую рассматриваются с точки зрения авторского переосмысления мифа, в результате чего важный аспект анализа, а именно тема рока и судьбы, не получает достаточного рассмотрения.

Цель нашей работы – выявить связь античного канона с произведениями авторов Серебряного века, а именно трагедии Вячеслава Иванова, и проследить особенности модификации темы рока и судьбы.

Материалы и методы исследований

В большинстве литературоведческих исследований понятия «судьба» и «рок» являются синонимичными. Так, А.Ф. Лосев в «Истории античной эстетики» говорит о том, что судьба и рок есть абсолютная всевластная сила, властвующая над всем свободным, сознательным и личностным [1, с. 64]. По его мнению, «античная культура развивается под знаком фатализма» и не может обойтись без судьбы [12, с.158], поэтому выйти за пределы рока для древнего грека невозможно.

Такие исследователи как М.Л. Гаспаров, А.А. Тахо-Годи также рассматривали понятия «рок» и «судьба» как единую философскую категорию. В данной работе понятия также рассматриваются как синонимичные. Используя терминологию Ю.С. Степанова, отметим, что понятия «судьбы» и «рока» можно назвать культурными константами, основополагающими концептами античной культуры, которые отразились в литературных произведениях, в частности в древнегреческой трагедии.

Методы исследования: сравнительный анализ литературных текстов, композиционный и мотивный анализ, интертекстуальный анализ.

Результаты и обсуждения

Изначально «рок» в представлении древних греков отождествлялся с антропоморфными божествами – так называемыми мойрами. Постановка вопроса о судьбе в этом случае идентична ответу на вопрос о смерти, то есть о безусловной конечности индивидуального (человеческого) бытия. Прядущие нить судьбы мойры – это Лахесис, она дает жребий до рождения, Клото, прядущая нить, с книгой жизни и ножницами в руках и Атропос, которая неуклонно приближает будущее, разрывая нить судьбы) [2, с. 14]. Триада Клото-Лахесис-Атропос встречается также у Платона и Пиндара. У Гесиода Мойры являются дочерьми Зевса и Фемиды – богини справедливости.

Со временем антропоморфные образы богов и богинь оказывались недостаточными для того, чтобы объяснить в каждом конкретном случае причину бедствия человека, которое зачастую происходило совершенно неожиданно и незаслуженно. Это вынуждало древнего грека допускать существование и вмешательство особого начала, воля и действия которого часто неисповедимы и которое поэтому в сознании греков никогда не получило ясно очерченного, определенного облика. Таким образом, в дальнейшем понимание «судьбы» становится более трагическим. Осознание «невыносимой тяжести бытия» заставляет человека античности искать пути примирения с этой реальностью посредством: а) осознания или изучения самой сущности судьбы как онтологической или умозрительной категории; б) решения проблемы преодоления фатальной неизбежности, то есть её «изживание», смирение, примирение с судьбой, покорность ей и, в итоге, победа над роком [11, с. 3].

С развитием античной литературы понятие рока еще больше усложнилось, становилось абстрактным. Так, в поэме Гомера «Илиада», отчетливо прослеживается понимание рока как всемогущей силы, которая определяет не только человеческое бытие, но и божественное. Мир поэмы пронизан заданностью: Ахилл знает ожидающее его будущее с самого начала «Илиады», и никакой его поступок ничего не сможет изменить в этом будущем. Также стоит отметить дуализм понимания судьбы в героическую эпоху. С одной стороны, это абстрактное понятие:

*Против судьбы человек меня не пошлет к Аидесу;
Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный... [3, с. 136].*

С другой стороны, в нем обнаруживается отчетливое влияние мифологических представлений о судьбе:

*После претерпит он все, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рождася от матери, выпряла с нитью» [3, с. 485].*

Таким образом, уже в доклассический период античной литературы мы видим сложившееся понимание рока как закономерности, предопределённости для человека и божества.

Наиболее ярко тема судьбы прослеживается в античной трагедии. Именно рок определяет поступки человека, которые могут повлечь за собой череду злодеяний и бедствий. Герои трагедий, как и все люди, наделены пороками, совершают роковые ошибки. Однако их отличительная черта – героическая воля – наследуется из эпоса. Она проявляется в борьбе героев трагедии со злом в окружающей жизни и в своей душе.

Например, в трагедии «Прометей прикованный» Эсхил наполняет миф о Прометее, даровавшем людям огонь, трагическим содержанием. Герой знает, что за его поступок последует наказание, с другой стороны, он осознает, что огонь – благо для людей и что свершить этот поступок – его судьба. А. Ф. Лосев называет Прометея сверхчеловеком, непреклонной личностью, стоящей выше всяких колебаний и противоречий, не идущей ни на какое «соглашательство и примиренчество». Происходящее Прометей расценивает как волю судьбы. Об этом герой заговаривает не менее шести раз на протяжении всей трагедии [4, с.288].

Идеи античности нашли свой отклик спустя более чем двадцать веков. Начало второго тысячелетия ознаменовано в истории русской культуры и литературы как Серебряный век, одной из главных культурно-философских идеологием которого является идеологема славянского ренессанса [6, с. 25]. Понятие, введенное Ф.Ф. Зелинским, суть которого заключается в выдвигании идеи «общей культурной судьбы славянства» [6, с. 54] и особой культурной миссии славянских народов – возродить античные прототипы и художественные образы, который станут главной движущей силой нового витка развития культуры [7, с. 110].

В отличие от античного понимания рока как неумолимой силы, Вячеслав Иванов в трагедии «Прометей» видит в судьбе не только предопределение, но и возможность для человека сделать метафизический выбор, выйти за пределы земного бытия в сферу высшего духовного становления. Автор переводит проблему рока из этической области в онтологическую, причем в данном случае Иванов смещает фокус с канонического изображения Прометея как трагического героя на Пандору.

С одной стороны, Иванов возвращается к античным истокам, архаичной форме выражения рока – в тексте трагедии «Прометей» судьба в буквальном смысле отождествляется с Пандорой, которая говорит о том, что является «рока голосом, судеб орудьем», и ее функция – «продлить глагол судеб», то есть подобно античным мойрам, выстроить цепь событий предначертанным образом. Детерминированность судьбы самой героини делает ее трагическим персонажем: зная о неминуемой гибели, она совершает роковой выбор.

Об обращении к архаичным, обрядовым формам свидетельствует и композиция произведения. В предисловии к трагедии, позднее вошедшем в собрание сочинений Иванова в качестве статьи «О действе и действии», автор представляет визуализацию композиции: трагедия представляет собой равнобедренный треугольник и символизируют композиционную симметрию [5, с. 169]. В данном контакте интерес представляет эпизод принесения Пандоры Прометеем в жертву и симметричный ему эпизод третьего действия, в котором толпа приносит ее в жертву ради Прометея. Первое жертвоприношение становится катализатором роковой предопределённости судьбы главного героя, символическое «отделение» Пандоры от Прометея является завязкой трагического конфликта, второе жертвоприношение становится его развязкой. В отличие от Прометея Эсхила, трагическое начало которого заключено в его смирении и принятии судьбы во благо людей, ради справедливости, трагизм Прометея Иванова заключён в его невозможности полноценного существования. Таким образом, в первом случае тема рока имеет этическое измерение, а во втором – онтологическое.

При его рассмотрении отметит, что концепция титанического вмешательства в мироздание становится центральным элементом переосмысления темы рока. Иванов создает новую философскую парадигму, где рок – не просто внешняя сила, а следствие активных действий титана.

Важным символическим элементом в этом случае выступает хор, который сохраняют свою значимость в трагедии Иванова. Хор океанид также связан с темой рока и судьбы в произведении: именно океаниды, воплощая цикличность действия рока, органично вписываются в концепцию «симметричной композиции». Океаниды являются воплощением природных циклов, а также они знают о грядущих событиях и в начале произведения предупреждают о фатальных последствиях действий главного героя, одна из океанид говорит о том, что Прометей нарушил миропорядок: «...Возможное творя, // Ты невозможному творил измену» [6, с. 55]. Помимо этого, хор в трагедии Иванова сохраняет аутентичные функции хора поздней античной трагедии.

дии, становясь проводником во внутренний мир главного героя. Именно океаниды скорбят о жребии Прометея:

*О жребии горьком твоём скорблю, Прометей.
Слезы бегут из глаз и катятся по щекам
Печальным потоком.*

Также важной составляющей темы рока в трагедии является проблема соотношения судьбы личности и коллективной судьбы. В этой связи отметим о значимости дионисийского мифа, на фундаменте которого Иванов строит сюжет трагедии. Поступки главного героя направлены на преодолении воли богов, свершение возмездия за смерть Диониса. Индивидуальные интенции Прометея также проявлены в коллективной судьбе его «сынов»: изживая в себе титаническое начало, прометеевы дети должны прийти к свободному согласию и соборному единству, добровольно отказавшись от ложного самоутверждения в ущерб другим – это единственно возможный способ добиться онтологической цельности. Кроме того, одним из элементов трагедии является момент открытия Пандорой происхождения людей:

*Счастливые, причастны вы огня
Небесного, как вы греха причастны.*

Человек, в котором живет Дионисова искра, онтологически превосходит титанов, знающих «лишь вины / Ярем извечный, да горючий пламень / Снедающий, злокозненный, голодный, / Да Матери голодную тоску» [10, с. 51].

Выводы

Таким образом, Вячеслав Иванов во многом создает собственную концепцию рока, существенно отличающуюся от античного канона. В его интерпретации рок, с одной стороны, предстает в архаичном материальном проявлении, тем не менее становится не просто внешней силой, а результатом внутренних противоречий героев, объединяя стихийное, дионисийской начало и рассудочное, титаническое.

В отличие от античного представления о роке как о неумолимой и неотвратимой силе, Вячеслав Иванов в трагедии «Прометей» переосмысляет концепцию судьбы: она предстаёт не только как предопределение, но и как возможность метафизического выбора для человека – выхода за пределы земного существования в сферу высшего духовного становления.

Список источников

1. Лосев А.Ф. История античной эстетики (в 8 томах). Т. 1. Ранняя классика. М.: АСТ, 2000. 624 с.
2. Кун Н.А. Легенды и мифы Древней Греции. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 512 с.
3. Гомер Илиада: пер. Н. Гнедича. М., 1978. 608 с.
4. Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. Мировой образ Прометея. 2-е изд., испр. М.: Искусство, 1995. 320 с.
5. Иванов В.И. Собрание сочинений / под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт; с введ. и примеч. О. Дешарт. [Т.] 2. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1971-, 1974. 851, [1] с., [8] л. ил., портр., факс.: нот. ил.
6. Хоружий С.С. Трансформации славянофильской идеи в XX веке // Вопр. философии. 1994. № 11. С. 54.
7. Новиков М.В, Перфилова Т.Б. Ф.Ф. Зелинский и идея славянского Возрождения // Известия ВГПУ. 2009. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-f-zelinskiy-i-ideya-slavyanskogo-vozrozhdeniya> (дата обращения: 29.09.2025)
8. Каяниди Л.Г. Трагедия Вячеслава Иванова «Прометей» в свете античной натурфилософии (Парменид, Эмпедокл, Платон, Плутарх) // Вестн. Том. гос. ун-та. Филология. 2021. №73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-vyacheslava-ivanova-prometej-v-svete-antichnoy-naturfilosofii-parmenid-empedokl-platon-plutarh> (дата обращения: 17.08.2025)
9. Иванов В.И. Прометей [Электронный ресурс]. URL: <https://ivanov.lit-info.ru/ivanov/dramaturgiya/prometej.htm> (дата обращения: 12.07.2025)
10. Кибальченко С.А. Человек в трагедии Вячеслава Иванова «Прометей» // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylogolog/2011/02/2011-02-09.pdf> (дата обращения: 15.10.2025)

11. Пятилетова Л.В., Панагушина Ю.С. Человек и судьба в зеркале античной культуры [Электронный ресурс] // Концепт. 2013. № 9 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-sudba-v-zerkale-antichnoy-kultury> (дата обращения: 15.10.2025)

12. Лосев А.Ф. Дерзание духа/сост.: Ю.А.Ростовцев. Москва: Издательство политической литературы, 1989. 366 с.

References

1. Losev A.F. History of Classical Esthetics (in 8 volumes). Vol. 1. Early Classics. Moscow: AST, 2000. 624 p.
2. Kun N.A. Legends and Myths of Ancient Greece. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017. 512 p.
3. Homer's Iliad: translated by N. Gnedich. Moscow, 1978. 608 p.
4. Losev A.F. The Problem of Symbol and Realistic Art. The World Image of Prometheus. 2nd ed., corrected. Moscow: Iskusstvo, 1995. 320 p.
5. Ivanov, V.I. Collected Works / edited by D.V. Ivanov and O. Deshart; with an introduction and notes by O. Deshart. [T.] 2. Brussels: Foyer Oriental Chrétien, 1971-, 1974. 851, [1] p., [8] f. ill., port., fax.: not. ill.
6. Khoruzhy S.S. Transformations of the Slavophile Idea in the 20th Century. Vopros. Philosophy. 1994. No. 11. P. 54.
7. Novikov M.V, Perfilova T.B. F.F. Zelinsky and the Idea of the Slavic Renaissance. Izvestia of the VSPU. 2009. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/f-f-zelinskiy-i-ideya-slavyanskogo-vozrozhdeniya> (date of access: 29.09.2025)
8. Kayanidi L.G. Vyacheslav Ivanov's Tragedy "Prometheus" in Light of Ancient Natural Philosophy (Parmenides, Empedocles, Plato, Plutarch). Vestn. Tomsk. state University. Philology. 2021. No. 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tragediya-vyacheslava-ivanova-prometej-v-svete-antichnoy-naturfilosofii-parmenid-empedokl-platon-plutarh> (date of access: 17.08.2025)
9. Ivanov V.I. Prometheus [Electronic resource]. URL: <https://ivanov.lit-info.ru/ivanov/dramaturgiya/prometej.htm> (date of access: 12.07.2025)
10. Kibalchenko S.A. Man in Vyacheslav Ivanov's Tragedy "Prometheus". VSU Bulletin. Series: Philology. Journalism. 2011. No. 2. [Electronic resource]. URL: <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2011/02/2011-02-09.pdf> (date of access: 15.10.2025)
11. Pyatiletova L.V., Panagushina Yu.S. Man and Fate in the Mirror of Ancient Culture [Electronic resource]. Concept. 2013. No. 9 (25). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-i-sudba-v-zerkale-antichnoy-kultury> (accessed: 15.10.2025)
12. Losev A.F. Daring of the Spirit/compiled by Yu.A. Rostovtsev. Moscow: Political Literature Publishing House, 1989. 366 p.

Информация об авторе

Шкурихин В.Д., аспирант, Институт филологии, Московский педагогический государственный университет, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Slava20101999@yandex.ru

© Шкурихин В.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'243:378.147

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-45-50

Моделирование кросс-культурных профессиональных ситуаций в обучении английскому языку как метод формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей

¹ Бочкарева Т.С., ¹ Кабанова О.В.,
¹ Оренбургский государственный университет

Аннотация: в работе представлен анализ существующих подходов к преподаванию английского языка в неязыковом вузе, выявлены основные коммуникативные барьеры студентов. В качестве основного метода исследования выступает моделирование учебного процесса на основе анализа профессиональных ситуаций с кросс-культурным компонентом (case-study и симуляция). Актуальность исследования обусловлена необходимостью подготовки специалистов неязыковых профилей, способных к эффективному межкультурному взаимодействию в профессиональной среде. Цель статьи – теоретическое обоснование и описание методического потенциала моделирования кросс-культурных профессиональных ситуаций как метода формирования иноязычной коммуникативной компетенции. Научная новизна заключается в интеграции положений теоретической лингвистики (дискурс-анализ профессионального общения) и прикладной методики для создания типологии учебных ситуаций. Результаты экспериментальной работы демонстрируют положительную динамику в развитии дискурсивной, социолингвистической и стратегической субкомпетенций студентов. Сделан вывод об эффективности предложенного метода для преодоления психологических и языковых барьеров в ситуациях межкультурной деловой коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная компетенция, кросс-культурная коммуникация, моделирование профессиональных ситуаций, неязыковой вуз, английский язык для специальных целей, интерактивное обучение, дискурс-анализ

Для цитирования: Бочкарева Т.С., Кабанова О.В. Моделирование кросс-культурных профессиональных ситуаций в обучении английскому языку как метод формирования коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 45 – 50. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-45-50

Поступила в редакцию: 28 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Modeling cross-cultural professional situations in teaching English as a method for developing communicative competence in students of non-linguistic specialties

¹ Bochkareva T.S., ¹ Kabanova O.V.,
¹ Orenburg State University

Abstract: the paper presents an analysis of existing approaches to teaching English at a non-linguistic university and identifies the main communicative barriers faced by students. The primary research method involves modeling the educational process based on the analysis of professional situations with a cross-cultural component (case studies and simulations). The relevance of the study is driven by the need to train non-linguistic specialists capable of effective intercultural interaction in a professional environment. The aim of the article is to provide a theoretical foundation and describe the methodological potential of modeling cross-cultural professional situations as a method for developing foreign language communicative competence. The scientific novelty lies in the integration of theoretical linguistics (discourse analysis of professional communication) and ap-

plied methodology to create a typology of educational situations. The results of the experimental work demonstrate positive dynamics in the development of students' discourse, sociolinguistic, and strategic sub-competences. It is concluded that the proposed method is effective in overcoming psychological and linguistic barriers in cross-cultural business communication contexts.

Keywords: communicative competence, cross-cultural communication, modeling professional situations, non-linguistic university, English for Specific Purposes, interactive learning, discourse analysis

For citation: Bochkareva T.S., Kabanova O.V. Modeling cross-cultural professional situations in teaching English as a method for developing communicative competence in students of non-linguistic specialties. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 45 – 50. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-45-50

The article was submitted: December 28, 2025; Approved after reviewing: February 25, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Современные геополитические и экономические условия, характеризующиеся переориентацией на Восток и развитием международных проектов в новых реалиях, не снижают, а напротив, качественно меняют требования к владению иностранными языками выпускниками неязыковых специальностей. Сегодня востребован специалист, способный не просто читать профессиональную литературу, но и выступать в роли полноценного участника межкультурного профессионального диалога. Это актуализирует проблему поиска эффективных методов обучения, выходящих за рамки традиционного грамматико-переводного подхода.

В теории и методике преподавания иностранных языков прочно утвердилось понятие «коммуникативная компетенция» [1, 2]. Под ней понимается способность осуществлять общение, адекватное целям, сфере, ситуации и участникам коммуникации. Для студентов неязыковых специальностей особую значимость приобретает её профессиональная составляющая, включающая знание специальной терминологии, норм делового этикета и, что наиболее важно, особенностей коммуникативного поведения представителей иных культур [3, 11].

Однако практика преподавания английского языка в неязыковом вузе сталкивается с рядом противоречий. Во-первых, наблюдается разрыв между академическим характером изучаемого материала и реальными потребностями профессионального общения. Во-вторых, студенты часто испытывают так называемый «культурный шок» в миниатюре даже при моделировании ситуаций общения с иностранцами, что обусловлено не только языковым барьером, но и незнанием социокультурных норм. Исследователи также указывают на наличие психологических и лингвистических коммуникативных барьеров, связанных со страхом «потерять лицо» или быть непонятым в инокультурном контексте [8, 10].

Одним из перспективных путей преодоления данных противоречий выступает метод моделирования кросс-культурных профессиональных ситуаций. Использование симуляций, имитирующих коммуникативные паттерны реальных международных команд, позволяет студентам получить непосредственный опыт когнитивных и эмоциональных вызовов, возникающих в процессе взаимодействия носителей и неносителей языка [5, 7]. Данный метод базируется на принципах коммуникативно-деятельностного подхода, где обучение строится через решение профессиональных задач, максимально приближенных к реальности [4, 6].

Целью данной статьи является теоретико-методологическое обоснование применения моделирования кросс-культурных профессиональных ситуаций в обучении английскому языку студентов неязыковых специальностей и анализ его влияния на формирование компонентов иноязычной коммуникативной компетенции.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологическую базу исследования составили труды в области коммуникативной лингвистики (И.А. Зимняя, Е.И. Пассов), теории межкультурной коммуникации (С.Г. Тер-Минасова, Г.В. Елизарова), а также современные разработки в области ESP (English for Specific Purposes) [9, 10]. Для решения поставленных задач был использован комплекс методов: теоретический анализ научной литературы по проблеме, педагогическое моделирование, экспериментальное обучение, наблюдение, анкетирование, метод экспертных оценок и статистический анализ полученных данных.

Исследование проводилось на базе Оренбургского государственного университета в течение 2024-2025 учебного года. В эксперименте приняли участие 64 студента 1-2 курсов юридических и экономических

направлений подготовки, изучающих английский язык. Участники были разделены на контрольную (КГ, n=32) и экспериментальную (ЭГ, n=32) группы. Уровень владения языком на входе соответствовал уровням A2-B1 по общеевропейской шкале.

Материалом для моделирования ситуаций послужили:

1. Аутентичные тексты профессиональной направленности (отчеты, контракты, техническая документация).
2. Видеофрагменты реальных деловых переговоров с участием представителей различных культур (ОАЭ, Китай, страны Ближнего Востока).
3. Кейсы, описывающие критические инциденты (critical incidents) в межкультурной деловой коммуникации, разработанные на основе анализа научной литературы.

Процесс обучения в ЭГ строился на регулярном включении кросс-культурных профессиональных симуляций:

- на предкоммуникативном этапе студенты знакомились с культурными параметрами (индивидуализм/коллективизм, дистанция власти и др.) и особенностями делового дискурса изучаемых культур.
- на коммуникативном этапе разыгрывались сценарии: «Переговоры о поставках с китайской компанией», «Урегулирование конфликта в международной проектной команде (онлайн)», «Презентация экономического проекта заказчику из ОАЭ». Ключевой особенностью симуляций являлось введение непредвиденных обстоятельств (техническая ошибка, непонимание запроса, культурно обусловленная пауза), требующих от студентов немедленной коммуникативной реакции.
- на рефлексивном этапе проводился детальный разбор видеозаписей симуляций с акцентом на эффективность использования вербальных и невербальных средств, а также учет кросс-культурного контекста.

В КГ обучение велось по традиционной методике с использованием профессионально-ориентированных текстов и упражнений на закрепление лексики, но без акцента на моделирование целостных кросс-культурных сценариев.

Для оценки эффективности использовались критерии, разработанные на основе структуры коммуникативной компетенции:

- лингвистический критерий (лексико-грамматическая правильность речи).
- дискурсивный критерий (способность выстраивать логичное и связное высказывание).
- социолингвистический критерий (адекватность выбора языковых средств ситуации и культурному контексту – обращение, регистр общения, учет культурных табу).
- стратегический критерий (способность компенсировать пробелы в знании языка с помощью перифраза, уточнения, переспроса).

Результаты и обсуждения

Анализ результатов итогового среза выявил существенные различия в уровне сформированности иноязычной коммуникативной компетенции между контрольной и экспериментальной группами. Динамика уровня сформированности компонентов коммуникативной компетенции оценивалась по 5-бальной шкале и был выведен средний балл. Обобщение представлено следующими данными:

- компонент компетенции лингвистический: КГ (вход) 3,2; КГ (выход) 3,5; ЭГ (вход) 3,1; ЭГ (выход) 3,7;
- компонент компетенции дискурсивный: КГ (вход) 3,0; КГ (выход) 3,3; ЭГ (вход) 3,1; ЭГ (выход) 4,0;
- компонент компетенции социолингвистический: КГ (вход) 2,8; КГ (выход) 3,0; ЭГ (вход) 2,9; ЭГ (выход) 4,2;
- компонент компетенции стратегический: КГ (вход) 3,0; КГ (выход) 3,2; ЭГ (вход) 3,0; ЭГ (выход) 4,1;

Как видно из обобщения, обе группы показали прогресс. Однако в ЭГ прирост по дискурсивному, социолингвистическому и стратегическому компонентам оказался значительно выше. Наибольший разрыв наблюдается по социолингвистическому компоненту. Студенты ЭГ в ходе итоговых симуляций демонстрировали способность корректно выбирать стратегии приветствия и обращения, учитывая иерархию (дистанция власти), избегали категоричных отказов в общении с представителями коллективистских культур, используя смягченные формулы. Это наталкивает на вывод о том, что вовлечение в симуляции повышает осведомленность о культурно-чувствительном использовании языка.

Анализ результатов дискурсивного компонента показал, что студенты ЭГ научились более эффективно выстраивать структуру делового письма и устного выступления, учитывая линейные или циклические модели аргументации, характерные для разных культур. В контрольной группе высказывания, даже грамматически правильные, часто строились по единому шаблону, без учета культурных особенностей адресата.

Наиболее показательными стали результаты, касающиеся стратегической компетенции. В ситуациях коммуникативных неудач или непонимания, специально заложенных в сценарий, студенты ЭГ активнее использовали компенсаторные стратегии (уточняющие вопросы, перефразирование), в то время как студенты КГ чаще терялись и пытались «дословно перевести» незнакомую конструкцию, что приводило к коммуникативному коллапсу. Это подтверждает идею о том, что моделирование не просто «проигрывание» ситуаций, а создание условий для реального взаимодействия, требующего гибкости.

Качественный анализ рефлексивных эссе студентов ЭГ показал, что участие в кросс-культурных симуляциях способствовало снижению тревожности и «культурного шока». Студенты отмечали: «Я понял, что молчание в ответе китайского партнера – это не непонимание, а время на обдумывание, и не нужно сразу его нарушать новыми предложениями». Такие высказывания свидетельствуют о формировании не только знаний, но и эмпатии – важнейшего компонента межкультурной компетенции.

Полученные результаты вступают в диалог с выводами Шишмолиной Е.П. [10] о необходимости создания искусственной билингвальной среды для преодоления коммуникативных барьеров. Наше исследование дополняет этот тезис утверждением, что среда должна быть не просто иноязычной, а именно кросс-культурной и профессионально-контекстной. Важно не только говорить на языке, но и говорить на нем как представитель своей профессии с представителем иной культуры.

Выводы

Подводя итог, можно сделать следующие выводы:

1. Моделирование кросс-культурных профессиональных ситуаций является эффективным методом формирования иноязычной коммуникативной компетенции у студентов неязыковых специальностей. В отличие от стандартных коммуникативных упражнений, данный метод позволяет комплексно развивать лингвистический, дискурсивный, социолингвистический и стратегический компоненты компетенции [1, 11].

2. Ключевым педагогическим условием успешности метода выступает организация трехэтапной работы (предкоммуникативный анализ, вариативная симуляция с элементами непредсказуемости, глубокая рефлексия). Именно рефлексивный этап позволяет студентам осознать культурную обусловленность коммуникативных неудач и успехов [3, 9].

3. Результаты экспериментального обучения подтверждают гипотезу о том, что погружение в смоделированные профессиональные контексты с ярко выраженным кросс-культурным компонентом способствует не только росту языковых навыков, но и преодолению психологических барьеров, формированию «межкультурной сензитивности» будущих специалистов.

4. С теоретической точки зрения, исследование вносит вклад в развитие прикладной лингвистики, демонстрируя, как данные дискурс-анализа реальной межкультурной коммуникации могут быть трансформированы в дидактический материал для моделирования учебных ситуаций.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в разработке цифровых симуляторов виртуальной реальности (VR) для погружения студентов в кросс-культурную профессиональную среду, а также в создании методик оценки soft skills, формируемых в ходе такой подготовки.

Список источников

1. Боронихина И.О., Бочкарева Т.С., Варфоломеева Н.С. и др. Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у студентов неязыкового вуза // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 64 – 69.

2. Бочкарева Т.С., Кабанова О.В. К вопросу о кросс-культурном взаимодействии в рамках дисциплины «Деловой иностранный язык» у магистрантов неязыковых специальностей // Вестник Оренбургского государственного университета. 2021. № 2 (230). С. 6 – 12.

3. Ван Ю., Харченко Н.Л., Усов С.С. Структурно-функциональная модель формирования иноязычной компетентности студентов-экономистов // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. № 2 (50). С. 144 – 155. DOI 10.54509/22203036_2023_2_144

4. Максимова Б., Борисова И., Дмитриева О. Методы развития коммуникативной компетенции на неязыковых специальностях // 20-я Международная мультидисциплинарная научная геоконференция SGEM 2020. 2020. С. 795 – 804.

5. Ниили Т. Вовлечение студентов в учебный процесс на эмоциональном уровне с помощью онлайн-симуляций // Гарвардский университет VPAL. 2023.

6. Пресснер Р. Коммуникативно-ориентированный подход к обучению иностранным языкам в неязыковых вузах // Научные вопросы Тернопольского национального педагогического университета имени Владимира Гнатюка. Серия: Педагогика. 2017. № 4. С. 12 – 19.

7. Таварес Н.Дж., Хо Х. Развитие мультикультурных компетенций у изучающих английский как второй язык с помощью симулированных рабочих ситуаций // 59-я Международная конференция RELC. Сингапур, 2025.

8. Томин В.В., Еремина Н.В. Саморазвитие студентов университета посредством онлайн-кросс-культурного взаимодействия в иноязычном информационном поле // Вестник Оренбургского государственного университета. 2016. № 1 (189). С. 71 – 75.

9. Томин В.В., Бочкарева Т.С. Формирование иноязычной компетенции студентов в информационном поле кросскультурного взаимодействия // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 6. С. 310 – 328.

10. Шишмолина Е.П. Дистанционное обучение профессиональной межгрупповой коммуникации студентов неязыковых специальностей // Казанский лингвистический журнал. 2022. № 4. С. 252 – 266.

11. Кукарская Г.Н., Пахомова В.М., Трифонова И.С. Развитие иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых специальностей с использованием ассоциативно-проектного метода // Научно-педагогическое обозрение. 2020. № 2. С. 100 – 112.

References

1. Boronikhina I.O., Bochkareva T.S., Varfolomeeva N.S., et al. Formation of professionally oriented lexical competence in students of a non-linguistic university. *Modern science: current problems of theory and practice*. Series: Humanities. 2024. No. 5. P. 64 – 69.

2. Bochkareva T.S., Kabanova O.V. On the issue of cross-cultural interaction within the framework of the discipline "Business Foreign Language" among master's students of non-linguistic specialties. *Bulletin of the Orenburg State University*. 2021. No. 2 (230). P. 6 – 12.

3. Wang Yu., Kharchenko N.L., Usov S.S. Structural and functional model of developing foreign language competence of economics students. *Professional education in Russia and abroad*. 2023. No. 2 (50). P. 144 – 155. DOI 10.54509/22203036_2023_2_144

4. Maksimova B., Borisova I., Dmitrieva O. Methods of developing communicative competence in non-linguistic specialties. 20th International Multidisciplinary Scientific Geoconference SGEM 2020. 2020. P. 795 – 804.

5. Neeili T. Engaging students in the educational process on an emotional level using online simulations. Harvard University VPAL. 2023.

6. Pressner R. Communicative-oriented approach to teaching foreign languages in non-linguistic universities. *Scientific issues of Volodymyr Hnatyuk Ternopil National Pedagogical University*. Series: Pedagogy. 2017. No. 4. P. 12 – 19.

7. Tavares N.J., Ho H. Developing multicultural competencies in learners of English as a second language using simulated work situations. 59th International RELC Conference. Singapore, 2025.

8. Tomin V.V., Eremina N.V. Self-development of university students through online cross-cultural interaction in the foreign-language information field. *Bulletin of Orenburg State University*. 2016. No. 1 (189). P. 71 – 75.

9. Tomin V.V., Bochkareva T.S. Formation of Students' Foreign Language Competence in the Information Field of Cross-Cultural Interaction. *Modern Studies of Social Problems (Electronic Scientific Journal)*. 2015. No. 6. P. 310 – 328.

10. Shishmolina E.P. Distance Learning of Professional Intergroup Communication of Students Majoring in Non-Linguistic Specialties. *Kazan Linguistic Journal*. 2022. No. 4. P. 252 – 266.

11. Kukarskaya G.N., Pakhomova V.M., Trifonova I.S. Development of Foreign Language Communicative Competence of Students Majoring in Non-Linguistic Specialties Using the Associative-Project Method. *Scientific and Pedagogical Review*. 2020. No. 2. P. 100 – 112.

Информация об авторах

Бочкарева Т.С., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет,
bochkarevatc@rambler.ru

Кабанова О.В., кандидат педагогических наук, доцент, Оренбургский государственный университет

© Бочкарева Т.С., Кабанова О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / **Philological Bulletin**»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.1/.2

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-51-58

Эталонная текстовая модель немецкой притчи: грамматические и стилистические корреляции

¹ Горшков И.П.,

¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: в рамках данной статьи исследуются немецкоязычные авторские и религиозные притчи. Лингвистический анализ заключается в работе с языковыми средствами, которые являются основой для характеристики каждой из пяти текстовых категорий и для выстраивания общей типологической архитектоники притчи. При этом категориальные инвариантные признаки демонстрируют корреляцию с жанровыми признаками немецкой притчи. Сопоставительный взгляд на притчи относительно аспекта религиозности позволил охватить более широкую выборку текстовых примеров. Для достижения основной цели статьи – установления характерных и универсальных черт немецкоязычной притчи выявлялись и фиксировались сходства и различия в актуализации текстовых категорий и их степень участие в построении притчи как жанра и как типа текста. Результатом проведенного анализа является представление эталонной категориальной модели текста притчи, что может быть использовано и расширено в рамках вузовских курсов, связанных с теорией немецкого текста. При этом обоснованно подтверждается не только текстообразующая роль и функции каждой текстовой категории, но и целесообразность применения системного подхода к анализу конкретного жанра и типа текста.

Ключевые слова: категориальная модель, эталонный текст, архитектоника немецкоязычной притчи, корреляции

Для цитирования: Горшков И.П. Эталонная текстовая модель немецкой притчи: грамматические и стилистические корреляции // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 51 – 58. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-51-58

Поступила в редакцию: 29 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The reference text model of German parable: grammatical and stylistic correlations

¹ Gorshkov I.P.,

¹ Federal State University of Education

Abstract: this article examines German-language authorial and religious parables. The linguistic analysis involves working with linguistic means that form the basis for characterizing each of the five text categories and for constructing a general typological architecture of the parable. At the same time, categorical invariant features demonstrate a correlation with the genre features of the German parable. A comparative view of parables in terms of religiosity allowed for a broader selection of text examples to be covered. To achieve the main goal of the article – to establish the characteristic and universal features of the German-language parable – similarities and differences in the actualization of text categories and their degree of participation in the construction of the parable as a genre and as a text type were identified and recorded. The result of the analysis is the presentation of a reference categorical model of the parable text, which can be used and expanded within the framework of university courses related to German text theory. This not only confirms the text-forming role and functions of each text category, but also the advisability of applying a systematic approach to the analysis of a specific genre and text type.

Keywords: categorical model, reference text, architectonics of German-language parable, correlations

For citation: Gorshkov I.P. The reference text model of German parable: grammatical and stylistic correlations. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 51 – 58. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-51-58

The article was submitted: December 29, 2025; Approved after reviewing: February 26, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Поскольку тексты притч отличаются своей многогранностью и стремятся отобразить метафизическую и религиозную стороны человеческой жизни, постольку из них можно извлечь историю религиозности, которая, в частности, может быть поучительной для современного мира [13].

По мнению Моисеевой И.Ю. несмотря на то, что их история насчитывает не одно столетие, их семантическая актуальность остается неизменной и передается из поколения в поколение, о чем свидетельствуют современные опросы и исследования [6].

Важно отметить, что детальный интерес к структуре и замыслу притч обозначился только к середине 1950-х годов [10, с. 256]. Практически все публикации о притче берут за основу предложенный теологом Адольфом Юлихером фундаментальный анализ библейской притчи и ее сопоставления с другими литературными формами [12].

Однако Мельникова С.В. в своей работе акцентирует внимание на том факте, что однозначного понимания притч никогда не существовало. Это относится как к библейским притчам, так и к современной притче, вобравшей в себя особенности смежных жанров, связанных с религиозной и философской проблематикой [5].

При этом в данной статье основное внимание уделяется не рассмотрению притч с позиций экзегетики, а их лингвистическому анализу с помощью подхода, разработанного отечественными учеными - Москальской О.И., Левченко М.Н., Ноздриной Л.А., Тарасовой О.И., Баркаловой Н.В. [1,4,7,8,9]. Данный подход позволяет не только структурно разложить текст благодаря актуализаторам пяти текстовых категорий, но и сделать вывод об их текстообразующих свойствах для жанрового и типологического построения притчи по грамматическим признакам.

Материалы и методы исследований

Исследование в рамках данной статьи проводится на материале 122 религиозных и авторских немецкоязычных притч, подобранных методом сплошной выборки [10, 11]. Целью статьи является выявление типовых текстовых характеристик для построения эталонной категориальной модели немецкоязычной притчи. Необходимо было проанализировать и описать языковые средства текстовых категорий темпоральности (Т), локальности (Л), модальности (М), референтности (Р) и персональности (П) с помощью методов традиционного лингвистического описания и дистрибутивного анализа, а затем распределить их, применяя методы сопоставительного и контекстуального анализа. Для подведения итогов и результатов исследования использовались статистические подсчеты.

Результаты и обсуждения

В качестве примера рассмотрим одну из притч из Евангелия от Матфея (Мф. 13:47–50, нумерация сохраняется по Евангелию) – «Притчу о неводе, закинутом в море».

Das Gleichnis vom Fischnetz

Wiederum ist es mit dem Himmelreich wie mit einem Netz, das ins Meer ausgeworfen wurde und in dem sich Fische aller Art fingen.

Als es voll war, zogen es die Fischer ans Ufer; sie setzten sich, sammelten die guten Fische in Körbe, die schlechten aber warfen sie weg.

So wird es auch bei dem Ende der Welt sein: Die Engel werden kommen und die Bösen aus der Mitte der Gerechten aussondern und sie in den Feuerofen werfen. Dort wird Heulen und Zähneknirschen sein.

Повествование в данном тексте притчи построено от третьего лица, прямая речь отсутствует, таким образом, каждая из анализируемых текстовых категорий будет односистемной.

Насыщенность темпоральными сигналами в тексте и предложениях является низкой, однако выражена синсемантическими средствами разных уровней – морфологического (союз *als*) и морфологосинтаксического (словосочетание *bei dem Ende der Welt*). Притча является политемпоральной, при этом затруднительно выделить стержневую глагольную форму. Встречается как настоящее время *Präsens (ist)*, так и прошедшее время *Präteritum (ausgeworfen wurde, fingen, war, sammelten)* и будущее время *Futur 1 (wird*

sein, werden kommen). Темпоральность текста определяется как детерминированная, синсемантическая и неоднородная (выражена союзом, существительными).

В тексте встречается умеренное количество локальных маркеров. К ним относятся синсемантические существительные, описывающие окружающий мир (*ins Meer, ans Ufer*), а также сигналы небесного мира – существительные *Himmelreich* и *Mitte, Feuerofen*, глагол движения *kommen*, наречие *dort*. Локальность текста детерминированная и синсемантическая (нет конкретизации мест), полилокальная (два мира) и неоднородная (актуализируется разными частями речи).

Модальность притчи в данном примере выражена только глаголами в индикативе (*war, sammeln, wird sein* и др.), сравнительным союзом *wie* и наречием с оценочным оттенком *so*. Таким образом, модальная структура притчи детерминирована, ненасыщена, мономодальна и неоднородна (глаголы, союз, наречие).

Референтность притчи построена вокруг Царствия Небесного и сопоставлений с ним. Она выражена средствами разных уровней – морфологического (*es, Die Engel*), морфолого-синтаксического (*in den Feuerofen*) и синтаксического (*das ins Meer ausgeworfen wurde und in dem sich Fische aller Art fingen, Als es voll war, Dort wird Heulen und Zähneknirschen sein*). Текст по данной категории детерминирован и автосемантический, монореферентен и ненасыщен (один референт) и неоднородным (выражен средствами разных уровней).

Для характеристики текстовой персональности необходимо проанализировать ее архитеконику и указать языковые средства, имеющие персональную сему:

зо-
gen..die..Fischer..sie..setzen..sich..sammeln..warfen..sie..Die..Engel..werden..die..Bösen..der..Gerechten..sie..

Персональность анализируемой притчи можно охарактеризовать как детерминированную автосемантическую (присутствуют маркеры с персональными семами), полиперсональную (рыбаки, ангелы, грешники, праведники) и неоднородную (личные окончания глаголов, местоимения, артикли, существительные).

Для определения доминантных категорий грамматической структуры текста выстраивается цепочка символов, описывающая текстовый каркас анализируемой притчи:

М..Л/Р..М..Л/Р..М..Р..М..Т..Р..М..М/П..Р..П..Л..П..М/П..П..М..М/П..П..М..Т..П..П/Р..П..М..П..П..Л..П..П..
М..П..Л/Р..М..Л..М..Р

Соответственно, доминантными по частотности являются категории персональности и модальности, второстепенной – референтность, нейтральными – локальность и темпоральность.

Далее проведем сопоставительный анализ корреляции текстовых категорий и основных жанровых признаков исследуемых текстов.

За счет низкой насыщенности текста темпоральными маркерами и референтной ненасыщенности можно подчеркнуть лаконичность данной притчи. При этом как темпоральные, так и локальные сигналы являются синсемантическими, без конкретизации места и времени для описываемых событий (*als, bei dem Ende der Welt, ins Meer, ans Ufer, in den Feuerofen*).

Притча написана в повествовательном стиле от лица автора (Иисуса), о чем свидетельствует односистемность каждой из категорий. Детерминации текстовой полилокальности, темпоральности, персональности необходимы для описания сюжетных действий в рамках данной притчи, которые раскрываются благодаря неоднородности перечисленных выше категорий с помощью разноуровневых языковых средств (морфологических, морфолого-синтаксических и синтаксических).

Иносказательные отсылки репрезентируются за счет детерминации и неоднородности текстовой модальности и референтности (*Himmelreich wie mit einem Netz; wird sein*). Автор проводит ряд аналогий, например, между морем и средой (*ins Meer – aus der Mitte*), рыбой и праведниками/грешниками (*die guten Fische...die schlechten – die Bösen...der Gerechten*), рыбаками и ангелами (*die Fischer – die Engel*), тем самым используя также языковые средства категорий локальности и персональности.

Как и в случае с признаком повествовательного стиля для цели дидактического поучения в притче служит авторский план речи, а следовательно, односистемность текстовых категорий. Мономодальная детерминация и неоднородность вводят авторское сравнение (*wie mit einem Netz, das...*) и акцентирует внимание на результате или морали притчи (*So wird es...*).

Анализ структуры данной притчи позволяет увидеть, как бы два витка параболы. Они закольцовывают текст, возвращая внимание читателя к основному референту – Царству Небесному, упомянутому в первом предложении (*Himmelreich*). Затем следуют сравнения сначала в рамках земного мира (*wie mit einem Netz, das ins Meer ausgeworfen wurde...*), а в морали в рамках небесного (*Die Engel werden kommen und...*). При этом, если предположить, что притча написана для каждого отдельного человека и момента смерти, то дей-

ствия рыбаков также будут цикличны и будут повторяться из раза в раз (*Als es voll war, zogen es die Fischer ans Ufer / Когда лодка была полна, рыбаки потянулись к берегу*).

Отсутствие в притче конкретных указаний на локальные (только *ins Meer, ans Ufer, dort*) и темпоральные маркеры (*als, bei dem Ende der Welt*) делает ее не только универсальной и эталонной, но и вечной при восприятии для любого читателя.

Мораль в данном примере эксплицитна («*So wird es auch bei dem Ende der Welt sein: Die Engel werden kommen und die Bösen aus der Mitte der Gerechten aussondern und sie in den Feuerofen werfen. Dort wird Heulen und Zähneknirschen sein.*») / «*Так будет и в конце мира. Придут ангелы, заберут злых из среды праведных и бросят их в пылающую печь, где будет плач и скрежет зубов.*») и обособляется в последних двух предложениях за счет политемпоральности (она написана в форме будущего времени – *wird sein, werden kommen* и т.д.). Ее суть заключается не столько в качестве урока, сколько в качестве предостережения и вводится за счет конкретного описания событий после конца мира. В ее построении, помимо темпоральности, принимает участие каждая из категорий: локальность – *der Welt, kommen, aus der Mitte*, модальность – *So*, референтность – *Dort wird Heulen und Zähneknirschen sein*, персональность, – *die Engel, die Bösen*.

Таким образом, данный текст притчи включает в себя все жанровые признаки притчи: лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевую композицию и универсальность, наличие морали.

Сопоставление текстовых категорий и жанровых признаков возможно описать с помощью структурной схемы:

- Лаконизм – ТЛР
- Повествовательный стиль – ТЛМРП
- Иносказание – ЛМРП
- Дидактизм – ТЛМРП
- Кольцевая композиция – Р
- Универсальность – ограничения Т и Л
- Мораль (эксплицитная выраженность) – ТЛМРП

Из схемы видно, что наиболее активными будут инвариантные признаки категорий темпоральности, локальности и референтности, а признаки категорий модальности и персональности демонстрируют умеренную активность.

Можно отметить, что каждая из категорий вносит значительный вклад в построение жанровых характеристик религиозной притчи. При этом противоположные активности категорий темпоральности и локальности в типологической и жанровой цепочках указывают на двойственность, что подчеркивает важность разностороннего анализа текста.

Для сопоставления с религиозной притчей проведем анализ авторской притчи немецкого писателя Фридриха Вольфа «Протекающий корабль» [10, с. 115].

Das lecke Schiff

Ein Schiff, das Ruder, Mast und Segel verloren, trieb auf hoher See im Sturm. »Wir müssen Brot und Wasser verteilen, wir wissen nicht, wie lange der Sturm währt«, sprachen einige. – »Unsinn«, sprach der Maat, »der Größere braucht mehr; auch schwimmt Fettbauch besser als Steingekrös.«

Jetzt begann ein Wettfraß, jeder wollte schnell noch das meiste haben. Am vierten Tag ging das Wasser und Brot zur Neige. Da mußten sie die Krumen einteilen. Am fünften Tag warfen die Leichtmatrosen den Maat über Bord. »Fettbauch schwimmt besser als Steingekrös. « Am sechsten Tag schwiegen die letzten. Am siebten Tag trieb das Totenschiff am Land.

Текстовые категории данной притчи можно охарактеризовать как двусистемные, поскольку можно выделить авторскую подсистему и подсистему персонажей (*Unsinn», sprach der Maat...*).

Количество темпоральных маркеров как на уровне текста, так и на уровне предложений является невысоким. При этом они выражены разными частями речи – предлогами (*wie lange*), наречиями (*Jetzt, schnell, Da*), препозициональными группами (*Am fünften Tag, Am siebten Tag*). В тексте две основные временные формы глаголов – Präteritum для косвенной речи и Präsens для прямой речи. Нарушение темпорального континуума выражено межфразовой ретроспекцией в первом предложении (*Ein Schiff, das Ruder, Mast und Segel verloren, trieb...*). Темпоральность текста, таким образом, получается детерминированной и синсемантической (нет темпоральной конкретизации), политемпоральной (прошедшее и настоящее времена) и неоднородной.

В данном примере нет большого количества локальных сигналов. Можно отметить на морфологическом уровне существительное артиклем – *Ein Schiff, das Totenschiff* и на морфолого-синтаксическом уровне препозиционные группы – *auf hoher See, am Land*). Текст по категории локальности детерминирован и синсемантичен (без указания конкретных локаций), полилокален (корабль, море, суша) и неоднороден (актуализируется на разных уровнях).

Все глагольные формы данного примера указаны в форме *Indikativ*, что указывает на мономодальность. Текст насыщен модальными сигналами на морфологическом уровне – глаголами (*müssen, wollte, ging, mußten...*) и существительными с модальным оттенком (*Steingekrös, Wettfraß, Unsinn*), на морфолого-синтаксическом уровне – сравнительной конструкцией (*besser als*) и на синтаксическом уровне – сомнением (*wir wissen nicht, wie lange...*). Модальность текста получается детерминированной и насыщенной, мономодальной (один модальный план) и неоднородной (выражена на разных уровнях).

В притче описывается испытание после бедствия, с которым пришлось столкнуться команде корабля. Вокруг него построено основное повествование, и оно является основным эксплицитным референтом. Для его раскрытия используются средства разных уровней. На морфологическом уровне можно отметить следующие сигналы – *Ein Schiff, ein Wettfraß, das Totenschiff*, на морфолого-синтаксическом – *auf hoher See im Sturm*, на синтаксическом – *Ruder, Mast und Segel verloren, Brot und Wasser verteilen, ging das Wasser und Brot zur Neige, die Krumen einteilen*. Таким образом, референтность текста можно охарактеризовать как детерминированную и автосемантическую, монореферентную и ненасыщенную (один основной референт) и неоднородную (выражена разноуровневыми средствами).

Для характеристики текста по категории персональности необходимо выстроить его персональную структуру:

Wir..müssen..wir..wissen..sprachen..einige..sprach..der..Maat..der..Größere..braucht..jeder..wollte..mußten..sie..warfen..die..Leichtmatrosen..den..Maat..schwiegen..die..letzten

Персональность текста получается детерминированной и автосемантической, полиперсональной (*Leichtmatrosen, Maat*) и неоднородной (актуализируется личными окончаниями глаголов, существительными, прилагательными, местоимениями, артиклями).

Доминантность каждой из описанных текстовых категорий определяется за счет структурирования текста в виде последовательности терминологических символов:

Л..Л/Р..Р..М..М..Л..Р..П..П/М..Р..М..П..П/М..М..Т..Р..М..П/М..П..М..М/П..П..П..П..П..М/П..М/П..М..М..Т..М..Р..П..М/П..Т..М..Т..М/П..Р..Т..М/П..П..Р..М..Т..М/П..П..П..П..П..М..М..М..Т..М/П..П..П..Т..М..Л/Р..Л..Л/Р

Из выстроенной архитектоники видно, что она получается аналогичной архитектонике евангельской притчи. Доминантными категориями также будут персональность и модальность, второстепенной – референтность и нейтральными – темпоральность и локальность.

Для оценки вклада каждой из категорий в построение жанровых признаков притчи проведем сопоставительный анализ.

Первым характерным признаком притчи является лаконичность. Поэтому необходимо отметить не только ненасыщенные локальную и темпоральную архитектоники, но и их синсемантичность (*wie lange, Jetzt, schnell, Da Am fünften Tag, Am siebten Tag / auf hoher See, am Land*). Для автора не является первостепенным временная и локальная соотнесенность текста. Также притча построена вокруг всего одного эксплицитного референта, что соответственно, говорит о ненасыщенности по данной категории и влияет на текстовый объем.

Двусистемность каждой из представленных категорий подразумевает наличие в тексте авторского плана, со стороны которого построено повествование. Выраженность и неоднородность текстовых временных промежутков (*müssen, wollte, ging, mußten*), локаций (*Ein Schiff, auf hoher See*) и персоналий (*Leichtmatrosen, Maat*) свидетельствует о наполненности и развитии сюжетных линий.

За счет автосемантической детерминации основного референта в тексте можно провести аналогию с индизонимной отсылкой к житейским трудностям. Люди зачастую оказываются в сложном положении (*Ein Schiff, das Ruder, Mast und Segel verloren / im Sturm*) и вынуждены реагировать на сложившиеся обстоятельства (*die Krumen einteilen*), что подчеркивается за счет насыщенности модальной структуры текста (*müssen, wollte, mußten, wissen nicht, wie lange...*). Главные действующие лица - боцман и матросы, раскрывающиеся с помощью неоднородных средств категории персональности (*Leichtmatrosen, Maat*), являются прообразами подчиненных и начальника. Именно он должен взять на себя ответственность за все решения и свою команду в сложившейся ситуации.

В данной притче дидактизм раскрывается как в авторском плане речи, так и в прямой речи персонажей. Писатель сопоставляет разумные мысли матросов о разделе продовольствия (*Wir müssen Brot und Wasser*

verteilen, wir wissen nicht, wie lange der Sturm währt – Мы должны раздать хлеб и воду, мы не знаем, как долго продлится шторм) и фактический результат предпринятых ими действий (*Da mußten sie die Krumen einteilen, ..warfen die Leichtmatrosen den Maat über Bord – Тогда им пришлось поделить крошки... Матросы бросили боцмана за борт*), который демонстрирует поучительную суть. Таким образом каждая из текстовых категорий участвует в актуализации данного жанрового признака.

Композицию текста закольцовывают референтные сигналы в первом и последних предложениях (*Ein Schiff – das Totenschiff, auf hoher See – am Land*), подводя итог не только всей притчи, но и всего путешествия, жизненного пути корабля и его команды.

Поскольку автор не конкретизирует место и время в тексте (*Jetzt, schnell, Da, Am fünften Tag, Am siebten Tag / auf hoher See, am Land*), постольку синсемантические локальность и темпоральность притчи указывают на ее универсальность.

Мораль выражена имплицитно, однако описанные в тексте события являются наглядным уроком для читателя, отражающим все последствия неправильного решения. Порой жизненно важно планировать и прогнозировать на перспективу, а не занимать эгоистичную и ежеминутную позицию (*der Größere braucht mehr; auch schwimmt Fettbauch besser als Steingekrös*), заботясь только об удовлетворении собственных потребностей в данный момент времени.

Итак, кроме эксплицитной морали, данная притчи включает все остальные характерные жанровые признаки.

Для определения участия каждой из текстовых категорий в построении жанра выстраивается схема:

- Лаконизм – ТЛР
- Повествовательный стиль – ТЛМРП
- Иносказание – МРП
- Дидактизм – ТЛМРП
- Кольцевая композиция – Р
- Универсальность – ограничения Т и Л

Из выстроенной структуры видно, что активности инвариантных признаков текстовых категорий, коррелирующих с жанровыми признаками, практически идентичны, как для религиозной притчи, так и для авторской притчи. При этом в данных примерах совпадают и доминантности текстовых категорий, что говорит о том, что не зависимо от областной (поджанровой) отнесенности притчи могут иметь единый план построения и как типа текста, и как жанра.

Выводы

Подводя совокупный итог двустороннего – стилистического и грамматического – анализа притч и учитывая текстовую выборку из 122 текстов [2, 3], можно выделить инвариантные характеристики эталонной модели текста притчи:

- с точки зрения грамматического построения – системность каждой из категорий с преобладанием авторской подсистемы; синсемантическая локальная и темпоральная детерминации; ненасыщенность текста темпоральными и локальными маркерами; модальная детерминация; персональная детерминация; полиперсональность; персональная неоднородность, референтная детерминация, наличие одного основного эксплицитного референта (референтная ненасыщенность и монореферентность); референтная неоднородность.
- с точки зрения жанровых признаков – лаконизм, повествовательный стиль, иносказательность, дидактизм, кольцевая композиция, универсальность.

При этом по результатам анализа возможно не просто представить перечень инвариантных характеристик притчи, но и их корреляции между собой (табл. 1).

Таблица 1

Корреляции характерных особенностей эталонной категориальной модели немецкоязычной притчи.

Table 1

Correlations of characteristic features of the reference categorical model of a German-language parable.

Инвариантные признаки текстовых категорий	Жанровые характеристики притчи
Ненасыщенность текста темпоральными и локальными маркерами; референтная ненасыщенность	Жанровый признак лаконичности
Детерминация и системность каждой из категорий с преобладанием авторской подсистемы; полиперсональность; референтная и персональная неоднородность	Жанровый признак повествовательного стиля
Системность каждой из категорий с преобладанием авторской подсистемы; модальная детерминация	Жанровый признак дидактизма
Модальная и референтная детерминация; референтная неоднородность	Жанровый признак иносказания
Один основной эксплицитный референт; референтная детерминация и неоднородность	Жанровый признак кольцевой композиции
Синсемантическая локальная и темпоральная детерминация	Жанровый признак универсальности

Данные, приведенные в табл. 1, наглядно демонстрируют неразрывную дихотомическую связь инвариантных особенностей притч как в плане грамматики, так и стилистики, а также потенциал активности каждого инвариантного признака.

Таким образом, можно утверждать, что каждая из пяти категорий вносит разный, но одновременно безусловный вклад в жанровое и типологическое по грамматическим признакам своеобразие текстов притч. Системный подход, представленный в данной статье, позволяет анализировать различные художественные тексты, учитывая синергетически как их грамматические, так и стилистические особенности.

Список источников

1. Баркалова Н.В. Доминантные языковые категории в текстах различных жанров: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2013. 179 с.
2. Горшков И.П. Влияние доминантности текстовых категорий на интерпретацию немецкой религиозной притчи // Вестник филологических наук. 2025. Том 5. № 11. С. 189 – 195.
3. Левченко М.Н., Горшков И.П. Феномен категорий текста как основополагающее условие формирования текста немецкой притчи // Modern Humanities Success. 2025. № 9. С. 46 – 51.
4. Левченко М.Н. Загадка как тип текста // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2011. № 2. С. 82.
5. Мельникова С.В. Притча как форма выражения философского содержания в творчестве Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.П. Чехова: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2002. 164 с.
6. Моисеева И.Ю., Нестерова Т.Г. Притчи как средство развития ценностных ориентаций студентов // Современные проблемы науки и образования. 2017. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26665> (дата обращения: 18.11.2025)
7. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высшая школа, 1981. 344 с.
8. Ноздрин Л.А. Поэтика грамматических категорий: курс лекций по интерпретации художественного текста. М.: Макс Пресс, 2001. 266 с.
9. Тарасова О. И. Реализация жанровых признаков текстов документально-художественного повествования грамматическими средствами языка: на примере категорий темпоральности и локальности: дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2003. 154 с.
10. Billen, J. (Hg.): Deutsche Parabeln. Stuttgart: Reclam, 2007. 312 p.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/MatthCA4us13> (дата обращения: 15.11.2025)
12. Jülicher A. Die Gleichnisreden Jesu. Bde. Tübingen: Mohr, 1899; 1910.
13. Schneider G. "Die Parabel", in: Die Pädagogische Provinz 12, 1958. P. 390.

References

1. Barkalova N.V. Dominant linguistic categories in texts of various genres: diss. ... Cand. Philological sciences. Moscow, 2013. 179 p.
2. Gorshkov I.P. The influence of the dominance of text categories on the interpretation of a German religious parable. Bulletin of philological sciences. 2025. Vol. 5. No. 11. P. 189 – 195.
3. Levchenko M.N., Gorshkov I.P. The phenomenon of text categories as a fundamental condition for the formation of the text of a German parable. Modern Humanities Success. 2025. No. 9. P. 46 – 51.
4. Levchenko M.N. Riddle as a text type. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2011. No. 2. P. 82.
5. Melnikova S.V. Parable as a Form of Expression of Philosophical Content in the Works of L.N. Tolstoy, F.M. Dostoevsky, A.P. Chekhov: Dis. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 2002. 164 p.
6. Moiseeva I.Yu., Nesterova T.G. Parables as a Means of Developing Students' Value Orientations. Modern Problems of Science and Education. 2017. No. 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=26665> (date of access: 11.18.2025)
7. Moskal'skaya O.I. Text Grammar. Moscow: Vysshaya shkola, 1981. 344 p.
8. Nozdrina L.A. Poetics of grammatical categories: a course of lectures on the interpretation of fiction. Moscow: Max Press, 2001. 266 p.
9. Tarasova O.I. Realization of genre features of documentary-fiction texts by grammatical means of language: on the example of the categories of temporality and locality: diss. ... Cand. of Philological Sciences. Moscow, 2003. 154 p.
10. Billen J. (Hg.): Deutsche Parabeln. Stuttgart: Reclam, 2007. 312 p.
11. Einheitsübersetzung der Heiligen Schrift. URL: <https://www.bibleserver.com/EU/MatthCA4us13> (date of access: 15.11.2025)
12. Jülicher A. Die Gleichnisreden Jesu. Bde. Tübingen: Mohr, 1899; 1910.
13. Schneider G. "Die Parabel", in: Die Pädagogische Provinz 12, 1958. P. 390.

Информация об авторе

Горшков И.П., Государственный университет просвещения, gorigang@gmail.com

© Горшков И.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.111'373.7:001.4

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-59-65

Специфика компонента «мульти-modalность» в заголовках англоязычных научно-образовательных статей

¹ Егорова Е.В., ² Мишутина О.В.,

¹ Донской государственный технический университет,

² Новосибирский государственный педагогический университет

Аннотация: в статье рассматривается специфика функционирования английской фразеологии в современном научно-образовательном дискурсе. Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления того, как терминологические словосочетания, формирующие понятийный аппарат научного направления, репрезентируются в заголовочном комплексе академических статей. Цель исследования заключается в выявлении специфики английской фразеологии в научно-образовательном дискурсе на примере терминологических словосочетаний, отражающих мульти-modalный подход в обучении. В задачи исследования входило: уточнение содержания понятия «научно-образовательный дискурс» и его соотношение с мульти-modalной парадигмой; определение корпуса фразеологических единиц с компонентом *multimodal* в заголовках англоязычных научных статей; проведение структурно-семантического анализа отобранных единиц; характеристика функциональной нагрузки данных фразеологизмов в структуре научно-образовательного дискурса. Материалом исследования послужили 23 англоязычные научные статьи из авторитетных зарубежных журналов, включенных в «Белый список». Выбор изданий обусловлен их высоким авторитетом в области педагогики, лингводидактики и прикладной лингвистики, а также репрезентативностью для изучения современных тенденций научно-образовательного дискурса. Теоретико-методологическую базу исследования составили: метод сплошной выборки, описательно-аналитический метод, компонентный и структурно-семантический анализ, а также элементы дискурс-анализа и количественной обработки данных. В результате исследования было установлено, что фразеологизмы в научно-образовательном дискурсе выполняют не только номинативную, но и аттрактивную функцию, структурируя научное знание и маркируя принадлежность текста к актуальной исследовательской парадигме, а также что в целом фразеология в научно-образовательном дискурсе является не просто набором клишированных выражений, а динамичным инструментом концептуализации и трансляции новых междисциплинарных смыслов.

Ключевые слова: английская фразеология, научно-образовательный дискурс, мульти-modalность, терминологические словосочетания, заголовки научных статей, корпусный анализ

Для цитирования: Егорова Е.В., Мишутина О.В. Специфика компонента «мульти-modalность» в заголовках англоязычных научно-образовательных статей // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 59 – 65. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-59-65

Поступила в редакцию: 29 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The specifics of the «multimodality» component in the headings of English-language scientific and educational articles

¹ Egorova E.V., ² Mishutina O.V.,
¹ Don State Technical University,
² Novosibirsk State Pedagogical University

Abstract: the article examines the specifics of the functioning of English phraseology in modern scientific and educational discourse. The relevance of the research is due to the need to understand how the terminological phrases that form the conceptual apparatus of the scientific field are represented in the headline complex of academic articles. The purpose of the study is to identify the specifics of English phraseology in scientific and educational discourse using the example of terminological phrases reflecting a multimodal approach to teaching. The objectives of the research included: clarifying the content of the concept of "scientific and educational discourse" and its relation to the multimodal paradigm; defining the corpus of phraseological units with the multimodal component in the headings of English-language scientific articles; conducting a structural and semantic analysis of selected units; characterizing the functional load of these phraseological units in the structure of scientific and educational discourse. The research material was 23 English-language scientific articles from reputable foreign journals included in the "White List". The choice of publications is due to their high authority in the field of pedagogy, linguodidactics and applied linguistics, as well as their representativeness for studying current trends in scientific and educational discourse. The theoretical and methodological basis of the research consisted of the continuous sampling method, descriptive-analytical method, component and structural-semantic analysis, as well as elements of discourse analysis and quantitative data processing. As a result of the research, it was found that phraseological units in scientific and educational discourse perform not only a nominative, but also an attractive function, structuring scientific knowledge and marking the text's belonging to an actual research paradigm, and also that, in general, phraseology in scientific and educational discourse is not just a set of cliched expressions, but a dynamic tool for conceptualizing and translating new ones. interdisciplinary meanings.

Keywords: English phraseology, scientific and educational discourse, multimodality, terminological phrases, titles of scientific articles, corpus analysis

For citation: Egorova E.V., Mishutina O.V. The specifics of the «multimodality» component in the headings of English-language scientific and educational articles. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 59 – 65. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-59-65

The article was submitted: December 29, 2025; Approved after reviewing: February 27, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Ведение

Современный этап развития лингвистической науки характеризуется устойчивым интересом к изучению дискурса как сложного коммуникативного явления. В фокусе внимания исследователей находятся различные типы институционального дискурса, включая научный и образовательный, которые претерпевают существенные трансформации под влиянием цифровизации и глобализации [3; 6; 7]. Одной из ключевых тенденций последних двух десятилетий становится мультимодальный компонент [8], признающий, что значение в коммуникации создается не только вербальными средствами, но и через интеграцию различных семиотических ресурсов – изображений, звука, жестов, пространственной организации текста [4].

Научно-образовательный дискурс, обеспечивающий «построение моделей и различных прогностических инструментов преобразования реальности» [6, с. 63], активно реагирует на эти изменения. В англоязычной академической среде формируется и закрепляется новый пласт лексики и фразеологии, отражающий внедрение мультимодальных подходов в практику преподавания и исследования. В связи с этим особую актуальность приобретает изучение специфики английской фразеологии в научно-образовательном дискурсе, поскольку именно фразеологические единицы (особенно терминологического характера) выступают маркерами концептуальных сдвигов в научной парадигме [2].

Объектом данного исследования является англоязычная фразеология, функционирующая в научно-образовательном дискурсе, а предметом – структурно-семантические и функциональные особенности фра-

зеологических единиц с компонентом *multimodal*, репрезентированных в заголовках англоязычных научных статей.

Мультимодальный подход в лингвистике сформировался в русле социальной семиотики и теории коммуникации. Как отмечается в отчете о семинаре Британской ассоциации прикладной лингвистики, традиционно лингвистические исследования отдавали приоритет языковым единицам, однако современные работы по социальному взаимодействию отмечены ростом интереса к телесности и полимодальности [12, 13]. Данный сдвиг предполагает изучение всех семиотических ресурсов, задействованных в коммуникации.

В контексте научно-образовательного дискурса мультимодальность реализуется в нескольких аспектах: а) использование визуальных средств (диаграммы, инфографика) для комментирования научного содержания [11, 15]; б) интеграция вербальных и визуальных компонентов в учебных материалах [9]; в) анализ взаимодействия преподавателя и обучающихся с учетом невербальных средств коммуникации [14].

Н.Б. Гвишиани подчеркивает, что «в парадигме мультимодальности знак становится мотивированным, поскольку он не просто используется, а создается в мультимодальной среде» [2, с. 382]. Это положение напрямую соотносится с процессами фразеологизации в научном дискурсе, где новые терминологические сочетания возникают в ответ на потребности развивающейся научной области.

Фразеология научной речи долгое время рассматривалась преимущественно как набор клишированных выражений, обеспечивающих стандартизацию научного изложения. Исследования последних лет демонстрируют иной подход: фразеологические единицы изучаются в их прагматическом измерении [4], в контексте взаимодействия с другими модусами коммуникации [11], а также как инструмент реконтекстуализации знания в цифровой среде [10].

В научно-образовательном дискурсе особую роль играют терминологические словосочетания, которые М.Н. Бочарова определяет применительно к мультимодальному обучению как «совокупность специальных приемов и способов организации учебного процесса, основанных на одновременном использовании различных форм представления информации» [1, с. 439]. Анализ публикационной активности англоязычного научного сообщества показывает стремительный рост употребления сочетаний с компонентом *multimodal*, что свидетельствует о формировании новой терминологической подсистемы.

Материалы и методы исследований

Для репрезентативности выборки в исследовании были проанализированы 23 англоязычные научные статьи из журналов, входящих в «Белый список», опубликованные в период с 2020 по 2026 год. Выбор временного диапазона позволяет зафиксировать актуальное состояние терминологической фразеологии в динамике ее развития.

Единицей анализа выступили фразеологические сочетания, содержащие компонент *multimodal*, отобранные из заголовков статей. Выбор заголовочного комплекса в качестве источника материала обусловлен его высокой информативной и аттрактивной функцией: именно в заголовке концентрируются ключевые понятия, репрезентирующие концептуальное пространство исследования. Критерии отбора материала: принадлежность журнала к категории рецензируемых изданий; тематическая релевантность статьи проблематике мультимодального обучения; наличие в заголовке фразеологической единицы с компонентом *multimodal*. Количественный анализ отобранных единиц осуществлялся методом частотного распределения; качественный анализ включал структурно-семантическую и функциональную характеристику фразеологизмов.

Результаты и обсуждения

В результате сплошной выборки из заголовков 23 англоязычных научных статей в ходе исследования было выделено 22 уникальных фразеологических сочетания (с учетом вариантов) с компонентом *multimodal*, среди которых 21 представляет собой терминологическое словосочетание (одно сочетание «*Multimodal science teaching and learning*» включает четыре компонента и рассматривается как единая номинативная единица). Это такие сочетания как: *multimodal analysis*, *multimodal approach*, *multimodal challenges*, *multimodal classroom*, *multimodal learning*, *multimodal literacy*, *multimodal pedagogy*, *multimodal resources*, *multimodal science teaching and learning*, *multimodal second language vocabulary* и другие.

Структурный анализ позволяет выделить следующие модели образования фразеологических сочетаний:

Двучленные атрибутивные словосочетания (модель «*Adj + N*») составляют абсолютное большинство (18 единиц, 82%): *multimodal analysis*, *multimodal classroom*, *multimodal literacy*, *multimodal pedagogy*, *multimodal writing* и др. Данная модель является наиболее продуктивной для английской терминологии, поскольку позволяет компактно выразить видовое понятие через родовое.

Трехчленные атрибутивные словосочетания (3 единицы, 14%): *multimodal second language vocabulary, multimodal teacher-student interaction, multimodal situated perspective*. Усложнение структуры обусловлено необходимостью конкретизации описываемого феномена (например, уточнение «*second language*» при *vocabulary*).

Четырехчленное сочетание с сочинительной связью (1 единица, 4%): *multimodal science teaching and learning*. Данная структура отражает интегративный характер описываемого процесса, объединяя преподавание и научение в единый комплекс.

Семантический анализ выявил несколько тематических групп, репрезентирующих различные аспекты мультимодального подхода:

1. Методологический аспект (6 единиц, 28%): *multimodal approach, multimodal perspective, multimodal situated perspective, multimodal analysis, multimodal integration, multimodal pedagogy*;

2. Дидактический аспект (5 единиц, 24%): *multimodal learning, multimodal science teaching and learning, multimodal second language vocabulary, multimodal writing, multimodal composing*;

3. Коммуникативный аспект (3 единицы, 14%): *multimodal teacher-student interaction, multimodal classroom, multimodal feedback*;

4. Ресурсный аспект (3 единицы, 14%): *multimodal resources, multimodal inputs, multimodal postcards*;

5. Компетентностный аспект (2 единицы, 10%): *multimodal literacy, multimodal text designers*;

6. Проблемный аспект (2 единицы, 10%): *multimodal challenges, multimodal high variability*.

Анализ контекстуального употребления выделенных фразеологизмов в структуре заголовков позволяет говорить о выполнении ими ряда значимых функций.

Во-первых, номинативно-терминологическая функция реализуется в способности фразеологических сочетаний обозначать новые научные понятия. Заголовки фиксируют терминологический статус сочетаний: *A multimodal approach to support teacher, researcher and AI collaboration; The role of learning theory in multimodal learning analytics*. В данных контекстах фразеологизмы выступают как полноценные термины, входящие в понятийный аппарат научного направления.

Во-вторых, аттрактивная функция проявляется в способности заголовка привлекать внимание читателя к актуальной проблематике. Использование ключевого термина «*multimodal*» маркирует статью как принадлежащую к современному исследовательскому мейнстриму. Характерно, что в 100% проанализированных заголовков компонент «*multimodal*» выносится в начало словосочетания, что усиливает его аттрактивный потенциал.

В-третьих, структурирующая функция заключается в организации научного знания через категоризацию понятий. Тематическое распределение фразеологизмов демонстрирует, как многомерность мультимодального подхода репрезентируется через различные аспекты: методологию (*multimodal analysis*), объект (*multimodal classroom*), результат (*multimodal literacy*), средства (*multimodal resources*).

Особого внимания заслуживает сочетание *multimodal composing*, зафиксированное в двух заголовках: *Bringing plurilingual strategies into linguistically diverse classrooms: Affordances of digital multimodal composing* и *Developing teachers' critical language awareness through multilingual digital multimodal composing in Australian primary classrooms*. Данный факт может свидетельствовать о высокой частотности и укорененности этого понятия в англоязычном научно-образовательном дискурсе.

Проведенный анализ позволяет осмыслить специфику английской фразеологии в научно-образовательном дискурсе в более широком теоретическом контексте. Полученные данные согласуются с выводами Н.Б. Гвишиани о том, что терминологические инновации выступают идентификатором системных преобразований научных парадигм [2, с. 387]. Действительно, высокая частотность и структурное разнообразие сочетаний с компонентом *multimodal* отражают институционализацию мультимодального подхода как самостоятельного направления педагогических и лингвистических исследований.

Интерес представляет сопоставление наших данных с исследованиями фразеологии в иных типах мультимодального дискурса. И.В. Зыкова, анализируя прагматику фразеологизмов в полимодальном дискурсе художественных фильмов, приходит к выводу о том, что невербальные компоненты способны интенсифицировать или модифицировать значение фразеологических единиц [4, с. 40]. В научно-образовательном дискурсе роль невербального контекста также значима: визуальные элементы (графики, диаграммы, инфографика) выступают в качестве полноправных компонентов мультимодального сообщения, что находит отражение в таких фразеологизмах, как *multimodal integration* или *multimodal resources*.

Исследование [15] посвященное фразеологии комментариев к визуальным материалам, подтверждает, что педагогически релевантные фразовые единства могут быть систематизированы и связаны с определенными риторическими функциями [15, с. 42]. В нашем материале подобная связь прослеживается в темати-

ческом распределении фразеологизмов: каждая тематическая группа соотносится с определенным аспектом организации учебного процесса.

Перспективным представляется сопоставление англоязычной фразеологии с русскоязычными аналогами. В работах Н.К. Ивановой и Н.Е. Меркуловой отмечаются особенности семантизации англоязычных заимствований в русскоязычном научно-образовательном дискурсе [5]. Такие сочетания, как «мультимодальная грамотность», «мультимодальная педагогика», «мультимодальное письмо», активно входят в русскоязычный научный обиход, что требует дальнейшего лексикографического описания и нормативной оценки.

Ограничения данного исследования связаны с относительно небольшим объемом выборки (23 статьи) и ее тематической ограниченностью (статьи по мультимодальному обучению). Дальнейшие исследования могут быть расширены за счет привлечения корпусных данных, анализа полнотекстовых массивов, а также включения материала из смежных дисциплин (психология, социология образования, информационные технологии).

Выводы

Проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

Научно-образовательный дискурс в его современном состоянии характеризуется активным внедрением мультимодального подхода, что находит прямое отражение в его фразеологическом составе. Фразеологические единицы с компонентом *multimodal* выступают маркерами концептуальных изменений в педагогической парадигме.

Структурно-семантический анализ 21 фразеологической единицы выявил доминирование двучленных атрибутивных словосочетаний (82%) и наличие тематических групп, репрезентирующих методологический, дидактический, коммуникативный, ресурсный, компетентностный и проблемный аспекты мультимодального подхода.

В заголовочном комплексе научных статей фразеологизмы выполняют номинативно-терминологическую, аттрактивную и структурирующую функции, обеспечивая введение новых понятий в научный оборот и привлечение внимания к актуальным направлениям исследований.

Специфика английской фразеологии в научно-образовательном дискурсе заключается в ее способности оперативно реагировать на изменения в научной парадигме, фиксируя новые концепты в устойчивых сочетаниях, которые затем транслируются в образовательную практику.

Таким образом, фразеология научно-образовательного дискурса представляет собой не просто набор клишированных выражений, а динамичную систему, отражающую процессы концептуализации и категоризации нового знания. Дальнейшее изучение данной проблематики видится в русле корпусно-ориентированных исследований, позволяющих проследить количественную динамику употребления фразеологических единиц и их миграцию из научного дискурса в образовательный.

Список источников

1. Бочарова М.Н. Мультимодальные методы обучения письму на иностранном языке в условиях цифровой трансформации высшего образования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18, вып. 2. С. 439 – 447.
2. Гвишиани Н.Б. Терминологические инновации в развитии и трансформации научных парадигм (опыт англоязычного корпусного дискурса) // Преподаватель XXI век. 2024. Т. 2. № 2. С. 378 – 390.
3. Дронов И.С. Научно-образовательный дискурс в процессе обучения иностранному языку студентов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 4. С. 858 – 868.
4. Зыкова И.В. Фразеология и прагматика: о подходе В.Н. Телия и изучении в полимодальном дискурсе // Язык, культура, творчество в трансдисциплинарном измерении: традиции и инновации: тезисы докладов II Международной научной конференции (Минск, 2025 г.). Минск: БГУ, 2025. С. 39 – 41.
5. Иванова Н.К., Меркулова Н.Е. Современный русскоязычный научно-образовательный дискурс: особенности семантизации английских заимствований // Лингвориторическая парадигма: теоретические и прикладные аспекты. 2023. № 27-2. С. 135 – 138.
6. Карасик В.И. Дискурсивная точность: функциональные характеристики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. Т. 2. № 3. С. 61 – 71.
7. Русакова О.Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Антиномии. 2007. № 7. С. 5 – 34.
8. Jewitt C. Introduction: Handbook rationale, scope and structure // The Routledge Handbook of Multimodal Analysis / ed. by C. Jewitt. London: Routledge, 2014. P. 1 – 7.

9. Kopshukova E.V., Panina N.V. Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of "English Grammar in Use" by Raymond Murphy // Дискурс профессиональной коммуникации. 2024. Т. 6. № 2. С. 10 – 34.
10. Lasheras-Bielsa L. Instagram as a multimodal platform for the recontextualization of English phraseology: Metadiscursive strategies in teaching English as a Second Language (ESL) // Proceedings of the 23rd International AELFE Conference. Castelló: Universitat Jaume I, 2025.
11. Lu W. Metatextual indicators and phraseological units in a multimodal corpus // Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts. 2019. Vol. 5. No. 3. P. 241 – 258.
12. Mesinioti P., Angouri J. Multimodality in applied linguistic research: current trends and methodological implications // Language Teaching. 2024. Published online.
13. Nevile M. The embodied turn in research on language and social interaction // Research on Language and Social Interaction. 2015. Vol. 48. No. 2. P. 121 – 151.
14. Querol-Julián M., Fortanet-Gómez I. Multimodal evaluation in academic discussion sessions: How do presenters act and react? // English for Specific Purposes. 2012. Vol. 31. No. 4. P. 271 – 283.
15. Wu J., Lu X. A Rhetorical function and phraseological analysis of commentaries on visuals // English for Specific Purposes. 2024. Vol. 73. P. 33 – 45.

References

1. Bocharova M.N. Multimodal Methods of Teaching Writing in a Foreign Language in the Context of Digital Transformation of Higher Education. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 18. No. 2. P. 439 – 447.
2. Gvishiani N.B. Terminological Innovations in the Development and Transformation of Scientific Paradigms (Experience of English-Language Corpus Discourse). Teacher XXI Century. 2024. Vol. 2. No. 2. P. 378 – 390.
3. Dronov I.S. Scientific and Educational Discourse in the Process of Teaching a Foreign Language to Students. Bulletin of Tambov University. Series: Humanities. 2023. Vol. 28. No. 4. P. 858 – 868.
4. Zykova I.V. Phraseology and pragmatics: on the approach of V.N. Telia and its study in polymodal discourse. Language, culture, creativity in the transdisciplinary dimension: traditions and innovations: abstracts of the II International scientific conference (Minsk, 2025). Minsk: BSU, 2025. P. 39 – 41.
5. Ivanova N.K., Merkulova N.E. Modern Russian-language scientific and educational discourse: features of the semantization of English borrowings. Lingvor-rhetorical paradigm: theoretical and applied aspects. 2023. No. 27-2. P. 135 – 138.
6. Karasik V.I. Discursive accuracy: functional characteristics. Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Linguistics. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 61 – 71.
7. Rusakova, O.F. "Main Theoretical and Methodological Approaches to Discourse Interpretation." Antinomies. 2007. No. 7. P. 5 – 34.
8. Jewitt, C. "Introduction: Handbook of Rationale, Scope, and Structure." The Routledge Handbook of Multimodal Analysis, ed. by C. Jewitt. London: Routledge, 2014. P. 1 – 7.
9. Kopshukova E.V., Panina N.V. Dynamics of Multimodal Components in English Educational Discourse: the Case of "English Grammar in Use" by Raymond Murphy. Discourse of Professional Communication. 2024. Т. 6. No. 2. P. 10 – 34.
10. Lasheras-Bielsa L. Instagram as a multimodal platform for the recontextualization of English phrase-ology: Metadiscursive strategies in teaching English as a Second Language (ESL). Proceedings of the 23rd International AELFE Conference. Castelló: Universitat Jaume I, 2025.
11. Lu W. Metatextual indicators and phraseological units in a multimodal corpus. Translation and Translanguaging in Multilingual Contexts. 2019. Vol. 5.No. 3. P. 241 – 258.
12. Mesinioti P., Angouri J. Multimodality in applied linguistic research: current trends and methodological implications. Language Teaching. 2024. Published online.
13. Nevile M. The embodied turn in research on language and social interaction. Research on Language and Social Interaction. 2015. Vol. 48.No. 2. P. 121 – 151.
14. Querol-Julián M., Fortanet-Gómez I. Multimodal evaluation in academic discussion sessions: How do presenters act and react? English for Specific Purposes. 2012. Vol. 31.No. 4. P. 271 – 283.
15. Wu J., Lu X. A Rhetorical function and phraseological analysis of commentaries on visuals. English for Specific Purposes. 2024. Vol. 73. P. 33 – 45.

Информация об авторах

Егорова Е.В., кандидат педагогических наук, доцент, Донской государственный технический университет, kuksa2@gmail.com

Мишутина О.В., кандидат педагогических наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет

© Егорова Е.В., Мишутина О.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-66-71

Специфика мультимедийных лонгридов как современных спецпроектов

¹ Марачева А.В., ¹ Зорина М.В.,

¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: современные лонгриды представляют собой не просто длинные тексты, а новый формат качественной журналистики, которая, используя современные технологии, возвращает читателю возможность глубокого и осмысленного взаимодействия с информацией. В рамках данной статьи осуществляется исследование структуры и мультимедийной составляющей лонгридов спецпроектов издательского дома «Аргументы и Факты» и мультимедийного информационного центра «Известия». Проводится анализ композиции, дизайна, инфографики в лонгридах, а также предпринимается попытка их классификации и изучения элементов геймификации в материалах. Отмечается, что лонгриды спецпроектов ИД «Аргументы и Факты» характеризуются глубиной проработки актуальных тем, всесторонним анализом явлений и процессов, отличаются яркой визуальной составляющей, выразительными иллюстрациями и фотографиями. В социальных проектах ИД «АиФ» мультимедийных элементов немного, их разнообразие отмечается в патриотических и просветительских спецпроектах. Мультимедийные лонгриды МИЦ «Известия» представляют собой специальные проекты, посвященные памятным датам, известным историческим личностям, знаменитым географическим открытиям. Помимо увлекательного нарратива и высокохудожественного дизайна, эти лонгриды отличаются высокой мультимедийной составляющей, включающей вставки видеороликов, аудиозаписей, инфографики, 3D-анимации, а также элементы геймификации. Результаты исследования могут быть применены в образовательных программах по журналистике и при разработке мультимедийных лонгридов.

Ключевые слова: ИД «Аргументы и Факты», МИЦ «Известия», спецпроекты, мультимедийный лонгрид, мультимедийность, инфографика, скролл, геймификация

Для цитирования: Марачева А.В., Зорина М.В. Специфика мультимедийных лонгридов как современных спецпроектов // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 66 – 71. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-66-71

Поступила в редакцию: 30 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Specificity of multimedia longreads as modern special projects

¹ Maracheva A.V., ¹ Zorina M.V.,

¹ K.E. Tsiolkovsky Kaluga State University

Abstract: modern longreads are not just long texts, but a new format of quality journalism that, using modern technologies, returns to the reader the opportunity for deep and meaningful interaction with information. Within the framework of this article, a study of the structure and multimedia component of longreads from special projects of the publishing house «Argumenty i Fakty» and the multimedia information center «Izvestia» is carried out. An analysis of the composition, design, and infographics in longreads is conducted, as well as an attempt to classify them and study the elements of gamification in the materials. It is noted that the longreads of special projects by «Argumenty i Fakty» are characterized by the depth of elaboration of current topics, comprehensive analysis of phenomena and processes, and are distinguished by a vivid visual component, expressive illustrations, and photographs. In the social projects of «AiF», there are few multimedia elements; their diversity is noted in patriotic and educational special projects. Multimedia longreads from «Izvestia» are special projects dedicated to memorable dates, famous historical figures, and renowned geographical discoveries. In addition to an engaging narrative and

high-artistic design, these longreads are distinguished by a high multimedia component, including embedded video clips, audio recordings, infographics, 3D animation, as well as gamification elements. The results of the study can be applied in educational programs on journalism and in the development of multimedia longreads.

Keywords: ID «Arguments and Facts», MIC «Izvestia», special projects, multimedia longread, multimedia, infographics, scroll, gamification

For citation: Maracheva A.V., Zorina M.V. Specificity of multimedia longreads as modern special projects. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 66 – 71. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-66-71

The article was submitted: December 30, 2025; Approved after reviewing: February 28, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Сегодня любого потребителя информации окружает громадный объём различного контента. Современный человек воспринимает тексты в тесном окружении визуальной информации, чаще выбирает взглядом фотографию или картинку, сплошному большому тексту предпочитает материал, разбитый на подглавы, оформленный иллюстрациями, инфографикой, снабжённый опросами, возможностью вступить в переписку, оставить свой комментарий. Новую парадигму потребления контента теперь определяют интерактивность и гипертекстуальность, позволяя читателю решить, нужно ли ему более тщательно знакомиться с материалом и делиться темой с другими.

В этих условиях борьбы за целевую аудиторию редакции традиционных СМИ вышли в онлайн и стали мультимедийными. Само понятие «мультимедиа» обозначает различные комбинации текста, видео, графики, звука, разнообразные системы символов и способы коммуникации в интернете. Иллюстрации, фотографии, инфографика, видеоролики, анимированный дизайн публикаций делают вербальный текст не только привлекательным внешне, но и повышают его шансы на прочтение. Таким образом, без мультимедийной подачи познавательному материалу, особенно большого объёма, в современной журналистской практике сегодня не обойтись.

Редакции многих СМИ (ИА ТАСС, «Коммерсантъ», «Московские новости», «Российская газета», «Комсомольская правда», Lenta.ru, «Московский комсомолец», «Аргументы и Факты», «Известия») стали выпускать материалы в мультимедийном формате, получившие название «спецпроекты».

Как отмечает Д.А. Богомазова, «обосновавшись на отдельной странице, став несколько независимым от своего издания, спецпроект может самостоятельно существовать в медиaprостранстве» [1, с. 12]. На наш взгляд, чаще всего спецпроекты представляют собой лонгриды, в которых тема раскрывается всесторонне и увлекательно. Если нужно, для этого привлекают экспертов, которые дают интервью или комментируют ситуацию.

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической основы исследования выступили спецпроекты ИД «Аргументы и Факты» и МИЦ «Известия», представляющие собой материалы в формате лонгрида. Теоретико-методологической основой статьи послужили труды отечественных исследователей. Природе лонгрида посвящено немало научных трудов, анализирующих его роль в журналистике, нарратив, когерентность, жанровую специфику, типологические признаки, мультимедийность. А.В. Колесниченко полагает, что в российской журналистике доминируют три типа мультимедийных лонгридов – «аналитическая статья, расследование и реконструктор» [2, с. 14].

Анализируя тематическую направленность лонгридов, М.А. Булаева отмечает, что авторы лонгридов «чаще всего останавливают свой выбор на исторических событиях, переломных моментах, катастрофах, судьбах личности и т.п.» [3, с. 10].

Д.Ю. Кульчицкая, А.А. Галустян [4] анализируют специфику формата лонгрида и его будущее в СМИ, технологию создания этих мультимедийных материалов и инструменты для конструирования лонгридов.

М.Л. Конюкова, С.А. Петрова [5] приходят к выводу, что лонгрид, подобно классической истории, строится на трехчастной структуре с завязкой, кульминацией и развязкой, где сюжет движется через развитие героя (или явления) и его изменение в процессе достижения цели.

Д.И. Аксеновский [6] считает, что преимущество мультимедийного лонгрида как инструмента цифровой коммуникации заключается в его двойной функциональности: он способен как привлечь внимание к теме

(режим шортрида), так и предоставить исчерпывающую информацию для глубокого понимания и вдумчивого прочтения (режим собственно лонгрида или, по словам автора, формата стратегического контента).

А.В. Муха, З.И. Шевченко акцентируют внимание на том, что «при создании лонгрида важно помнить о таких элементах, как время, название, оглавление, вступление, основная часть и вывод» [7, с. 3]. По мнению авторов, вводная часть может быть обогащена юмористическими элементами или цитатами для привлечения внимания читателя, а основная часть лонгрида представляет собой структурированный каркас статьи, состоящий из разделов. При этом критически важно соблюдать ограничение по объему каждого раздела – не более 2000 символов, чтобы поддерживать вовлеченность аудитории.

Результаты и обсуждения

Для лонгрида характерна информационная насыщенность и проблемность, композиционное деление материала на основную и дополнительную (справочную) информацию, а также глубокое и системное исследование материала, которое предполагает использование большого количества источников [8]. Такие особенности лонгрида, как возможность показать видео, продемонстрировать музыку, песню, звуковой документ, просто незаменимы. Например, фрагменты видео позволяют поэтапно показать, как происходит то или иное действие, развивается явление. При этом создателям такого материала нужно помнить, что лонгрид – это «неразрывно связанные аудиовизуальные и текстовые элементы» [5, с. 64].

Такие интерактивные элементы, как таймлайн, прокрутка, флип-карточки, не только повышают интерес читателя, но и позволяют пользователю самому управлять информацией, углубиться в детали, проверить знания. Для эффективного объяснения статистики создателям лонгрида никак не обойтись без графиков и диаграмм. Как отмечают А.В. Муха, А.Е. Иванова, «используя инфографику, можно объединить значительное количество фактов и проиллюстрировать их визуально» [9, с. 68].

Качественная инфографика в лонгриде должна сочетать высокую визуальную и смысловую глубину, стремясь к художественному выражению за счёт разнообразия графических элементов, динамичных визуальных решений и отказа от шаблонной двумерной композиции. Содержательная сторона предполагает цельное повествование с разработанным сюжетом, многогранное освещение темы, плотную подачу данных, фактов и статистики. Современная инфографика – это гармоничное единство художественного замысла и журналистской точности, способное превратить сложные идеи в наглядную, эмоционально окрашенную и запоминающуюся историю.

Для плавного, поэтапного раскрытия темы в лонгриде существует прокрутка (скролл). Сочетание прокрутки и самого повествования, раскрывающего тему, получило название скроллителлинг (от англ. scroll + storytelling – «прокрутка и рассказ»). Благодаря скроллителлингу материал раскрывается постепенно, сопровождаясь изменением визуальных и текстовых элементов. Фоновые детали при этом могут оставаться неизменными, сохраняя стабильность восприятия. Пользователь видит историю не сразу – она выстраивается по частям, шаг за шагом. Такой подход разделяет материал на смысловые блоки, упрощает понимание. Прокрутка становится частью нарратива: от её ритма зависит, как быстро и насколько глубоко пользователь усваивает информацию. В современных лонгридах при скролле используется эффект параллакса – техника веб-дизайна, которая создает иллюзию глубины и трёхмерного пространства на странице за счет асинхронного движения фоновых и передних элементов с разной скоростью.

Лонгриды – это интерактивные проекты, направленные на взаимодействие с читателями. Этому часто способствуют элементы геймификации. Такая активная форма общения, как анкетирование, виртуальные тесты или игровые механики, перестраивает роль аудитории. Пользователь вкладывает усилия, становится частью создания контента, принимает участие в формировании опыта. Этот подход стимулирует мыслительные способности, развивает память, усиливает эмоции и создаёт ощущение принадлежности к процессу рассказа истории. Как отмечает Е.А. Салихова, «игровой контент в состоянии привлечь аудиторию на постоянной основе и длительное время удерживать её» [10, с. 21].

Специальные проекты издательского дома «Аргументы и Факты» условно можно разделить на несколько типовологических ниш в зависимости от рубрики на сайте <https://aif.ru/special?ysclid=mm0uatj16b956565962>.

1. Социальные проекты (рубрики «Общество», «Здоровье», «Деньги»).
2. Патриотические проекты (рубрики «Память поколений», «История»).
3. Просветительские проекты (рубрики «Культура и образование», «Техника и технологии»).

Рассмотрим один из социальных проектов – материал «Если у вас появился ребенок» (https://aif.ru/society/esli_u_vas_royavilsya_rebenok/). Этот лонгрид подробно разъясняет, какие выплаты по-

ложены на детей в 2024 году. В материале есть статистическая информация, из которой читатель может узнать, что в России 12% многодетных семей, 33% – это семьи с двумя детьми, 55% – с одним ребенком.

Из подглавы «Единовременное пособие при рождении (усыновлении) ребенка» можно узнать о том, что неработающие родители тоже могут получить пособие, но в пособии откажут, если ребенок находится на полном гособеспечении или мать и отца лишили родительских прав. Подглава «Материнский капитал» не только предоставляет информацию о размере денежных выплат, но и напоминает, что наличными материнский капитал получить нельзя, а обналичивание в результате разных «серых» схем – это серьезное нарушение закона.

Лонгрид выполнен в единой стилистике, снабжен фотографиями счастливых родителей и детей. Основной фон – светло-бежевый, для некоторых информационных вставок используется синий цвет и белый шрифт. Из мультимедийных элементов лонгрида отметим скролл. При прокрутке страницы присутствует эффект параллакса.

Тенденция к минимизации мультимедийных элементов прослеживается и в других социальных проектах.

Удачный союз текста и мультимедиа можно наблюдать во многих патриотических и просветительских материалах спецпроектов АиФ. Например, в материале, созданном к 95-летию со дня рождения Андрея Дементьева «Все начинается с любви» (<https://andreydementiev.aif.ru/>) есть виртуальный 3D-тур по Твери и Дому поэзии Андрея Дементьева, снабженный собственным меню (навигатором). Благодаря этому читатель может окунуться в атмосферу тех мест, которые связаны со знаменитым поэтом и его творческим наследием. В этом лонгриде есть и другие мультимедийные элементы. Это 10 видео, представляющих собой чтение любимых стихов А. Дементьева и небольшие монологи тех, кто знал и ценил поэта, в таком разделе проекта, как «Воспоминания о друге». Отметим, что этот материал, который справедливо можно считать патриотическим и просветительским, присутствует в двух рубриках – «История» и «Культура и образование».

Мультимедийный информационный центр «Известия» на интернет-портале <https://spec.iz.ru/#!/tab/667127880-2> выпускает спецпроекты различных форматов, среди которых особое место занимают мультимедийные лонгриды. Это познавательные материалы, посвященные юбилейным датам, известным историческим событиям, знаменитым личностям, географическим открытиям. Например, спецпроект «Известий» «Полярное око» (<https://antarctica.iz.ru/>) рассказывает об Антарктиде, которая была открыта в начале XIX века русскими мореплавателями, и в дальнейшем своим бесценным материалом привлекала многих исследователей. В спецпроекте есть подзаголовок «Антарктида – загадочная земля, долгое время остававшаяся тайной для всего человечества». Если кликнуть интригующую надпись «Открыть Антарктиду», то голубой фон, на котором изображен лед, трескается, и читатель на фоне музыки встречает полярных пингвинов, корабль и указание по навигации «Перемещайтесь по Антарктиде с помощью скролла». В лонгриде есть анимированный герой-проводник с говорящим именем Снежана Полярникова, который в специальных окнах-вставках в анимированном варианте рассказывает про историю континента.

Из удачных мультимедийных элементов этого проекта хочется отметить интересные звуковые документы. Например, подглава «Терра инкогнита» знакомит с тем, как связаны античные легенды о недостижимой земле и Южный полюс, и содержит отрывок из воспоминаний Джеймса Кука. Аудиозапись длится 15 секунд. Подглава «Русское открытие» рассказывает о том, что первым человеком, которому удалось в начале XIX века достичь Антарктиды, стал известный русский путешественник, капитан Фаддей Беллинсгаузен. Здесь же можно послушать отрывок из воспоминаний Ф. Беллинсгаузена – аудиозапись длительностью 15 секунд. Аудиозаписи в материале звучат в исполнении профессиональных чтецов. Лонгрид интересен не только своей энциклопедичностью, но и геймификацией. Читателям предлагают пройти Антарктический квиз из десяти вопросов об этом континенте, а также сразу узнать правильные ответы.

Интерактивные игры с читателями часто встречаются и в других спецпроектах «Известий». Так, в материале, посвященном 200-летию со дня рождения Ивана Кулибина (<https://spec.iz.ru/kulibin>), читателю предлагают побывать в виртуальной мастерской и среди различных открытий угадать те, что принадлежат великому русскому механику-изобретателю. Кликая по изображениям водохода, кинокамеры, протеза, самобеглой коляски и других предметов, можно получить справку об этих изобретениях. Игра ограничена одной минутой.

Геймификация присутствует в мультимедийном лонгриде «Здравствуйте, мы ваши сети!» (<https://vashisety.iz.ru/>), посвященном попытке понять, как искусственный интеллект повлияет на наше будущее. Читателям предлагают пройти тест «Человек или нейросеть» и отличить человека от ИИ в текстах, фотографиях, звуке.

Выводы

Лонгрид – это не просто длинный текст, а тщательно структурированный мультимедийный материал, который позволяет глубоко погрузиться в тему. Он раскрывает причинно-следственные связи явлений, предлагает разные точки зрения, дает советы. Это формат для тех, кто хочет по-настоящему разобраться в вопросе, получить исчерпывающую информацию и сформировать собственное мнение. Современный лонгрид – это не только рассказ журналиста, справочный материал и комментарии экспертов. Близким и понятным читателю такой формат делает сторителлинг, истории реальных людей, которыми хочется восхищаться, к которым хочется прислушиваться, а иногда и сопереживать.

Визуальная составляющая лонгрида не менее важна, чем вербальная. То, что вместо словесного объяснения факты, процессы или абстрактные концепции можно и нужно подавать с помощью интересных наглядных образов, которые позволяют нестандартно раскрыть тему и удержать внимание читателя, давно поняли издатели и журналисты печатных СМИ. Видеоролики, аудиозаписи и инфографика помогают воссоздать атмосферу прошлого, поучаствовать в интерактивных викторинах, разобраться в статистике.

В результате эмпирического исследования мы пришли к выводу, что материалов, сочетающих в себе комбинацию слова и мультимедийных элементов, в социальных спецпроектах ИД «Аргументы и Факты» меньше, чем в патриотических и просветительских лонгридах «АиФ». Тем не менее, материалы содержательны, снабжены ярким фотоиллюстративным материалом, при скролле используется эффект параллакса.

Что касается лонгридов МИЦ «Известия», то они не только отличаются энциклопедичностью и высокохудожественным дизайном, тщательно продуманной навигацией, но и чаще привлекают внимание читателя самыми разными компонентами мультимедиа, а также элементами геймификации в материалах.

Список источников

1. Богомазова Д.А. Особенности спецпроекта в современном российском медиапространстве // Слово в науке. 2023. № 15. С. 11 – 16.
2. Колесниченко А.В. Типология мультимедийных лонгридов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2022. № 4. С. 3 – 20.
3. Булаева М.Н. Тематическая направленность как определяющий компонент мультимедийного лонгрида // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 11-1 (89). С. 9 – 13.
4. Кульчицкая Д.Ю., Галустьян А.А. Лонгриды в онлайн-СМИ: особенности и технология создания. М.: Издательство «Аспект Пресс», 2018. 80 с.
5. Конюкова М.Л., Петрова С.А. Формы медиатизации языковых элементов в современном публицистическом жанре «лонгрид» // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. Т. 1. № 1. С. 61 – 68.
6. Аксеновский Д.И. Мультимедийный лонгрид как стратегический контент в цифровой коммуникации // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2023. Т. 1. № 4 (42). С. 142 – 151.
7. Муха А.В., Шевченко З.И. Лонгрид как форма мультимедийного контента в современной отечественной и зарубежной журналистике // Огарёв-Online. 2023. № 6 (191). С. 1 – 5. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/longrid-kak-forma-multimediynogo-kontenta-v-sovremennoy-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-zhurnalistike-3.pdf> (дата обращения: 22.11.2025)
8. Марачева А.В., Зорина М.В., Рогова А.Е. Мультимедийный лонгрид как спецпроект информационного агентства ТАСС // Научный аспект. 2023. Т. 24. № 12. С. 3017 – 3021. URL: <https://na-journal.ru/12-2023-jurnalistika/7431-multimediinyi-longrid-kak-specproekt-informacionnogo-agentstva-tass> (дата обращения: 25.11.2025)
9. Муха А.В., Иванова А.Е. Инфографика в медиа: особенности создания и тенденции развития // МедиаВектор. 2023. № 8. С. 67 – 75.
10. Салихова Е.А. Игровые форматы контента в российских медиа // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2024. № 1. С. 3 – 28.

References

1. Bogomozova D.A. Features of a Special Project in the Contemporary Russian Media Space. Word in Science. 2023. No. 15. P. 11 – 16.
2. Kolesnichenko A.V. Typology of Multimedia Longreads. Vestn. Mosk. University. Series 10: Journalism. 2022. No. 4. P. 3 – 20.
3. Bulaeva M.N. Thematic Focus as a Defining Component of a Multimedia Longread. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2018. No. 11-1 (89). P. 9 – 13.

4. Kulchitskaya D.Yu., Galustyan A.A. Longreads in Online Media: Features and Creation Technology. Moscow: Aspect Press Publishing House, 2018. 80 p.
5. Konyukova M.L., Petrova S.A. Forms of Mediatization of Linguistic Elements in the Modern Journalistic Genre "Longread". Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2022. Vol. 1. No. 1. P. 61 – 68.
6. Aksenovsky D.I. Multimedia Longread as Strategic Content in Digital Communication. Bulletin of the Volga University named after V.N. Tatishchev. 2023. Vol. 1. No. 4 (42). P. 142 – 151.
7. Mukha A.V., Shevchenko Z.I. Longread as a Form of Multimedia Content in Modern Domestic and Foreign Journalism. Ogarev-Online. 2023. No. 6 (191). P. 1 – 5. URL: <file:///C:/Users/Admin/Downloads/longrid-kak-forma-multimediynogo-kontenta-v-sovremennoy-otechestvennoy-i-zarubezhnoy-zhurnalistike-3.pdf> (date of access: 22.11.2025)
8. Maracheva A.V., Zorina M.V., Rogova A.E. Multimedia longread as a special project of the TASS news agency. Scientific aspect. 2023. Vol. 24. No. 12. P. 3017 – 3021. URL: <https://na-journal.ru/12-2023-jurnalistika/7431-multimediinyi-longrid-kak-specproekt-informacionnogo-agentstva-tass> (date of access: 25.11.2025)
9. Mukha A.V., Ivanova A.E. Infographics in media: Features of creation and development trends. MediaVector. 2023. No. 8. P. 67 – 75.
10. Salikhova E.A. Game formats of content in Russian media. Vest. Moscow University. Series 10: Journalism. 2024. No. 1. P. 3 – 28.

Информация об авторах

Марачева А.В., кандидат педагогических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Зорина М.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Марачева А.В., Зорина М.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»
<https://fv-journal.ru>
2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)
УДК 811.512.161+811.512
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-72-82

Причастие -asi/-äse в татарском и турецком языках: будущность, модальность, аналитические конструкции

¹ Оздемир С.,

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

Аннотация: в статье проводится сопоставительный анализ современного функционирования семейства форм – (y)AsI/–asi/–äse, которые выглядят как формально родственные в турецком языке Турции и казанском татарском языке, на основе корпусных данных и описаний нормативной грамматики. Цель состоит в том, чтобы показать, что данная морфема в двух языках не функционирует как простой показатель "будущего времени", а распределяется по различным модальным областям, вследствие чего распространенное сопоставление "одна форма – одно соответствие", основанное на поверхностном сходстве, часто оказывается неадекватным. Материал исследования базируется на корпусных примерах, извлеченных из современных текстов: для татарского языка были проанализированы аналитические модели, образуемые с помощью –asi/–äse (**буласы бар**, **буласы килә**, **буласы түгел**), а для турецкого языка Турции – преимущественно ограниченные аналитические паттерны, такие как **olası** и конструкции типа **-(y)ası gel-**. В качестве методов используются описательный и сравнительно-сопоставительный анализ, корпусная количественная оценка, а также функционально-семантическая интерпретация в координатах *футуральность – модальность – перспективность*. Исследование показывает, что в татарском языке аналитические связи способны систематически актуализировать проспективно-модальные значения, тогда как в турецком языке Турции фокус на форме **olası** концентрируется преимущественно в сфере эпистемической оценки, а другие модели с –(y)AsI демонстрируют более ограниченное и/или грамматикализованное распределение. Полученные результаты подчеркивают необходимость установления контекстно-зависимых эквивалентностей в контексте сравнительного языкознания, перевода и преподавания языков.

Ключевые слова: футуральность, модальность, перспективность, суффикс –(y)AsI/–asi/–äse, аналитические конструкции, татарский язык, турецкий язык

Для цитирования: Оздемир С. Причастие -asi/-äse в татарском и турецком языках: будущность, модальность, аналитические конструкции // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 72 – 82. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-72-82

Поступила в редакцию: 30 декабря 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 февраля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The participle -asi/-äse in Tatar and Turkish: futurity, modality, analytic constructions

¹ Ozdemir S.,

¹ Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A. Dobrolyubov

Abstract: this article provides a contrastive analysis of the current functioning of the form family –(y)AsI/–asi/–äse, which appears formally cognate in Turkey Turkish and Kazan Tatar, drawing on corpus data and descriptions from normative grammars. The aim is to demonstrate that this morpheme does not operate in either language as a simple marker of “future tense”, but is distributed across different modal domains; therefore, the widespread “one form – one correspondence” mapping based on superficial similarity is often inadequate. The dataset consists of corpus examples from contemporary texts. For Tatar, the study examines analytic patterns built with –asi/–äse (**bulasy bar**, **bulasy kilä**, **bulasy tygel**). For Turkey Turkish, it focuses mainly on limited analytic patterns such as **olası** and constructions of the **-(y)ası gel-** type. The methods include descriptive and contrastive analysis, corpus-based quantitative assessment, and a functional-semantic interpretation along the coordinates of

futurity – modality – prospectivity. The findings show that in Tatar analytic linkages can systematically activate prospective-modal meanings, whereas in Turkey Turkish the **olası** pattern concentrates primarily in the domain of epistemic evaluation, and other **-(y)AsI**-based models display a more restricted and/or grammaticalized distribution. The results highlight the need to establish context-dependent equivalences in comparative linguistics, translation, and language teaching.

Keywords: futurity, modality, prospectivity, suffix **-(y)AsI/–ası/–äse**, analytic constructions, Turkish, Tatar

For citation: Ozdemir S. The participle **-ası/–äse** in Tatar and Turkish: futurity, modality, analytic constructions. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 72 – 82. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-72-82

The article was submitted: December 30, 2025; Approved after reviewing: February 28, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Футуральность в тюркских языках не сводится к специализированным показателям будущего времени: она формируется на пересечении времени, модальности и дискурсивной перспективы, что особенно заметно в причастных и аналитических моделях. Формально родственные формы **-(y)AsI/–ası/–äse** в турецком языке и татарском языке демонстрируют заметную функциональную дивергенцию: в турецком они в значительной степени лексикализуются в виде «*olası*» (эпистемическая модальность), тогда как в татарском сохраняют продуктивность и системно участвуют в аналитических конструкциях «буласы бар / буласы түгел / -асы кил-», кодируя проспективно-модальные значения. Это расхождение регулярно приводит к неточным эквивалентностям в сопоставительных описаниях и переводе, где по инерции применяется схема «одна форма – одно соответствие». Поэтому актуальность работы состоит в необходимости корпусно обоснованного уточнения функций данной формальной семьи и выработки контекстно-зависимых сопоставительных критериев для грамматического описания, перевода и преподавания тюркских языков.

Целью данного исследования является сравнительное описание функционального употребления причастия на **-асы/–äse -(y)AsI** в татарском и турецком языках в сфере будущего времени, путем семантического анализа сфер и способов употребления этих аффиксов, особенно в аспекте предикативации и модальных трансформаций.

Задачи 1) Исходя из корпусного распределения причастия **-(y)AsI/–асы/–äse**, рассматриваемого как формальный родственник в турецком языке и татарском языке, выявить, каким модальным областям (эпистемическая возможность, проспективный сценарий/роль, дезидеративное желание) эквивалентна данная конструкция в двух языках. 2) Посредством корпусного исследования проиллюстрировать такие конструкции, как аналитические структуры, несущие смысловые различия в татарском языке *буласы бар / буласы түгел / -асы кил-*, и системно проанализировать проспективно-модальные значения (ожидаемость/неизбежность, отрицание–невозможность/неуместность, желание–склонность), формируемые каждой структурой. 3) Показать на примерах употребления, что данные аналитические конструкции, важные для сравнительного языкознания, особенно такие модели, как *буласы бар*, не передаются в турецком языке каким-то одним единственным эквивалентом, и представить уместные в контексте стратегии трансфера (*–acak/–ecek; –ması var; –ması beklenir/–ması gerekir; –mak istiyor/–(y)ası geliyor*).

Научная новизна работы состоит в том, что сопоставление семьи форм **-(y)AsI/–ası/–äse** в турецком языке Турции и казанском татарском языке проводится не по принципу формального сходства, а через корпусно подтвержденное разведение их функций по модально-проспективным зонам, что позволяет устранить типичные неверные отождествления (в частности, смешение «основа + -асы/–äse + бар» с дезидеративными моделями турецкого языка) и задать контекстно-зависимые критерии эквивалентности.

Практическая значимость работы заключается в том, что она предлагает контекстно-чувствительный критерий эквивалентности для дериватов **-(y)AsI/–ası/–äse** в турецком языке Турции и казанском татарском языке, тем самым снижая риск ошибочных сопоставлений, основанных лишь на формальном сходстве, в исследованиях и переводе. Предложенная рамка может быть использована как прикладной инструмент при анализе и объяснении соответствующих моделей в учебной практике (курсы университетского уровня), в сравнительно-лингвистических переводах, а также при подготовке корпусных и описательных проектов, где требуется единообразная интерпретация проспективности и модальности.

Значение будущего времени в языках (Футуральность) представляет собой категорию, не сводимую исключительно к морфологическим глагольным временным аффиксам; это многослойная система, тесно связанная с модальностью и дискурсивной перспективой. Поэтому во многих контекстах будущее время является не просто хронологической последовательностью событий, указывающей на «после», а исследуется

как положение дел, «еще не реализовавшееся, но такое, реализация которого является целью, ожиданием, необходимостью, возможным и входящим в область вероятности» [6]. В свете этимологических исследований изучается лексико-семантическая и морфологическая структура причастия будущего времени на *-асы/-эсе* в тюркских языках; сравнительно исследуется историческая эволюция особенностей, присущих морфологической структуре тюркских языков. Сравнительно-этимологический и исторический анализ, являющийся одной из важных задач тюркологии, проливает свет на многие аспекты, касающиеся морфолого-лексического объединения тюркских языков и их исторических взаимодействий.

Как причастие на *-асы / -эсе* активно представляет собой суб-область, передающую «запланированные или намеченные действия» в референциях ближайшего и среднего будущего времени; причастие на *-AcAk, -EcEk*, являющееся иной структурой, отличной от финитной глагольной формы *-AcAk, -EcEk*, систематически используется в области отдаленного будущего [6]. Различие между этими двумя причастиями, передающими будущее время, находит соответствие как в морфологических данных, так и в типологических сравнениях, проводимых на материале тюркских языков [11].

В татарском языке и турецком языке референция к будущему не ограничивается формами татарского языка: *-ыр/-ер, -ачак/-эчэк* и турецкого языка: *-AcAk/-EcEk, -Ir/-Er, -yOr*. По своей природе будущее время выступает в качестве основного структурного элемента, обеспечивающего направленность действия на момент после момента речи, во взаимодействии с модальными конструкциями (модальлек), выражениями долженствования (кирэклек), необходимости (тиешлек), обстоятельственными наречиями времени и причастиями [6]. Причастия, кодируя действие, направленное в будущее, особенно как долженствование, решение, ожидание и близкое к завершению, демонстрируют проницаемость границы между временем и модальностью.

Материалы и методы исследований

Данные для исследования были собраны из двух основных источников: (i) интерфейс корпуса современного татарского языка и (ii) подкорпус современного турецкого языка. Примеры были извлечены из Турецкого национального корпуса (TUD): <https://v3.tnc.org.tr/> и из Татарского национального корпуса «Туган тел»: <https://tugantel.tatar/>. В татарской части исследования объектом изучения стал аффикс *-асы/-эсе*, а также аналитические конструкции, образованные с его участием: *буласы бар* (17 контекстов), *буласы килэ* (94 контекста) *буласы түгел* (4 контекста) (табл. 2). В турецкой части были проанализированы более ограниченные и грамматикализованные аналитические конструкции например, *-(y)ası gel-*, (табл. 3). в первую очередь *olası* (табл. 1). (2814 примеров; 56,66 на миллион слов). Критерием отбора являлся поиск по точному совпадению формы с фиксированным окном в $-5/+5$ слов. В качестве нормативной и терминологической основы, особенно при работе с конструкциями на *-асы* и их производными, был принят фундаментальный труд Татар грамматикасы / Татарская грамматика (2016, Т. II: Морфология) [5, 6]. В разделе, посвященном турецкому языку, используются типологические разработки известного турецкого филолога и тюрколога Зейнеп Коркмаз из ее работ «Türkiye Türkçesi Grameri: Şekil bilgisi» и «Türk Dili Üzerine Araştırmalar» [9, 10].

В работе используется комплексный подход, включающий описательный и сравнительно-сопоставительный анализ, корпусный количественный анализ (подсчет «сырой» частотности и нормализация на миллион словоупотреблений), а также функционально-семантическую интерпретацию (взаимодействие значений футуральности, модальности и проспективности).

Процедура исследования: 1) Выявление целевых форм типологической структуры *(y)ası* и извлечение примеров из корпусов. 2) Структурная классификация выявленных употреблений (использование в качестве определения/атрибутива, предикативное использование / предикативизация; аналитические конструкции). 3) Семантическое кодирование на основе значения (эпистемическая оценка / проспективно-модальный сценарий). 4) Сопоставление контекстуально обусловленных семантико-функциональных соответствий между двумя языками.

Результаты и обсуждения

В староанатолийском тюркском языке аффикс *-(y)AsI* как причастие будущего времени известен с XI века. Наблюдается, что аффикс будущего времени *асы/-эсе* был зафиксирован Махмудом аль-Кашгари в XI веке и продолжает использоваться в тюркских языках в наши дни [9]. Коркмаз отмечает, что часто используемое в современном турецком языке причастие *-(y)AcAk* появилось во второй половине XV века; изначально оно употреблялось как аффикс причастия, а впоследствии, в позиции конечного сказуемого предложения, стало выражать значение будущего времени. Следовательно, начиная с XVI века аффикс будущее-

го времени *-(y)AsAK* к XVII веку вытеснил аффикс *-(y)AsI (-IsAr)* [10]. При рассмотрении типологии отмечается, что аффикс будущего времени *-(y)AsI* является более древним, чем аффиксы *-(y)AsAK* и *-IsAr*, однако в современном языке его употребительность снизилась, а сфера использования сузилась.

В современном турецком языке Турции аффикс *-(y)AsI* может употребляться в четырех основных функциях. Во-первых, функция прилагательного (особенно идиоматизированные / застывшие простые употребления; напр. «*Köt olası!*» и, более ограниченно, составные конструкции типа *-(y)AsI + gel-*; «*ınanması gelmiyordun*»). Во-вторых, функция имени субстантивация; «*şaşılması*». В-третьих, функция аффикса образования имен от глагола застывшие формы; «*oldum olası*». В-четвертых, функция аффикса конечного сказуемого предложения весьма ограничена; «*diyesiymiş*». Кроме того, в исторических текстах встречается использование *-(y)AsI* с отрицательной конструкцией *-(y)AsI değil (olası değil)*. Согласно данным обзора, наиболее распространенным является употребление в качестве идиоматизированного прилагательного в простой структуре, а наиболее ограниченным – в функции аффикса конечного сказуемого предложения [8].

В татарском языке причастия представлены в трех временных формах: 1) Форма настоящего времени: *-учы/-үче; -а торган / -ә торган (-ый торган / -и торган)*; 2) Форма прошедшего времени: *-ган/-гән (-кан/-кән)*; 3) Форма будущего времени: а) *-ыр/-ер, -р (-ар/-әр)*; *-ачак/-әчәк (-ячак/-ячәк)*, *-асы/-әсе (-ыйсы/-исе)* [6].

Лутфуллина, исследуя таксис будущего времени, отмечает, что причастие формирует «опорный момент», основываясь на временной локализации главного предиката. В этой связи причастия формируют таксисные значения относительно временных планов: настоящее время = одновременность, прошедшее время = предшествование, будущее время = следование. Она указывает, что причастия будущего времени различаются по степени выраженности и определенности: форма *-ыр/-ер, -р (-ар/-әр)*, хотя и несет значение будущего времени, передает меньшую определенность; форма *-ачак/-әчәк (-ячак/-ячәк)* выступает как «определенное и несущее уверенность будущее время», имеющее высокую вероятность реализации. Поскольку главный предикат в большинстве случаев устанавливает опорный момент в плане настоящего времени, а причастие будущего времени, указывая на события, которые произойдут позже основного события, переносится и в таксисные интерпретации. Следовательно, при различении основных форм причастий, передающих будущее время, рассматривается функция следования между «основным событием» и «будущим событием» [2].

Показатель ближайшего будущего времени не ограничивается только финитными формами будущего времени. В татарском языке он также образуется с помощью наречий времени, таких как «завтра, бер/ике/дүрт сәгатьтән, через один/два/четыре часа». При анализе этого распределения обнаруживается, что при малых временных интервалах он чаще используется с формами настоящего-неопределенного будущего времени; по мере увеличения интервала возрастает спрос на категорические / обязывающие (имплицитные) формы будущего времени. Поэтому определяющим фактором является не само по себе «временное расстояние», а оценка говорящим степени реализуемости и долженствования / обязательности [3].

Положение будущей референции в языках во многих языках не совпадает исключительно с аффиксами будущего времени. В татарском языке эта ситуация проявляется более активно благодаря широкой функции и распространенному использованию категорий модальности. Деонтические структуры (долженствование и желание / необходимость) и эпистемические структуры (возможность / предположение) способны непосредственно формировать передачу будущего. Следовательно, основу футуральности в большинстве случаев следует оценивать не столько как «временное следование», сколько как «направленность на еще не реализовавшееся действие» [6]. Причастия в татарском языке формируют эту передачу двумя различными способами: 1) определяя потенциальную направленность в будущее в составе именной группы в атрибутивной функции, 2) предикативизируя и порождая значение будущего в рамках «дела, которое необходимо или будет сделано». Форма *-асы / -әсе* весьма отчетливо проявляется во втором пути. Причина этого заключается в том, что *-асы / -әсе* следует рассматривать не просто как «причастие будущего времени», но как источник модальной предикации [13].

В татарской грамматике указано, что аффикс *асы/-әсе (-ыйсы/-исе)* выражает, в частности, суб-область, обозначающую запланированные действия, действия, несущие оттенок намерения или выражающие долженствование. Аффикс *асы/-әсе* кодирует еще не реализовавшиеся действия, однако в контексте ближайшего будущего — действия, исполнения которых ожидают, которые являются обязательными или неизбежными. В этом случае передача будущего формируется не столько через календарную отдаленность, сколько через порог завершенности и обязательности. Действие передается как дело, которое необходимо совершить в будущем [6].

В контексте среднего будущего *асы/-эсе* также передает запланированные действия и действия, несущие оттенок намерения, однако временной график, уточняющий, когда именно произойдет действие, еще не определен. В этом случае определяющим фактором является не столько безусловная уверенность в том, что действие произойдет, сколько воля говорящего и нормативное обязательство. Следовательно, эта структура отличает *-асы / -эсе* от причастий, осуществляющих лишь временную референцию, усиливая его модальное значение. В значении отдаленного будущего времени форма *-асы/-эсе* активно не используется. Эта функция преимущественно выполняется конструкцией *-АсАк*. Причина данной ситуации объясняется тем, что конструкция *-АсАк* категорически передает действие, которое произойдет в будущем, в то время как значение, основанное на долженствовании и намерении, присущее *-асы / -эсе*, несовместимо с отдаленной перспективой. Данное употребление находит подтверждение и в сравнительных исследованиях тюркских языков. Недостаточность функции выражения *-асы / -эсе* в запланированных и обязательных действиях типологически показывает, что в отдаленной перспективе чаще используется конструкция *-АсАк* [11].

Махмуд Кашгари закладывает историческую основу для объяснения перехода некоторых временных аффиксов в татарский язык и их постепенного закрепления там, особенно в связи с культурными взаимодействиями, усилившимися в османский период в рамках кыпчакско-огузских контактов. При рассмотрении исторических кыпчакских текстов, активизация употребления некоторых форм, встречавшихся ограниченно, в конце XIX – начале XX века и превращение их в элемент литературного языка в современном татарском языке указывают на процесс «распространения-модернизации» [12]. В этом контексте, данное положение служит основой для интерпретации расхождения форм *-(y)AsI/-асы-эсе*, исследуемых в работе, по различным функциональным сферам в двух языках.

Структура причастия *-асы / -эсе* в турецком и татарском языках используется в общей функции: в татарском языке как *-асы / -эсе килә* (хотеть что-либо), в турецком языке как *-асы/-esi gel-*. Она интенсивно употребляется с глаголами и конструкциями, выражающими «хотеть, желать» или с *бар/вар* (желание/намерение). Можно привести примеры: *Аласы килә* — «он хочет купить это»; *Язасы бар* — «он хочет писать» и т.п. Данное употребление встречается как в функции определения, так и в функции имени действия: *киләсе кеше* — «человек, который должен прийти» и т.п. Данное употребление причастия, субстантивируясь в татарском языке, передает временное значение в целом с нюансами «необходимости/того, что должно быть». Отрицательная форма причастия *асы/-эсе* в татарском языке также используется, но редко. Значение отрицания чаще выражается составными конструкциями, образуемыми со вспомогательными глаголами. Отрицательная конструкция передается с помощью отрицательной частицы *түгел* [5]. В турецком языке, как мы отмечали, конструкция *ma+AsI*, используемая особенно с аффиксом отрицания *-ma/-me* в значении проклятия, передает положительные намерения (*kör olmayası*) [7].

Обращаясь к выводам корпусного исследования Лутфуллиной, отмечается, что наибольшая трудность при передаче причастий будущего времени татарского языка на русский язык заключается в том, что значения «определенности / категоричности» форм в русском языке часто передаются модальными маркерами (нужно, надо, должен и т.д.). Поскольку в татарском языке будущее время различается формами «определенного будущего» и «неопределенного / вероятностного будущего» (*-ыр/-ачак*), этот оттенок различия отражается и среди причастий будущего времени. В своем исследовании Лутфуллина отмечает, что формы с аффиксом *-асы/-эсе (-ыйсы/-исе)* несут футуральность; в зависимости от контекста они используются в функции элементов «активной» и «пассивной» конструкции. Например, «кайтасы кеше» чаще всего передается на русский язык с помощью придаточного предложения «который...» или посредством передачи значения через модальные конструкции, выражающие долженствование. Она указывает, что одновременный характер татарских причастий, несущих как выражение футуральности (отсылка к будущему), так и таксиса «следования / последовательности», при сведении к одному морфологическому соответствию в русском языке создает проблему при переводе. В сравнительных исследованиях, в некоторых контекстах ослабление временного значения и уход темпорального содержания на второй план приводят к выдвиганию на передний план значения долженствования. Поэтому выбор эквивалентного причастия в русском языке, обеспечивающего естественную и последовательную передачу в контексте, приводит к тому, что трансфер осуществляется преимущественно с помощью периферийных решений [1]. Поскольку турецкий язык и татарский язык являются тюркскими языками, происходящими из одной языковой семьи, можно утверждать, что та же ситуация справедлива и для турецкого языка.

В татарской лингвистической традиции термин таксис используется ограниченно как самостоятельная категория; временные отношения между причастием и главным предикатом чаще всего рассматриваются в рамках «относительного времени». Данный подход имеет критически важное значение, поскольку показывает, что вклад причастных форм определяется не только календарной «временной дистанцией», но и ре-

ферентной точкой, устанавливаемой главным предикатом, а также оценкой говорящего [4]. По этой причине при турецко-татарском сравнении семейства **-асы/-эсе** следует предпочесть интерпретацию, основанную на распределении проспективной установки и модальных компонентов в контексте, вместо поиска единственного эквивалента, опирающегося на формальное сходство.

Причастия в татарском языке по функции, как и в турецком языке Турции, используются как в роли определения, так и в роли сказуемого [8]. В современном татарском литературном языке **-асы/-эсе** как причастие будущего времени берет на себя функцию определения: «киләсе кеше 'будущий/грядущий человек'» [6]. Кроме того, на предикативном и модальном уровне конструкция **-асы/-эсе** используется не как нейтральная финитная форма будущего времени, а как модальные предикации, функционирующие в областях долженствования, обязательства и намерения. Следовательно, Юсупов отмечает, что правильнее рассматривать форму **-асы/-эсе** не как основной пункт категории будущего времени, а как структуру, порождающую модальное значение путем предикативации. Предикативированная форма **-асы/-эсе**, устанавливая значение «дела, которое необходимо сделать / будет сделано», направляет действие на будущее. В качестве примера, «барасы юл (путь, по которому следует идти)» указывает на долженствование со значением «нужно идти». В отрицательных конструкциях, таких как «İrtägä eşkä barası tügıl», долженствование отрицается в перспективе будущего. Формы «-ası ide» и «-ası tügıl ide» переносят значение долженствования на прошедшую референтную точку, отражая значение будущего как будущего в прошедшем [6]. Таким образом, форма «-асы» производит футуральность не непосредственно с помощью аффикса будущего времени, а через сему долженствования, заключенную в самой форме.

Таблица 1

Сравнение турецкого «olası» и татарского «буласы (bulası)».

Table 1

Comparison of Turkish “olası” and Tatar “bulasy”.

Признак	Турецкий язык: olası	Татарский язык: буласы (bulası)	Сравнение
Формальное происхождение	ol- + -ası (застывшая форма)	бул- + -асы (продуктивная)	Уровень продуктивности различается.
Основная функция	Прилагательное: значение эпистемической возможности.	Причастие; в зависимости от контекста – сказуемое.	В татарском языке распространены предикативные употребления.
Значение	возможный / может быть	тот, который будет; неизбежность	Усиливает проспективно-модальный оттенок.
Место употребления	Преимущественно с именами существительными	С именем и в позиции сказуемого	Переводной эквивалент выбирается в зависимости от контекста.

В данном исследовании были проанализированы конструкции турецкого языка «olası» и татарского языка «буласы». Согласно данным интерфейса татарского корпуса, запрос «буласы» выдает 893 результата. В подкорпусе турецкого языка Турции форма «olası» при сканировании в стандартном режиме поиска с критерием «как написано» (полное совпадение формы) встречается как минимум один раз в 1283 текстах внутри подкорпуса объемом 4989 текстов. Общая абсолютная частотность в 49 664 176 словах составила 2814; нормализованная частотность рассчитана как 56,66 на миллион слов. Актуальные данные показывают, что «olası» функционирует в турецком языке как продуктивная адъективная единица, выражающая возможность. Параметр «интервал -5;+5 слов» в результатах поиска отражает контекстное окно, позволяющее систематически выявлять коллокации типа «olası + имя существительное».

В примерах турецкого языка «olası» проявляется как прилагательное и/или как устойчивый элемент, формирующий эпистемическую оценку.

(1) Тур. «Bir askeri okulda okuyan **olası** ilk izninde ailesini ziyareti...» (TUD-W-UG37E1B-3068-2266).

В данном примере в турецком языке Турции «olası» выступает как прилагательное, характеризующее именную группу «ilk izin» ‘**первый** отпуск/увольнение’ и выполняет функцию прилагательного возможности.

(2) Тур. «Bu üçlü yapıyı farklı yönlerden keşfetmek **olası** gözüktüyor.» (TUD-W-DH41C3A-0699-1111).

В турецком языке сочетание «olası» + «**gözüktüyor**» формирует значение «возможно/может быть» (эпистемическая модальность). В татарском языке «буласы» во многих контекстах смещается в проспективно-

прогностическое поле; наряду с атрибутивной функцией прилагательного возможно и предикативное (сказуемое) употребление.

(3) Тат. «Әгәр дә Ходай насыйп итеп, шәһәр хужалары кан-кардәшләребезгә жир дә бүлеп бирсәләр, әлеге мәчет Россиядә иң күркәм мәчетләрдән берсе **буласы!**» (Шәфыйков Ягъсуф Долмаганович, «БЕР ОЧРАШУ – БЕР ГОМЕР», Мәшһүр татарларның гыйбрәтле язмышлары турында 17 әңгәмә). Тур. ‘... bu sami Rusya’daki en güzel camilerden biri **olacak!**’ (...эта мечеть **будет** одной из самых красивых мечетей в России!)

В турецком языке при переводе оформляется формой **-AcAk**, что создает сильный прогностико-ожидательный оттенок. И в татарском, и в турецком здесь единица функционирует как сказуемое.

(4) Тат. «Юрист буласы Ренат – мәрхүм.» (Асия Юнысова, «НУРЛЫЖИҺАН МӘЧЕТЕ»). Тур. ‘Hukukçu **olacak (olan)** Renat rahmetli.’ (Ренат, **будущий** юрист, – покойный.)

В турецком языке обычно передается устойчивым выражением типа «olacak olan» (‘тот, который станет/должен был стать’), формируя впечатление предсказанной/предназначенной роли.

Аналитическая конструкция *бул- + -асы/-әсе + бар* кодирует проспективно-модальное значение: ориентированность на будущее состояние/событие оформляется через экзистенциальный компонент «бар» (‘есть, имеется’). По корпусным данным, модель «буласы бар» в татарском языке представлена 17 примерами. В турецком языке Турции ей не соответствует один-единственный устойчивый шаблон: в зависимости от контекста она передается либо формой будущего времени *-acak/-ecek*, либо предикативной конструкцией с «... var», тогда как по смыслу чаще всего соотносится с турецкими моделями *-ması var*, *-ması beklenir*, *-malı/-meli*, *-ması gerekiyor / -ması lazım*, а в нормативной формулировке – *-ması gerek*. Наиболее типичные контексты употребления: (i) приближающееся событие/срок; (ii) роль/социальная идентичность (нормативные ожидания); (iii) темы неопределённости или инференциального вывода.

(5) Тат. «Сиңа да хәзер алгы-салгы йөрүләреңне бетерергә дә, яхшы эшләп, ударник кына **буласы бар.**» [Гыйззәт. Сайланма әсәрләр, 2 том]. Тур. ‘Senin de şimdi ileri-geri gidip gelmelerini bitirmene de, iyi çalışıp yalnız ‘udarnik’ **olman gerekiyor/ olmana da (gerek/var).**’ (Тебе теперь **нужно** и прекратить эти “туда-сюда” хождения, и хорошо работать, **став** (лишь) ударником.)

Здесь конструкция *-асы/-әсе + бар* выражает деонтическую модальность (обязательность/необходимость): «тебе следует / тебе нужно». Турецкие соответствия обычно оформляются как «-malı/-meli», «-ması gerekiyor / -ması lazım». Дополнительно присутствует проспективность (ориентация на ближайшее будущее: «отныне/теперь»).

(6) Тат. «Тагын ниләр **буласы бар** микән, алга таба яшәргә куркам, – ди ул.» (Эльвира Фатыйхова, «Беренче мэхәббәт»). Тур. ‘Daha neler **olacak (olması var)** acaba... – dedi o.’ (Что ещё **может случиться**, интересно... жить дальше боюсь – говорит она.)

Частица «микән» ‘acaba’ усиливает эпистемическую неопределённость: она вводит ожидаемые в будущем возможные события и формирует оттенок тревоги/неизвестности (проспективность + эпистемическая неопределённость).

(7) Тат. «Тагын ике участка **буласы бар** әле ...» [Габдрахман Әпсәләмов. «Алтын йолдыз» (бишенче бүлек)]. Тур. ‘Daha iki bölgede de (işimiz/olayımız) **var...** (olması var hâlâ...)’ (Ещё на двух участках (**ещё** есть два пункта, где **предстоит**...))

Здесь «-асы/-әсе + бар» выражает не столько долженствование, сколько наличие предстоящего/незавершённого этапа («ещё есть два участка/две точки, где предстоит...»). Типичное турецкое оформление: «daha ... var». Модальное значение: проспективность + аспектуальная незавершённость (процессуальная продолженность.)

(8) Тат. «Кемнендер газизе, кемнендер сөйгән яры, киләчәктә кемнендер әнисе дә **буласы бар** аның.» [<http://kiziltan.ru/>]. Тур. ‘O, birinin kıymetlisi; birinin sevdiği yâri; gelecekte de birinin annesi de **olacak (annesi olması da var).**’ (Она для кого-то – драгоценный человек, для кого-то – любимая; в будущем она будет и чьей-то матерью / и **матерью ей ещё предстоит стать**.)

Здесь *-асы/-әсе + бар* преимущественно маркирует проспективное будущее («в будущем станет/будет»). В турецком это чаще всего передается простым будущим «-acak/-ecek» (olacak); при усилении оттенка «предреши́нности/жизненной роли» возможно и «olacağı var» (‘ей суждено/ей предстоит’), однако базовое значение – именно будущее.

В татарском языке модель «бул- + -асы/-әсе + түгел» (буласы түгел) представлена формой «глагол + OBL(ЙсЫ) + түгел» (4 примера) и оформляет отрицание проспективной ситуации. По значению она чаще всего передаёт смыслы типа «X не будет / не случится / не ожидается / ему это не подходит / это невозможно». Тем самым одновременно реализуются модальные значения «ориентированного на будущее отрица-

ния» и «невозможности/неуместности/непринадлежности». В турецком языке прямой перевод «*olası değildir*» относится прежде всего к сфере эпистемической модальности и выражает значение «невозможно/маловероятно/вне вероятности». Хотя обе родственные структуры в ряде контекстов дают совпадающий смысл, в татарском языке более выражен акцент на «сценарии, который не реализуется».

Таблица 2

Сравнение турецкого «*olası değildir*» и татарского «буласы түгел».

Table 2

Comparison of Turkish “*olası değildir*” and Tatar “буласы түгел».

Признак	Турецкий язык: <i>olası / olası değildir</i>	Татарский язык: буласы түгел
Форма	ol- + -ası + deđil/d deđildir (также: -maz, -AcAk deđil)	бул- + -асы/-эсе + түгел
Смысловая область	Эпистемическая модальность: ‘возможно/может быть’; в отрицательной форме – ‘исключение вероятности’	Проспективно-модальная функция: ‘не будет/не станет’; ‘отрицание/неуместность’
Употребление	Прилагательное или сказуемое в именном предложении	Преимущественно сказуемое

(9) Тат. «Авылга саф чишмэ суы бирсэң, аннан да олы бүлэк **буласы түгел икэн.**» (Әхсән Баян, «Тау ягы повесте»). ‘Bundan daha büyük hediye olmazmış/olamazmış.’ (Если дать деревне чистую родниковую воду, то (оказывается) подарка больше этого **не бывает/не может быть.**)

В татарском языке сочетание «түгел икэн» ретроспективно переориентирует высказывание, формируя обобщение и оттенок пересказа/инференциального вывода. В турецком языке чаще используется форма «-maz(miş)» для выражения невозможности действия, а форма «-(a)mazmış» – для передачи ‘невозможности осуществления действия субъектом’. Оба выражения выбираются в зависимости от модальной установки.

(10) Тат. «Ул бит чирле – барыбер адәм буласы түгел.» (<http://kiziltan.ru/>). Тур. ‘... ondan adam olmaz / adam **olacak (biri) deđil.**’ (Он ведь больной – всё равно из него человека не получится / он **не станет** (таким) человеком.)

В турецком языке, как правило, это передаётся через нормативное отрицание + проспективную негацию, оформляемую формой «-AcAk». По сравнению с татарским, наблюдается более редкое использование соответствий на базе «-(y)Ası».

(11) Тат. «Имеш, бу бакча безгэ **буласы түгел**, безнең ишегалдына төземэгез.» (Искәндәр СИРАЖИ, «Татарстанда яшәү кемгә рэхәт?»). Тур. ‘... bu bahçe bize (kısmet) **olmayacak...**’ (Мол, этот сад **не будет** нашим / нам он **не достанется**, не стройте его на нашем дворе.)

Значение непринадлежности и невозможности в обоих языках семантически явно. Однако в татарском оно выражается конструкцией «-асы/-эсе түгел», тогда как в турецком – чаще формой «-AcAk». Это иллюстрирует тенденцию, согласно которой с XVI века в турецком языке суффикс «-AcAk» употребляется чаще, чем «-(y)Ası» [10].

(12) Тур. «Aynı şekilde insanoğlunun her alana ilgi (dolayısıyla sevgi) duyması da **olası değildir.**» (TUD-W-QD37C2A-0506-129). ‘). Тат. ‘Шулай ук кешенәң һәр өлкәгә дә кызыксыну (ягыни мэхэббэт) **тоюы да мөмкин түгел.**’ (Так же и то, что человек проявляет интерес (а следовательно, и любовь) ко всем сферам, **невозможно/маловероятно**).

В турецком языке «*olası değildir*» по смыслу равно «*mümkün değil*» (эпистемическая модальность); в татарском варианты «мөмкин түгел / булуы мөмкин түгел / ихтимал түгел» в большей степени актуализируют проспективный оттенок и компонент «приписанности/предназначенности».

Конструкция «-ası gelmek/gelmek» в языке Турции обозначает внутренний импульс к действию, то есть ‘возникновение желания/расположенности сделать что-либо.’ В татарском языке ближайшим функциональным соответствием является модель «основа глагола + -асы/-эсе + кил-», которая формирует значение желания/стремления (дезидератив).

Таблица 3

Дезидеративные конструкции: татарское «-асы/-әсе кил-» и турецкое «-ası/-esi gel-».

Table 3

Desiderative constructions: Tatar “-асы/-әсе кил-” and Turkish “-ası/-esi gel-”.

Параметр	Татарский: «-асы/-әсе кил-»	Турецкий: «-ası gel-»
Основная функция	Желание / стремление / склонность (широкая зона)	желание/склонность (более идиоматизировано)
Продуктивность	высокая	ниже
Частотность (по приведённым данным)	буласы килә (94); ынанасы (508); ынанасы кил- (301)	ınanasi (24/23 текста; 0,47/млн)
Турецкие соответствия	-mak istiyor / içinden geliyor	-(y)ası geliyor; нейтр.: -mak istiyor

(13) Тур. «Gündüz iş yapmıyor akşam iş **yapası geliyor.**» (TUD-S-AAABXN-0004-1). В турецком языке выражает значение желания (дезидератив).

(14) Тат. «... иреклек өчен бик күп **эшләсе бар.**» (мәликә басыр, «Ачык микрофон») В татарском языке данная форма реализует значение необходимости: ‘нужно сделать много дел / предстоит много сделать’.

(15) Тур. «Öyle şeyler **yapası geliyor.**» (TUD-S-BEABXO-0122-2).(В турецком языке значение желания (дезидератив).

(16) Тат. «Наташа ни **эшләсе килсә**, шуны кыланды.» (Илүсә Нәбиуллина, «БОРЫЛЫШ») Татарское «эшләсе килсә» функционально соответствует турецкому «yapası gelirse / canı isterse».

Выводы

1) Настоящее исследование показывает, что архаичный аффикс причастия $-(y)AsI/-ası/-äse$, рассматриваемый как формально родственный в турецком языке и татарском языке не является показателем «чистого будущего времени»; одна и та же семья форм в обоих языках порождает модальные значения, такие как «эпистемическая возможность, проспективный сценарий/роль, дезидеративное желание, определительное прилагательное и предикативизация». Следовательно, основным пунктом сравнения является не «календарная отдаленность и будущее время», а степень реализации, приписываемая «еще не совершившемуся действию», сообщение и отношение говорящего.

2) В казанском татарском языке аналитические конструкции (буласы бар / буласы түгел / -асы кил-) демонстрируют семантические различия; «буласы бар» систематически передает проспективно-модальные значения, такие как «ожидаемость/неизбежность/горизонт роли относительно будущего»; *буласы түгел* же наряду с отрицанием проспективного сценария систематически передает нюансы «невозможности/неуместности/непринадлежности». В противовес этому, в турецком та же форма чаще всего интерпретируется через различные способы выражения в значении «возможно / невозможно» и через тенденцию-желание $-(y)ası gel-$. Исследование призвано задокументировать корпусное отражение причастия $-асы/-әсе$ в татарском и распределение в аналитических моделях с $-асы/-әсе$ (напр. буласы бар: 17 прим.; буласы килә: 94 прим.; буласы түгел: 4 прим.) на котором останавливается грамматика татарского языка; (ii) показать функционирование причастия $-(y)AsI$ в турецком языке место «*olası*» (*ol-ası*) (2814 хит; 56,66/миллион), происходящего от глагола «*ol-mak*», в области эпистемической возможности, а также ограниченное и более клишированное употребление других аналитических моделей, таких как $-(y)ası gel-$.

3) С точки зрения сравнительного языкознания, работа демонстрирует, что при установлении эквивалентности на основе поверхностного сходства между двумя языками подход «одна форма – одно соответствие» оказывается недостаточным; в таких случаях, особенно татарская конструкция *буласы бар* в турецком языке актуализируется с помощью различных синтетических и аналитических средств, таких как $-acak/-ecek$, $-ması var$, $-malı/-meli$, $-mak istiyor$ и $-(y)ası geliyor$. Оригинальный вклад данного исследования заключается в том, чтобы сделать видимыми загрязненные/неполные отождествления, проистекающие из часто встречающегося в литературе предположения одна форма – одно соответствие, и поместить аналитические модели в более контролируемые рамки на основе модальных осей.

4) При взгляде на корпусно-базированные актуальные данные по $-(y)AsI$ в турецком языке, они указывают на то, что она не полностью совпадает с областями соответствий в татарском языке: в турецком языке

«olası» в основном акцентирует эпистемическую возможность, в то время как *-(y)AsI gel-* несет более ограниченное и часто клишированное дезидеративное (внутренняя тенденция/желание) значение. В противовес этому, в татарском языке, принадлежащем к той же языковой семье, сходная форма порождает оттенки должноствования/ожидаемости и проспективной-предназначенности.

Перспективы: На сбалансированной выборке в структуре будущего времени можно количественно классифицировать распределение аналитических конструкций; кроме того, включив соответствия формы *-(y)AsI/-asi/-äse* в других тюркских языках, можно расширить проспективно-модальную и эпистемическую дивергенцию с помощью типологических шкал.

Список источников

1. Лутфуллина Г.Ф. Корпусное исследование особенностей перевода временных значений причастий татарского языка на русский язык // Языки, литературы и культуры народов России в современной академической науке: материалы Международного научного форума, посвященного 85-летию создания Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ (Казань, 9-11 октября 2024 г.). Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2024. С. 230 – 234.
2. Лутфуллина Г.Ф. Причастия как средства репрезентации таксиса (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 7. С. 2137 – 2140. DOI: 10.30853/phil20240318
3. Лутфуллина Г.Ф. Выражение ближайшего будущего лексическими и грамматическими средствами татарского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. Вып. 11. С. 3971 – 3975. DOI: 10.30853/phil20240559
4. Макаров И.М. Причастия прошедшего времени на -ган как средство выражения таксиса (на материале татарского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. Вып. 2. С. 460 – 464. DOI: 10.30853/phil20250066.
5. Татарская грамматика: в 2 т. Т. 2: Морфология. Казань: Таткнигоиздат, 1993. 397 с.
6. Татарская грамматика: в 3 т. / рук. проекта М. З. Закиев; фэнни ред. Ф. М. Хисамова. 2-е изд., доп. Т. 2: Морфология. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2016. 431 с. URL: <https://www.academia.edu/104184943> (дата обращения: 15.11.2025)
7. Doğan T. Kaşıkay Türkçesinde *-(y)AsI gelecek zaman ekinin kullanım özellikleri ve kiplik anlamları* // Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi. 2021. No. 52. P. 17–34. DOI: 10.21563/sutad.986468.
8. Kıra E., Kuribayashi Y. Çağdaş Türkiye Türkçesi ve Eski Anadolu Türkçesinde *-(y)AcAK ve -(y)AsI* [Çağdaş Türkiye Türkçesi ve Eski Anadolu Türkçesinde *-(y)AcAK ve -(y)AsI*] // Dil Araştırmaları. 2024. No. 34. P. 21 – 42. DOI: 10.54316/dilarastirmalari.1382705
9. Korkmaz Z. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. Cilt 1. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2005. 959 p. (Yayın No: 629/1).
10. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri: Şekil bilgisi. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2014. 1027 p.
11. Meshadiyeva A.E. On some future tense participles in modern Turkic languages. International Humanities Studies. 2016. Vol. 3. No. 1. P. 27 – 39.
12. Türk A.T. Tatar Türkçesinde Oğuzca biçimbirimler I: zaman ekleri // İdil-Ural Araştırmaları Dergisi. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 123 – 132.
13. Yusupov F.Y. TATAR ŞİVE DİLİNDEKİ – SIFAT-FİİLİNİN – ASI BİÇİMİ // Международный тюркологический симпозиум, посвященный памяти выдающегося тюрколога академика РАН Э.Р. Тенишева (16-18 октября 2013 г.): сборник статей. Казань, 2013. С. 260 – 266.

References

1. Lutfullina G.F. Corpus study of the features of translation of tense meanings of participles of the Tatar language into Russian. Languages, literatures and cultures of the peoples of Russia in modern academic science: Proceedings of the International scientific forum dedicated to the 85th anniversary of the establishment of the G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatar Academy of Sciences (Kazan, October 9-11, 2024). Kazan: G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Tatar Academy of Sciences, 2024. P. 230 – 234.
2. Lutfullina G.F. Participles as a means of representing taxis (based on the Tatar language). Philological sciences. Theoretical and Practical Issues. 2024. Vol. 17. Iss. 7. P. 2137 – 2140. DOI: 10.30853/phil20240318

3. Lutfullina G.F. Expression of the Nearest Future by Lexical and Grammatical Means of the Tatar Language. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2024. Vol. 17. Issue 11. P. 3971 – 3975. DOI: 10.30853/phil20240559
4. Makarov I.M. Past Participles in -gan as a Means of Expressing Taxis (Based on the Tatar Language). *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2025. Vol. 18. Issue 2. P. 460 – 464. DOI: 10.30853/phil20250066.
5. Tatar grammar: in 2 volumes. T. 2: Morphology. Kazan: Tatknigoizdat, 1993. 397 p.
6. Tatar grammar: in 3 volumes. hand. project M.Z. Zakiev; Fanny ed. F. M. Khisamova. 2nd ed., add. T. 2: Morphology. Kazan: Institute of Language, Literature and Art named after. G. Ibragimova, Academy of Sciences of the Republic of Tajikistan, 2016. 431 p. URL: <https://www.academia.edu/104184943> (date of access: 11.15.2025)
7. Doğan T. Kaşşay Türkçesinde -(y)AsI gelecek zaman ekinin kullanım özellikleri ve kiplik anlamları. *Selçuk Üniversitesi Türkiyat Araştırmaları Dergisi*. 2021. No. 52. P. 17–34. DOI: 10.21563/sutad.986468.
8. Kıra E., Kuribayashi Y. Çağdaş Türkiye Türkçesi ve Eski Anadolu Türkçesinde -(y)AcAK ve -(y)AsI [Çağdaş Türkiye Türkçesi ve Eski Anadolu Türkçesinde -(y)AcAK ve -(y)AsI]. *Dil Araştırmaları*. 2024. No. 34. P. 21 – 42. DOI: 10.54316/dilarastirmalari.1382705
9. Korkmaz Z. Türk Dili Üzerine Araştırmalar. Cilt 1. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2005. 959 p. (Yayın No: 629/1).
10. Korkmaz Z. Türkiye Türkçesi Grameri: Şekil bilgisi. Ankara: Türk Dil Kurumu, 2014. 1027 p.
11. Meshadiyeva A.E. On some future tense participles in modern Turkic languages. *International Humanities Studies*. 2016. Vol. 3.No. 1. P. 27 – 39.
12. Türk A.T. Tatar Türkçesinde Oğuzca biçimbirimler I: zaman ekleri. *İdil-Ural Araştırmaları Dergisi*. 2022. Vol. 4. No. 1. P. 123 – 132.
13. Yusupov F.Y. TATAR ŞİVE DİLİNDEKİ – SIFAT-FİİLİNİN – ASI BİÇİMİ. *International Turkological Symposium dedicated to the memory of the outstanding Turkologist, Academician of the Russian Academy of Sciences E.R. Tenishev (October 16-18, 2013): collection of articles*. Kazan, 2013. P. 260 – 266.

Информация об авторе

Оздемир С., аспирант, Нижегородский государственный лингвистический университет имени Н.А. Добролюбова

© Оздемир С., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-22

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-83-87

Пространственная концептуализация дохода и расхода в английском языке (на материале отыменных инструментальных глаголов)

¹ Якубовская Э.В.,

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации*

Аннотация: статья посвящена исследованию роли отыменных инструментальных глаголов в пространственной концептуализации абстрактных экономических категорий дохода и расхода в английском языке. Актуальность работы обусловлена необходимостью изучения глубинных механизмов метафорического переосмысления, позволяющих носителям языка осмысливать финансовые операции через призму конкретного физического опыта. Материалом исследования послужила выборка глаголов, образованных путем конверсии от существительных – названий инструментов (to rake, to shovel, to fork, to siphon), извлеченных методом сплошной выборки из корпусов TIME, COCA и NOW. В основе методологии лежат контекстуальный, концептуальный и семантический виды анализа. В статье доказывается, что семантика исследуемых единиц формируется в результате когнитивной метафоризации, где физические характеристики орудия и типичный результат действия с ним проецируются на финансовую сферу. Особое внимание уделяется взаимодействию глагольной основы с пространственными послелогом (in, out, off, over, up). Делается вывод о том, что категории дохода и расхода осмысляются в английском языке через архетипическую пространственную оппозицию «внутри/снаружи», что подтверждает укорененность абстрактной финансовой лексики в чувственном опыте человека.

Ключевые слова: отыменные глаголы, концептуализация, инструментальность, словообразование, когнитивная лингвистика, семантическая деривация, языковая картина мира

Для цитирования: Якубовская Э.В. Пространственная концептуализация дохода и расхода в английском языке (на материале отыменных инструментальных глаголов) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 83 – 87. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-83-87

Поступила в редакцию: 2 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 марта 2025 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Spatial conceptualization of income and expenditure in English (based on the material of nominal instrumental verbs)

¹ Yakubovskaya E.V.,

¹ *Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Abstract: this article investigates the role of denominal instrumental verbs in the spatial conceptualization of the abstract economic categories of income and expenditure in the English language. The relevance of this work stems from the need to study the deep mechanisms of metaphorical reinterpretation that enable native speakers to conceptualize financial transactions through the lens of concrete physical experience. The research material comprises a selection of verbs formed by conversion from nouns – names of tools (to rake, to shovel, to fork, to siphon), extracted through continuous sampling from the TIME, COCA, and NOW corpora. The methodology is based on contextual, conceptual, and semantic types of analysis. The article argues that the semantics of the units under study are formed as a result of cognitive metaphorization, where the physical characteristics of the tool and the typical result of the action performed with it are projected onto the financial sphere. Special atten-

tion is paid to the interaction of the verbal base with spatial postpositions (in, out, off, over, up). It is concluded that the categories of income and expenditure are conceptualized in English through the archetypal spatial opposition of “inside/outside,” which confirms the embeddedness of abstract financial vocabulary in human sensory experience.

Keywords: denominal verbs, conceptualization, instrumentality, word formation, cognitive linguistics, semantic derivation, linguistic worldview

For citation: Yakubovskaya E.V. Spatial conceptualization of income and expenditure in English (based on the material of nominal instrumental verbs). *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 83 – 87. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-83-87

The article was submitted: January 2, 2026; Approved after reviewing: March 1, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Осмысление и концептуализация экономических категорий (доход, расход) представляет собой важную проблему когнитивной лингвистики, поскольку позволяет проследить, как абстрактные понятия получают языковую репрезентацию через конкретный, чувственно воспринимаемый опыт. Как показывают исследования, особенности концептуализации действия отыменными глаголами позволяют понять, как язык категоризирует окружающий мир.

На первый взгляд, сфера получения и расходования денег далека от инструментальной лексики (глаголов, образованных от названий инструментов и орудий труда, типа *to fork*, *to rake*, *to shovel*). Однако в финансово-экономическом дискурсе активно функционируют глаголы, чья семантика восходит именно к инструментальному коду: *rake in (profit / cash)*, *shovel money into* и др. Мы исходим из того, что семантика подобных глаголов обусловлена процессами когнитивной метафоризации. Проведенный анализ демонстрирует, что деривация их значений осуществляется в строгом соответствии с логикой метафорического моделирования.

Несмотря на интерес лингвистов к отыменным глаголам в целом и инструментальным глаголам в частности [7, 11], проблема их участия в формировании абстрактных понятий финансово-экономической сферы остается недостаточно изученной. Актуальность данного исследования обусловлена интересом к языковым механизмам репрезентации категорий дохода и расхода, а также ролью словообразовательных моделей в формировании языковой картины мира.

Материалы и методы исследований

Для решения поставленных задач в работе применяется комплексная методика, включающая контекстуальный, концептуальный и семантический виды анализа. Эмпирическую базу исследования составили контексты употребления отыменных инструментальных глаголов (таких как *to fork*, *to rake*, *to shovel*, *to siphon*), отобранные из корпусов TIME, COCA и NOW. Обращение к данным корпусным ресурсам, отражающим как язык авторитетной периодики середины XX века, так и современный медийный дискурс, позволяет проследить функционирование интересующих нас единиц в широком диахроническом и жанровом диапазоне. Конверсия, как продуктивный способ словообразования в современном английском языке, создает благоприятные условия для появления и закрепления подобных лексем, в том числе в финансово-экономической сфере.

Результаты и обсуждения

Особый интерес для лингвистики представляют инструментальные отыменные глаголы, которые являются традиционным предметом изучения в рамках семантики и синтаксиса.

Осмысление человеком пространства приводит к формированию особых структур знания – пространственных концептов, которые находят выражение в языке с помощью различных элементов, например, пространственных послелогов в английском языке. Эти языковые единицы не только описывают физическое расположение, но и позволяют человеку осмысливать сложные абстрактные понятия благодаря механизму семантического сдвига [1, с. 82]. Данный механизм особенно ярко проявляется в сочетании с глаголами, поскольку в семантике глаголов физического действия, восприятия и речи присутствует компонент движения. Присоединяемые к таким глаголам послелогом могут реализовываться как прямое, так и переносное значение, выполняя основную функцию конкретизации действия с точки зрения его направленности или

указания на его завершенность [2, с. 82]. Таким образом, специфика действия отыменных глаголов часто уточняется именно с помощью этих пространственно-направительных элементов.

Категория инструментальности подробно рассматривается в работах таких авторов, как С.Д. Кацнельсон [4], А.В. Кобцева [5], Л.М. Ковалева [6], Ч. Филлмор [8], Холле [9], В.С. Храковский [10] и В.А. Ямшанова [13]. В английском языке к отыменным относятся глаголы, образованные от существительных путем конверсии (т.е. без изменения морфологической структуры). Такие лексемы придают высказыванию сжатость и выразительность. Понимание принципов их образования не только обогащает словарный запас, но и позволяет создавать новые слова по уже существующим моделям. Эволюция семантики инструментальных фразовых глаголов берет начало в прямом или метафорическом значении исходного существительного, которое затем подвергается конверсии, переходя в глагол. Будучи инструментальным существительным, тесно связанным с обозначаемым объектом, лексема вбирает в себя его физические характеристики, практический опыт использования и типичный результат совершаемого действия. Отыменные глаголы, образованные существительных обозначающих инструмент, воплощают фрейм 'doing sth with an instrument', обладающий следующей структурой: to do with (as with, by means of, (by) using) + N (instrument) + so as to (for the purpose of ...) [12].

Фразовый отыменной глагол *rake in* означает «зарабатывать (огромные деньги)», «грести деньги лопатой», «получать баснословные прибыли», как будто деньги сгребают граблями (от прямого значения глагола *to rake* – сгребать, разгребать граблями): *NFL players can rake in millions of dollars, but careers in the league often last a few years only* [14]. Глагол имеет разговорный, неформальный оттенок. Его часто используют в повседневной речи, чтобы подчеркнуть масштаб и скорость обогащения. В отличие от нейтрального *earn*, *rake in* создает яркий образ: деньги поступают в таком количестве, что их даже не считают, а просто «загребают». Послелог *in* усиливает значение направления внутрь, в свой кошелек. Как отмечает С.Ю. Богданова [1, с. 52], в прямом смысле предлоги *in* и *out* представляют измерение «вмещенность», описывая траекторию движения субъекта/объекта относительно границ замкнутого пространства.

В следующем примере *rake in* – это экспрессивный способ сказать, что рекламный бизнес Google является для компании «золотой жилой» или «денежным насосом», приносящим фантастический доход: *Still, Google continues to rake in money from its advertising business, making \$30.7 billion this quarter* [14].

Глагол *rake off* в контексте следующего примера имеет ярко выраженное негативное значение, которое выходит за рамки нейтрального понятия «получать прибыль»: *They always are, and we are often warned that while when employers rake off profits, that is good for the economy, but when workers take home a little extra in improved wages or conditions, it is economically dangerous and to be viewed with extreme alarm* [15]. Присваивать, «отгрести» (в пользу узкого круга лиц), получать несправедливо большую или незаслуженную долю прибыли. Послелог *off*, указывает на завершенность действия и отделение части от целого.

Ярко выраженное негативное, криминальное значение имеет глагол *rake off* в следующем примере: *Officials say gangsters supply most of the slots to bar owners and then rake off half of the take* [16]. Он означает «незаконно присваивать», «отмывать (деньги)», «снимать процент» (обычно с нелегального бизнеса). Имеется в виду, что гангстеры контролируют теневой бизнес с игровыми автоматами и систематически забирают себе 50% выручки («обдирают» владельцев баров). *off* выполняет роль маркера отчуждения. Глагол *rake* описывает сам процесс сбора денег, а *off* указывает на то, что деньги отделяются от владельцев баров и перемещаются (незаконно) в карман гангстеров.

В прямом значении глагол *shovel* обозначает «сгребать лопатой». В результате переосмысления он приобретает значение «вкладывать огромные суммы денег быстро, в большом количестве»: *That success has been in volume sales, not in profitability, as Microsoft has shoveled more than \$8 billion into its Xbox program and is now only barely turning a profit on it* [14]. Microsoft «вбухал», «вкчал» более восьми миллиардов долларов. Это подчеркивает не просто инвестицию, а огромный, массовый приток средств. Автор использует это слово, чтобы драматично подчеркнуть несоразмерность затрат и результата с которой Microsoft вкладывалась в свой проект Xbox.

Метафорическое значение глагола *fork out* – «раскошелиться», «выкладывать деньги» или «платить» (часто с оттенком неохоты или недовольства, особенно когда сумма превышает ожидаемую). Например: *PlayStations are among a slew of products that Californians will now have to fork out additional cash for thanks to a new electronic recycling fee that's being rolled out*. Адвербиальный послелог *out*, указывающий на движение изнутри наружу, в сочетании с глаголом создает выразительный образ: словно вилкой (*fork*) или пальцами вы буквально извлекаете деньги из своего кармана (внутреннего пространства) и перемещаете во внешний мир – например, в кассу.

Присоединяя послелог *over*, отыменный глагол *fork* имеет схожее значение с *fork out* «выкладывать (деньги)», «раскошелиться», «отдавать» (обычно неохотно, с чувством сожаления или вынужденно): *While you could continue to hit the nearest coffee shop and fork over your hard-earned cash, you have to admit those prices are pretty crazy* [15]. В значении послелога *over* прототипической является семантика перемещения субъекта над поверхностью ориентира. Как отмечает Е.Е. Голубкова, исконное ядро этой языковой единицы составляет значение «над, на» в динамике [3, с. 128]. Послелог *over* указывает на направление действия от субъекта к кому-то другому (как в глаголе *hand over* – «передать»). Вы как будто «перекидываете» (*fork over*) деньги через стойку продавцу.

Фразовый глагол *fork up* в следующем контексте также означает «раскошелиться», «платить (обычно неохотно)»: *They didn't get the former secretary of state and presidential candidate, just the ex-president who's notorious for speaking anywhere that will fork up enough cash* [14]. В предложении говорится о бывшем президенте, который печально известен тем, что готов выступать где угодно («speaking anywhere»), при условии, что это место готово выложить достаточно денег («that will fork up enough cash»). Здесь «*fork up*» подчеркивает именно акт передачи денег, часто с оттенком, что плательщик делает это скрепя сердце или просто выполняет финансовое условие. Подразумевается, что организаторы мероприятия должны расстаться с крупной суммой («enough cash»), чтобы заполучить этого спикера. Деньги как бы «выковыриваются» вилами (*fork*) из их карманов. Фразовый глагол *fork up* здесь используется для эмоциональной окраски, чтобы подчеркнуть меркантильность персонажа и то, что слушать его могут позволить себе только те, кто готов платить большие и, возможно, неоправданные деньги.

Фразовый глагол *siphon off* имеет отрицательное (негативное) значение и переводится как «выкачивать», «высасывать»: *She would be full of empathy for these men, would gain their confidence, siphon off their money and end up by working out how to make them disappear* [COCA]. В данном предложении *siphon off their money* означает, что она систематически и тайно похищала сбережения каких-то людей (мужчин), пользуясь их слепым доверием к ней.

Выводы

Исследование доказывает, что семантика отыменных инструментальных глаголов (*to rake, to shovel, to fork, to siphon*) формируется в результате когнитивной метафоризации, где физический опыт взаимодействия с орудиями труда служит источником для осмысления важных элементов языковой картины мира, репрезентирующие категории дохода и расхода. Глаголы данной группы относятся преимущественно к разговорному, неформальному регистру. Ключевую роль в формировании итогового значения исследуемых глаголов играет их взаимодействие с пространственными послелогами. Присоединяясь к глагольной основе, послелоги (*in, out, off, over, up*) не просто конкретизируют направленность действия, а актуализируют базовую пространственную оппозицию «внутри/снаружи», которая лежит в основе оценки финансового действия. Направленность вектора движения внутрь (к субъекту), маркируемая послелогом *in*, формирует семантику приобретения и накопления (*rake in*), тогда как направленность наружу (*out, over*) или отделение (*off*) моделирует ситуацию потери, вынужденной траты или отчуждения средств (*fork out, fork over, rake off*). Это доказывает, что категории дохода и расхода осмысляются носителями языка через архетипическую оппозицию «свой – чужой» пространства.

Список источников

1. Богданова С.Ю. Пространственная концептуализация мира в зеркале английских фразовых глаголов. Иркутск, 2006. 180 с.
2. Богданова С.Ю., Якубовская Концептуализация действия отыменными фразовыми глаголами // Филологические науки. Э.В. Вопросы теории и практики. 2017. № 2-2 (68). С. 80 – 84.
3. Голубкова Е.Е. Фразовые глаголы движения (когнитивный аспект). М.: ГЕОС, 2002. 175 с.
4. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое общение. Л.: Наука, 1972. 216 с.
5. Кобцева А.В. Категория инструментальности и способы её экспликации в текстах газетно-публицистического стиля русского и немецкого языков: дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2006. 185 с.
6. Ковалева Л.М. Английская грамматика: предложение и слово: монография. Иркутск, ИГЛУ, 2008. 397 с.
7. Лакина Н.Ю. Глаголы с инкорпорированными актантами инструментальной семантики // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1 (9). С. 37 – 42.
8. Филлмор Ч.Дж. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23 М.: Прогресс, 1988. С. 52 – 92.

9. Холле М.В. Инструментальные придаточные предложения и местоименные наречия как формы выражения категории инструментальности в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. 194 с.
10. Храковский В.С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 5 – 46.
11. Шустова С.В., Маслова Д.Л. Инструментальные глаголы: лексикографический и переводческий аспекты. Пермь: АНО ДПО «Пермский институт экономики и финансов», 2023. 192 с.
12. Якубовская Э.В. Пространственная концептуализация действий отыменными инструментальными фразовыми глаголами в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2017. 192 с.
13. Ямшанова В.А. Категория инструментальности в немецком языке. Л.: ЛФЭИ, 1991. 159 с.
14. English-Corpora: COCA. [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 21.11.2025)
15. NOW Corpus (News on the Web) [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 25.11.2025)
16. TIME Magazine Corpus [Electronic resource]. <https://www.english-corpora.org/time/> (date of access: 27.11.2025)

References

1. Bogdanova S.Yu. Spatial conceptualization of the world in the mirror of English phrasal verbs. Irkutsk, 2006. 180 p.
2. Bogdanova S.Yu., Yakubovskaya Conceptualization of action by denominal phrasal verbs. Philological sciences. E.V. Theoretical and practical issues. 2017. No. 2-2 (68). P. 80 – 84.
3. Golubkova E.E. Phrasal verbs of motion (cognitive aspect). Moscow: GEOS, 2002. 175 p.
4. Katsnelson S.D. Language typology and speech communication. Leningrad: Nauka, 1972. 216 p.
5. Kobtseva A.V. The category of instrumentality and ways of its explication in the texts of the newspaper and journalistic style of the Russian and German languages: diss. ... Cand. Philological Sciences. Stavropol, 2006. 185 p.
6. Kovaleva L.M. English Grammar: Sentence and Word: Monograph. Irkutsk, ISLU, 2008. 397 p.
7. Lakina N.Yu. Verbs with Incorporated Actants of Instrumental Semantics. Professional Education and Society. 2014. No. 1 (9). P. 37 – 42.
8. Fillmore C.J. Frames and the Semantics of Understanding. New in Foreign Linguistics. Issue 23 Moscow: Progress, 1988. P. 52 – 92.
9. Holle M.V. Instrumental Clauses and Pronominal Adverbs as Forms of Expressing the Category of Instrumentality in Modern German: Dis. ... Cand. Philological Sciences. St. Petersburg, 2000. 194 p.
10. Khrakovsky V.S. Passive Constructions. Typology of Passive Constructions. Diatheses and Voices. Leningrad: Nauka, 1974. P. 5 – 46.
11. Shustova S.V., Maslova D.L. Instrumental Verbs: Lexicographic and Translation Aspects. Perm: ANO DPO Perm Institute of Economics and Finance, 2023. 192 p.
12. Yakubovskaya E.V. Spatial Conceptualization of Actions by Nominal Instrumental Phrasal Verbs in Modern English: Diss. ... Cand. of Philological Sciences. Irkutsk, 2017. 192 p.
13. Yamshanova V.A. The Category of Instrumentality in German. Leningrad: LFEI, 1991. 159 p.
14. English-Corpora: COCA. [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (date of access: 11.21.2025)
15. NOW Corpus (News on the Web) [Electronic resource]. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (date of access: 11.25.2025)
16. TIME Magazine Corpus [Electronic resource]. <https://www.english-corpora.org/time/> (date of access: 11.27.2025)

Информация об авторе

Якубовская Э.В., кандидат филологических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, yakubovskaya7@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 801.81

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-88-94

Культурная коннотация зоонима «конь» в русском песенном жанре

¹ Ли Фэн, ¹ Ячина Н.П.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается культурная коннотация зоонима «конь» в русском песенном жанре, его символическое значение и роль в фольклорных и авторских текстах. Гипотезой исследования является предположение о том, что образ коня в русской песенной традиции выполняет не только номинативную, но и глубокую символическую функцию, отражая народное мировоззрение. Целью работы является выявление и анализ культурно-символических значений зоонима «конь» в русских песнях. Задачей исследования являлось: систематизация примеров употребления слова «конь» в песенных текстах, определение его семантических и культурных коннотаций, сопоставление фольклорного и современного использования образа.

Ключевые слова: лингвокультурология, культурная коннотация, зооним, песенный жанр

Для цитирования: Ли Фэн, Ячина Н.П. Культурная коннотация зоонима «конь» в русском песенном жанре // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 88 – 94. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-88-94

Поступила в редакцию: 3 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 1 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Cultural connotation of the zoonym "horse" in the Russian song genre

¹ Li Feng, ¹ Yachina N.P.,

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article examines the cultural connotation of the zoonym *horse* in the Russian song genre, its symbolic meaning, and its role in both folk and authorial texts. The study hypothesizes that the image of the horse in Russian song tradition serves not only a nominative function but also carries profound symbolic and mythological significance, reflecting the folk worldview. The aim of the work is to identify and analyze the cultural-symbolic meanings of the zoonym *horse* in Russian songs. The research objectives include systematizing examples of the word *horse* in song lyrics, defining its semantic and cultural connotations, and comparing its folkloric and contemporary usage.

Keywords: linguoculturology, cultural connotation, zoonym, song genre

For citation: Li Feng, Yachina N.P. Cultural connotation of the zoonym "horse" in the Russian song genre. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 88 – 94. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-88-94

The article was submitted: January 2, 2026; Approved after reviewing: March 1, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Язык – это кладовая человеческого опыта. В нем отражается народная культура, психология и философия народа. В этом ключе стоит отметить, что песенный жанр, как часть языка, хранит в себе эмоции, традиции и мудрость поколений, передавая их через мелодию и слово 5. Одним из показателей такого отражения как раз являются зоонимы, которые обогащают лексический состав языка 4.

Животные – это соседи, проживающие с людьми на одной планете. Они на протяжении всей истории сопровождают человека. Их образы, влияющие на восприятие окружающего мира, прочно укрепились в нашем сознании 5. Животных в культуре часто наделяли определенными качествами, которые проецировали черты человеческого характера. Исследования зоонимов помогают проследить изменения представлений о мире.

Для изучения взаимодействия культуры и языка используется культурная коннотация. Лингвист В.Н. Телия считала, что ее понимание является базовым для изучения языка с лингвокультурологической точки зрения 7.

Материалы и методы исследований

Материал исследования составляют тексты различных песен народного, в своём большинстве эстрадно-го характера в количестве тридцати песен таких исполнителей как В. Высоцкий, И. Кучин, Ю. Шатунов, Ф. Киркоров, группа Любэ, Е. Ваенга, Н. Кадышева, А. Малинин, М. Боярский, Пелагея и др. Для прослеживания тенденции использования зоонимов были проанализированы и исторические песни, например «Онежские былины» (Гильфердинг), песенные тексты русской народной поэзии (семейно-обрядовые песни, былины, частушки) и др.

Методы: использован лингвокультурологический анализ (анализ текстов песен), семантико-стилистический разбор текстов (изучаются значения и стилистические особенности слова «конь»), сравнительно-исторический подход. Результаты показали, что конь в русском песенном жанре выступает как символ свободы, силы, судьбы и связи с потусторонним миром, сохраняя архаичные черты в современной культуре.

Результаты и обсуждения

«Конь» играет важную роль в жизни русского народа и часто несет положительную коннотацию. Его символ можно встретить на резьбе, в поэзии, сказках и, конечно же, в песнях. При анализе русских песен данный зооним встречается в 20% случаях.

В толковом словаре В. Даля конь описывается, как «верховая лошадь. Кляча воду возит, лошадь пашет, конь под седлом. Годовалый жеребенок, лоншак (от ланской, лони), иногда произн. лошняк, и путается с лошаком» [9]. А в словаре Ушакова «КОНЬ, коня, мн. кони, коней и (обл.) коней, м. То же, что лошадь (торж., поэт., воен. и обл.)» [8].

Зоонимы в песнях имеют глубокий символический и семантический смысл. Они отражают важные аспекты культуры, истории и мировоззрения. При анализе русских песен с зоонимом «Конь» были выделены такие аспекты как:

- 1) Символ свободы и воли.

Многие авторы песен, используя «коня», хотят подчеркнуть искренность желаний и простоту чувств, отразить стремление к независимости. Особенно в контексте жизни крестьян. Например, строки из песни Чернецкого Виталия «Я подозвал коня» создают ощущение свободы и легкости, подчеркивая мечту о бескрайнем просторе: *“Будет лететь мой конь Птицей по над рекой/ Будет играть гривой разметанной, он у меня такой”*.

В песне Владимира Высоцкого «Кони привередливые» конь символизирует человеческую усталость, показывая, что силы на исходе, но благодаря воли продолжает путь: *“Кони привередливые – идут по кругу, по кругу / А кони - они ведь тоже чувят, чувят, чувят...”*; *“Конь мой вороной / Ты носи меня как ветер / Конь мой вороной / Друг ты мой на век родной”* (казацкая песня «Конь мой вороной»).

- 2) Показатель выражений эмоций и чувств.

Данный зооним часто используется для эмоциональной нагрузки. «Конь» в этом аспекте является так называемой метафорой для передачи чувства ностальгии, грусти. Хорошим примером является песня группы Любэ «Конь» («Выйду ночью в поле с конём...»), которая пользуется широкой популярностью настолько, что приобрела характер народной. Здесь зооним олицетворяет связь с ушедшими временами и тоску по ним: *“Конь, мой конь, как упоительны в России вечера/ Конь, мой конь, как же хочется мне жить еще вчера.”*

В «Рыжем коне» Михаила Боярского «конь» приносит в сны чувство грусти: *“Лечу на гремящей железной повозке/ Где прадед мой ездил на рыжем коне.... А по ночам мне снится конь /Ко мне подходит рыжий конь/ В лицо мне дышит рыжий конь/ Косит лиловым глазом... Сто дюжин коней под капот я запрятал/ А прадед везде успевал на одном”*.

Зооним также встречается как предзнаменование или ожидания какого-либо события. В произведении Александра Розенбаума «Сон в руку»: *“Виделось часто в сон беспокойный / Как за далёкой рекой/ Под облаками, над колокольней/ В небе летит серый в яблоках конь / В небе летит, в небе летит/ В небе летит серый в яблоках конь...”* поется о человеке, который мечтает о покое. «Конь» показывает всю глубину чувств переживаний героя, становясь последней надеждой на спасение от боли и усталости.

3) Символ силы.

«Конь» во многих песнях является символом воинской доблести, храбрости. Он часто сопровождает главного героя, богатыря или воина: *“Твой последний конь дьявол и огонь/ За тобой всегда готов был в бой/ Помнишь, как тебя любил он/ Гордо под тобой ходил он /Как из рук твоих хлеб и соль он ел/ Был в бою так безнадежно смел”* («Есаул» Олег Газманов). Данная песня занимает особое место в русской музыкальной культуре, вызывая патриотические чувства и напоминая о важности памяти о прошлом. Поэтому ее всегда можно услышать на военных парадах и мероприятиях. «Конь» здесь является боевым товарищем есаула, командира казачьего подразделения. Также такой образ «Коня» можно найти и в старых русских песнях: *“Онъ садился-же Алеша во на добра коня, / На добра коня богатырскаго”* (песня XVIII века «Какъ у насъ было на святой Руси»); *“Померь, померь полковничекъ своей скорой смертью /Оставляль-же полковничекъ жену молодую, /Оставался конь вороный со всей ратной сбруей”* («Стлала, стлала дѣвчоночка»).

В известной композиции группы Любэ «Выйду ночью в поле с конём...» зооним обозначает верного друга. Он сопровождает героя, который любит красота природы: *“Ночью в поле звёзд благодать/ В поле никого не видать/ Только мы с конём по полю идём/ Только мы с конём по полю идём (да вдвоём) ...”*.

4) Символ жизненного пути и судьбы.

В некоторых произведениях «конь» служит символом пути, мотивом путешествий и странствий, путь к самопознанию. Очень часто такой мотив встречается в народных песнях. Например, в песнях о казаках, где «конь» сопровождает героев в их жизненном пути: *“А душа – то на распаху/ Воля казаку, коня да шашку/ Пулей ты неси, мой вороной/ Да к земле родной...”* («Казачья доля»).

В композиции «Я подозвал коня» *“Взрослым так просто, все знают они наперед. Ну а подросток, пока он еще подрастет, только вот”* автор хотел показать не только свободу, но и путь поиска себя. «Конь» становится воплощением внутренней силы героя, помогая ему преодолевать трудности и расти.

5) Символ перехода и смерти.

Есть песни, в которых зооним несет отрицательную коннотацию. Он является предвестником перемен таких как гибель: *“Вот пуля просвистела, в грудь попала мне/ Спасся я в степи на лихом коне/ Но шашкою меня комиссар достал/ Покачнулся я и с коня упал”* («Эй, ой да конь мой вороной...»); *“И умолк ямщик / Кони ехали / А в степи глухой / Бури плакали.”* («Степь да степь кругом...»). Связано это с языческими представлениями о коне как о связующем звене между мирами. «Конь» в древних традициях выступал в роли проводника в загробный мир 11.

Кроме того. Среди зоонимов в башкирских народных песнях особо выделяются названия домашних животных.

Ат ‘лошадь, конь’. Испокон веков лошадь была другом и опорой в многострадальной, тяжелой и в то же время героической судьбе башкирского народа. Не зря в народных песнях главными действующими лицами выступают егет и его верный спутник ат ‘конь’ 1.

В башкирских народных песнях для обозначения лошади как вида животных употребляются слова *ат* и *йылкы*. Однако по активности наиболее распространенным из них является *ат*. Слово *ат* служит основой для образования множества производных слов: *ала ат* ‘пегая лошадь’, *ат сабыштары* ‘скачки’. Слово *йылкы* так же, как и другие видовые названия животных, участвует в образовании новых понятий: *йылкы ите* ‘конина’, *йылкы өйөрө* ‘табун лошадей’.

Слово *ат* ‘конь’ встречается во многих народных песнях. Это, как говорилось выше, связано с тем, что с древнейших времен в повседневной жизни башкирского народа лошади играли огромную роль. Не случайно образы коней представлены во всех жанрах богатейшего башкирского народного творчества, в том числе и песенном. Например:

- 1) *Якшы атка менеп, кулына алып Ук-һазаккай тигән коралын, Аямаган йәнән, түккән канын, Һис бирмәгән башкорт Уралын* («Урал»).

К битве верного коня седлал, Меткий лук и стрелы в руки брал.

Жизни не жалел, кровь проливал,
Свой Урал башкир не отдавал («Урал»).

2) *Өйөр генә йылкы араһында,
Һөйөп менгән атым бүртә ине* («Салауат каторгала»).

Среди табуна лошадей,
Мой любимый оседланный конь был караковый
(«Салават на каторге»).

В текстах песен образ коня используется как высокое мерило в оценке какого-либо явления, глубины чувств. В текстах песен ат 'конь' возводится в ранг друга мужчины. Народная поговорка гласит: Ир канаты ат булыр 'Конь – крылья мужчины', Егет куңелендә эйәрле-йүгәнле ат ятыр 'В душе егета хранится оседланный конь'. Часто в текстах наблюдается ассоциативная связь коня с мужчиной 3. Например:

*Низәр генә күрөп, низәр кисмәй
Ир башкайы менән ат башы* («Урал»).

Егет и конь испытанный его
Прошли немало жизненных дорог («Урал»).

В башкирских народных песнях представлена довольно детализированная дифференциация видов лошадей по многим признакам. Чаще всего для характеристики коня используются лексемы, указывающие на его масть. К наиболее частотным можно отнести следующие названия масти коня: ак күк ат 'белая лошадь, имеющая голубоватый оттенок', бүртә ат 'караковая лошадь', ерәнсәкәй ат 'рыжий конь', кир ат 'мухортая лошадь', кара ат 'вороная лошадь', кызыл күк ат 'красно-сивая лошадь', һары ат 'соловая лошадь', кола ат 'саврасый, буланный конь', тимер күк ат 'сивостальная лошадь', саптар 'игреневая лошадь', кара туры 'караковая лошадь' и т.д.

Ак ат 'белый конь'. Как отмечает У.Ф.Надергулов, у тюркских народов, в том числе и у башкир, название масти *ак* является по происхождению наиболее древним [Надергулов 2000, 53].

Известно, что совершенно белых коней бывает сравнительно редко. Обычно они сопровождаются какими-либо дополнительными цветовыми оттенками, то есть становятся разномастными. Например, белые лошади бывают либо голубоватыми, либо имеют темно-белую окраску, а иногда у них гривы и хвосты бывают другого цвета и т.д. В связи с этим образовывались и новые названия с привлечением цветовых признаков дополнительных мастей. Белых лошадей, имеющих голубоватый оттенок, называют ак күк ат, ак буз ат или күк буз ат 2

*Ак күк атын батыр йүгәнләй,
Яуга китер мале еткәндә* («Салауат»).

Честь и славу народа храня,
Богатырь оседляет белого коня («Салават»).

У тюркских народов, в том числе и у башкир, кони белой масти имели особый приоритет. Поэтому издавна иметь белого коня, жеребца считалось престижным. Обычно самостоятельные люди, старшины, кантоны и т.д. во время народных празднеств и на сабантуях старались появляться перед народом на белом коне.

Бүртә ат 'караковая лошадь'. Фоновые окраски караковых лошадей имеют весьма ограниченные цветовые оттенки; в основном они имеют темную, близкую к черному, окраску туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста. А их брюхо, голова, иногда и ноги бывают с бледно-рыжими подпалинами. Лошадей этой масти, с преобладанием белого, светлого цвета называют *күк бүртә ат* 'светло караковая лошадь' [Надергулов 2000, 55]. Мы предполагаем, что происхождение названия масти *бүртә* связано со словом *бүртеу* 'наливаться, налиться'. В одной

из народных песен встречаются такие строки:

*Өйөр генә йылкы араһында
Һөйөп менгән атым бүртә ине* («Салауат»).

В разномастном моем табуне
Караковый конь дорог мне («Салават»).

Ерән ат 'рыжая лошадь'. Рыжая масть относится к наиболее распространенным. В башкирских народных песнях встречается в формах *ерәнсә, ерәнсәй, ерәнсәкәй*:

*Бәғәрешкәй таузың һырты бейек,
Ерәнсәкәй атым менә алмай* («Бәспрауник»).

На верх Багараша подняться

Не смог Ерэнсэ мой никак («Исправник»).

Кир ат ‘мухортая лошадь’. Название данной масти в говорах башкирского языка встречается в формах *кирсэ, кирсэй*. Лошади мухортой масти нередко бывают с отливами той или иной цветовой окраски. В зависимости от этого в башкирском языке имеются названия мастей *кара кир* ‘темно мухортая лошадь’ и *кир туры* ‘гнедо-мухортая лошадь’. Ср.:

Салауат менгән кир аттың

Күкрәк түшкәйзәре киң икән («Салауат»).

Конь мухортый его был могуч,

Грудь коня шире каменных круч («Салават»).

Кара ат ‘вороная лошадь’. В башкирском народном творчестве есть песня, посвященная именно этой масти лошади –

«Кара ат» («Вороная лошадь»):

Ынтыл ғына ынтыл, әй, кара атым,

Елбер генә елбер ял өсөн.

Аяма ла йәнең, әй, кара атым,

Йөз егерме башкорт каны өсөн («Кара ат»).

Лети вперед, лети, наш вороной,

Ты ветром мог бы облететь весь мир.

Ужель ты жизнь жалеешь, вороной,

За жизнь и кровь ста двадцати башкир

(«Вороная лошадь»).

Основным фоновым цветом вороных лошадей является черная окраска их корпуса, головы, конечностей, гривы и хвоста. У некоторых вороных коней концы волос бывают несколько обесцвеченными, словно выгоревшими, отчего корпус лошади приобретает грязно-бурый оттенок. В башкирском языке их называют *кара коба ат* ‘черно-бурая лошадь’. В целом название *кара* активно употребляется в сочетании с другими наименованиями мастей животных 9

Һары ат ‘соловая (буланая лошадь)’. В одной из башкирских песен встречаются такие строки:

Һары аткайым тотоп мин бәйләнем Йәйрәп үскән озон сауылга («Һары ат»)

Я привязал мухортого коня

К березоньке, за молодую ветвь («Буланая лошадь»).

В говорах башкирского языка это название имеет формы *һарыса, һарысай*. Например, в древнетюркском языке слово *сару* – соловый. У соловых лошадей шерстяной покров имеет в основном светло-песочную окраску. Однако их фоновый цвет не всегда бывает однотонным. Коней с более темной окраской называют *тонок һары ат* ‘палевая лошадь’, а лошадей с чистой, блестящей желтой мастью – *балауыз һары ат* ‘досл. желтый как воск конь’.

Вышеописанный материал доказывает, что в башкирских народных песнях для обозначения мастей лошади представлено большое количество названий. Это обусловлено тем, что и в прошлом, при табунном содержании скота, количество которых исчислялось сотнями и более голов, отдельных особей лошадей различали в основном по их масти или по другим внешним физиологическим приметам.

Выводы

Проведенный анализ культурной коннотации зоонима «конь» позволяет сделать вывод о его исключительной семиотической насыщенности и мифопоэтической глубине в русском языковом сознании. Образ коня не ограничивается утилитарной функцией сельскохозяйственного животного или средства передвижения; он транслирует сложную систему ценностей и архетипических представлений. С одной стороны, конь выступает как эталонный символ преданности, верного товарищества и физической силы, что находит отражение в былинных образах богатырских коней и фольклорных сказках, где животное неоднократно спасает героя. С другой стороны, анализ выявляет более древний пласт верований, где конь осмысливается как мистический проводник, медиатор между миром живых и миром мертвых, что характерно для славянской мифологии и обрядовой практики. Таким образом, культурная коннотация зоонима «конь» представляет собой амбивалентный сплав бытового и сакрального, что делает его одним из ключевых образов для понимания русской ментальности.

Исследование подтверждает, что зоонимы в целом выступают чутким индикатором изменений в коллективном сознании и ценностных ориентирах народа, функционируя как «зеркало» культуры. На примере образа коня мы наблюдаем, как язык и фольклор консервируют и передают из поколения в поколение

представления об идеальных человеческих качествах: верности, готовности к самопожертвованию, неуязвимой энергии и трудолюбию. Русская жанровая литература и устное народное творчество, наполняя зооним «конь» устойчивыми ассоциациями, не только отражают исторический уклад жизни (связь с землей, крестьянским трудом и военным делом), но и формируют эмоционально-оценочное восприятие действительности. Глубокая привязанность к этому образу свидетельствует о сохранении культурной преемственности: несмотря на технологический прогресс, архетипическое значение коня как символа свободы, силы и духовного родства с природой продолжает жить в русском языке и самосознании.

Список источников

1. Алкин М.С. Башкирская народно-певческая культура: традиции и современная практика: дис. ... канд. искусствоведения. Магнитогорск, 2011. 249 с.
2. Аминев З.Г. Урал как родина башкир в эпосе «Идукай и Мурадым» // Башкирский фольклор. Исследования и материалы / сост., автор вступ. ст. и отв. ред. Р.А. Султангареева. Вып. XI. Уфа: Гилем, 2011. С. 58 – 69.
3. Байназарова Г.М. Концепт «любовь» в башкирских народных песнях (на примере народных песен-четверостиший) // Гуманистическое наследие просветителей в культуре и образовании: мат-лы междунар. науч.-пр. конф. Уфа, 2011. С. 113 – 115.
4. Гимадеева А.А., Гарифуллина Д.Б., Гараева М.Р. Лексико-семантическая репрезентация концепта «страх» (на материале английских и татарских фразеологических единиц с компонентом-зоонимом) // Казанский лингвистический журнал. 2019. № 2 (1). С. 11 – 18.
5. Еговцева М.А., Пильникова А.Ю. Функции русской колыбельной песни // Reports Scientific Society. 2023. № 11 (43). С. 62 – 67.
6. Ли Ф., Павлов Д.В. Семантические особенности зоонимов в русском песенном жанре (на примере орнитонимов) // Вестник филологических наук. 2025. Т. 5. № 2. С. 30 – 35.
7. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки славянской культуры. 1996. 288 с.
8. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. Т. 4. С – Ящурный / гл. ред. Б.М. Волин и проф. Д.Н. Ушаков ; сост. проф. В.В. Виноградов, проф. Г.О. Винокур, проф. Б.А. Ларин, С.И. Ожегов, Б.В. Томашевский, проф. Д.Н. Ушаков ; под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1940. 1500 стб., [2] с.
9. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд., испр. и знач. умноженное по рукописи автора: в 4 т. СПб.; М.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1880-1882. Т. 2. 807 с.
10. Трегубов А.Н. Развитие гуманитарной науки в регионах России // Вестник ВЭГУ. 2017. №. 4. С. 178 – 180.
11. Фаминцын А.С. Божества древних славян / Сост. и отв. ред. О.А. Платонов, предисл. Е.А. Окладникова. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 736 с.

References

1. Alkin M.S. Bashkir folk singing culture: traditions and modern practice: dis. ...cand. art history Magnitogorsk, 2011. 249 p.
2. Aminev Z.G. The Urals as the homeland of the Bashkirs in the epic “Idukai and Muradym”. Bashkir folklore. Research and materials. comp., author entry. Art. and resp. ed. R.A. Sultangareeva. Vol. XI. Ufa: Guillem, 2011. P. 58 – 69.
3. Baynazarova G.M. The concept of “love” in Bashkir folk songs (using the example of folk songs and quatrains). Humanistic heritage of enlighteners in culture and education: materials of the international. scientific-pr. conf. Ufa, 2011. P. 113 – 115.
4. Gimadeeva A.A., Garifullina D.B., Garaeva M.R. Lexical and semantic representation of the concept “fear” (based on English and Tatar phraseological units with a zoonym component). Kazan Linguistic Journal. 2019. No. 2 (1). P. 11 – 18.
5. Egovtseva M.A., Pilnikova A.Yu. Functions of the Russian lullaby. Reports Scientific Society. 2023. No. 11 (43). P. 62 – 67.
6. Li F., Pavlov D.V. Semantic features of zoonyms in the Russian song genre (using ornithonyms as an example). Bulletin of Philological Sciences. 2025. Vol. 5. No. 2. P. 30 – 35.
7. Telia V.N. Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Slavic Culture. 1996. 288 p.

8. Ushakov D.N. Explanatory Dictionary of the Russian Language. Vol. 4. S – Yashchurny/ Eds.-in-Chief B.M. Volin and Prof. D.N. Ushakov; compiled by Prof. V.V. Vinogradov, Prof. G.O. Vinokur, Prof. B.A. Larin, S.I. Ozhegov, B.V. Tomashevsky, Prof. D.N. Ushakov; edited by Prof. D.N. Ushakov. Moscow: State Publishing House of Foreign and National Linguistics. dictionaries, 1940. 1500 columns, [2] p.

9. Dahl V.I. Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. 2nd ed., corrected and expanded according to the author's manuscript: in 4 volumes. St. Petersburg; Moscow: Published by the bookseller and printer M.O. Wolf, 1880-1882. Vol. 2. 807 p.

10. Tregubov A.N. Development of Humanities in the Regions of Russia. Vestnik of VEGU. 2017. No. 4. P. 178 – 180.

11. Famintsyn A.S. Deities of the Ancient Slavs. Comp. and ed. O.A. Platonov, foreword by E.A. Okladnikova. M.: Institute of Russian Civilization, 2014. 736 p.

Информация об авторах

Ли Фэн, ассистент, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-2812-4226>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, lifeng1990@mail.ru

Ячина Н.П., кандидат филологических наук, доцент, ORCID ID: <http://orcid.org/0000-0002-2701-2533>, Казанский (Приволжский) федеральный университет, nadegda_777@mail.ru

© Ли Фэн, Ячина Н.П., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.42

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-95-99

Ритуализация и вариативность речевых клише вежливости в русском и китайском языках: сопоставительный аспект

¹ Хэ Юй,

¹ Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

Аннотация: в статье рассматриваются ритуализация и вариативность речевых клише вежливости в русском и китайском языках в сопоставительном аспекте. Речевые клише трактуются как устойчивые стереотипно воспроизводимые диалогические единицы, прагматически связанные с определёнными речевыми актами и типовыми коммуникативными ситуациями. Коммуникативное взаимодействие понимается как преимущественно ритуализированное и реализуемое через систему конвенциональных форм, регулярно воспроизводимых в стандартных ситуациях общения.

Выделяются основные параметры ритуализации речевых клише: конвенциональность, устойчивость и социокультурная обусловленность, а также формы их вариативности, включая региональную, стилистическую и возрастную. На материале формул приветствия, благодарности, извинения и обращения выявляются сходства и различия их функционирования, обусловленные национально-культурной спецификой коммуникативного поведения.

Показано, что вариативность клише отражает социальные и культурные нормы речевого взаимодействия. Подчёркивается значимость учёта этих различий при обучении русскому языку китайских студентов, поскольку непонимание социокультурного контекста может приводить к коммуникативным ошибкам.

Ключевые слова: речевые клише, ритуализация, вариативность, вежливость, межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Хэ Юй Ритуализация и вариативность речевых клише вежливости в русском и китайском языках: сопоставительный аспект // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 95 – 99. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-95-99

Поступила в редакцию: 4 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Ritualization and variability of politeness speech clichés in Russian and Chinese: a comparative perspective

¹ He Yu,

¹ Pushkin State Russian Language Institute

Abstract: the article examines the ritualization and variability of politeness formulae in Russian and Chinese from a comparative perspective. Speech formulae are interpreted as stable stereotyped dialogic units pragmatically associated with specific speech acts and typical communicative situations. Communicative interaction is viewed as largely ritualized and realized through a system of conventional forms regularly reproduced in standard situations of communication.

The study identifies the main parameters of ritualization of speech formulae, including conventionality, stability, and socio-cultural conditioning, as well as the forms of their variability, such as regional, stylistic, and age-related variation. Based on examples of greetings, expressions of gratitude, apologies, and forms of address in Russian and Chinese, the similarities and differences in their functioning are revealed and explained by national and cultural features of communicative behavior.

The analysis shows that the variability of speech formulae reflects social and cultural norms regulating verbal interaction. The importance of taking these differences into account in teaching Russian to Chinese students is emphasized, since misunderstanding the sociocultural context may lead to communicative errors.

Keywords: speech clichés, ritualization, variability, politeness, intercultural communication, the Russian language, the Chinese language

For citation: He Yu Ritualization and variability of politeness speech clichés in Russian and Chinese: a comparative perspective. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 95 – 99. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-95-99

The article was submitted: January 4, 2026; Approved after reviewing: March 2, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Проблема межкультурной коммуникации занимает важное место в современной лингвистике, поскольку коммуникативное взаимодействие представителей различных культур предполагает учет национально-специфических норм речевого поведения и системы ценностей, регулирующих языковое общение. В научных исследованиях подчеркивается, что успешность межкультурного взаимодействия зависит не только от владения языком, но и от понимания культурных норм, определяющих выбор языковых средств и коммуникативных стратегий. Так, Т.В. Ларина отмечает, что коммуникативное поведение и способы выражения вежливости формируются под влиянием культурных ценностей и социальных норм, которые находят отражение в системе речевого этикета и устойчивых речевых формул [6, с. 10].

Наиболее яркое выражение категория вежливости находит в речевых этикетных формулах, которые в русском и китайском языках включают приветствия, прощания, выражения благодарности, обращения, просьбы и другие типы клише. Тем не менее, несмотря на очевидную необходимость учета национальных особенностей речевых формул, сходства и различия в их употреблении до настоящего времени изучены недостаточно полно [1, 4]. Особенно это касается китайского и русского языков, в которых системы вежливого общения имеют существенные различия.

Целью данной статьи является исследование ритуализации и вариативности речевых клише вежливости в русском и китайском языках в сопоставительном аспекте.

Материалы и методы исследований

Речевые клише представляют собой устойчивые и стереотипно воспроизводимые диалогические единицы, семантически и прагматически связанные с конкретными речевыми актами и классами коммуникативных ситуаций. Данные единицы относятся к неоднословным единицам речевой фразеологии, подвержены структурной и семантической классификации и исследуются в контексте речевого этикета и стратегий вежливости. Термин «клише» в данной работе рассматривается как готовая к использованию, регулярно воспроизводимая единица, в которой исходное значение вытесняется социальными функциями. В контексте речевой коммуникации речевые клише структурируют диалог и являются важной частью речевого этикета [5].

Ритуализация речевых клише проявляется в их закреплённости за определёнными коммуникативными ситуациями и включённости в систему конвенциональных форм речевого поведения. Такие клише регулярно воспроизводятся в типичных ситуациях общения и сопровождаются устойчивым распределением коммуникативных ролей между участниками взаимодействия. Ритуализированные формы речи отражают социально значимые нормы вежливости и культурные представления, сложившиеся в данном языковом сообществе [8]. Характерной особенностью речевых клише является их воспроизводимость: в процессе общения они используются как готовые, относительно устойчивые языковые формулы, сохраняющие типичное значение и структуру. К числу наиболее распространённых ритуализированных ситуаций относятся приветствие, прощание, знакомство, выражение благодарности и пожелания, которые выполняют важную коммуникативную функцию, обозначая начало, поддержание или завершение речевого взаимодействия.

Вариативность речевых клише проявляется в существовании нескольких форм реализации стандартных речевых формул, выбор которых обусловлен региональными, стилевыми и социодемографическими факторами речевого общения. В связи с этим одной и той же коммуникативной ситуации могут соответствовать различные варианты одной формулы, отличающиеся степенью развернутости, стилистической окраской и уровнем формальности.

Результаты и обсуждения

Так, стандартные формы приветствия нередко имеют разговорные, сокращённые или стилистически нейтральные варианты, используемые в зависимости от коммуникативного контекста и социальных характеристик участников общения. Аналогичные процессы наблюдаются и в русском языке: этикетные выражения «Здравствуйте!» имеют редуцированную форму «Здрасьте!»; для официальных ситуаций употребляется полная форма, тогда как среди близких возможны уменьшительные варианты («Привет!», «Приветик!») [3].

В китайском языке вариативность обусловлена иерархией межличностных отношений: наряду с универсальным приветствием «你好» (nǐ hǎo – здравствуй) используется почтительная форма «您好» (nín hǎo) для обращения к старшим или по служебной лестнице. Выбор конкретной формулы зависит от степени формальности общения, возраста, статуса и региональных норм. Вариативность проявляется и в функциональной нагрузке клише: одни и те же формы могут использоваться для выражения благодарности, восхищения или иронии. Так, русское клише «Здравствуй(те)», помимо нейтрального значения, может приобретать ироническую окраску и выражать удивление или разочарование. Таким образом, вариативность клише проявляется не только в разнообразии форм, но и в гибкости их функциональной интерпретации [2].

Сопоставительный анализ клише вежливости позволяет выявить общие черты и различия между русским и китайским языками, а также культурами. Для приветствия в обоих языках используются общие формулы («Здравствуй!», «你好!»), имеющие сходную этимологию. Формулы обращения в русском и китайском языках демонстрируют национально-специфические способы выражения статуса и социальной дистанции. В русской официальной коммуникации нормативным является обращение по имени и отчеству (например, «Иван Иванович», «Мария Петровна»). В китайской практике обращение чаще строится по модели «фамилия + должность или социальная роль»: «王医生» (Wáng yīshēng – «врач Ван»), «王老师» (Wáng lǎoshī – «преподаватель Ван»), «张经理» (Zhāng jīnglǐ – «менеджер Чжан»). Кроме того, используются уважительные титулы «先生» (xiānsheng – «господин») и «女士» (nǚshì – «госпожа»). В русском разговорном этикете при обращении к незнакомому человеку нередко употребляются гендерные формы («молодой человек», «девушка»), тогда как в китайском языке важную роль играет противопоставление местоимений «你» и «您», выражающее степень уважения [2, 7].

Формулы благодарности в обоих языках имеют близкие значения: русскому «Спасибо» соответствует китайское «谢谢» (xièxiè). В более формальных ситуациях используются развернутые формы: «Благодарю вас», «Большое спасибо», а в китайском – «非常感谢» (fēicháng gǎnxiè – «очень благодарен») и «感谢您» (gǎnxiè nín – «благодарю вас»). Формулы извинения в китайском языке представлены несколькими устойчивыми выражениями, различающимися по степени формальности и контексту употребления: «对不起» (duìbuqǐ – «извините»), «不好意思» (bù hǎo yìsi – «простите, неловко»), «抱歉» (bàoqiàn – «извиняюсь»). В русском языке наиболее распространёнными являются такие формулы речевого этикета, как «Извините», «Простите», «Прошу прощения» [10].

Различия наблюдаются и в формулах приветствия. В русском речевом этикете приветствие («Здравствуйте», «Добрый день») является обязательным элементом начала общения. В китайской разговорной практике приветствие может заменяться ситуативными фразами, выполняющими ту же коммуникативную функцию, например «你吃了吗?» (nǐ chī le ma? – «Ты поел?»). Универсальными формулами прощания в обоих языках являются «До свидания» и «再见» (zàijiàn) [7].

Ритуализация клише проявляется через повторяемость и конвенциональность, обеспечивающие предсказуемость и взаимопонимание. Важно отметить, что клише воспроизводятся как целостные структуры в типовых ситуациях и сохраняют традиционное распределение ролей. Ритуализация служит гарантом коммуникативной стабильности и передачи культурных норм. В то же время чрезмерная стандартизация может приводить к стереотипности и потере индивидуальности; поэтому языковая система допускает вариативность, регулируемую социальными, региональными и стилистическими факторами [9].

В китайской лингвокультуре ритуализация речевого поведения тесно связана с конфуцианским понятием 礼 (lǐ – ритуал, норма поведения), которое предполагает соблюдение установленных правил общения, уважение к социальной иерархии и статусу собеседника. Вежливость в китайском языке проявляется не только в выборе определённых речевых формул, но и в использовании уважительных обращений, вежливых частиц, а также косвенных коммуникативных стратегий, смягчающих высказывание и поддерживаю-

щих гармонию общения. В русском языке ритуализация опирается на традиции православной культуры и идею пожелания здоровья («Здравствуйте»), однако современная речевая практика демонстрирует тенденцию к упрощению и сокращению формул («Привет», «Здрасьте»). При этом использование уменьшительно-ласкательных форм («Приветик», «Салюттик») свидетельствует о неформальном характере общения и стремлении смягчить дистанцию. Таким образом, ритуализация и вариативность находятся в диалектическом единстве: первая обеспечивает стабильность, вторая – адаптацию к меняющимся условиям общения [1, 2].

Сопоставительный анализ клише вежливости позволяет сформулировать рекомендации для преподавания русского языка как иностранного китайским студентам. Во-первых, необходимо уделять внимание социокультурному компоненту: обучающийся должен понимать, что форма обращения «你好» соответствует русскому «Здравствуйте», но употребляется в очень формальных ситуациях; китайское обращение «老师» (учитель) употребляется как часть обращения и требует другого соответствия в русском языке.

Во-вторых, следует объяснять вариативность клише: учащиеся должны знать, что помимо «Спасибо» возможно «Большое спасибо», «Благодарю вас» и понимать их стилистические и ситуативные различия.

В-третьих, важно тренировать навыки использования различных формул в устной практике, моделировать типовые ситуации приветствия, прощания, благодарности, извинения, обращая внимание на интонацию, невербальные компоненты и региональные особенности.

В-четвёртых, в ходе обучения следует предупреждать о возможных коммуникативных ошибках: например, буквальный перевод китайского выражения «你吃了吗?» на русский без знания его культурного значения может быть воспринят как вычурный или неуместный. Буквальный перевод русского выражения «приятного аппетита» как «祝你好胃口» (Желаю тебе/вам хорошего аппетита) является неточным. Такой перевод, полностью соответствуя буквальному значению исходной фразы, игнорирует различия в культурном контексте между русским и китайским языками. Более корректными являются варианты: «用餐愉快» (Приятного приема пищи) для официальных ситуаций и «吃好喝好» (Хорошо есть, хорошо пить) для неформального общения [6].

Выводы

Таким образом, интеграция знаний о ритуализации и вариативности речевых клише в методику обучения РКИ способствует формированию межкультурной компетенции.

Речевые клише вежливости представляют собой важный компонент речевого этикета, обеспечивающий ритуализованный характер и структурированность коммуникативного взаимодействия. В русском и китайском языках такие клише обладают рядом общих свойств, включая устойчивость, стереотипность и прагматическую обусловленность, однако различаются по количеству, структурным особенностям и сфере функционирования. Ритуализация проявляется в конвенциональности и регулярной воспроизводимости речевых формул в типичных коммуникативных ситуациях, тогда как вариативность выражается в их региональных, стилевых и функциональных модификациях [8].

Сопоставительный анализ выявил, что китайская система клише более иерархична и ориентирована на выражение уважения и социальной гармонии, тогда как русская система характеризуется большей прямолинейностью и стремлением к желательности для собеседника. Понимание механизмов ритуализации и вариативности позволяет избежать коммуникативных ошибок и способствует успешной межкультурной коммуникации. Дальнейшие исследования могут быть направлены на расширение эмпирической базы, включение диахронного анализа и разработку обучающих материалов, учитывающих результаты сопоставительных исследований.

Список источников

1. Брагина Н.Г. Речевые клише: аспекты лингвистического изучения // Русский язык за рубежом. 2023. № 5. С. 10 – 15.
2. Ван-Чан-Жоу А.А. Вежливость в русской и китайской коммуникативных культурах // Актуальные проблемы филологии. 2017. № 14. С. 20 – 30.
3. Ван Цуйцуй, Руженцева Н.Б. Китайское и русское обиходно-бытовое и деловое общение: формулы речевого этикета // Педагогическое образование в России. 2016. № 10. С. 31 – 36.
4. Власян Г.Р. Коммуникативная категория вежливости: проблема интерпретации // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2011. № 33 (248). С. 36 – 39.

5. Земская Е.А. Категория вежливости в контексте речевых действий // Логический анализ языка: язык речевых действий. М.: Наука, 1994. С. 131 – 136.
6. Ларина Т.В. Категория вежливости в аспекте межкультурной коммуникации (на материале английской и русской коммуникативных культур): дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003. 495 с.
7. Мулдарова Н.А. Категория вежливости в русской и китайской культурах при реализации речеповеденческих тактик «разрешение» и «отказ» // Международный научно-исследовательский журнал. 2023. № 9 (135).
8. Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 27 с.
9. Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1987. 158 с.
10. Хуан Ш. Особенности принципа вежливости в китайской и русской лингвокультурах // Litera. 2022. No 5. С. 176 – 183.

References

1. Bragina N.G. Speech cliches: aspects of linguistic study. Russian language abroad. 2023. No. 5. P. 10 – 15.
2. Wang-Chang-Zhou A.A. Politeness in Russian and Chinese communicative cultures. Actual problems of philology. 2017. No. 14. P. 20 – 30.
3. Wang Cuicui, Ruzhentseva N.B. Chinese and Russian everyday and business communication: formulas of speech etiquette. Pedagogical education in Russia. 2016. No. 10. P. 31 – 36.
4. Vlasyan G.R. Communicative category of politeness: the problem of interpretation. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art Criticism. 2011. No. 33 (248). P. 36 – 39.
5. Zemskaya E.A. The category of politeness in the context of speech acts. Logical analysis of language: the language of speech acts. Moscow: Nauka, 1994. P. 131 – 136.
6. Larina T.V. The category of politeness in the aspect of intercultural communication (based on the English and Russian communicative cultures): dis. ... Doctor of Philological Sciences. Moscow, 2003. 495 p.
7. Muldarova N.A. The category of politeness in Russian and Chinese cultures in the implementation of the speech-behavioral tactics "permission" and "refusal". International Research Journal. 2023. No. 9 (135).
8. Sternin I.A. Models for describing communicative behavior. Voronezh: Garant, 2000. 27 p.
9. Formanovskaya, N.I. Russian Speech Etiquette: Linguistic and Methodological Aspects. Moscow: Rus-skiy Yazyk, 1987. 158 p.
10. Huang S.: Features of the Principle of Politeness in Chinese and Russian Linguistic Cultures. Litera. 2022. No. 5. P. 176 – 183.

Информация об авторе

Хэ Юй, аспирант, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина

© Хэ Юй, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / *Philological Bulletin*»
<https://fv-journal.ru>
2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 371.32:78:316.774
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-100-105

Медиаграмотность на уроках музыки и изобразительного искусства

¹ *Владимирова Т.Н.,*

¹ *Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования,
Московский педагогический государственный университет*

Аннотация: статья посвящена исследованию потенциала уроков музыки и изобразительного искусства в формировании медиаграмотности обучающихся. Актуальность работы обусловлена тем, что современные школьники находятся в условиях информационной перегрузки и недостаточно владеют навыками критического восприятия медиаконтента. Целью исследования является выявление возможностей интеграции принципов художественно-эстетического образования в процесс формирования медиаграмотности. В работе рассматривается взаимосвязь между профессиональными компетенциями педагогов искусства и механизмами функционирования современных медиа. Особое внимание уделяется анализу визуальной риторики, композиции, колористики и светотеневого моделирования как инструментов воздействия на аудиторию. Показано, что данные принципы активно используются как в классическом искусстве, так и в современной медиаиндустрии. На примерах произведений живописи и музыкального искусства демонстрируется универсальность средств художественной выразительности и их роль в формировании смыслов медиасообщений. Представлены результаты педагогического эксперимента, подтверждающего влияние звукового сопровождения на интерпретацию визуального контента. Делается вывод о том, что интеграция медиаграмотности в уроки искусства способствует развитию критического мышления, визуальной и звуковой грамотности, а также формированию осознанного отношения к информации.

Ключевые слова: медиаграмотность, медиаобразование, визуальная грамотность, аудиальная грамотность, критическое мышление, изобразительное искусство, музыка, художественное образование

Для цитирования: Владимирова Т.Н. Медиаграмотность на уроках музыки и изобразительного искусства // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 100 – 105. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-100-105

Поступила в редакцию: 4 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 2 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Media literacy in music and visual arts lessons

¹ *Vladimirova T.N.,*

¹ *Institute of Journalism, Communications and Media Education,
Moscow Pedagogical State University*

Abstract: the article examines the potential of music and visual arts education in developing students' media literacy. The relevance of the study is обусловлена the fact that modern schoolchildren live in an information-saturated environment and often lack the skills necessary for critical analysis of media content. The aim of the research is to identify the possibilities of integrating artistic and aesthetic education principles into the development of media literacy. The paper explores the relationship between the professional competencies of art teachers and the mechanisms of contemporary media functioning. Particular attention is paid to visual rhetoric, composition, color theory, and light-shadow modeling as tools of audience influence. It is shown that these principles are equally fundamental in both classical art and modern media production. Using examples from painting and music, the study demonstrates the universality of artistic expressive means and their role in shaping media messages. The results of a pedagogical experiment illustrate how musical accompaniment significantly alters the interpretation of

visual content. The findings suggest that integrating media literacy into art education fosters critical thinking, visual and auditory literacy, and a more conscious perception of information in the media environment.

Keywords: media literacy, media education, visual literacy, auditory literacy, critical thinking, visual arts, music, arts education

For citation: Vladimirova T.N. Media literacy in music and visual arts lessons. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 100 – 105. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-100-105

The article was submitted: January 4, 2026; Approved after reviewing: March 2, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Между журналистским образованием и педагогикой искусства существует глубокая профессиональная взаимосвязь, требующая осмысления и изучения. В процессе подготовки журналистов, редакторов и создателей контента анализируются механизмы функционирования современных медиа, особенности их воздействия на аудиторию, приемы привлечения внимания и формирования общественного мнения.

Многолетний опыт работы в данной сфере позволяет утверждать, что педагоги музыки и изобразительного искусства обладают уникальными профессиональными компетенциями для формирования медиаграмотности обучающихся. Данное утверждение обосновывается тем, что современные медиа базируются на тех же фундаментальных принципах визуального и звукового воздействия, которые составляют содержание предметов художественно-эстетического цикла. Композиция, колористика, светотеневое моделирование, музыкальная выразительность активно используются создателями медиаконтента. Различие заключается лишь в целевых установках: художник создает произведение искусства, а специалист по медиакоммуникациям создает информационное сообщение [3, 4, 9].

Современные школьники находятся в условиях визуально и аудиально перегруженной информационной среды: социальные сети, рекламные сообщения, видеоконтент, музыкальные стриминговые сервисы составляют неотъемлемую часть их повседневной жизни. Профессиональный анализ ситуации в области медиа показывает высокую степень уязвимости детей перед потоком информации. Обучающиеся не владеют навыками выявления механизмов воздействия, не осознают манипулятивных стратегий, пассивно потребляют контент.

Материалы и методы исследований

Согласно данным ВЦИОМ, «для современной молодежи («родившейся с гаджетом в руках» и не знающей мира без интернета) онлайн – это естественная среда для жизни и общения. В течение дня молодые, по собственным оценкам, сидят в различных аккаунтах около 9 часов – это медианное значение суммы по всем аккаунтам в тестируемых в ходе опроса социальных сетях и мессенджерах. Онлайн-пространство становится для молодежи не только средой общения, но и главным пространством социальной жизни и информационного потребления» [3, 7].

Знания и навыки, формируемые на уроках искусства, могут стать основой для развития критического мышления. Рассмотрим данное положение на конкретных примерах.

В профессиональном медиасообществе используется термин «визуальная риторика», определяющий искусство убеждения посредством изображений [1]. В процессе обучения будущие журналисты систематически изучают технологии создания визуального контента, способного привлекать внимание, вызывать эмоциональный отклик и формировать определенные установки аудитории. Все указанные приемы базируются на фундаментальных принципах композиции, колористики и светотеневого моделирования, которые традиционно изучаются в процессе освоения классической живописи.

При рассмотрении структуры рекламного плаката или киноафиши – визуальных объектов, характеризующихся высокой степенью узнаваемости и выразительности, – профессиональный анализ данных медиапродуктов выявляет систему приемов визуального воздействия.

Результаты и обсуждения

Первичным объектом профессионального анализа выступает композиционная организация пространства. Какова локализация ключевых элементов? Применяется ли правило третьей, заимствованное медиаиндустрией из живописи? По какой причине главный объект расположен именно в данной точке простран-

ства? Композиция направляет взгляд реципиента в заданном направлении, необходимом создателям контента. Это не спонтанное решение – это целенаправленный расчет.

Исследователь Н.В. Виноградова подчеркивает специфику композиционного мышления: «Очень часто композиционное мышление рассматривается как форма организации элементов (структура) произведения (картины, образа) с помощью изобразительно-выразительных средств (цвета, ритма, пятен, линий, тона). Но для авторов важно не заключить мышление «в рамки», а продемонстрировать его специфичность, взаимодействие с другими видами мышления, представить его как форму художественного диалога, как творческую активность личности, где художник выражает свою мысль, идею, создает образ – продукт композиционного поиска» [3, с. 16].

Управление визуальным вниманием представляет собой самостоятельную область знаний в медиаиндустрии. В процессе обучения студенты осваивают использование контраста (наиболее темный объект на светлом фоне привлекает первичное внимание), масштабирование (размер объекта коррелирует с его значимостью в иерархии сообщения), направляющие линии (визуальные векторы, ведущие к ключевому объекту) [8]. Все перечисленные приемы составляют содержание академического рисунка.

Цветовые решения в медиа определяются не эстетическими критериями, а психологическими закономерностями восприятия и маркетинговыми стратегиями. Почему в рекламе спортивной продукции доминирует красный цвет? Эмпирические исследования демонстрируют, что красный ассоциируется с энергией, активностью, физиологическим возбуждением. Почему финансовые учреждения используют синий цвет в визуальных коммуникациях? Данный цвет вызывает ощущение стабильности, надежности, доверия. По какой причине желтый цвет преобладает в детской рекламе? Он ассоциируется с позитивными эмоциями, солнечным светом, беззаботностью. Выбор цветовой гаммы представляет собой научно обоснованное решение, базирующееся на психологии цветовосприятия.

Светотеневое моделирование в медиаиндустрии определяется термином «световая драматургия». Яркое, равномерное освещение формирует эффект открытости, прозрачности, честности (характерно для рекламы медицинских и финансовых услуг). Глубокие тени создают атмосферу таинственности, интриги, драматизма (парфюмерия, товары премиум-сегмента). Данные принципы функционируют идентично как в произведении Рембрандта «Ночной дозор», так и в современной рекламной фотографии [2].

Пространственная организация изображения предполагает, что передний план предназначен для размещения главного сообщения (товар, персонаж, призыв к действию), а задний план – для создания контекста, формирования эмоциональной атмосферы, трансляции дополнительных смыслов.

Рассмотрим произведение В.И. Сурикова «Боярыня Морозова» как образец визуальной коммуникации. Центростремительная композиция организована таким образом, что все композиционные линии направлены к главному персонажу. Данный прием фокусировки внимания широко применяется в современной рекламе. Управление визуальным вниманием осуществляется посредством жеста – поднятая рука с двуперстным знаменем представляет собой яркое визуальное пятно, первично воспринимаемое зрителем. Цветовая драматургия построена на контрасте черного и белого, что создает эмоциональное напряжение, яркие цветовые акценты в изображении толпы формируют визуальную динамику. Многоплановость произведения обеспечивается тем, что передний план (основное действие) и задний план (контекст, масштаб события) создают многослойность сообщения.

А анализ произведения В.М. Васнецова «Богатыри» выявляет следующие особенности. Симметричная композиция с центральной доминантой представляет собой прием создания монументальности, применяемый в современном корпоративном дизайне и политической рекламе. Сдержанная колористическая гамма обеспечивает формирование определенного эмоционального тона, управление настроением реципиента. Масштабирование организовано так, что герои на переднем плане и степной пейзаж на заднем создают визуальную метафору.

Другими словами, В.И. Суриков использовал идентичные приемы визуального воздействия, что и современные дизайнеры. В.М. Васнецов работал с цветовой психологией аналогично современным специалистам по маркетинговым коммуникациям. Трансформировались технологии и целевые установки. Художник создавал произведение искусства, транслируя духовные, философские, вечные смыслы. Создатель медиа-контента решает коммуникационные задачи, формирует общественное мнение, привлекает внимание к определенной проблеме. Однако язык визуального воздействия остается универсальным и неизменным.

Медиаобразование способствует решению образовательных задач [10]. В частности, процесс изучения классической живописи может сопровождаться формированием навыков анализа современных медиаобразов. При рассмотрении произведений В.И. Сурикова возможно параллельное изучение рекламного плаката

с последующим проведением сравнительного анализа по следующим параметрам: общие характеристики визуальных решений, используемые приемы воздействия, целевые установки создателей.

Учащийся, понимающий механизмы управления вниманием зрителя в произведениях В.И. Сурикова и разбирающийся в цветовой символике В.М. Васнецова, сможет осознанно воспринимать рекламные сообщения и не поддастся примитивным манипуляциям в политической рекламе.

Теперь рассмотрим звуковую составляющую современного медиапространства. В процессе подготовки студентов осуществляется обучение работе со звуком как инструментом коммуникации. Все современные приемы звукового воздействия в медиа базируются на фундаментальных принципах музыкальной выразительности.

В рамках занятий по курсу «Художественно-публицистическая журналистика» проводится эксперимент «Музыка меняет смысл». Методика эксперимента включает следующие этапы. Студентам демонстрируется короткий видеотрегмент с нейтральной сценой (человек идет по улице, открывает дверь, входит в помещение). При первичном просмотре без звукового сопровождения студенты описывают обычную ситуацию без выраженной эмоциональной окраски. Затем идентичный видеоряд демонстрируется с тремя различными вариантами музыкального сопровождения. Первый вариант содержит веселую мажорную музыку, второй вариант включает грустную минорную композицию, третий вариант представлен тревожной, напряженной музыкой. Результаты эксперимента демонстрируют, что один и тот же визуальный ряд приобретает три совершенно различных смысловых интерпретации. В первом случае студенты воспринимают изображение как счастливого человека, направляющегося на встречу с друзьями. Во втором случае интерпретация содержит образ одинокого, погруженного в грусть персонажа. В третьем случае формируется восприятие потенциальной жертвы или преступника. Трансформировался исключительно музыкальный компонент, что повлекло изменение всего смыслового содержания сообщения.

Данный факт представляет ключевое значение для понимания функции музыки в медиапространстве. Музыка в медиа представляет собой не декоративный элемент, а инструмент формирования смысла и управления эмоциональной реакцией аудитории.

Рассмотрим приемы использования музыкальных средств для достижения коммуникационных целей.

1. *Темп как регулятор энергии восприятия.* Быстрый темп формирует ощущение срочности и динамики, что обуславливает его применение в рекламе спортивных товаров, акций с ограниченным предложением, экшен-сценах. Медленный темп снижает уровень тревожности, создает атмосферу роскоши и основательности, применяется в рекламе премиальных товаров, банковских услуг, недвижимости.

Сопоставление произведений «Полет шмеля» Н.А. Римского-Корсакова и «Лунная соната» Л. ван Бетховена демонстрирует различную энергетику и воздействие на слушателя. Аналогичные принципы функционируют в медиапространстве.

2. *Динамика как инструмент эмоционального контроля.* Громкая музыка ассоциируется с силой, уверенностью, масштабностью и применяется в рекламе автомобилей, строительных компаний. Тихая музыка формирует атмосферу интимности, доверительности и используется в рекламе ювелирных изделий, благотворительных фондов, услуг психологической помощи. Контрасты динамики создают драматическое напряжение.

3. *Тембр как носитель культурных кодов.* Звучание скрипок транслирует культурную традицию, лиричность, высокие чувства (реклама для женской аудитории, мелодрамы). Медные духовые инструменты передают героизм, патриотизм, официальность (государственная реклама, военная тематика, корпоративные гимны). Электронные звуки ассоциируются с инновациями, будущим, молодостью (реклама технологий, обращение к молодежной аудитории).

Принципиально важным является понимание того, что данные технологии не являются изобретением медиаиндустрии. Они заимствованы из классической музыки, где выдающиеся композиторы использовали идентичные приемы для создания художественных образов. П.И. Чайковский в балете «Щелкунчик» создает образ Феи Драже посредством высокого регистра челесты и легкого темпа, что формирует эффект волшебства и невесомости. Современная реклама продуктов с «волшебным» эффектом (средства для похудения, косметика с «чудесным эффектом») применяет аналогичные приемы. С.С. Прокофьев в симфонической сказке «Петя и волк» создает систему тембровых характеристик персонажей. Флейта транслирует образ птички (легкость), валторны передают образ волка (опасность), фагот создает образ дедушки (ворчливость). Данный принцип идентичен методу создания звуковых портретов персонажей в современном кинематографе.

Композиторы прошлого и создатели современного медиаконтента используют единый язык музыкальной выразительности. Различие заключается в целевых установках. Композитор создавал искусство для

эстетического переживания. Создатель медиаконтента применяет идентичные средства для информирования и выстраивания коммуникации с аудиторией.

Выводы

В заключение обратимся к основной теме статьи – медиаграмотности на уроках музыки и изобразительного искусства. Медиаграмотность представляет собой способность человека критически анализировать, оценивать и создавать медиасообщения в различных форматах [6]. Данное понятие не ограничивается умением пользоваться цифровыми устройствами, а представляет собой комплекс компетенций:

– Критическое мышление – способность анализировать медиатексты, понимать их скрытые смыслы, выявлять манипулятивные приемы.

– Визуальная грамотность – умение интерпретировать изображения, понимать язык визуальных символов.

– Звуковая грамотность – способность анализировать аудиоконтент, понимать роль музыки и звука в медиaprостранстве.

– Творческая компетентность – навыки создания собственного качественного медиаконтента.

– Этическая осознанность – понимание ответственности за создаваемый и распространяемый контент.

Медиаграмотность не выделена в качестве самостоятельной учебной дисциплины и требует интеграции в различные предметные области. Уроки искусства представляют собой оптимальную образовательную среду для формирования медиаграмотности в силу следующих факторов. Искусство функционирует как язык образов, символов и метафор. Художественная деятельность способствует развитию эмоционального интеллекта и формирует способность воспринимать и интерпретировать переживания, репрезентированные в художественных образах. Искусство по своей сущности является творческой деятельностью.

Список источников

1. Афанасьева И.А. Визуальная риторика в актуальных практиках российских художников с 2010 по 2023 гг.: автореф. дис. ... канд. наук в области искусства и дизайна. М.: НИУ ВШЭ, 2024. 33 с.

2. Бакеева Д.А. Цвет в рекламной коммуникации: особенности, функции, символика: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саранск, 2013. 189 с.

3. Бердиева И. Х. Сущность понятия медиаграмотности в сфере искусства и культуры в Узбекистане // Педагогическое образование 2024. Т. 5. № 11. С. 13 – 19.

4. Виноградова К.Н. Готовность к участию в медиаобразовании школьников как показатель медийно-информационной компетентности современных педагогов // Самарский научный вестник. 2025. Т. 14. № 1. С. 116 – 121.

5. Виноградова Н.В., Землякова Г.М. Композиция: электронное учебно-методическое пособие // Тольятти: Изд-во ТГУ, 2023 – 1 оптический диск. ISBN 978-5-8259-1304-9.

6. Гендина Н.И., Косолапова Е.В. Медийно-информационная грамотность в структуре профессиональной подготовки педагогов, журналистов, библиотекарей // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2019. № 46. С. 180 – 194.

7. Живущие в сети, или Медиапотребление современной молодежи: аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 14.01.2025)

8. Капунова М.И. Визуальные медиатехнологии как средство профессиональной подготовки специалистов дизайна // Проблемы современного педагогического образования. 2024. № 85-1. С. 176 – 179.

9. Юсупова М.Р. Формирование электронной информационной образовательной среды в высших учебных заведениях культуры и искусства // Oriental Art and Culture. 2023. Т. 4. № 2. С. 712 – 719.

10. Якушина Е.В. Медиаобразовательные технологии как инструмент развития творческого потенциала учащихся // Медиа. Информация. Коммуникация Media. Information. Communication. Т. 2313. С. 8.

References

1. Afanasyeva I.A. Visual Rhetoric in Current Practices of Russian Artists from 2010 to 2023: Abstract of Cand. Sci. (Art and Design) Dissertation. Moscow: National Research University Higher School of Economics, 2024. 33 p.

2. Bakeeva D.A. Color in Advertising Communications: Features, Functions, Symbolism: Abstract of Cand. Sci. (Culturology) Dissertation. Saransk, 2013. 189 p.

3. Berdieva I.Kh. The Essence of the Concept of Media Literacy in the Sphere of Arts and Culture in Uzbekistan. Pedagogical Education 2024. Vol. 5. No. 11. P. 13 – 19.

4. Vinogradova K.N. Readiness to participate in media education of schoolchildren as an indicator of media and information competence of modern teachers. Samara Scientific Bulletin. 2025. Vol. 14. No. 1. P. 116 – 121.
5. Vinogradova N.V., Zemlyakova G.M. Composition: electronic teaching aid. Tolyatti: TSU Publishing House, 2023 – 1 optical disc. ISBN 978-5-8259-1304-9.
6. Gendina N.I., Kosolapova E.V. Media and information literacy in the structure of professional training of teachers, journalists, and librarians. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2019. No. 46. P. 180 – 194.
7. Living Online, or Media Consumption of Modern Youth: An Analytical Review [Electronic Resource]. VTsIOM. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (Accessed: 14.01.2025)
8. Kapunova M.I. Visual Media Technologies as a Means of Professional Training of Design Specialists. Problems of Contemporary Pedagogical Education. 2024. No. 85-1. P. 176 – 179.
9. Yusupova M.R. Formation of an Electronic Information Educational Environment in Higher Educational Institutions of Culture and Art. Oriental Art and Culture. 2023. Vol. 4. No. 2. P. 712 – 719.
10. Yakushina E.V. Media Education Technologies as a Tool for Developing Students' Creative Potential. Media. Information. Communication. Vol. 2313. P. 8.

Информация об авторе

Владими́рова Т.Н., Институт журналистики, коммуникаций и медиаобразования, Московский педагогический государственный университет

© Владимирова Т.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-106-113

Феномен «нового героя» в русской драматургии конца XIX века от А.Н. Островского к А.П. Чехову

¹ Глаголева А.Р.,

¹ Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

Аннотация: в статье исследуется трансформация образа главного действующего лица в русской драматургии второй половины XIX столетия. Анализируется переход от социально-типологической детерминированности персонажей А.Н. Островского к экзистенциальной неопределенности героев А.П. Чехова. Особое внимание уделяется изменению природы драматического конфликта, который смещается из внешней социальной сферы во внутреннее пространство личности. На материале знаковых пьес («Гроза», «Бесприданница», «Чайка», «Дядя Ваня») прослеживается процесс формирования субъекта, чье существование определяется рефлексией, иронией и переживанием коммуникативного кризиса.

Актуальность. Необходимость обращения к теме обусловлена тем, что установленные на рубеже веков принципы построения характера стали основой для развития мирового сценического искусства. Понимание истоков перехода от «человека социального» к «человеку экзистенциальному» крайне важно для анализа современных художественных явлений.

Цель исследования. Выявление закономерностей эволюции «нового героя» и определение специфики его субъектности в драматургических системах А.Н. Островского и А.П. Чехова.

Методы исследования. Применяется сравнительно-исторический метод для анализа динамики литературных типов, системный подход для изучения структуры текста, а также семиотический и лингвистический анализ предметной детали и речевых стратегий.

Новизна исследования. Впервые преемственность драматургических моделей Островского и Чехова рассматривается через призму синергетических связей и трансформации «души» из этической категории в чисто психологический феномен «подводного течения».

Результаты исследования. Установлено, что «новый герой» формировался путем последовательной деконструкции классического героя-борца. Если персонажи Островского обладают цельностью и противостоят среде, то чеховские герои фрагментарны и несут среду внутри себя, что приводит к замене действия состоянием.

Выводы исследования. Эволюция «нового героя» завершается созданием автономного субъекта, чья драма заключается в осознании несовпадения идеала с реальностью. «Чеховский код» и ироническая модель построения сюжета признаются универсальными инструментами репрезентации личностного кризиса, сохраняющими значимость в современном культурном пространстве.

Ключевые слова: русская драматургия, А.Н. Островский, А.П. Чехов, новый герой, экзистенциальный конфликт, психологизм, субъектность, чеховский код, предметная деталь, подводное течение

Для цитирования: Глаголева А.Р. Феномен «нового героя» в русской драматургии конца XIX века от А.Н. Островского к А.П. Чехову // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 106 – 113. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-106-113

Поступила в редакцию: 5 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The phenomenon of the "new hero" in Russian drama of the late 19th century from A.N. Ostrovsky to A.P. Chekhov

¹ *Glagoleva A.R.,*

¹ *A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia*

Abstract: the article examines the transformation of the image of the main character in Russian drama of the second half of the 19th century. The transition from the socio-typological determinism of A.N. Ostrovsky's characters to the existential uncertainty of A. P. Chekhov's characters is analyzed. Special attention is paid to changing the nature of the dramatic conflict, which shifts from the external social sphere to the inner space of the individual. Based on the material of iconic plays ("Thunderstorm", "Penniless", "The Seagull", "Uncle Vanya"), the process of forming a subject whose existence is determined by reflection, irony and experiencing a communicative crisis is traced.

Relevance. The need to address the topic is due to the fact that the principles of character building established at the turn of the century became the basis for the development of world stage art. Understanding the origins of the transition from a "social person" to an "existential person" is extremely important for analyzing contemporary artistic phenomena.

The purpose of the study. Identification of the patterns of the evolution of the "new hero" and the definition of the specifics of his subjectivity in the dramatic systems of A. N. Ostrovsky and A. P. Chekhov.

Research methods. The comparative historical method is used to analyze the dynamics of literary types, a systematic approach to study the structure of the text, as well as a semiotic and linguistic analysis of the subject details and speech strategies.

The novelty of the research. For the first time, the continuity of the dramatic models of Ostrovsky and Chekhov is considered through the prism of synergetic connections and the transformation of the "soul" from an ethical category into a purely psychological phenomenon of the "undercurrent".

The results of the study. It is established that the "new hero" was formed by the consistent deconstruction of the classic hero-wrestler. If Ostrovsky's characters have integrity and resist the environment, Chekhov's characters are fragmented and carry the environment within themselves, which leads to the replacement of action by a state.

The conclusions of the study. The evolution of the "new hero" culminates in the creation of an autonomous subject, whose drama consists in realizing the discrepancy between the ideal and reality. The Chekhov Code and the ironic model of plot construction are recognized as universal tools for representing personal crisis, which remain important in the modern cultural space.

Keywords: Russian drama, A.N. Ostrovsky, A.P. Chekhov, new hero, existential conflict, psychologism, subjectivity, Chekhov's code, subject detail, undercurrent

For citation: Glagoleva A.R. The Phenomenon of the "New Hero" in Russian Drama of the Late 19th Century from A.N. Ostrovsky to A.P. Chekhov. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 106 – 113. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-106-113

The article was submitted: January 5, 2026; Approved after reviewing: March 3, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Литературный процесс второй половины XIX столетия характеризуется существенной переработкой эстетических канонов, что находит наиболее яркое выражение в трансформации сценических образов. Традиционная драма, опиравшаяся на четкое разделение персонажей по социальным и моральным признакам, постепенно утрачивает актуальность. На смену герою действия приходит фигура, чья сущность определяется не внешними поступками, а качеством внутреннего переживания. Творческое наследие А.Н. Островского выступает отправной точкой данной эволюции, поскольку именно в его произведениях драма начинает осознаваться как целостный мир, обладающий собственной логикой и бытовой достоверностью [1]. Художественная система Островского, охватывающая несколько десятилетий, запечатлела момент зарождения нового типа самосознания, когда личность начинает тяготиться заданными социальными рамками.

Отечественное искусство указанного периода сталкивается с необходимостью поиска иных способов репрезентации человеческого «я». Если в ранних комедиях Островского конфликт разрешался через восстановление нравственного порядка, то в поздних драмах нарастает ощущение неразрешимости противоречий между человеком и средой. Данная тенденция подготавливает появление чеховской поэтики, где событийность окончательно вытесняется настроением. Актуальные проблемы исследования истоков жанрового синтеза указывают на то, что изменения в структуре героя были неразрывно связаны с пересмотром самой

природы драматического действия [2]. Возникает потребность в персонаже, способном отразить экзистенциальную неопределенность эпохи, лишенной прежних устойчивых ориентиров.

Трансформация героя от Островского к Чехову знаменует собой путь от социального типа к субъекту, чья жизнь протекает в пространстве «подводного течения». В произведениях Чехова окончательно оформляется так называемый «чеховский код», определяющий специфику взаимодействия личности с реальностью через систему пауз, недоговоренностей и психологических подтекстов [3]. Персонаж перестает быть инструментом для выражения авторской идеи, превращаясь в автономную величину, чьи мотивы часто остаются скрытыми даже для него самого. Данное положение дел требует от исследователя обращения к новым аналитическим инструментам, способным уловить тонкие изменения в структуре художественного образа.

Актуальность обращения к теме «нового героя» обусловлена тем, что установленные Островским и развитые Чеховым принципы построения характера легли в основу современной драматургии. Понимание того, как происходил переход от «человека социального» к «человеку экзистенциальному», дает возможность проследить истоки многих художественных явлений XX и XXI веков. В рамках данного исследования особое внимание уделяется выявлению преемственности и новаторства в изображении личностного кризиса, который у Островского еще имеет внешние причины, а у Чехова становится имманентным свойством человеческого бытия. Исследуемый феномен рассматривается как результат длительного процесса демократизации и психологизации литературы, завершившегося созданием принципиально новой антропологической модели на сцене.

Материалы и методы исследований

Материальную базу работы составили программные произведения А.Н. Островского и А.П. Чехова, охватывающие период с 1850-х по 1890-е годы. Выбор пьес «Бедность не порок», «Доходное место», «Гроза» и «Бесприданница» обусловлен их репрезентативностью для прослеживания эволюции женских и мужских образов в драматургии Островского. Чеховский этап представлен пьесами «Чайка» и «Дядя Ваня», в которых наиболее полно воплотились черты «нового героя» и принципы «новой драмы». Дополнительно использовались научные труды современных литературоведов, рассматривающих вопросы синергетики в драме, специфику нового конфликта и семантику предметного мира.

В ходе работы применялся комплекс научных методов, обеспечивающий объективность и глубину анализа. Для анализа образа героя использовался комплексный подход: сравнительно-исторический метод выявил социокультурную динамику, а системный и семиотический – структурные связи и роль деталей. Лингвистический анализ и герменевтика раскрыли речевые стратегии и «подводные течения», тогда как синергетическая модель обосновала нелинейность психологических связей в драматургии Чехова. Использование указанных методов в совокупности обеспечило многостороннее изучение выбранного феномена, учитывающее как текстовый уровень, так и широкий культурный контекст восприятия произведений.

Результаты и обсуждения

Трансформация образа главного действующего лица в отечественной драматургии второй половины XIX столетия знаменует переход от социально-типологической детерминированности к экзистенциальной неопределенности. Творчество А.Н. Островского заложило основу для понимания драмы как целостного мира, где персонаж изначально соотносится с определенной бытовой и культурной средой [4]. В ранних комедиях, таких как «Бедность не порок», создается тип «естественного человека», противопоставленного ложной цивилизованности. Митя, заявляющий: *«Я человек маленький... а у меня тоже душа есть»*, становится предвестником нового этического самосознания. В данной художественной системе личное достоинство еще прочно связано с патриархальной моралью, а конфликт разрешается в рамках традиционной комедийной структуры. Подобное утверждение права «маленького человека» на внутреннюю жизнь подготавливает почву для последующего усложнения психологизма.

Эволюция героя продолжается в пьесе «Доходное место», где Жадов воплощает тип идеалиста, стремящегося сохранить внутреннюю чистоту в условиях тотальной коррупции. Желание героя сохранить чистую совесть и прямо смотреть людям в глаза свидетельствует о рождении личности, для которой честность стоит выше успеха (*«Я хочу сохранить за собой право смотреть всякому в глаза прямо, без стыда, без тайного упрека»*). Однако Островский показывает трагический раскол, ведь верность принципам мешает герою сделать близких людей счастливыми. Речь персонажей не просто передает информацию, а отражает их место в обществе и внутреннюю несвободу, задавая границы их поступкам [5].

Противостояние личности и среды достигает предела в драме «Гроза», где внутренний мир Катерины окончательно вступает в спор с суровыми законами жизни: *«Отчего люди не летают так, как птицы? Знаешь, мне иногда кажется, что я птица»*, свидетельствует о возникновении метафизического томления, выходящего за пределы бытового конфликта. Смерть Катерины – не просто протест, а утверждение свободы духа, недоступной окружающим. В данной точке драматургия Островского вплотную подходит к жанровому синтезу, ставшему отправной точкой для последующих исканий [6]. Героиня перестает быть только жертвой обстоятельств, превращаясь в субъекта, совершающего осознанный экзистенциальный выбор.

В «Бесприданнице» образ Ларисы Огудаловой завершает галерею героинь Островского, предвосхищая чеховскую субъектность. Она осознает себя «вещью», товаром в мире, где все продается: *«Я вещь... Наконец слово найдено... Каждой вещи своя цена есть...»*. Подобное самоощущение переводит социальную драму в план личностной катастрофы. Здесь предметная деталь, такая как роковой выстрел или звон колокольчика, начинает приобретать ту семантическую нагрузку, которая станет основной в поэтике Чехова [7]. Вещный мир вступает в конфликт с человеческим «я», подчеркивая отчужденность героини от окружающей ее прагматичной среды.

Чеховская драматургия совершает радикальный поворот, заменяя внешний событийный ряд «подводным течением». В «Чайке» конфликт переносится в сферу искусства и мироощущения. Треплев, восклицая: *«Нужны новые формы. Новые формы нужны, а если их нет, то лучше ничего не нужно»*, воплощает тип героя-рефлексирующего интеллигента, лишённого привычной героической монументальности. Его драма заключается в несовпадении идеала и реальности, в невозможности преодолеть обыденность. Ироническая модель, применяемая Чеховым, дезавуирует пафос персонажей, создавая эффект двойного прочтения [8]. Аркадина и Тригорин, несмотря на их внешнюю успешность, оказываются заложниками собственных ролей и привычек, что лишает их подлинной свободы.

Исследование синергетической модели в текстах Чехова обнаруживает, что персонажи функционируют в системе нелинейных связей, где случайное слово или жест определяют вектор развития действия. В «Чайке» Нина Заречная проходит путь от наивных мечтаний о славе до трагического принятия судьбы: *«Я – чайка... Нет, не то... Я – актриса»*. Ее путь обретения личного смысла через страдание, что отличает ее от пассивных героев предшествующей эпохи. Драматургические механизмы в данной пьесе напоминают игру в прятки, где истинные чувства скрыты за тривиальными диалогами о погоде или лото [9]. Подобная маскировка подлинного трагизма повседневностью становится главной чертой чеховского метода.

В пьесе «Дядя Ваня» так называемый «новый герой» предстает перед нами в состоянии глубокого и постоянного разочарования. Главным примером здесь становится Войницкий. Он отдал всю свою жизнь служению таланту профессора Серебрякова, который на самом деле оказался лишь мнимым, и теперь осознает полную бесполезность этого долгого самопожертвования. Его горькие слова прямо говорят об этом крахе: *«Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! Благодаря тебе я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни!»*. Важно заметить, что в этом произведении нет привычных злых врагов или явных противников, которые мешали бы герою. Другие персонажи, такие как Соня и доктор Астров, тоже несут в себе тяжелое чувство нереализованности и потерянных возможностей. Даже знаменитый монолог Сони, где она обещает, что *«Мы отдохнем! Мы услышим ангелов, мы увидим все небо в алмазах...»*, больше не звучит как настоящая надежда. Для зрителя и самих героев это скорее тихое признание того, что в обычной земной жизни счастье для них уже невозможно. Новый тип конфликта строится здесь не на борьбе за деньги или положение, а на общем ощущении человеческого одиночества, так как люди живут вместе, но совершенно не слышат друг друга [1].

Внутреннее состояние пустоты находит свое отражение и в вещах, которые окружают героев на сцене. Современные исследователи часто отмечают, что любая простая деталь у Чехова помогает раздвинуть границы происходящего и глубже понять душу человека. Например, в кабинете Войницкого годами висит карта Африки, хотя она *«здесь явно никому не нужна»*. Подобно образу застреленной чайки, эта карта становится символом разбитых мечтаний и жизни, которая потеряла свой смысл. Пространство в пьесах постепенно сужается, оно словно давит на героев, ограничивая их мир душными комнатами или старыми заброшенными садами. Такая обстановка лишь сильнее подчеркивает, что персонажи несвободны прежде всего внутри самих себя.

Особый литературный стиль, который сложился в этот период, оказал огромное влияние на многих других писателей, а также ранние работы Е.Н. Чирикова [1], который переносит все внимание на тонкие движения человеческой души.

Чтобы лучше понять перемены, необходимо сравнить типы героев у Островского и Чехова. У Островского персонаж обычно ведет открытую борьбу с миром, защищая свои чувства или интересы. Даже если

такой герой проигрывает или погибает, он все равно остается цельной и сильной личностью. У Чехова же человек чаще всего пытается просто выжить внутри самого себя, сражаясь с собственной тоской. Чеховские герои не кажутся нам твердыми фигурами, они словно собраны из долгих пауз, случайных фраз и мелких бытовых привычек. Такой способ создания характера оказался очень важным для будущего литературы.

Сегодня многие российские авторы продолжают использовать идеи Чехова и Островского, чтобы описать личный кризис человека в современном обществе. Интересно, что чеховский тип героя находит живой отклик и в совсем других культурах, например, в китайском театре. Там внимание к тихим раздумьям и грусти оказывается очень близким национальному искусству [1], так как доказывает, что изменения в литературе, начатые Островским и завершенные Чеховым, имеют мировое значение. В то время вся европейская культура постепенно разочаровывалась в старых научных идеалах и обращалась к глубинам человеческой психики и поэтому активные действия сменились тихим наблюдением, а внешние события в сюжете уступили место внутренней жизни человека.

Изучение результатов анализа показывает, что «новый герой» конца девятнадцатого века является человеком, который потерял опору в обществе, но обрел право на свою сложную внутреннюю жизнь. Разница между поколениями видна очень четко. Если Лариса Огудалова еще надеется найти сочувствие у окружающих ее мужчин, то герои Чехова уже понимают бесполезность таких поисков. Их диалоги часто превращаются в два голоса, которые звучат одновременно, но не слышат друг друга, так как каждый говорит о своем, не надеясь на настоящий ответ. Такое положение дел подчеркивает кризис общения, ставший главной темой для книг следующего столетия. Ведь, одиночество среди людей и невозможность выразить свои настоящие чувства словами становятся главными в существовании героев.

Сопоставление таких пьес, как «Бедность не порок» и «Чайка», помогает увидеть, как само понятие души меняется и перестает быть только религиозным словом и превращается в сложный психологический мир человека [1]. У Островского Митя находит опору в вере и традиции: «По-нашему, по-русски...». У Чехова же герои лишены данной опоры. Треплев ищет ее в искусстве, Маша – в любви, Астров – в созидании лесов, но все они сталкиваются с экзистенциальной пустотой. «Я несчастна... я влюблена в Константи́на...», – говорит Маша, и это признание не ведет к действию, а лишь фиксирует состояние. Подобная статика является признаком завершения формирования «нового героя». В драматургии Островского герой часто выступает носителем определенной идеи, которая сталкивается с косностью среды. В «Грозе» Кабаниха и Дикой – носители домостроевских устоев, Катерина – носительница живого чувства. В «Доходном месте» Вышневецкий и Юсов олицетворяют систему, Жадов – протест против нее. У Чехова же границы между «носителями» и «средой» размываются. Сама среда проникает внутрь героя, делая его частью того, что он презирает. Тригорин признается: «Я никогда не любил себя. Я не люблю себя как писателя». В данном самоотрицании кроется отличие чеховского субъекта от героев Островского, которые всегда точно знают, кто они и чего хотят.

Подводя итог рассмотрению эволюции от Островского к Чехову, следует отметить, что радикальное изменение структуры драматического образа было вызвано необходимостью поиска новых способов репрезентации реальности. Островский дал герою голос и социальную плоть, Чехов же наделил его сознанием, способным к бесконечной рефлексии и ироническому отстранению. Указанные изменения создали условия для возникновения психологического театра XX века. Модель, заложенная в «Чайке» и «Дяде Ване», остается актуальной, выступая мерилем художественной глубины любого сценического произведения.

Дальнейшее изучение феномена «нового героя» требует обращения к синергетическим аспектам взаимодействия персонажей в пространстве пьесы [12]. Взаимовлияние эмоционального состояния героев Чехова создает уникальную атмосферу, где отсутствие действия компенсируется напряженностью ожидания. «Слышно, как в саду стучит сторож...», – данная ремарка в «Дяде Ване» говорит о течении времени больше, чем длинные монологи. Время у Чехова становится действующим лицом, неумолимо поглощающим жизни героев. У Островского же время дискретно и подчинено логике событий. В «Бесприданнице» приезд Паратова запускает механизм катастрофы, который развивается стремительно. У Чехова катастрофа уже произошла в прошлом или длится бесконечно в настоящем.

Роль предметной детали как способа передачи внутреннего состояния героя достигает у Чехова своего пика. Если у Островского ключ, брошенный Катериной, является инструментом сюжета, то у Чехова пенсне Гаева или табакерка Маши – знаки их внутренней заброшенности. Деталь перестает помогать развитию действия, она начинает его тормозить, фиксируя внимание зрителя на мелочах быта, за которыми скрывается небытие. Актуальные проблемы исследования истоков жанрового синтеза подтверждают, что переход к Чехову не был резким разрывом. Островский в своих поздних произведениях, таких как «Таланты и по-

клонники» или «Без вины виноватые», также двигался в сторону усложнения внутреннего мира актера и творческой личности. Однако именно Чехов довел данную тенденцию до логического завершения, сделав недосказанность основным законом драмы. Поэтика «нового героя» в конце XIX века отражает процесс демократизации литературы, где на сцену выходит человек со всеми своими слабостями, противоречиями и неспособностью к великому поступку.

Ироническая модель Чехова в «Чайке» служит средством преодоления трагедии. Герои смешны в своих претензиях на значительность, но именно этот смех делает их человеческими. Сорин, мечтающий о жизни, которую он так и не прожил: «*Я хотел стать литератором – и не стал... хотел жениться – и не женился...*», вызывает не только жалость, но и узнавание. Данная универсальность опыта делает чеховские образы бессмертными. Островский же в своих комедиях чаще прибегает к сатире или добродушному юмору, сохраняя дистанцию между автором и персонажем. Чехов такую дистанцию максимально сокращает, заставляя зрителя сопереживать не герою, а самому состоянию человеческого бытия.

Таким образом, результаты проведенного исследования свидетельствуют о последовательном движении русской драматургии от типизации к индивидуализации и последующей деконструкции типа. Герой Островского – личность в социуме, а герой Чехова – сознание в мире. Трансформация художественного сознания на рубеже веков обусловила появление новых форм сценического воплощения, где слово уступает место паузе, а действие – настроению. Наследие данных авторов формирует основу современного понимания драматического конфликта как неразрешимого противоречия между идеальным стремлением и экзистенциальной данностью.

Выводы

Проведенное исследование показало, что феномен «нового героя» в русской драматургии конца XIX века имеет закономерный итог эволюции художественного сознания. Движение от Островского к Чехову характеризуется постепенным отказом от внешней событийности в пользу изображения тончайших движений человеческой души. Если у Островского герой еще сохраняет связь с социальной почвой и борется за право быть собой в рамках определенной среды, то у Чехова личность оказывается в ситуации тотального одиночества и невозможности подлинной коммуникации. Данный сдвиг знаменует рождение субъекта, чья драма заключается не в столкновении с внешним врагом, а в осознании бессмысленности собственного существования и неспособности изменить заданный ход жизни.

Образ «нового героя» формировался через преодоление типизации. Катерина и Лариса Огудалова стали переходными фигурами, в которых социальный протест начал уступать место экзистенциальному томлению. Чеховская драматургия завершила процесс деконструкции классического героя-борца. В «Чайке» и «Дяде Ване» на первый план выходят рефлексия, ирония и состояние «недожитой жизни», что находит выражение в иронической модели построения сюжета. Речевой строй и предметная деталь стали основными средствами характеристики персонажа. От детали-инструмента у Островского драма пришла к детали-символу у Чехова, расширяющей пространство сцены до метафизических пределов. Чеховский код оказался универсальным инструментом, обеспечившим жизнеспособность данной традиции в современном театре и литературе.

Собственное виденье проблемы заключается в том, что кризис героя в конце XIX века был вызван исчерпанностью рациональных способов объяснения мира. «Новый герой» стал ответом на потребность в искренности и признании ценности повседневного человеческого опыта, лишённого ложного пафоса. Решение проблемы дальнейшего развития драматургии видится в синтезе достижений психологической школы Чехова с новыми технологическими и художественными формами. Современный театр, обращаясь к чеховским мотивам, должен не просто воспроизводить атмосферу «усадебного упадка», а искать способы вербализации внутренних состояний современного человека, который так же, как и Войницкий или Треплев, страдает от разобщенности и поиска смыслов. Глобальное признание чеховского типа героя, в том числе в восточных культурах, подтверждает, что путь к универсальному пониманию человеческой природы лежит через исследование индивидуального сознания, начатое русскими драматургами более столетия назад.

Список источников

1. Иванова В.Н. Синергетическая модель в драматургии А.П. Чехова // Вестник Самарского государственного университета. 2015. № 11 (133). С. 113 – 119.
2. Кузнецов И.В. Новый конфликт в творчестве А.П. Чехова // Вестник Новосибирского государственного театрального института. 2021. № 10. С. 143 – 156.
3. Мохаммед В. Мотивы драматургии А.П. Чехова в творчестве современных писателей // Al-Adab Journal. 2025. № 152. С. 41 – 56.
4. Сухих И. Островский: драма как мир и драма как повод: [к 200-летию со дня рождения драматурга] // Новый мир. 2023. № 3. С. 169 – 177.
5. Кочелаева Н. Лингвистический променад с Мишенькой Бальзаминовым // Наука и жизнь. 2021. № 4. С. 36 – 39.
6. Страшкова О.К., Бабенко И.А., Купреева И.В. К вопросу об актуальных проблемах исследования истоков жанрового синтеза в поэтике отечественной драматургии XX–XXI веков // Научный диалог. 2017. № 12. С. 251 – 262.
7. Маряхина Е.А. Семантика предметной детали в пьесах А.П. Чехова и драматургических ремейках и сиквелах: пространственные аспекты // Челябинский гуманитарий. 2024. № 1 (66). С. 5 – 11.
8. Канюй Ч. К вопросу об иронической модели А.П. Чехова в комедии «Чайка» // Филология: научные исследования. 2025. № 12. С. 132 – 145.
9. Горбачев И.Н. Игра в прятки. Драматургические механизмы в «Чайке» Чехова // Философия и культура. 2023. № 8. С. 77 – 101.
10. Тютелова Л.Г. Чеховский код в ранней драматургии Е.Н. Чирикова // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 5. С. 91 – 97.
11. Сян Л. Чеховская драматургия в современном китайском театре в XX и XXI вв. // Litera. 2022. № 8. С. 1 – 13.
12. Купреева И.В. Рецепция чеховской традиции российской драматургией конца XX – начала XXI веков // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 4. С. 227 – 235.

References

1. Ivanova V.N. Synergetic Model in the Drama of A.P. Chekhov. Bulletin of Samara State University. 2015. No. 11 (133). P. 113 – 119.
2. Kuznetsov I.V. New Conflict in the Works of A.P. Chekhov. Bulletin of the Novosibirsk State Theater Institute. 2021. No. 10. P. 143 – 156.
3. Mohammed V. Motifs of A.P. Chekhov's Drama in the Works of Contemporary Writers. Al-Adab Journal. 2025. No. 152. P. 41 – 56.
4. Sukhikh I. Ostrovsky: Drama as a World and Drama as a Reason: [on the 200th Anniversary of the Playwright's Birth]. Novy Mir. 2023. No. 3. P. 169 – 177.
5. Kochelaeva N. Linguistic Promenade with Mishenka Balzaminov. Science and Life. 2021. No. 4. P. 36 – 39.
6. Strashkova O.K., Babenko I.A., Kupreeva I.V. On the Issue of Current Problems of Researching the Origins of Genre Synthesis in the Poetics of Russian Drama of the 20th–21st Centuries. Scientific Dialogue. 2017. No. 12. P. 251 – 262.
7. Maryakhina E.A. Semantics of Subject Detail in A.P. Chekhov's Plays and Dramatic Remakes and Sequels: Spatial Aspects. Chelyabinsk Humanitarian. 2024. No. 1 (66). P. 5 – 11.
8. Kanyuy Ch. On the Question of A.P. Chekhov's Ironic Model in the Comedy "The Seagull". Philology: Scientific Research. 2025. No. 12. P. 132 – 145.
9. Gorbachev I.N. Hide-and-Seek. Dramatic Mechanisms in Chekhov's "The Seagull". Philosophy and Culture. 2023. No. 8. P. 77 – 101.
10. Tyutelova L.G. Chekhov's Code in the Early Drama of E.N. Chirikova. Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities. 2024. No. 5. P. 91 – 97.
11. Xiang L. Chekhov's Drama in the Modern Chinese Theater in the 20th and 21st Centuries. Litera. 2022. No. 8. P. 1 – 13.
12. Kupreeva I.V. Reception of the Chekhovian Tradition by Russian Drama of the Late 20th – Early 21st Centuries. Humanitarian and Legal Studies. 2016. No. 4. P. 227 – 235.

Информация об авторе

Глаголева А.Р., Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

© Глаголева А.Р., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 801.73

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-114-119

Языковая личность Ермолая Алексеевича Лопехина в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»: лингвоперсоналогический аспект

¹ Светкина А.А.,

¹ Уральский институт Государственной противопожарной службы Министерства
Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий

Аннотация: статья посвящена комплексному лингвоперсоналогическому анализу речевого портрета Ермолая Алексеевича Лопехина – одного из центральных персонажей пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад». Исследование выполнено в русле трёхуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова с применением методологии анализа типов речевой культуры И.А. Стернина. На вербально-семантическом уровне рассматриваются фонетико-фонологические особенности речи персонажа, словообразовательные маркеры, лексический состав, морфолого-синтаксические характеристики. Когнитивный уровень репрезентируется через ключевые концепты языковой личности: дело/польза, прогресс/будущее, свобода и др. Анализ прагматикона выявляет доминантные коммуникативные стратегии персонажа: стремление к рациональному решению проблем, прагматическую направленность мышления, конфликт между крестьянским происхождением и купеческим статусом. Согласно типологии И.А. Стернина, речевая культура Лопехина квалифицируется как среднелитературный тип с элементами просторечно-жаргонного, что отражает переходный социальный статус персонажа и авторский замысел создания образа «нового человека» рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: языковая личность, лингвоперсоналогия, идиолект персонажа, особенности речи, уровни языка, концептуальный уровень языковой личности, лексикон, прагматикон, тезаурус, тип речевой культуры

Для цитирования: Светкина А.А. Языковая личность Ермолая Алексеевича Лопехина в пьесе А.П. Чехова «Вишневый сад»: лингвоперсоналогический аспект // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 114 – 119. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-114-119

Поступила в редакцию: 5 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 3 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The linguistic personality of Ermolai Alekseevich Lopakhin in Anton Chekhov's play «The Cherry Orchard»: a linguistic and personal aspect

¹ Svetkina A.A.,

¹ Ural Institute of the State Fire Service of the Ministry of the Russian Federation for
Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

Abstract: the article is devoted to a comprehensive linguopersonological analysis of the speech portrait of Yermolai Alekseevich Lopakhin, one of the central characters in Anton Chekhov's play "The Cherry Orchard." The study is based on the three-level model of linguistic personality by Y.N. Karaulov and the methodology of analyzing types of speech culture by I.A. Sternin. At the verbal-semantic level, the article examines the phonetic-phonological features of the character's speech, word-formation markers, lexical composition, and morphological-syntactic characteristics. The cognitive level is represented through the key concepts of the linguistic personality: business/benefit, progress/future, freedom, etc. The analysis of the pragmicon reveals the character's dominant communicative strategies: the desire for rational problem-solving, the pragmatic focus of

thinking, and the conflict between peasant origins and merchant status. According to I.A. Sternin's typology, Lopakhin's speech culture is classified as a medium-literary type with elements of colloquial and slang, which reflects the character's transitional social status and the author's intention to create an image of a "new man" at the turn of the 19th and 20th centuries.

Keywords: linguistic personality, linguopersonology, character's idiolect, speech features, language levels, conceptual level of a linguistic personality, lexicon, pragmatics, thesaurus, type of speech culture

For citation: Svetkina A.A. The linguistic personality of Ermolai Alekseevich Lopakhin in Anton Chekhov's play «The Cherry Orchard»: a linguistic and personal aspect. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 114 – 119. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-114-119

The article was submitted: January 5, 2026; Approved after reviewing: March 3, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Лингвоперсонологический подход к анализу художественного текста, активно разрабатываемый в современной филологии, позволяет рассмотреть языковую личность (истоки, проблемы, перспективы использования) [1], ментально-психологические аспекты типологии языковой личности [2], типологии языковых личностей [3], героя произведения как носителя определенного типа языковой личности [4], отражение в речевых произведениях особенностей личности их продуцентов [5]. Особый интерес представляет изучение речевого портрета героев А.П. Чехова, мастерски воплощавшего социально-психологические типы эпохи рубежа XIX-XX веков, архетипы в современной русской литературе [6] и духовные искания человека [7]. Ермолай Алексеевич Лопухин – центральный персонаж пьесы «Вишневый сад» (1903), олицетворяющий тип «нового человека», «русского капиталиста» [8], «битого, малограмотного Ермолая» [9], выходца из крепостных крестьян, ставшего успешным предпринимателем. Его языковая личность отражает сложный процесс социальной трансформации и внутренних противоречий.

Материалы и методы исследований

Материал для анализа – речь героя пьесы А.П. Чехова Ермолая Алексеевича Лопухина.

Комплексное лингвоперсонологическое исследование речевого портрета персонажа через демонстрацию основных вербальных, семантических и коммуникативных средств в русле трёхуровневой модели языковой личности Ю.Н. Караулова с применением методологии анализа типов речевой культуры И.А. Стернина.

Результаты и обсуждения

На вербально-семантическом уровне выделяются фонетико-фонологические особенности речи Лопухина. В ремарках отсутствуют указания на использование диалектных или просторечных слов, аканье, оканье, что свидетельствует об осознанном стремлении героя к литературной норме произношения. Однако косвенные указания на фонетические особенности можно обнаружить в замечаниях других персонажей. Так, социальное происхождение героя подчеркивается через оппозицию «мужик – купец», где фонетический облик речи становится маркером незавершенной социальной трансформации: «*Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, желтых башимаках*» [10].

На словообразовательном уровне речь героя характеризуется использованием продуктивных словообразовательных моделей литературного языка конца XIX века. Наблюдается склонность к субстантивации и абстрактным существительным с суффиксами -ени-, -ств-, маркирующим деловой стиль: «*имение*», «*недо-разумение*», «*спокойствие*»; уменьшительно-ласкательным суффиксам -к-, -еньк-, -оньк-, отражающим эмоциональность и сохраняющимся народным началом: «*дачки*», «*хорошенько*», «*тихонько*» [10]; префиксальным глаголам со значением интенсивности действия: «*наработаться*», «*придумать*», «*перестроить*» [10]. Данная словообразовательная двойственность отражает переходный характер языковой личности Лопухина, балансирующей между народными истоками и буржуазной культурой.

На лексическом уровне словарный запас Лопухина представляет собой гибридное образование, включающее несколько пластов: экономическая и коммерческая лексика: «*проценты*», «*аукцион*», «*дача в аренду*», «*доход*», «*облигация*», «*долги*» [10] – эта группа составляет ядро профессионального лексикона персонажа и указывает на его главную ценностную доминанту; просторечная и разговорная лексика: «*мужик*», «*дурак*», «*хлопать глазами*», «*дрыгнуть*», «*слюни распустил*» [10] – маркирует низкое социальное происхождение; книжная лексика: «*интеллигенция*», «*прогресс*», «*человечество движется вперед*», «*нервы*» [10] – отражает попытку самообразования и приобщения к культурному дискурсу эпохи; эмоционально-

оценочная лексика: «красавица», «замечательная», «чудесный», «удивительный» [10] является характерной чертой идиолекта. Показательно частое употребление Лопахиным слова «понимаете» [10] (15 раз в тексте пьесы), выполняющего функцию речевого сигнала неуверенности в коммуникативной компетенции и стремления к установлению контакта с собеседником.

На морфолого-синтаксическом уровне морфологические особенности речи Ермолая Алексеевича показаны превалированием глаголов над другими частями речи, указывающим на деятельностный, активный характер личности: «*надо решить*», «*нужно подумать*», «*можно сделать*»; модальными слова и частицами: «*ведь*», «*вот*», «*же*», «*пожалуй*», создающими эффект разговорности и непосредственности; обилием императивов: «*Поймите же*», «*Решайтесь*», «*Дайте мне ответ*», отражающих волевой, императивный характер; синтаксические особенности – преобладанием простых и осложненных предложений над сложными: «*Я приехал сегодня в пятом часу утра*», «*Вишневым сад продается за долги*» [10]; парцелляцией и присоединительными конструкциями, имитирующими спонтанность устной речи: «*Я встал сегодня в третьем часу, работал весь день, и вот думаю, и ничего не могу понять*» [10]; риторическими вопросами и восклицаниями, создающими эмоциональное напряжение: «*Отчего же вы меня не слушали?*»; «*Приходите все смотреть, как Ермолай Лопахин хватит топором по вишневому саду!*» [10]; синтаксической контаминацией (нарушением логической структуры фразы): «*Если у вас нет никакого определенного плана, то дайте мне, я вам дам*» [10], отражающей недостаточное владение нормами книжного синтаксиса; повторами как средством усиления высказывания: «*Куплено! Куплено!*» [10] – в кульминационной сцене покупки имения.

Согласно модели Ю.Н. Караулова, концептуальный уровень языковой личности включает три компонента: лексикон, тезаурус и прагматикон [4]. Под лексиконом понимается «формально-семантическая сеть, отражающая в своей структуре семантические поля, внутри которых реализуется языковое сознание личности» [4]. Ядерные лексико-семантические поля идиолекта Лопахина поле деньги/экономика: «*проценты*», «*доход*», «*аренда*», «*долг*», «*купить*», «*продать*», «*заработать*», «*деньги*» [10]; поле труд/деятельность: «*работать*», «*дело*», «*план*», «*строить*», «*рубить*», «*расчистить*» [10]; поле время: «*срок*», «*скоро*», «*сейчас*», «*через*», «*уже*», «*еще*», «*времени нет*» [10]. Частотность темпоральной лексики отражает прагматическое отношение ко времени как ресурсу. Поле пространство: четкая оппозиция «город – деревня», где город ассоциируется с прогрессом: «*В Париже был, в Москве*», «*дачники*», «*железная дорога*» [10]. Поле социальное положение: «*мужик*», «*купец*», «*интеллигенция*», «*господа*» [10], маркирует социальную мобильность персонажа.

Тезаурус представляет собой «иерархическую систему знаний о мире», воплощенную в устойчивых концептах и представлениях [4]. Ключевой концепт картины мира Лопахина – дело/польза – центральный в мировоззрении: «*Надо только начать делать*». «*И приятно, и полезно*» [10]. Прагматическая установка определяет восприятие действительности через категорию утилитарности. Концепт прогресс/будущее: «*Человечество идет вперед, совершенствуя свои силы*», «*Придут новые люди*» [10]. Вера в исторический прогресс сочетается с разрушением старого (вишневого сада). Концепт красота: «*Какой замечательный сад!*», «*Хорошо в поле!*» [10]. Способность эстетического восприятия вступает в конфликт с коммерческим мышлением – центральная антиномия личности Лопахина. Концепт свобода: «*Я купил имение, где дед и отец были рабами*» [10]. Приобретение имения интерпретируется как акт исторической справедливости и личного освобождения. Концепт любовь (нереализованный): отношение к Варе выражено преимущественно через умолчание, незавершенность фраз: «*Что ж... Я и согласен... Она хорошая девушка*» [10]. Неспособность к вербализации чувств маркирует эмоциональную неполноценность языковой личности. Когнитивные оппозиции: старое – новое (вишневый сад – дачи); красота – польза; чувство – расчет; прошлое – будущее; дворянство – купечество.

Прагматикон образуют «коммуникативно-деятельностные потребности языковой личности» [4], реализуемые через систему мотивов, целей и установок. Коммуникативные стратегии Лопахина: стратегия убеждения – доминирующая стратегия в диалогах с Раневской и Гаевым, реализуемая через логическую аргументацию («*Вы знаете, ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога*» [10]); повторы и усиление («*Поймите же, решайтесь же*»); апелляцию к очевидности («*Одно только спасение – отдать под дачи*» [10]); стратегия самооправдания и самопрезентации («*Я, правда, мужик, но... читаю разные книги и ничего не понимаю*» [10]) – рефлексия над собственной неполноценностью сочетается с демонстрацией достижений; стратегия эмоционального давления – в кульминационный момент («*Музыка, играй отчетливо! Пускай все, как я хочу!*» [10]) трансформация делового языка в эмоционально-экспрессивный. Коммуникативные неудачи: показательны срывы коммуникации, особенно в сфере личных отношений. Сцена с Варей демонстрирует полную коммуникативную беспомощность: переход на разговор о погоде и градуснике вместо объяснения в чувствах. Прагматические установки: дея-

тельность активностью («*надо делать*» [10]); рационализм («*разумно*», «*практично*» [10]); ориентация на будущее («*через 20–30 лет*» [10]); социальный реванш («*мужик покупает имение*» [10]).

Для определения типа речевой культуры используем классификацию И.А. Стернина, выделяющего элитарный, среднелитературный, литературно-разговорный, фамильярно-разговорный и просторечный типы [11]. Согласно критериям определения типа речевой культуры, речь Лопахина демонстрирует неустойчивое соблюдение литературных норм: орфоэпические нормы в целом соблюдены (отсутствуют диалектные черты); лексические нормы нарушаются смешением стилистически маркированных единиц: «*Ваше превосходительство дрыхнет*» [10] – сочетаются этикетные формулы и просторечия; грамматические нормы – единичные случаи ненормативного управления: «*Можно вам дать денег*» [10] (вместо «*дать вам денег*»); синтаксические нормы – частые нарушения логической структуры высказывания. Владение речевым этикетом фрагментарное: использует обращения «*сударыня*», «*Любовь Андреевна*» [10], но непоследовательно; в эмоциональных состояниях переходит на фамильярный тон: «*Эх вы, недотепа*» [10]; нарушает этикет в кульминационной сцене: «*Я купил! <...> Вишневы сад теперь мой! Мой!*» [10] – демонстративное попрание социальной иерархии. Неполная коммуникативная компетентность проявляется в неспособности варьировать регистры общения в зависимости от ситуации; коммуникативных неудач в сфере личного общения (сцена с Варей); недостаточном владении средствами аргументации при убеждении представителей дворянства; рефлексии над собственной речевой недостаточностью: «*читаю разные книги и ничего не понимаю, какие у меня наклонности*» [10]. Лопахин осознаёт недостатки своей речевой культуры и предпринимает усилия по её преодолению: «*читаю разные книги*» [10] – попытка самообразования; стремится использовать книжную лексику («*интеллигенция*», «*прогресс*», «*человечество*» [10]); ориентируется на речевые образцы высших сословий при невозможности их полноценного освоения.

Выводы

Таким образом, языковая личность Лопахина соответствует среднелитературному типу речевой культуры с элементами просторечно-жаргонного [11]: доминирует нормативная литературная речь, однако с устойчивыми вкраплениями разговорных и просторечных элементов; присутствует стремление к соблюдению литературной нормы, но владение ею неустойчивое, что проявляется в смешении стилей и нарушении коммуникативных норм; осознание речевых недостатков и попытки их преодоления – маркер среднелитературного носителя, в отличие от носителей просторечия, не рефлексиирующих над речью; коммуникативная компетенция ограничена: эффективна в профессиональной сфере (деловое общение), но недостаточна в межличностной коммуникации и при взаимодействии с представителями элитарной культуры; речевой портрет отражает переходность социального статуса: незавершённость языковой аккумуляции соответствует незавершённости социальной трансформации «*мужик – купец – интеллигент*». Писатель художественно моделирует процесс формирования нового социального слоя – буржуазии, выходцев из низших сословий, осваивающих культурные коды доминирующих классов. Лингвоперсоналогический анализ показывает, что язык становится маркером социальной мобильности и одновременно – её ограничителем. Лопахин экономически успешен, но культурно маргинален, что манифестируется в гибридности его идиолекта.

Внутренний конфликт персонажа объективирован в языковых противоречиях: «*Нежные пальцы, тонкая душа*» – «*мужик*» – оппозиция самоощущения и социального происхождения вербализуется через контраст поэтической лексики («*А когда мой мак цвел, что это была за картина!*» [10]) и просторечия («*Эх, кабы сила!*»; «*Ну, вот и всё!*» [10]); способность к эстетическому переживанию – прагматизм – концепты красота (прекрасней этого сада «*нет ничего на свете*») и польза («*Настроим мы дач, и наши внуки и правнуки увидят тут новую жизнь...*» [10]) находятся в конфликтных отношениях в мировоззрении персонажа; любовь к Варе («*Что же? Я не прочь <...> Она хорошая девушка*» [10]) – неспособность к её выражению («*Я сам тоже не понимаю, признаться. Как-то странно всё <...> Если есть ещё время, то я хоть сейчас готов... Покончим сразу — и баста, а без вас я, чувствую, не сделаю предложения...*»); как говорит Варя, «*он или молчит, или шутит*»; «*Охмелия, иди в монастырь*» или просто «*Ме-е-е*» [10]) – эмотивная недостаточность речи отражает эмоциональную незрелость личности. Речевая характеристика становится способом психологизации образа: недоговорённость, обрывы фраз, паузы (особенно в финале) объективируют внутреннее смятение и экзистенциальную пустоту победы («*Сейчас, сейчас <...> Экие, право*»; «*Точно во сне <...> Ты где же взял?*»; «*Да...*» Пауза [10]).

Языковая личность Лопахина воплощает авторскую концепцию исторического процесса. Чехов не даёт однозначной оценки «новому человеку»: с одной стороны, энергичность речи, обилие глаголов действия, императивов («*Вырубить! Сейчас же! Я купил! Я купил!*» [10]), темпоральной лексики («*надо*», «*сейчас*», «*скорее*» [10]) отражают деятельностное начало («*Если вишневы сад и землю по реке разбить на дачные*

участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода» [10]), противопоставленное пассивности Раневской («Сегодня судьба моя решается, судьба...», «Без вишнёвого сада я не понимаю своей жизни» [10]) и Гаева («Дорогой, многоуважаемый шкаф!»; «О природа, дивная»; отклоняет предложение Леонида Андреевича: «Какая чепуха!» [10]); с другой стороны, коммуникативные неудачи (Раневская отвечает Лопухину на предложение о продаже вишневого сада: «Вы рубить? Милый мой, простите, вы ничего не понимаете» [10]), эмоциональная бедность (когда Раневская плачет о прошлом, Лопухин отвечает сухо: «Вы знаете, я всё думаю о том, как бы нам устроить дело...» [10] – переводит разговор на практическую плоскость, не пытаясь поддержать эмоционально), прагматическая редукция картины мира («Вот мой проект. Прошу внимания!» <...> «Решайтесь! Другого выхода нет, клянусь вам. Нет и нет!»; «Пускай всё, как я желаю»; «Квасу мне принесёшь!» [10]) демонстрируют ограниченность «нового мира». Ключевая авторская идея объективируется в парадоксе финальной реплики: «Жизнь-то прошла, словно и не жил» [10]. Экономический успех не компенсирует экзистенциальной несостоятельности, что выражается в итоговой формуле жизни, построенной на отрицании («словно и не жил»). Показательно, что наиболее философская реплика персонажа отличается синтаксической правильностью и использованием книжной конструкции сравнения – момент высшей рефлексии требует выхода за пределы обыденного языкового сознания.

Принципиально важна эволюция речевого поведения Лопухина в рамках пьесы: в первом акте – деловитость («взаимы тысяч пятьдесят достану» [10]), сдержанность («Отец мой, правда, мужик был, а я вот в белой жилетке, жёлтых башмаках. Со свиным рылом в калашный ряд <...> ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком...» [10]), попытки убеждения через рациональную аргументацию («Ваше имение находится только в двадцати верстах от города, возле прошла железная дорога, и если вишнёвый сад и землю по реке разбить на дачные участки и отдавать потом в аренду под дачи, то вы будете иметь самое малое двадцать пять тысяч в год дохода» [10]); преобладание экономической лексики («Так денег вам дадут сколько угодно» [10]), простых синтаксических конструкций («А я вам сейчас скажу, что я думаю...»; «Вы знаете, я всё время думаю...»; «Надо только начать делать что-нибудь...» [10]); во втором акте – рефлексивность («Со свиным рылом в калашный ряд <...> Только что вот богатый, денег много, а ежели подумать и разобраться, то мужик мужиком...» [10]), попытки философствования («человечество идёт вперёд»), проявление эстетического чувства («Если б отец мой и дед встали из гробов и посмотрели на всё происшествие, как их Ермолай, битый, малограмотный Ермолай, который зимой босиком бегал, как этот самый Ермолай купил имение, прекрасней которого ничего нет на свете!» [10]); усложнение синтаксиса (вводные слова создают эффект размышления «Если бы вы знали, что меня ждёт впереди <...> Я, конечно, не понимаю, но, может быть, это и к лучшему...» [10]), появление книжной лексики («...я вижу, какие кругом люди. Надо только начать делать что-нибудь, чтобы понять, как мало честных, порядочных людей. Иной раз, когда не спится, я думаю: господа, ты дал нам громадные леса, необъятные поля, глубочайшие горизонты, и, живя тут, мы сами должны бы по-настоящему быть великанами...» [10]); в третьем акте (кульминация – момент максимального речевого самовыражения) – эмоциональный взрыв («Вишнёвый сад мой! Мой!» [10]), разрушение речевых конвенций («Боже мой, господа, вишнёвый сад мой! Скажите мне, что я пьян, не в своём уме, что всё это мне представляется...» [10]), торжествующие восклицания («Приходите все смотреть, как Ермолай Лопухин хватит топором по вишнёвому саду!» [10]); экспрессивный синтаксис («Вы не понимаете меня. Я говорю одно, а вы понимаете другое» [10]), повторы («Слушай, Раневская, ты должна меня послушать!» [10]), императивы («Музыка, играй отчётливо!» [10]); в четвертом акте – возвращение к деловому тону, но с нотами усталости и растерянности («Вы, Любовь Андреевна, всё такая же, как и были...»; «Только что вот богатый, а то вдруг... бедный» [10]); коммуникативный провал в сцене с Варей («А я в Харьков уезжаю сейчас... вот с этим поездом» [10]); финальная философская сентенция («Когда я работаю подолгу, без усталости, тогда мысли полегче, и кажется, будто мне тоже известно, для чего я существую» [10]); речевая опустошённость после кульминации («(с укором) Отчего же, отчего вы меня не послушали? Бедная моя, хорошая, не вернешь теперь (со слезами)» [10]). Эта динамика отражает трагедию реализации: достижение цели приводит не к речевой полноте, а к усилению экзистенциальной афазии.

Исследование демонстрирует мастерство А.П. Чехова в создании многомерной языковой личности, речевой портрет которой служит ключом к пониманию идейно-художественного содержания произведения

Список источников

1. Ivantsova E.V. On the term "linguistic personality": origins, problems, and prospects for use // Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 4 (12). P. 24 – 32.
2. Golev N.D. Mental and psychological aspects of the typology of linguistic personality (to the problem of the relationship between linguistic and personal space). Linguistic personality: modeling, typology, portrayal. Siberian linguapersonology / ed. N.D. Golev, N.V. Melnik. Moscow: Lenand, 2014. Part 1. P. 10 – 33.
3. Golovina T.A. Lingvopersonological functioning of parts of speech: a statistical aspect (based on fiction): diss. ... Cand. Sci. (Philology). Barnaul, 2008. 203 p.
4. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow, 2010. 264 p.
5. Ryzhkova E.S. New Aspects of the Study of Linguistic Personality in Modern Russian Linguistics // Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2019. Vol. 12. No. 9. P. 328 – 332.
6. Kalugina M.L. Chekhov's Russia as an Archetype in Modern Russian Literature // Baltic Journal for the Humanities. 2021. No. 1 (34). P. 355 – 358.
7. Liske O.E., Barnashova E.V. A.P. Chekhov's Play "The Cherry Orchard" as a Reflection of the Spiritual Searches of Man in the Late 19th – Early 20th Centuries // Eurasian Scientific Journal. 2016. No. 4. P. 316 – 318.
8. Makarevich E.F. The image of the Russian capitalist in the works of A.P. Chekhov: literature and reality // Academic Council. 2023. No. 1. P. 27 – 37.
9. Dolzhenkov P.A. "The beaten, illiterate Ermolai": about the image of Lopakhin // Chekhov readings in Tver. 2008. P. 236 – 252.
10. Chekhov A.P. Cherry Orchard. Text of the work. <https://ilibrary.ru/text/472/p.1/index.html> (date of access: 11.09.2025)
11. Sternin I.A. Types of speech cultures. Voronezh, 2013. 23 p.

References

1. Ivantsova E.V. On the term "linguistic personality": origins, problems, and prospects for use. Bulletin of Tomsk State University. 2010. No. 4 (12). P. 24 – 32.
2. Golev N.D. Mental and psychological aspects of the typology of linguistic personality (to the problem of the relationship between linguistic and personal space). Linguistic personality: modeling, typology, portrayal. Siberian linguapersonology. ed. N.D. Golev, N.V. Melnik. Moscow: Lenand, 2014. Part 1. P. 10 – 33.
3. Golovina T.A. Lingvopersonological functioning of parts of speech: a statistical aspect (based on fiction): diss. ... Cand. Sci. (Philology). Barnaul, 2008. 203 p.
4. Karaulov Yu.N. Russian Language and Linguistic Personality. Moscow, 2010. 264 p.
5. Ryzhkova E.S. New Aspects of the Study of Linguistic Personality in Modern Russian Linguistics. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2019. Vol. 12. No. 9. P. 328 – 332.
6. Kalugina M.L. Chekhov's Russia as an Archetype in Modern Russian Literature. Baltic Journal for the Humanities. 2021. No. 1 (34). P. 355 – 358.
7. Liske O.E., Barnashova E.V. A.P. Chekhov's Play "The Cherry Orchard" as a Reflection of the Spiritual Searches of Man in the Late 19th – Early 20th Centuries. Eurasian Scientific Journal. 2016. No. 4. P. 316 – 318.
8. Makarevich E.F. The image of the Russian capitalist in the works of A.P. Chekhov: literature and reality. Academic Council. 2023. No. 1. P. 27 – 37.
9. Dolzhenkov P.A. "The beaten, illiterate Ermolai": about the image of Lopakhin. Chekhov readings in Tver. 2008. P. 236 – 252.
10. Chekhov A.P. Cherry Orchard. Text of the work. <https://ilibrary.ru/text/472/p.1/index.html> (date of access: 11.09.2025)
11. Sternin I.A. Types of speech cultures. Voronezh, 2013. 23 p.

Информация об авторе

Светкина А.А., кандидат филологических наук, доцент, SPIN-код 5448-4342, Уральский институт Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, saev8713@mail.ru

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков)

(филологические науки)

УДК 81'25:821.111(045)

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-120-127

Лингвокультурологический аспект перевода медицинской лексики в произведениях Агаты Кристи

¹ Антипова Л.А., ¹ Максименко Е.Ю., ¹ Саркисян Л.Т.,
¹ Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал
Волгоградского государственного медицинского университета

Аннотация: настоящая статья посвящена исследованию языковых особенностей перевода медицинской лексики в произведениях английской писательницы Агаты Кристи. Актуальность работы обусловлена необходимостью системного анализа переводческих стратегий при передаче терминологических единиц в художественном дискурсе, где медицинская лексика выполняет не только номинативную, но и сюжетообразующую функцию. Целью исследования является выявление и анализ переводческих решений, применяемых для передачи медицинской лексики в детективах А. Кристи, с точки зрения их адекватности и влияния на восприятие текста русскоязычным читателем. В работе три группы медицинской лексики – узкоспециальная терминология (токсикология, фармацевтика), клиническая и анатомическая лексика, «бытовая» медицинская лексика и профессионализмы. Особое внимание уделяется переводу фразеологических единиц с медицинским компонентом. В результате исследования выявлены основные переводческие трансформации (конкретизация, генерализация, антонимический перевод, калькирование), проанализированы случаи удачных переводческих решений и смысловых потерь. Делается вывод о необходимости комплексного подхода к переводу медицинской лексики в детективном жанре, учитывающего терминологическую точность, культурно-исторический контекст и стилистическую функцию лексических единиц.

Ключевые слова: медицинская терминология, переводческие трансформации, детективный дискурс, фразеологизмы, конкретизация, генерализация, токсикологическая лексика, художественный перевод, межъязыковая адаптация

Для цитирования: Антипова Л.А., Максименко Е.Ю., Саркисян Л.Т. Лингвокультурологический аспект перевода медицинской лексики в произведениях Агаты Кристи // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 120 – 127. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-120-127

Поступила в редакцию: 6 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 4 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

The linguistic and cultural aspect of the medical vocabulary translation of Agatha Christie books

¹ Antipova L.A., ¹ Maximenko E.Yu., ¹ Sarkisyan L.T.,
¹ Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, a branch of the Volgograd State Medical University

Abstract: this paper examines the linguistic features of medical vocabulary translation in the works of the English writer Agatha Christie. The relevance of the study stems from the need for a systematic analysis of translation strategies when rendering terminological units in literary discourse, where medical lexicon performs not only a nominative but also a plot-forming function. The aim of the research is to identify and analyze translation solutions applied to convey medical vocabulary in A. Christie's detective novels, assessing their adequacy and impact on the perception of the text by the Russian-speaking reader. The paper proposes a classification of medical vocabulary into three groups: specialized terminology (toxicology, pharmaceuticals), clinical and anatomical lexicon, and «everyday» medical vocabulary with professionalisms. Special attention is paid to the translation of phraseological units with a medical component as culturally marked textual elements. The research identifies the main translation transformations (specification, generalization, antonymic translation, calquing) and analyzes cases of successful translation decisions and semantic losses. It is concluded that a comprehensive approach to translating medical vocabu-

lary in the detective genre is necessary, taking into account terminological accuracy, cultural and historical context, and the stylistic function of lexical units.

Keywords: medical terminology, translation transformations, detective discourse, phraseological units, specification, generalization, toxicological lexicon, literary translation, cross-linguistic adaptation

For citation: Antipova L.A., Maximenko E.Yu., Sarkisyan L.T. The linguistic and cultural aspect of the medical vocabulary translation of Agatha Christie books. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 120 – 127. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-120-127

The article was submitted: January 6, 2026; Approved after reviewing: March 4, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Настоящее научное исследование посвящено языковым особенностям перевода текстов медицинской тематики. Сегодня упорядочение специальной лексики и ее адекватное представление при переводе имеет огромное значение для развития науки и эффективной коммуникации среди специалистов, в связи с чем вопрос о способах перевода терминов являлся объектом внимания многих ученых. Его рассматривали Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин, В.М. Лейчик, В.Н. Комиссаров, И.В. Арнольд, Д.С. Лотте, чьи труды стали теоретической базой для данной работы. В большей степени в теоретическую основу легло исследование Гринев-Гриневиц С.В. “Введение в терминоведение” [3], позволившее многоаспектно подойти к изучаемому вопросу.

Медицинская терминология – одна из самых обширных и сложных совокупностей терминов. Помимо уже существующих терминов, отражающих многообразие научных понятий, за последние годы наблюдается процесс появления большого количества новых терминов, в результате постоянного развития науки, возникновения новых научных отраслей, а также увеличения объема медицинской информации. В своей совокупности данные термины образуют терминосистему, но вместе с тем каждый медицинский термин принадлежит к соответствующей узкоспециальной терминосистеме (гистологической, дерматологической, физиотерапевтической, терминологии УЗИ и т.д.). Медицинский дискурс, определяющий место функционирования специализированных терминов, характеризуется определенными текстами, среди которых выделяются истории болезней, инструкции к лекарственным препаратам и к медицинскому оборудованию, протоколы испытаний лекарственных средств, научные и учебные тексты медицинской направленности. Данная категория текстов достаточно изучена и описана в современной филологии; мы же обращаем свой взгляд на медицинскую терминологию в текстах художественных произведений.

Материалы и методы исследований

Данная научно-исследовательская работа посвящена исследованию особенностей перевода медицинских терминов и слов в произведениях Агаты Кристи. Материалом для исследования послужили оригинальные тексты детективных романов английской писательницы Агаты Кристи («A Pocket Full of Rye», «The Murder of Roger Ackroyd», «The Peril at End House», «The Pale Horse») и их переводы на русский язык, выполненные Н. Екимовой, Е. Осенева, М. Загот, А. Петуховым и др., опубликованные в российских издательствах. В ходе работы была использована комплексная методика исследования, включающая метод сплошной выборки (для формирования корпуса медицинской лексики и фразеологии); метод контекстуального анализа (для определения функций медицинской лексики в художественном тексте); сопоставительный метод (для сравнения оригинальных текстов с их переводами); метод переводоведческого анализа (для выявления и классификации переводческих трансформаций по классификации В.Н. Комиссарова) [6, с. 139-141]; метод классификации (для распределения медицинской лексики по тематическим группам) и элементы количественного анализа (для определения частотности использования различных переводческих приемов).

Результаты и обсуждения

Известно, что Агата Кристи, признанный мастер детективного жанра, часто строила сюжеты своих произведений вокруг тонких медицинских нюансов – будь то яды, неизвестные болезни или особенности физиологии человека. Медицинская лексика в её текстах выполняет не только номинативную, но и сюжетообразующую функцию. Она служит маркером эпохи, профессиональной принадлежности персонажа и, что самое важное, ключом к разгадке тайны.

Перевод – это преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода [5, с. 9].

Перевод медицинской лексики представляет собой сложную лингвокультурологическую задачу, поскольку переводчик сталкивается с необходимостью сохранить терминологическую точность (в детективном жанре особенно в области токсикологии и патологий), передать культурный контекст английской медицины первой половины XX века, не разрушив детективную интригу. Выполнить такую переводческую задачу чрезвычайно важно, поскольку за обыденным, на первый взгляд, словом может скрываться улика, что, несомненно, является ключевым аспектом произведений этого жанра. Поэтому, основной целью данной работы мы поставили выявить и проанализировать переводческие решения, применяемые для передачи медицинской лексики в детективах Агаты Кристи, с точки зрения их адекватности и влияния на восприятие текста русскоязычным читателем.

Изученные тексты произведения А.Кристи позволили нам в рамках исследуемого материала разделить медицинскую лексику на три основные группы, каждая из которых требует внимания в переводе.

1. Узкоспециальная терминология (токсикология, фармацевтика), включающая названия ядов, химических соединений, лекарственных препаратов (например, thallium, strychnine, digitalis).

2. Клиническая и анатомическая лексика включает в себя названия симптомов, болезней, частей тела, физиологических состояний (например, gastric trouble, dropsy, optic nerve). Данные термины в произведениях используются в речи врачей и пациентов.

3. «Бытовая» медицинская лексика и/или профессионализмы, а также слова и выражения, связанные с лечением, больницами, госпиталями, состоянием здоровья, употребляемые неспециалистами, но имеющие культурную специфику (например, nursing home, general practitioner, to pass away, to join the majority etc).

Кроме того, рассматриваемый в данной работе вид текста сам по себе имеет специфику и правильная трактовка медицинской лексики особенно важна, так как по мнению Вольского Н. Н., «детектив – это литературное произведение, в котором на доступном широкому кругу читателей бытовом материале демонстрируется акт диалектического снятия логического противоречия (решения детективной загадки)» [2].

Рассмотрим несколько примеров из письменных художественных текстов романа «Карман, полный ржи» (A Pocket Full of Rye), где присутствует медицинско-фармацевтический контекст. В этом эпизоде обсуждается отравление и его симптомы: It's a question of taxine," said Inspector Neele. Yewberries contain taxine, you know. The symptoms would be violent gastroenteritis, collapse, and cardiac failure. Death might occur within an hour or two of ingestion. "But how could it have been administered?" asked Miss Marple.

В имеющемся переводе от издательства «Эксмо» находим: «Дело в токсине», – сказал инспектор Нил. «В тисовых ягодах содержится токсин, знаете ли. Симптомы – острый гастроэнтерит, коллапс и остановка сердца. Смерть может наступить через час-два после попадания яда в организм». «Но как его могли ввести?» – спросила мисс Марпл. В данном отрывке содержатся термины из раздела «Токсикология» – Taxine (токсин) – это алкалоид, содержащийся в тисе (Taxus baccata), медицинские термины gastroenteritis (гастроэнтерит), cardiac failure (остановка сердца), упоминание времени действия яда (within an hour or two), что в медицине – важный диагностический признак. Далее по тексту оригинала к фармацевтическому дискурсу отнесем термин tonic, описание лекарства – “brownish liquid, smelled horrid” (коричневатая жидкость с неприятным запахом), что типично для препаратов начала XX века. К разделу судебной медицины можно отнести обсуждение способа введения яда – “исключается чай” (tea was tested).

Особый пласт медицинской лексики в произведениях Агаты Кристи составляют фразеологические единицы и идиомы, связанные с телом, здоровьем и болезнью. Как справедливо отмечает Н.А. Мусина, фразеологизмы обладают ярко выраженной национальной спецификой и большой выразительностью, что делает их сложным объектом перевода [8, с. 30]. Исследователи подчеркивают, что фразеологические единицы являются национально маркированными языковыми единицами, возникающими в результате особого этнического взгляда на явление. В детективном жанре фразеологизмы выполняют важные стилистические функции, так как они создают эмоциональный фон, характеризуют персонажей и держат читателя в напряжении. Особый интерес представляют те случаи, когда Агата Кристи использует окказиональные преобразования фразеологических единиц, заменяя лексические компоненты или изменяя грамматическую структуру для достижения определенного стилистического эффекта.

Собранный корпус примеров позволил нам классифицировать медицинские фразеологизмы в произведениях Кристи и выделить следующие группы:

1. Соматические фразеологизмы (с компонентами-названиями частей тела), например, to keep one's head, to lose one's nerve, to cut the ground from under someone's feet

2. Идиомы, связанные с физическими состояниями: to be in good shape, to feel under the weather, to be at death's door

3. Фразеологизмы, описывающие психические состояния через медицинские метафоры, такие, как *to drive someone mad*, *to be out of one's senses*, *mental case* ипр.

Рассмотрим наиболее интересные, на наш взгляд, примеры из романов Агаты Кристи и их переводы на русский язык.

Соматический фразеологизм в авторской трансформации (роман «*The Peril at End House*» / «Загадка Эндхауза»), где Пуаро использует английскую идиому, демонстрируя свое знание языка, но с характерной для него педантичностью: «*The bee in the bonnet,*» said Poirot, «*Your English phrase*» – «Пчелка в чепчике, – проговорил Пуаро. – Ваша английская поговорка». Английская идиома *a bee in one's bonnet* (дословно «пчела в чепчике») означает навязчивую идею, озабоченность чем-либо. Переводчик использует полное калькирование, сохраняя образность оригинала. Для русского читателя это выражение звучит необычно, что соответствует коммуникативной ситуации, где Пуаро специально подчеркивает, что это английская поговорка, которую он, иностранец, воспроизводит. Сохранение буквального перевода («пчелка в чепчике») передает легкую чужеродность речи персонажа и его стремление точно следовать языковым нормам, другими словами фразеологическое калькирование часто применяется для сохранения национального колорита.

Еще один пример показывает идиому с ошибкой как характеристику персонажа (роман «*Lord Edgware Dies*» / «Смерть лорда Эджвера»), где Агата Кристи часто использует прием «оговорок» Пуаро в английских идиомах, что служит средством создания комического эффекта и подчеркивает его иностранное происхождение. Итак, рассмотрим пример: «*He – what do you say? – cuts the ground before our feet.*» «*From under,* I corrected. «*Yes – it made us look rather foolish.*» В переводе находим «– Как это у вас говорится – на ходу подошвы рвёт?». «Подмётки, – исправил я. У нас, наверное, был глупый вид». Английская идиома *to cut the ground from under someone's feet* означает «выбить почву из-под ног», «расстроить чьи-то планы». Переводчик же сталкивается с двойной задачей, это – передать значение идиомы и воспроизвести ошибку Пуаро в ее употреблении. В русском языке нет прямого аналога с предлогом, который можно было бы перепутать. Решение найдено, как мы считаем, блестящее, так как в переводе используется русская идиома «рвать подмётки на ходу» (означающая «поспешно убежать»), но с искажением, так как в подстрочнике это «рвать подошвы». Гастингс поправляет его, указывая правильный вариант «подмётки». Хотя значение идиомы в оригинале и переводе различается (в оригинале «расстроить планы», в переводе «поспешно убежать»), коммуникативный эффект сохранен, поскольку читатель понимает, что Пуаро коверкает английскую поговорку, и это служит специфической характеристикой франкоговорящего героя произведения.

Рассмотрим еще один пример, скажем, «идти по ложному следу» (сборник «*The Labours of Hercules*» / «Подвиги Геракла»). В этом рассказе Пуаро расследует дело, связанное с заблуждениями и ошибками. В оригинале находим: «*Poirot said thoughtfully: – Then for nearly ten years you have been, as they say in this country, barking up them is taken tree?*», а в переводе эта фраза звучит как «Выходит, – задумчиво протянул Пуаро, – вы целых десять лет шли, как выражаются англичане, по ложному следу?». Здесь наблюдается функциональный аналог, сама английская идиома *to bark up the wrong tree* (дословно: «лаять не на то дерево») означает «идти по ложному следу», «ошибаться». Переводчик использует устоявшийся русский аналог «идти по ложному следу», который полностью передает значение оригинала. Примечательно, что переводчик сохраняет указание на национальную принадлежность идиомы («как выражаются англичане»), что напоминает читателю о том, что Пуаро сам иностранец, адаптирующийся в чужой языковой среде. Этот прием соответствует принципу сохранения культурной маркированности речи персонажа.

Интересен пример из романа «*The Murder of Roger Ackroyd*» («Убийство Роджера Экройда») с медицинской идиомой в описании состояния персонажа. Напомним, что в романе присутствуют сцены, где персонажи описывают свое эмоциональное состояние через физические ощущения, например, «*I felt as though I'd been turned to stone. My heart stopped beating.*» В переводе находим: «Я словно окаменел. Сердце перестало биться». Оригинал содержит гиперболу, описывающую сильное эмоциональное потрясение через физиологические изменения. В русском переводе удается полностью сохранить эту образность. Выражение «сердце перестало биться» является универсальной метафорой сильного испуга или потрясения, понятной как в английской, так и в русской культуре. Здесь не требуется адаптации, так как физиологическая реакция описывается сходным образом в обеих лингвокультурах.

Анализ медицинских фразеологизмов и идиом в произведениях Агаты Кристи позволяет сделать следующие выводы о том, что медицинская фразеология в ее детективах выполняет не только номинативную, но и характеризологическую функцию, а именно через особенности употребления идиом раскрываются образы персонажей, например, Эркюля Пуаро как иностранца. При переводе фразеологических единиц наиболее эффективной стратегией является комплексный подход, учитывающий семантику идиомы (ее значение

в контексте); стилистическую функцию (создание комического эффекта, характеристика персонажа); культурную маркированность (принадлежность к английской языковой картине мира).

Среди наиболее рекуррентных переводческих приемов мы выделили конкретизацию и генерализацию, а реже всего в исследуемом корпусе отмечается антонимичный перевод. В следующей части нашего исследования приведем несколькими примеров с указанными переводческими трансформациями. Вообще, перевод медицинской терминологии в разных сферах деятельности и в разных типах дискурса зачастую становится объектом исследования разных ученых. За практическую основу описания видов перевода мы использовали труд филолога-переводчика Стадильской Н.А., описавшей возможные трансформации на примере терминологии сферы УЗИ – представленная в ее работе классификация трансформаций легла в основу настоящего исследования [9, с. 133].

Известно, что лексические трансформации, такие как конкретизация (замена слова с широким значением на слово с более узким значением) и генерализация (замена частного общим), играют важную роль в адаптации текстов Агаты Кристи для русскоязычного читателя. Как отмечает С.А. Каверина в своем исследовании переводческих трансформаций на материале романа «Десять негрят», выбор той или иной стратегии может приводить как к сохранению, так и к утрате исходных смыслов [4, с. 82]. Рассмотрим реализацию этих приемов на примерах медицинской лексики.

Первый анализируемый пример взят из романа «The Murder of Roger Ackroyd» («Убийство Роджера Экройда») и представляет собой конкретизацию симптома: «She had been in the habit of taking it for sleeplessness». Переводчик решает эту задачу следующим образом: «Она страдала бессонницей и привыкла принимать это снотворное». Английское абстрактное существительное *sleeplessness* (бессонница как состояние) переводится конкретным существительным «бессонница», но важнее другое – в оригинале нет прямого указания на то, что миссис Феррарс страдала бессонницей, там сказано лишь, что она имела привычку принимать веронал от бессонницы (*for sleeplessness*). Переводчик добавляет глагол «страдала», конкретизируя степень тяжести состояния. Считаем, что в детективном контексте эта конкретизация работает на создание образа, и читатель сразу понимает, что бессонница была хронической проблемой, что делает регулярный прием снотворного естественным и не вызывающим подозрений, тем самым маскируется улика.

Еще один пример конкретизации медицинского состояния находим в романе «The Pale Horse» («Бледный конь») – «He's been in poor health lately». Переводчик М. Загота переводит «В последнее время у него сильно сдало сердце». В этом случае конкретизация представлена с элементами модуляции, где английское выражение *in poor health* (плохое здоровье вообще) имеет максимально широкое значение, а в переводе оно конкретизируется до указания на конкретный орган «сердце». Такая конкретизация не случайна, так как в сюжете романа «Бледный конь» речь идет об отравлении таллием, которое поражает нервную систему и сердечно-сосудистую систему. Упоминание сердца уже на раннем этапе повествования (даже в переводе, где переводчик позволяет себе такую конкретизацию) может служить имплицитной подсказкой для внимательного читателя. Однако здесь переводчик, вероятно, опирался на более широкий контекст – если в последующих главах выясняется, что персонаж страдал именно от сердечных симптомов, такая конкретизация оправдана и создает эффект «ретроспективной точности».

В качестве примеров реализации генерализации приведем название лекарственного препарата в романе «The Murder of Roger Ackroyd». В оригинале находим: «I took a glass of water and dropped a sedative into it», в переводе читаем «Я налил стакан воды и бросил туда снотворное». Английское слово *sedative* (седативное средство, успокоительное) имеет более узкое значение, чем русское «снотворное». Седативные препараты не обязательно вызывают сон – они могут просто снижать тревожность. В данном контексте генерализация функционально оправдана, так как для сюжета важно, что герой принимает некое лекарство, влияющее на сознание, а точный фармакологический класс препарата не имеет криминалистического значения. Напомним, что при переводе детективов важно сохранять точность в тех случаях, когда медицинские нюансы становятся ключом к разгадке. Как, например, в романе «The Pale Horse» фраза «The symptoms were consistent with poisoning by a heavy metal» была передана как «Симптомы соответствовали отравлению», где явно прослеживается потеря важной информации. В оригинале конкретизируется тип отравления – тяжелыми металлами (что указывает на таллий). В переводе информация о классе яда опускается, и данная генерализация ведет к смысловой потере. Для читателя оригинала фраза *heavy metal poisoning* является важным этапом расследования, так как круг подозреваемых веществ сужается. Русскоязычный читатель получает лишь общую информацию, что снижает его вовлеченность в дедуктивный процесс. Это пример неудачной генерализации, которая, по классификации В.С. Азеевой, относится к категории «опущение важных деталей» [1].

Наименее частотным и одним из наиболее интересных приемов, позволяющих переводчику адаптировать текст, сохраняя его прагматический потенциал, оказался антонимический перевод. Например, «I never forget» – «Я помню всегда» – из речи Э.Пуаро, где отрицательная конструкция заменена утвердительной. Фраза I never forget – одна из визитных карточек Пуаро, подчеркивающая его методичность и уверенность в собственных интеллектуальных способностях. Прямой перевод «Я никогда не забываю» также возможен, но переводчик выбирает утвердительную конструкцию «Я помню всегда». Это сохраняет эмфатичность высказывания, но несколько смещает акцент, так как в оригинале отрицание (never) создает более категоричное утверждение, чем положительное «всегда» в русском языке, которое может восприниматься как менее категоричное. Однако в контексте всей фразы иллокутивная сила (уверенность персонажа) сохраняется.

Стоит также упомянуть антонимический перевод при описании состояния пациента в романе «The Pale Horse»: «The patient was not expected to live through the night» – «Врачи считали, что пациент умрет до утра». Антонимический перевод представлен пассивной конструкцией с отрицанием, которая заменена активной утвердительной конструкцией. Английское предложение was not expected to live (его не ожидали, что он будет жить) является более мягким, эвфемистичным способом сообщить о близости смерти. Русский перевод «умрет до утра» звучит более прямолинейно и категорично. В контексте детектива это может быть оправдано, так как снимает неопределенность и создает более драматичный эффект, однако теряется культурно-специфическая черта английского медицинского дискурса – тенденция к смягчению прогнозов.

Выводы

Проведенное в данной научно-исследовательской работе изучение языковых особенностей перевода медицинской лексики в произведениях Агаты Кристи позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Так, в ходе анализа было установлено, что медицинская лексика в детективном дискурсе А. Кристи представляет собой сложную многоуровневую систему, выполняющую не только номинативную, но и важную сюжетообразующую и характеризологическую функции. Предложенная в работе классификация на узкоспециальную (токсикологическую), клиническую и «бытовую» медицинскую лексику доказала свою эффективность для выбора стратегии перевода, поскольку каждая из выделенных групп требует от переводчика применения специфических приемов и учета экстралингвистических факторов.

Анализ переводческих решений, в частности на материале романов «Карман, полный ржи», «Убийство Роджера Экройда», «Загадка Эндхауза» и «Бледный конь», показал, что ключевым требованием является сохранение точности терминологии, особенно в области токсикологии и судебной медицины, где ошибка может разрушить детективную интригу. Вместе с тем, исследование подтвердило, что адекватный перевод невозможен без учета культурно-исторического контекста Англии первой половины XX века, что выражается в необходимости передачи реалий и стилистических особенностей эпохи.

Кроме того, комплексный анализ лексических трансформаций позволил сделать вывод о преобладании конкретизации и генерализации в исследуемом корпусе примеров. При этом конкретизация зачастую служит средством усиления драматического эффекта или маскировки улики, тогда как неоправданная генерализация может приводить к утрате важных смысловых компонентов и снижению вовлеченности читателя в дедуктивный процесс. Наименее частотный, но стилистически значимый прием антонимического перевода позволяет сохранить прагматический потенциал высказывания, хотя и может сопровождаться частичной утратой эвфемистичности, характерной для английского медицинского дискурса.

В целом, было установлено распределение медицинской лексики в произведениях А.Кристи по группам, что можно представить в виде следующей диаграммы.

Перспективы дальнейшего исследования мы видим в нескольких горизонтах. Первое, - это то, что в своем исследовании отмечает А.А. Кротова – первостепенное значение должно получить исследование текстового материала, что позволит значительно расширить наше знание о лексико-семантической системе, даст возможность зафиксировать и изучить единицы, не обладающие высокой частотностью употребления, но тем не менее реализованные в ряде текстов. Такие данные позволят спрогнозировать дальнейшее развитие языка, возможности семантической деривации и особенности функционирования словообразовательных морфем [7, с. 16]. В этой связи можно было бы проанализировать и другие жанры медицинской сферы деятельности в поле детективных или криминальных исследований [10]. Второе, перспектива настоящего исследования видится нам в сопоставительном анализе переводов медицинской лексики в разные исторические периоды (советские и современные переводы), а также в изучении специфики передачи терминологии из смежных областей (судебной медицины, фармакологии, психиатрии) в других произведениях Агаты Кристи, что позволит создать более полную картину эволюции переводческих стратегий в рамках детективного жанра.

Список источников

1. Азеева В.С. Специфика использования лексико-грамматических трансформаций в русском переводе романа Харпер Ли “Убить пересмешника” // Ученый XXI века. 2016. № 9 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ispolzovaniya-leksiko-grammaticheskikh-transformatsiy-v-russkom-perevode-romana-harper-li-ubit-peresmeshnika> (дата обращения: 15.11.2025)
2. Вольский Н.Н. Лёгкое чтение. Работы по теории и истории детективного жанра: Моногр. [Электронный ресурс] / Новосибирск: НГПУ, 2006. URL: <https://metodolog.ru/00926/00926.html> (дата обращения: 13.11.2025)
3. Гринев-Гриневиц С.В. Введение в терминоведение. М.: Академия, 2018. 304 с.
4. Каверина С.А. Лексические и грамматические трансформации как источник смысловых потерь (на примере произведения Агата Кристи «Десять негрятят») // Человек. Социум. Общество. 2024. № S10. С. 80 – 84.
5. Казакова Т.А. Художественный перевод. СПб.: Знание, 2002. 113 с.
6. Комиссаров В.Н. Лингвистика перевода. М.: URSS, 2023.
7. Кретов А.А. Основы лексико-семантической прогностики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2006. 390 с.
8. Мусина Н.А. Стилистические функции фразеологических единиц в произведениях детективного жанра как переводческая проблема: на материале русских и испанских переводов романов А. Кристи: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008.
9. Стадильская Н.А. Особенности перевода англоязычных медицинских терминов сферы УЗИ // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2015. № 5. С. 132 – 136.
10. Федунина О.В. Жанры криминальной литературы: спецкурс для студентов филологических специальностей // Новый филологический вестник. 2014. № 4 (31). С. 61 – 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-kriminalnoy> (дата обращения: 19.05.2024)

References

1. Azeeva V.S. Specifics of the Use of Lexical and Grammatical Transformations in the Russian Translation of Harper Lee's Novel "To Kill a Mockingbird". Scientist of the 21st Century. 2016. No. 9 (22). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-ispolzovaniya-leksiko-grammaticheskikh-transformatsiy-v-russkom-perevode-romana-harper-li-ubit-peresmeshnika> (date of access: 15.11.2025)
2. Volsky N.N. Easy Reading. Works on the Theory and History of the Detective Genre: Monograph. [Electronic resource]. Novosibirsk: NGPU, 2006. URL: <https://metodolog.ru/00926/00926.html> (date accessed: 13.11.2025)
3. Grinev-Grinevich S.V. Introduction to Terminology. Moscow: Academy, 2018. 304 p.
4. Kaverina S.A. Lexical and Grammatical Transformations as a Source of Semantic Loss (based on Agatha Christie's "Ten Little Indians"). Man. Society. Obshchestvo. 2024. No. S10. P. 80 – 84.
5. Kazakova T.A. Literary Translation. St. Petersburg: Znanie, 2002. 113 p.
6. Komissarov V.N. Linguistics of Translation. Moscow: URSS, 2023.
7. Kretov A.A. Basics of Lexical-Semantic Prognostics. Voronezh: Voronezh State University, 2006. 390 p.
8. Musina N.A. Stylistic Functions of Phraseological Units in Detective Fiction as a Translation Problem: Based on Russian and Spanish Translations of A. Christie's Novels: Diss. ... Cand. Philological Sciences. Moscow, 2008.
9. Stadulskaya N.A. Features of Translation of English-Language Medical Terms in the Sphere of Ultrasound. Economic and Humanitarian Studies of Regions. 2015. No. 5. P. 132 – 136.
10. Fedunina O.V. Genres of Crime Literature: Special Course for Students of Philological Specialties. New Philological Bulletin. 2014. No. 4 (31). P. 61 – 78. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhanry-kriminalnoy> (date of access: 19.05.2024)

Информация об авторах

Антипова Л.А., кандидат педагогических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, antipovalucy@yandex.ru

Максименко Е.Ю., кандидат педагогических наук, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиала Волгоградского государственного медицинского университета, bonheuralen@mail.ru

Саркисян Л.Т., старший преподаватель, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета, sarkisyan-lidiya@mail.ru

© Антипова Л.А., Максименко Е.Ю., Саркисян Л.Т., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.2

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-128-133

Медиаконвергенция в условиях обновленной модели регулирования Интернета в России

¹ Баркинхоева З.М.,

¹ Ингушский государственный университет

Аннотация: статья посвящена анализу современных тенденций в медиасфере, где конвергенция технологий и мультимедийный контент становятся основой для производства информационных продуктов. Автор рассматривает, как ограничения доступа к интернет-ресурсам в России, обусловленные изменением глобального общественно-политического ландшафта, влияют на развитие СМИ. Рассматривается роль искусственного интеллекта в создании информационных материалов и его влияние на качество журналистики, отмечена растущая ценность сообщений, созданных людьми. Обсуждаются новые форматы взаимодействия с аудиторией.

Ключевые слова: медиаконвергенция, конвергентная журналистика, массовая коммуникация, информационные технологии, искусственный интеллект, кроссмедийность, контент, цифровой суверенитет, регулирование интернета, мультиплатформенность

Для цитирования: Баркинхоева З.М. Медиаконвергенция в условиях обновленной модели регулирования Интернета в России // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 128 – 133. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-128-133

Поступила в редакцию: 26 марта 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 апреля 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Media convergence in the context of the updated Internet regulation model in Russia

¹ Barkinkhоеva Z.M.,

¹ Ingush State University

Abstract: the article analyzes current trends in the media sphere, where technological convergence and multimedia content have become the foundation for the production of information products. The author examines how restrictions on access to internet resources in Russia, driven by shifts in the global socio-political landscape, impact the development of mass media. Particular attention is given to the role of artificial intelligence in content creation and its influence on the quality of journalism, alongside the growing value of human-generated messages. The article also discusses new formats for audience engagement.

Keywords: media convergence, convergent journalism, mass communication, information technologies, artificial intelligence, cross-media, content, digital sovereignty, internet regulation, multiplatform approach

For citation: Barkinkhоеva Z.M. Media convergence in the context of the updated Internet regulation model in Russia. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 128 – 133. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-128-133

The article was submitted: March 26, 2026; Approved after reviewing: April 5, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Взаимопроникновение технологий в медиа к концу второго десятилетия XXI века преодолело пик роста и перешло в стадию горизонтального тренда. Конвергенция [12] уже не считается ноу-хау в стратегии развития СМИ, а интерактивный мультимедийный контент, адаптированный под интересы аудиторий, – прерогативой блогеров. Теперь это основа отрасли и норма производства массового коммуникационного продукта. Онлайн-кинотеатры, газеты и журналы в мессенджерах, конференции в социальных сетях, телевидение в мобильном приложении, виртуальные метавселенные, цифровые экосистемы – все это просто фоновый элемент жизни потребителей информационных услуг, количество которых в России к осени 2025 года достигло 94,4% населения [21].

Барьером, который переписал правила вовлечения пользователей сети во взаимодействие с медиаресурсами, стали перманентное закрытие доступа к ряду ресурсов, системные отключения мобильной сети и замедление трафика. Обновленная российская модель регулирования интернета обусловлена глобальной политической напряженностью и справедливым представлением о медиа как об инструменте социальной архитектуры. Основная причина – национальная безопасность: защита граждан при помощи технологических средств в чрезвычайных ситуациях при возникновении внешних угроз и внутренних сбоев, кибербезопасность и защита данных, борьба с распространением опасных для жизни, деструктивных, недостоверных и мошеннических материалов, необходимость создания суверенного цифрового пространства, защита культуры и ценностного комплекса [2].

В данной статье анализируются изменения в медиаландшафте, вызванные иницированными на государственном уровне преобразованиями цифрового контура, технологическими инновациями и, как следствие, динамикой потребительских предпочтений. Рассматривается влияние этих факторов на медиапроизводство.

Материалы и методы исследований

Для анализа текущих тенденций в медиаиндустрии использовались данные о потреблении информационных услуг в России. В качестве источников информации привлекались статистические данные о количестве пользователей интернета и мобильных приложений и отчеты о влиянии блокировок иностранных ресурсов на российский медиарынок. Основные методы исследования включали анализ документов, изучение различных медиаформ и медиаплатформ и иных открытых материалов.

Результаты и обсуждения

В российском сегменте интернета ограничения начали вводиться в марте 2022 года, когда американские социальные сети Instagram и Facebook попали под блокировку за, как следовало из официального сообщения Роскомнадзора [19], изменение политики в отношении разжигания вражды и ненависти к россиянам, а также нарушение принципов свободного распространения информации и беспрепятственного доступа российских пользователей к российским СМИ на иностранных интернет-платформах. Деятельность корпорации Meta, которым они принадлежат, была признана Тверским судом Москвы экстремистской организацией [6]. В поддержку указанных решений на большинстве аккаунтов публичных организаций и персон прекратилось размещение постов. Их заместили «ВКонтакте», «Одноклассники» и Telegram (который уже подвергался рестрикции в 2018-2020 годах и, как ожидается, будет блокироваться с апреля 2026 года [14]). В результате за первый год блокировки среднесуточный охват Instagram снизился в 5 раз: с 31% до 6%. У Facebook – с 7% до 2% [3].

К настоящему моменту полному запрету или замедлению подверглись социальные сети X (Twitter) и LinkedIn, видеохостинг YouTube, мессенджеры Viber, Telegram, WhatsApp, Snapchat, иные иностранные сервисы, а также приложения и протоколы обхода блокировок [20]. Какие-то медиа покинули российский рынок сами в канве санкционной политики (TikTok, Spotify и так далее).

Хотя в условиях когнитивной войны [22] полное отключение от мирового цифрового контура и предусмотрено официально закрепленным Правительством России механизмом [15], все же резкий и безальтернативный шатдаун маловероятен: реализация подобного сценария в сентябре 2025 года в Непале привела к массовым протестам, получившим название «революция зумеров» [5]. В качестве замещающих решений российским пользователям предложены продукты экосистемы VK (социальные сети, мессенджер, видеоплатформа с кинофильмами, сериалами и онлайн-трансляциями, аудиокниги, подкасты и радио, блоги на «Дзен» и другие), хостинг RuTube, мессенджер Max, интерактивные платформы, где размещается новостной, развлекательный, образовательный контент.

Летом 2025 года новой нормой для жителей регионов России стали масштабные отключения мобильного интернета [4]. Это создало трудности даже при выполнении повседневных задач: вызове такси, исполь-

зовании навигационных приложений, оплате товаров и услуг картой, а также осуществлении денежных переводов. В ответ на эти вызовы Министерство цифрового развития России разработало «белый список» сайтов [1], но его внедрение не смогло полностью нивелировать цифровой коллапс. Если говорить о медиа-ресурсах, их в перечень вошло лимитированное число, включая отечественные социальные сети и мессенджеры, а также государственные издания и телерадиокомпании. И функционирование в этих новых реалиях заставило и заставляет СМИ вносить коррективы в способы и инструменты реализации кроссмедийности.

Примечательно – и, как ни странно, в корреляции с ограничениями сети, – медиапродюсеры вынуждены учитывать фактор повсеместного внедрения нейросетей. Оно уже расширило возможности создания информационных продуктов при минимальных материальных затратах. Теперь достаточно грамотно сформулировать промт (запрос) и опередить конкурентов в борьбе за внимание аудитории – это уже самостоятельная рабочая тактика. Для небольших, особенно региональных и муниципальных изданий, испытывающих дефицит ресурсов для участия в гонке за трафиком, искусственный интеллект становится эффективным инструментом экономии времени, кадров и финансов. Он активно применяется во всех процессах, поддающихся автоматизации: от производства и аналитики до маркетинга. Вместе с тем эксперты прогнозируют, что уже в текущем году до 90% контента приобретет синтетическую природу [8]. Уже сейчас бросается в глаза унифицированная стилистика многих ранее самобытных источников, что вызывает у аудитории умственное истощение и усталость. В результате главным конкурентным преимуществом становятся материалы, созданные живыми людьми. Несмотря на прогнозы о скором закате традиционной журналистики под натиском генеративного интеллекта, авторский почерк, экспертное мнение и доверие к ним приобретают особую ценность – то, что пока не под силу заменить машинному интеллекту. Маркировка «Создано без применения ИИ» или «Создано людьми» становится знаком качества, как, например, в титрах американского сериала «Одна из многих» Винса Гиллигана [13].

Каким образом вышесказанное соотносится с практикой блокировок и отключений интернета и мобильной связи? Из очевидного – происходит урезание трафика. Но важнее другое: в этих условиях для российской журналистики получает признание явление *slow news* – «медленные новости» [16]. Теперь журналистика может противопоставить оперативности и поверхностности глубину и контекстный анализ, а также поддержать – что ранее казалось парадоксальным для массовых медиа – вынужденный цифровой детокс и сопутствующее ему стремление людей заботиться о своем ментальном здоровье [18].

Поддерживаемая ограничительными мерами в отношении сетевых ресурсов, формируется и другая тенденция. Это выход в офлайн: личные встречи, живые эфиры, трансмедийные коммуникации [9], предполагающие перенос общения в реальный мир – с личным отношением, эмоциями, ошибками, проживанием физического опыта. Это не противостояние прошлого и будущего, а стремление контролировать ритм жизни там, где это возможно: с одной стороны – бесконечный поток информации, короткие видео, «кружочки», маркетплейсы, с другой – тактильность и процессы, требующие времени и присутствия. Так, после спада продаж газет и журналов в 2024 году на фоне роста популярности платных интернет-подписок, в 2025 году отмечается возрождение интереса к печатной прессе [7, 17]. На смену ушедшим из России глянцевым изданиям или тем, кто сменил формат с физического на цифровой из-за нерентабельности, пришли качественные «толстые» журналы: «Чтиво», «Орнамент», «Монокль» и другие.

Выводы

Таким образом, в спектре распространяющихся тенденций заметно проявляется полярность некоторых тактических подходов: данная использованием искусственного интеллекта скорость производства материалов против «медленно-тягучих», глубоких, подчеркнута человеческих текстов. На одном полюсе – максимальная диверсификация контента по всем доступным каналам распространения, на другом – фокус на одном, но качественном формате. Тотальная диджитализация уживается с возвращением к реальности и ностальгией по аналоговым форматам.

Однако не стоит считать эти тактики приоритетными – это не приведет к отказу от развития сетей и репликации информации. СМИ продолжают развиваться как кроссмедийные системы с сетью каналов распространения: такой подход, например, обеспечил в последние годы рост вовлеченности «ВКонтакте», особенно в видеоформатах [10] – в период блокировок контентмейкеры перевели своих подписчиков на другие платформы. В этом контексте нельзя не отметить интересный нюанс: вердикты надзорных органов и судебных инстанций не запрещают распространение новостей (не путать с рекламой) через социальные медиа из списка недружественных. Поэтому отказ ряда СМИ от их использования – несмотря на патриотические и репутационные мотивы – привел к противоречивому результату: российский пользовательский сегмент

уменьшился, но благодаря сервисам обхода блокировок не исчез полностью. Но исчезли страницы проверенных источников в по-прежнему популярных соцсетях, и их вакуум быстро заполнили рекомендательные алгоритмы этих платформ, продвигающие сторонние медиа.

Выбор мультиплатформенности как приоритетной стратегии требует учета ряда факторов. Во-первых, поскольку конвергенция – это стратегия ведения медиабизнеса, управленцы должны понимать: распределение контента по множеству каналов требует значительных ресурсов. Это связано с тем, что, согласно теории использования и удовлетворения, медиапотребление зависит от разнообразных интересов и потребностей пользователей. Один и тот же человек может быть подписан на видеоканал, сообщество в соцсети и страницу в мессенджере, но от каждого канала он ждет оригинальной подачи. Поэтому простое дублирование информации даже от одного источника в разных каналах неэффективно, если цель – удержать аудиторию. Публиковать везде одно и то же и ожидать равной поддержки не стоит даже от лояльных пользователей, не говоря уже о привлечении новых.

Во-вторых, контент должен сочетать в себе сложное и интересное содержание, выделяющее источник на фоне других, и простую, лаконичную упаковку – иначе при замедлении связи видео или изображение просто не загрузятся. В лучшем случае коммуникация не состоится, в худшем – попытка вызовет раздражение подписчиков.

К тому же пользователь уже привык к тому, что за его внимание идет борьба, а значит, формат должен быть гибким и адаптируемым: если неудобно смотреть видео – нужна аудиоверсия (подкаст), если хочется смотреть, но неудобно слушать – качественные субтитры. При этом современный человек – не только потребитель, но и производитель контента: он хочет диалога, а не только пассивного восприятия. Поэтому важно после основного раунда общения – эфира, публикации, контакта в игровой форме – придерживаться принципа follow-up, то есть поддерживать связь с аудиторией и дальше. Иначе она удовлетворит эту потребность в другом сегменте информационного поля. Или в общении с искусственным интеллектом.

Список источников

1. «РИА Новости»: в «белый список» Минцифры вошли более 120 сервисов. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8515645> (дата обращения: 25.03.2026)
2. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (дата обращения: 25.03.2026)
3. Игнатъев Д. За год блокировки аудитория Instagram упала в 5 раз, а Facebook – в 3,5 раза. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/03/04/965272-auditoriya-instagram-upala> (дата обращения: 25.03.2026)
4. Кириллова А. Ограничения мобильного интернета в 2025 году: статистика, адаптация населения, прогнозы. Т-Ж. URL: <https://t-j.ru/news/no-mobile-internet-2> (дата обращения: 25.03.2026)
5. Кирьянов О., Когалов Ю. Протест поколения Z: Счет убитым в Непале идет на десятки. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/09/09/protest-pokoleniia-z.html> (дата обращения: 25.03.2026)
6. Котченко К., Хрисанфова А., Полянский Д. Meta признана экстремистской организацией. РБК. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/62397c759a7947b6993f9c7f> (дата обращения: 25.03.2026)
7. Кутепова П. Выбирают достоверность: В России выросла аудитория печатных СМИ. Российская газета. URL: <https://rg.ru/2025/10/22/vremia-chitat.html> (дата обращения: 25.03.2026)
8. Леви А. ИИ-контент может достичь показателя в 90% уже в 2026 году. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195202> (дата обращения: 25.03.2026)
9. Миловидов С. Трансмедийное повествование как текст в сфере массмедиа XX-XXI веков // Наука телевидения. 2014. № 11. С. 278 – 289.
10. Нигматуллина К. Новый виток дискриминационной политики YouTube – комментарий эксперта. РАПСИ. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240713/310098034.html (дата обращения: 25.03.2026)
11. Отчет «Digital 2026 Russian Federation» – цифровые тенденции в России к 2026 году – Datareportal URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (дата обращения: 25.03.2026)
12. Павликова М. Сетевые технологии и журналистика: Эволюция финских СМИ. М.: РИП – холдинг, 2001. С. 11.
13. Паламаренко М. «Сериал создан людьми»: автор «Из многих» Винс Гиллиган выступил против ИИ. Чемпионат. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-6234186-serial-sozdan-lyudmi-avtor-iz-mnogih-vins-gilligan-vystupil-protiv-ii.html> (дата обращения: 25.03.2026)

14. Полонская В., Жабин А. Ни на Telegram жалости. Роскомнадзор продолжает ограничивать Telegram в России. Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8420714> (дата обращения: 25.03.2026)
15. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 октября 2025 г. № 1667 «Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014?index=1> (дата обращения: 25.03.2026)
16. Романова А. Тише едешь, дальше будешь: что такое slow news. Журналист. URL: <https://jrnlst.ru/2019/12/24/5919> (дата обращения: 25.03.2026)
17. Рукописи не горят: динамика рынка печатной прессы в 2025 году. Sostav.ru. URL: <https://www.sostav.ru/publication/trendy-na-rynke-pechatnoj-pressy-v-2025-godu-74342.html> (дата обращения: 25.03.2026)
18. Сергеева Д. (Не)быстрый контент: почему крупные бренды уходят из соцсетей. РБК Тренды. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/620f84fc9a79477f7847fdfc> (дата обращения: 25.03.2026)
19. Универсальный сервис проверки ограничения доступа к сайтам и (или) страницам сайтов сети «Интернет» Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. URL: <https://blocklist.rkn.gov.ru> (дата обращения: 25.03.2026)
20. Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи» (ст. 65.1 и 65.2). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43598/ (дата обращения: 25.03.2026)
21. Kemp S. Digital 2026: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (дата обращения: 25.03.2026)
22. Masakowski Y. Newport Lecture Series: «Artificial Intelligence & Cognitive Warfare» with Yvonne Masakowski. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6Ev8eNR5k4w> (дата обращения: 25.03.2026)

References

1. RIA Novosti: More than 120 services have been added to the Ministry of Digital Development, Communications, and Mass Media's "white list." Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8515645> (date of access: 25.03.2026)
2. The Doctrine of Information Security of the Russian Federation. Approved by Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016, No. 646. URL: <https://rg.ru/documents/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html> (date of access: 25.03.2026)
3. Ignatiev, D.: In a year of blocking, Instagram's audience fell by 5 times, and Facebook's by 3.5 times. Vedomosti. URL: <https://www.vedomosti.ru/media/articles/2023/03/04/965272-auditoriya-instagram-upala> (date of access: 25.03.2026)
4. Kirillova A. Mobile Internet Restrictions in 2025: Statistics, Population Adaptation, Forecasts. T-Zh. URL: <https://t-j.ru/news/no-mobile-internet-2> (date of access: 25.03.2026)
5. Kiryanov, O., Kogalov, Yu. Generation Z Protest: The Death Toll in Nepal Is in the Dozens. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2025/09/09/protest-pokoleniia-z.html> (date of access: 25.03.2026)
6. Kotchenko K., Khrisanfova A., Polyansky D. Meta Recognized as an Extremist Organization. RBC. URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/62397c759a7947b6993f9c7f> (date of access: 25.03.2026)
7. Kutepova P. Choosing Credibility: The Audience of Print Media Has Grown in Russia. Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2025/10/22/vremia-chitat.html> (date of access: 25.03.2026)
8. Levi A. AI content may reach 90% as early as 2026. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8195202> (date of access: 25.03.2026)
9. Milovidov S. Transmedia narrative as a text in the mass media of the 20th-21st centuries. Science of television. 2014. No. 11. P. 278 – 289.
10. Nigmatullina, K. A new round of YouTube's discriminatory policy – expert commentary. RAPSİ. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240713/310098034.html (date of access: 25.03.2026)
11. Report "Digital 2026 Russian Federation" – digital trends in Russia by 2026 Datareportal URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (date of access: 25.03.2026)
12. Pavlikova M. Network technologies and journalism: Evolution of Finnish media. Moscow: RIP – holding, 2001. P. 11.
13. Palamarenko M. "The series was created by people": the author of "From Many" Vince Gilligan spoke out against AI. Championship. URL: <https://www.championat.com/cybersport/news-6234186-serial-sozdan-lyudmi-avtor-iz-mnogih-vins-gilligan-vystupil-protiv-ii.html> (date of access: 25.03.2026)
14. Polonskaya V., Zhabin A. No pity for Telegram. Roskomnadzor continues to restrict Telegram in Russia. Kommersant. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8420714> (date of access: 25.03.2026)

15. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 27, 2025 No. 1667 "On approval of the Rules for the centralized management of the public communications network." URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202511060014?index=1> (date of access: 25.03.2026)
16. Romanova A. "Slow and steady wins the race: what is slow news?" Journalist. URL: <https://jrnlst.ru/2019/12/24/5919> (date of access: 25.03.2026)
17. Manuscripts Don't Burn: Print Market Dynamics in 2025. Sostav.ru. URL: <https://www.sostav.ru/publication/trendy-na-rynke-pechatnoj-pressy-v-2025-godu-74342.html> (date of access: 25.03.2026)
18. Sergeeva D. (Not) fast content: why major brands are leaving social networks. RBC Trends. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/620f84fc9a79477f7847fdcf> (date of access: 25.03.2026)
19. Universal service for checking access restrictions to websites and (or) website pages of the Internet of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. URL: <https://blocklist.rkn.gov.ru> (date of access: 25.03.2026)
20. Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ "On Communications" (Articles 65.1 and 65.2). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43598/ (date of access: 25.03.2026)
21. Kemp S. Digital 2026: The Russian Federation. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2026-russian-federation> (date of access: 25.03.2026)
22. Masakowski Y. Newport Lecture Series: "Artificial Intelligence & Cognitive Warfare" with Yvonne Masakowski. YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6Ev8eNR5k4w> (date of access: 25.03.2026)

Информация об авторе

Баркинхоева З.М., кандидат политических наук, старший преподаватель, SPIN-код: 4025-6413, Ингушский государственный университет, zalinabarkin@gmail.com

© Баркинхоева З.М., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.27

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-134-139

Историческая эволюция и культурный след московской топонимики

¹ Ван Чжибинь,

¹ Московский городской педагогический университет

Аннотация: стремительное расширение границ столичного мегаполиса и стирание исторической памяти в условиях глобализации делают анализ городской лингвокультурной среды очень важным. Как представляется, московская топонимия сегодня – это не просто утилитарная навигационная сетка, а сложнейший семиотический палимпсест, в котором зашифрована история развития национального языка. В статье ставится цель по выявлению механизмов исторической эволюции столичных топонимов и комплексную оценку их культурного следа сквозь призму структурно-семантических и грамматических трансформаций. В современном академическом дискурсе, по-видимому, сформировалось осязаемое противоречие. С одной стороны, ученые традиционно рассматривают урбанонимию как консервативный «сейф» этноязыкового кода. С другой, эмпирическая практика демонстрирует ее исключительную уязвимость перед политической конъюнктурой, жесткой прагматикой пространственного ориентирования. Этот конфликт между мемориальной функцией имени и сухими требованиями городской логистики особенно заметен сейчас. Научный вклад заключается в разработке междисциплинарной периодизации топонимических сдвигов, а также в обосновании концепта «лингвистической экологии» применительно к коммерческому девелоперскому неймингу. По сути, предложенная в работе идея цифрового семантического кадастра переводит филологическую экспертизу в плоскость практического муниципального управления. Результаты и выводы представленной работы принесут пользу специалистам в области социолингвистики, исторической лексикологии, урбанистики. Материал обладает прикладной ценностью для экспертов правительственных комиссий по наименованию территориальных единиц, преподавателей, которые разрабатывают лингвострановедческие курсы.

Ключевые слова: топонимия, лингвокультурный код, мемориальная номинация, семантический кадастр, социолингвистика, топонимика Москвы, урбаноним, языковая политика

Для цитирования: Ван Чжибинь Историческая эволюция и культурный след московской топонимики // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 134 – 139. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-134-139

Поступила в редакцию: 8 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 5 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Historical evolution and cultural imprint of Moscow toponymy

¹ Wang Zhibin,

¹ Moscow City University

Abstract: the rapid expansion of the metropolitan boundaries of the capital and the erosion of historical memory under the conditions of globalization make the analysis of the urban linguocultural environment particularly significant. Contemporary Moscow toponymy appears to function not merely as a utilitarian navigational grid but as a complex semiotic palimpsest in which the historical development of the national language is encoded. The article aims to identify the mechanisms underlying the historical evolution of the capital's toponyms and to provide a comprehensive assessment of their cultural imprint through the prism of structural-semantic and grammatical transformations. In modern academic discourse, a noticeable contradiction seems to have emerged. On the one hand, scholars traditionally interpret urbanonymy as a conservative “repository” of the ethnolinguistic code. On the other hand, empirical practice demonstrates its pronounced vul-

nerability to political conjuncture and to the pragmatic demands of spatial orientation. This tension between the memorial function of place names and the practical requirements of urban logistics has become particularly evident today. The scholarly contribution of the study lies in the development of an interdisciplinary periodization of toponymic shifts and in the substantiation of the concept of “linguistic ecology” with regard to commercial developer naming practices. In essence, the proposed idea of a digital semantic cadastre transfers philological expertise into the sphere of practical municipal governance. The results and conclusions of the study may be of interest to specialists in sociolinguistics, historical lexicology, and urban studies. The material also has applied value for experts serving on governmental commissions responsible for naming territorial units, as well as for educators developing linguocultural and area-studies courses.

Keywords: hodonymy, linguocultural code, memorial nomination, semantic cadaster, sociolinguistics, Moscow toponymy, urbanonym, language policy

For citation: Wang Zhibin Historical evolution and cultural imprint of Moscow toponymy. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 134 – 139. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-134-139

The article was submitted: January 8, 2026; Approved after reviewing: March 5, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

На фоне интенсивной урбанизации исследование топонимического пространства крупнейших мегаполисов приобретает фундаментальную научную значимость. Топонимика, будучи органичной частью лингвокультурной среды, выступает не просто в качестве утилитарной системы географических координат, но и как уникальный семиотический механизм кодирования, хранения, трансляции исторической памяти народа. Разностороннее изучение московской топонимики дает возможность проследить сложнейшие процессы диахронической эволюции лексико-семантической и грамматической систем национального языка, а также выявить глубокую этнокультурную специфику отечественных номинативных моделей.

Городское пространство Москвы представляет собой беспрецедентный по своему объему и разнообразию лингвистический корпус, в котором запечатлены следы сменяющих друг друга исторических эпох, идеологических парадигм, социально-экономических формаций.

Значимость обращения к теме объясняется необходимостью осмысления топонимии не как статичного набора имен собственных, а как динамично развивающейся подсистемы языка, чутко реагирующей на экстралингвистические стимулы. По сути, каждое переименование или появление нового урбанонима отражает сдвиги в общественном сознании, изменения в социальной стратификации. В отличие от предшествующих подходов, сфокусированных, главным образом, на этимологическом изыскании, в данной работе предпринята попытка комплексного лингво-экономического и социокультурного анализа городских наименований.

Материалы и методы исследований

В современных исследованиях, которые посвящены исторической эволюции и культурному значению московской топонимики, используются историко-лингвистический, семиотический, культурологический подходы. Фундаментальные принципы изучения географических названий Москвы представлены в коллективной работе под редакцией Е.М. Поспелова. Там топонимия рассматривается в историко-географическом контексте формирования городской среды [1]. В.Н. Рожков и П.А. Попов обращаются к историко-этимологическому анализу происхождения названия «Москва», выявляя различные версии его интерпретации [4, 6]. Лингвосемиотический ракурс представлен в работах Ю.В. Кузёминой и В. Чи. Авторы исследуют семантическую структуру московских урбанонимов и их связь с языковым отражением городского пространства [3, 9]. Социокультурные аспекты функционирования топонимов раскрываются в трудах Н.А. Родиной, Д.Л. Хилханова, А.Ж. Хасянова. В них анализируются культурные и исторические коды, закреплённые в названиях московских объектов [5, 8]. Сопоставительный подход используется в работах Р.Е. Тельпова, М.С. Фазила, Ц. Ши, где московская топонимика анализируется в сравнении с системами городских названий других столиц [7, 10]. М.В. Захарова анализирует топонимы Москвы как отражение национальной и региональной идентичности в языковом сознании носителей русского языка [2].

Выбор указанных выше материалов аргументируется тем, что они охватывают ключевые направления изучения темы – историческое, лингвистическое, культурологическое, сопоставительное. Вместе с тем, в литературе наблюдаются пробелы, которые сопряжены с недостаточной интеграцией исторических и

социолингвистических методов анализа городских названий; с ограниченным вниманием к динамике современной топонимической политики.

В рамках данной статьи использованы методы анализа и обобщения научной литературы; историко-лингвистический, сравнительный подходы, позволяющие выявить основные тенденции развития московской топонимики и её культурно-историческое значение.

Результаты и обсуждения

Формирование московского топонимического пространства началось задолго до появления системной городской застройки. И его древнейший пласт представлен гидронимией. Происхождение базисного гидронима «Москва» до сих пор остается предметом острых научных дискуссий, демонстрируя сложность этноязыковых контактов в Волго-Окском междуречье [6]. На сегодняшний день в академической среде конкурируют славянская, финно-угорская, балтийская гипотезы. Вероятно, наиболее убедительной и аргументированной является версия, которая предложена В. Н. Топоровым. Согласно ей, корень гидронима принадлежит к лексическому пласту балтийских языков, сформировавшемуся в эпоху, предшествующую активному славянскому освоению региона. Многочисленные балтийские параллели в названиях подмосковных рек подтверждают тезис о глубоком межъязыковом взаимодействии. Впрочем, адаптация этого гидронима древнерусским языком и его последующий перенос на поселение указывают на мощную ассимилятивную способность славянской языковой системы [1, 4].

По мере градостроительного развития столицы принципы номинации приобретали все более прагматичный, социально детерминированный характер. В средневековой Москве названия улиц и переулков возникали естественно. Они отражали объективные характеристики физического или социального пространства. Значительный массив ранних годонимов был образован от особенностей рельефа, ландшафта: например, Боровицкая площадь получила свое название от густого бора, покрывавшего холм; Устьинский мост зафиксировал свое положение у устья реки Яузы. Не менее масштабный культурный след оставили профессионально-ремесленные слободы, которые детерминировали появление таких названий, как Пушечная улица или Толмачевский переулок, где исторически селились переводчики (толмачи), обслуживавшие дипломатические и торговые связи с Ордой. Предположительно, именно данный пласт наименований сформировал «ядро» того, что сегодня исследователи называют «московским городским текстом», закрепив в языковой памяти матрицу доиндустриальной экономики города [1].

Слом традиционной топонимической системы произошел в послереволюционный период, когда языковое пространство города стало рассматриваться как инструмент политической агитации и конструирования новой социальной реальности. Массовые переименования начались уже в первые годы советской власти. К примеру, по инициативе А.В. Луначарского исторический Владимирский тракт был переименован в шоссе Энтузиастов. По-видимому, госполитика в области городской топонимики была нацелена на тотальную замену «идеологически нейтральных» и религиозных названий мемориальными урбанонимами, прославляющими деятелей революции и новые политические концепты [2, 9].

Для визуализации масштабов рассматриваемых процессов целесообразно обратиться к сравнению топонимической среды в ретроспективном контексте (табл. 1).

Таблица 1
 Периодизация топонимических трансформаций в Москве (составлено на основе [1, 3, 5, 10]).

Table 1

Periodization of toponymic transformations in Moscow (compiled based on [1, 3, 5, 10]).

Исторический период	Доминирующий принцип номинации городских объектов	Лингвокультурный эффект и семантический вектор
Дореволюционный (до 1917 г.)	Естественно-географический, профессиональный, конфессиональный	Формирование аутентичного лингвокультурного кода; доминирование дескриптивных конструкций
Раннесоветский (1918-1930-е гг.)	Идеологический, мемориальный (в честь революционеров)	Утрата религиозных годонимов, политизация лексики, появление аббревиатур
Позднесоветский (1950-1980-е гг.)	Мемориально-исторический, индустриально-романтический	Унификация названий, формирование метафорических рядов (бульвар Новаторов, Звездный бульвар)

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

Постсоветский (с 1991 г. по н.в.)	Реституционный исторических названий)	(возвращение	Восстановление исторической памяти. Коммерциализация наименований новых жилых комплексов
--------------------------------------	--	--------------	--

Вследствие масштабных кампаний по переименованию язык города приобрел ярко выраженную искусственность. Между тем, со временем эти идеологемы подверглись процессу десемантизации. Современные носители русского языка зачастую воспринимают названия станций метро и улиц (например, «Библиотека имени Ленина» или «Проспект Маркса», ныне Охотный Ряд) исключительно как пространственные ориентиры, которые полностью утратили свой первоначальный политический пафос.

Эволюция московской топонимики проявляется как в лексико-семантической плоскости, так и на глубинном морфологическом уровне. Ярчайшим примером влияния социально-демографических факторов на грамматическую систему русского языка служит современная тенденция к утрате склонения топонимов среднего рода на *-ово*, *-ино* (Строгино, Митино, Очаково). Исторически строгая литературная норма требовала обязательного склонения данных онимных форм. Однако нарастающий аналитизм в данной сфере стал прямым следствием усиления внутренней миграции и существенного расширения границ агломерации [1, 2, 7].

Уместно предположить, что в условиях интенсивной коммуникации между людьми с различным уровнем фоновых знаний несклоняемая форма топонима выполняет важнейшую прагматическую функцию. Она помогает реципиенту безошибочно идентифицировать начальную форму слова и определить его родовую принадлежность. Таким образом, экономика языковых усилий и необходимость точной навигации в мегаполисе побеждают традиционную грамматическую парадигму. Этот процесс демонстрирует, как урбанистическая среда напрямую ускоряет типологические сдвиги в синтаксисе и морфологии, превращая московский регион в мощную «лабораторию» языковых изменений.

Московская топонимия хранит колоссальный объем фоновых знаний, выступая транслятором национального менталитета. В названиях улиц зашифрован сложный культурный код. Он объединяет исторические реалии, особенности национального мировосприятия, пространственные метафоры. Метафоризация топонимов предстает одним из ключевых механизмов адаптации городского пространства человеческим сознанием; через метафору безликие географические объекты превращаются в культурные символы, которые деятельно используются в публицистике, литературе.

С целью систематизации лингвокультурного богатства столичной урбанонимии целесообразно выделить основные лексико-семантические кластеры, представленные в табл. 2.

Таблица 2

Лексико-семантическая типология исторических годонимов Москвы (составлено на основе [1, 2, 7-10]).

Table 2

Lexico-semantic typology of historical godonyms of Moscow (compiled based on [1, 2, 7-10]).

Тип	Примеры урбанонимов	Лингвокультурная функция и семантическая нагрузка
Антропонимы (мемориальные)	Улица Льва Толстого, Пушкинская площадь	Увековечивание исторической памяти, формирование пантеона национальных героев, культурных деятелей
Оттопонимические дериваты	Тверская улица, Смоленский бульвар	Отражение исторических торговых путей и геополитических связей средневековой столицы с другими регионами
Конфессиональные микротопонимы	Воздвиженка, Сретенка, Ильинка	Фиксация православного культурного кода, сохранение памяти об утраченных или действующих архитектурных доминантах
Профессионально- сословные	Бронная улица, Мясницкая, Кузнецкий Мост	Реконструкция экономического и ремесленного уклада доиндустриальной эпохи, отражение цеховой сегрегации
Ландшафтно- гидронимические	Болотная площадь, Озерковская набережная	Фиксация исчезнувших географических реалий и реликтового рельефа местности в условиях плотной застройки

Каждый из представленных в таблице типов вносит свой вклад в формирование уникального «лица» города. Сохранность этих названий обеспечивает непрерывность исторического нарратива; поддерживает национальную идентичность.

На основе проведенного анализа в статье формулируются следующие прикладные рекомендации, которые ориентированы на оптимизацию топонимической политики.

Во-первых, рекомендуется внедрить единую муниципальную базу данных, в которой каждое городское название будет сопровождаться лингво-историческим паспортом. Новизна подхода состоит в интеграции лингвистических данных в системы градостроительного управления. Это даст возможность предотвратить утрату культурно значимых микротопонимов при реновации промышленных зон.

Во-вторых, ввиду агрессивного появления иноязычных и искусственных названий новых жилых комплексов предлагается разработать муниципальный регламент, поощряющий девелоперов использовать исторические микротопонимы (названия исчезнувших деревень, урочищ, рек). Это нивелирует проблему разрыва исторической памяти, снизит уровень семиотического «шума» на периферии мегаполиса.

В-третьих, учитывая высокий лингвострановедческий потенциал столичных топонимов, целесообразно инкорпорировать их в обучающие модули для иностранных студентов. Это значительно повысит эффективность усвоения фоновой лексики и адаптации к российской культуре.

Выводы

Историческая эволюция московской топонимики представляет собой сложнейший, многомерный процесс, в котором неразрывно сплетены собственно лингвистические, политико-экономические, глубокие социокультурные факторы. Топонимическое пространство столицы формировалось на протяжении столетий. Оно вбирало в себя следы межэтнических контактов (от балтийских и финно-угорских субстратов гидронимии до древнерусских ассимиляций), отражая прагматику средневекового ремесленного уклада, фиксируя драматичные идеологические сломы XX века. Вследствие этого резюмируем, что каждое название на карте Москвы является не рядовым навигационным «маркером», а полноправным документальным свидетельством эволюции российской государственности и русского языка.

Проведенный анализ доказывает, что топонимия – вовсе не «застывший» артефакт. Речь идет о живой, перманентно трансформирующейся системе. Научное значение статьи проявилось в комплексном освещении механизмов этих преобразований (от массовых переименований эпохи раннего Советского Союза, весомо изменивших семиотическую среду исторического центра, до новейших грамматических сдвигов – массовый отказ носителей языка от склонения топонимов на *-ово* и *-ино* под давлением миграционных и демографических процессов).

Итак, сохранение и академическое осмысление топонимического наследия служит важнейшим условием сбережения национальной идентичности и духовной культуры в эпоху стремительных глобальных трансформаций.

Список источников

1. Географические названия в Москве / Отв. ред. Е.М. Поспелов. Москва: Мысль, 1985. 224 с.
2. Захарова М.В. Москва на карте России и Россия на карте Москвы: региональное и общенациональное в языковом сознании носителей русского языка // Слово. Текст. Контекст. 2023. № 4 (16). С. 18 – 31.
3. Кузёмина Ю.В. Семиотика производящих основ в топонимике Москвы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 11. С. 3492 – 3498.
4. Попов П.А. Почему не расшифровано слово «Москва»? // Проблемы социальных и гуманитарных наук. 2025. № 4 (45). С. 54 – 76.
5. Родина Н.А. Топонимы в военном социуме: московские урбанонимы в семантическом поле «война» // Проблемы концептуализации действительности и моделирования языковой картины мира. Сборник научных трудов. Москва-Северодвинск-Киров: 2021. С. 130 – 141.
6. Рожков В.Н. Происхождение названия Москва в контексте средневековой истории Волго-Окского междуречья // Вопросы истории. 2017. № 9. С. 77 – 94.
7. Тельпов Р.Е., М Фазил М.С. Иерархия названий внутригородских объектов Кабула и Москвы в сопоставительном аспекте // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции. Москва: 2023. С. 107 – 112.
8. Хилханов Д.Л., Хасянов А.Ж. Восточные культурные коды в топонимике Москвы // Культурные коды Москвы. Информационно-справочные материалы. Москва, 2024. С. 60 – 65.

9. Чи В. Семантические карты улиц Москвы: переплетение городского пространства и языкового смысла // Язык и актуальные проблемы образования. Научные труды Международной научно-практической конференции. Ярославль, 2025. С. 296 – 300.

10. Ши Ц. Сопоставительный анализ топонимов столиц Китая и России (на примере наименования улиц Пекина и Москвы) // *Litera*. 2019. № 3. С. 20 – 31.

References

1. Geographical Names in Moscow. Ed. E.M. Pospelov. Moscow: Mysl', 1985. 224 p.
2. Zakharova M.V. Moscow on the Map of Russia and Russia on the Map of Moscow: the Regional and the National in the Linguistic Consciousness of Native Russian Speakers. *Word. Text. Context*. 2023. No. 4 (16). P. 18 – 31.
3. Kuzyomina Yu.V. Semiotics of Derived Stems in the Toponymy of Moscow. *Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues*. 2022. Vol. 15. No. 11. P. 3492 – 3498.
4. Popov P.A. Why Hasn't the Word "Moscow" Been Deciphered? *Problems of Social and Humanitarian Sciences*. 2025. No. 4 (45). P. 54 – 76.
5. Rodina N.A. Toponyms in a Military Society: Moscow Urbanonyms in the Semantic Field "War". *Problems of Conceptualization of Reality and Modeling of the Linguistic Picture of the World. Collection of scientific papers. Moscow-Severodvinsk-Kirov: 2021. P. 130 – 141.*
6. Rozhkov V.N. The Origin of the Name Moscow in the Context of the Medieval History of the Volga-Oka Interfluvium. *Questions of History*. 2017. No. 9. P. 77 – 94.
7. Telpov R.E., M. Fazil M.S. Hierarchy of Names of Intracity Objects of Kabul and Moscow in a Comparative Aspect. *Modern Russian Axiosphere: Semantics and Pragmatics of Identity. Collection of Materials of the II International Scientific Conference. Moscow: 2023. P. 107 – 112.*
8. Khilkhanov D.L., Khasyanov A.Zh. Eastern cultural codes in the toponymy of Moscow. *Cultural codes of Moscow. Information and reference materials. Moscow, 2024. P. 60 – 65.*
9. Chi V. Semantic maps of Moscow streets: the interweaving of urban space and linguistic meaning. *Language and current problems of education. Scientific works of the International scientific and practical conference. Yaroslavl, 2025. P. 296 – 300.*
10. Shi Q. Comparative analysis of the toponyms of the capitals of China and Russia (using the names of streets in Beijing and Moscow as an example). *Litera*. 2019. No. 3. P. 20 – 31.

Информация об авторе

Ван Чжибинь, аспирант, Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, zhbinwang5115@gmail.com

© Ван Чжибинь, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 821.111(075.8)

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-140-146

Культурный трансфер готики в сборнике рассказов «Дом с привидениями» В. Вульф

^{1,2} Гаспарян Л.А.,

¹ Институт литературы им. М. Абегьяна Национальной академии наук, Армения,

² Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: статья посвящена выявлению механизмов культурного трансфера готики (гротеска) на материале сборника рассказов В. Вульф «Дом с привидениями» и их русского и армянского переводов. На конкретных текстовых примерах демонстрируются особенности семантических «сдвигов» и переводческих «преломлений», а также готовность целевой культуры к восприятию исходных социокультурных элементов. В данном сборнике Вульф отражает с одной стороны некоторые оттенки готической литературы викторианской эпохи, а с другой – представляет уникальную тенденцию «психологического гротеска», и почти все персонажи имеют некоторые психологические травмы, которые связываются с мистическими элементами. Данные мистические элементы несут в себе культурологические коды викторианской эпохи, особенности социума, традиции, которые при буквальном переводе не всегда оправданы и эффективны в принимающей культуре. Хотя культурно-маркированные мистические реалии (на уровне микро- и макро- контекстах) внедряются из исходной культуры в целевую-принимающую с очевидными видоизменениями, они достаточно динамичны в процессе коммуникаций. В этом ключе в переводе наблюдаются переплетения сразу нескольких культур.

Ключевые слова: культурный трансфер, русский и армянский перевод, Вульф «Дом с привидениями», готическая литература, мистика

Для цитирования: Гаспарян Л.А. Культурный трансфер готики в сборнике рассказов «Дом с привидениями» В. Вульф // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 140 – 146. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-140-146

Поступила в редакцию: 9 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Cultural transfer of Gothic in the collection of stories “The Haunted House” by V. Woolf

^{1,2} Gasparyan L.A.,

¹ Institute of Literature named after M. Abeghyan of the National Academy of Sciences, Armenia,

² Saint-Petersburg State University

Abstract: the article aims at identifying the mechanisms of cultural transfer of Gothic (grotesque) on the material of V. Woolf's collected stories "The Haunted House" and its Russian and Armenian translations. On the basis of specific text examples there is an attempt to demonstrate the features of semantic shifts, as well as the readiness of the target culture to perceive the original socio-cultural elements. In "The Haunted House", on the one hand Woolf reflects certain shades of Gothic literature of the Victorian era, on the other, presents a unique trend of "psychological grotesque" – almost all the characters have some psychological traumas that are associated with mystical elements. In the collection of stories, these mystical elements carry the cultural code of the Victorian era, society, tradition, which, when literally translated, are not always justified and effective in the receiving culture. Although culturally marked mystical realities (at the level of micro- and macro- contexts) are introduced from the source into the target culture with obvious modifications and shifts, they are dynamic in the process of

communication and in the presentation of cultural overtones in a given context. In this vein, the text of the translation is observed to intertwine several cultures at once.

Keywords: cultural transfer, Russian and Armenian translation, Woolf's "The Haunted House", Gothic literature, mystery

For citation: Gasparyan L.A. Cultural transfer of Gothic in the collection of stories "The Haunted House" by V. Woolf. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 140 – 146. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-140-146

The article was submitted: January 9, 2026; Approved after reviewing: March 6, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Вирджиния Вульф знаменита новаторским механизмом «потока сознания» в первую очередь в таких романах как: «Миссис Дэллоуэй», «Орландо», «Волны», «На маяк» и т.д., привлечшим пристальное внимание литературоведов периода модернизма. Однако нельзя не заметить, что Вирджиния Вульф, будучи воспитана по викторианским традициям, время от времени обращалась к жанру «ghosts' stories-историй о привидениях», что напрямую отражается в сборнике рассказов «Дом с приведениями», опубликованным супругом писательницы после ее смерти в 1941 г.

Благодаря интересу к мистико-эзотерическим учениям и спиритуализму в викторианском обществе, готический жанр становится все более популярным среди писателей как Ш. Бронте, Э. Бронте, Ч. Диккенс, и др. Термин «готический» относится к литературному роману, который имеет основную стилистическую особенность: средневековую обстановку, как скажем, уединенный или мистический замок в романе Э. Бронте «Грозовой перевал», являющееся одной из основных характерных особенностей готического жанра. В XIX веке готика становится тесно связана с современным индустриальным миром, в основном с урбанизмом и другими городскими поселениями. Некоторые жанровые особенности готической литературы, которые формировались на фоне историко-социальной реальности викторианской эпохи, по-новому отражаются в повествовании сборника рассказов Вульф «Дом с приведениями». Актуальность исследования связана с репрезентацией трансфера культурологических факторов в целевой реалии и механизмы их бытования культурных артефактов в контексте перевода мировой литературы.

Материалы и методы исследований

В данной связи еще более привлекательным становится анализ миниатюрного произведения «Дом с приведениями» через парадигму культурного трансфера на материале русского и армянского переводов, представляя необычную тематику для целевого читателя. Русский канонический перевод сборника рассказов «Дом с приведениями» В. Вульф был осуществлен многими переводчиками, как Е. Суриц, А. Поповым, М. Лорие, et al, которые не только познакомили читателей с произведениями зарубежных авторов, но и внесли огромный практический и теоретический вклад в сфере теории и практики перевода. Сборник рассказов «Дом с приведениями» был переведен с оригинала на армянский язык только в начале XXI века в 2016 году М. Еганяном.

Статья опирается на теории и метода культурного трансфера, также выступают традиционные методы сопоставления, дескриптивного анализа перевода.

Анализируя отражения готики в викторианской и нео-викторианской литературной традиции, особый интерес вызывает переводческие моменты, которые можно рассматривать сквозь призму культурного трансфера в русских и армянских переводах с опорой на процесс трансформации мистики и гротеска. Сам процесс перевода также предполагает наличие «скопоса, а именно: интенцию» переводчика, то с *какой целью* переводится определенное произведение, и *кто* целевой читатель информации/художественного творчества [1].

Результаты и обсуждения

В британской культуре гротеск и тема блуждающих «привидений» в замке или в домах имеет достаточно традиционную литературную популярность. Мотивом в готической литературе является сверхъестественное – «uncanny». По определению Д.Боуэна, тема блуждающих и даже пугающих элементов (зеркало, привидение, чучело и т.д.) преследует (haunt) настоящее и знакомое, подчас проявляя некий страх перед современными технологиями. В художественной литературе призраки или мистические элементы из прошлого находятся вне своего времени или места, показывая требование, проклятие или мольбу. По мнению

Д.Боуэна, в готических романах нео-викторианского периода фокус переносится на концепцию непрерывности времени, переплетая прошлое и настоящее [2].

Вульф тонко чувствовала обширный диапазон эпохального реализма, отражая образ привидения или иных мистических элементов в сборнике рассказов. В период между эпохой модернизма и викторианской с большим темпом развивалась наука, более того, даже предвоенная атмосфера смогла найти свой отклик в культуре в виде «психологическо-готической» новеллистики с оттенками мистики и саспенса.

В данной связи современный подход интерпретации художественных текстов подчас опирается на принципы когнитивной поэтики, выявляя глубинные слои мыслей автора в пространстве и времени, реконструируя социокультурный мир для читателей. Таким образом, художественный текст является инструментом и механизмом познания разума [3, 4, 5]. Опираясь на высказывания Р. Барта о том, что в любом литературном произведении присутствуют все науки разом, О. Воробьева в статье «Вирджиния Вульф и поэтика инсайта» подчеркивает: «Одним из путей исследовательского погружения в пространство мысли-эмоции Вирджинии Вулф является опора на междисциплинарные студии (включая данные физики, нейробиологии, когнитивных наук) как основы для собственно лингвистического анализа, что при условии интеграции традиционных и когнитивных подходов к интерпретации художественного текста даёт возможность сделать текстовую ткань прозрачнее и таким образом не только ощутить, но и «увидеть», визуализировать пульсацию художественной мысли писательницы» [6, с. 766]. Анализируя концепцию «потока сознания» Д. Загидуллина отмечает: «Если классическая литература изображала постоянно меняющуюся картину действительности, то «поток сознания» позволял передавать внутренний мир (мысли, ощущения, переживания, воспоминания...) в их естественном движении» [7].

Возвращаясь к анализу «Дома с привидениями» необходимо отметить, что в сборнике рассказов включена биографическая предыстория. В автобиографическом труде супруга В. Вульф, с периода 1912 по 1919 гг. Вирджиния и Леонард Вульфы арендовали коттедж XIX века «с привидениями» в Эшхеме. Как отмечает Леонардо Вульф, ночью часто можно было услышать необычный шум как в подвале, так и на чердаке. Казалось, будто двое людей выходят из комнаты, открывают и закрывают двери, вздыхают, шепчут. Именно Эшхем и его призрачные шаги и шепот натолкнули Вирджинию на идею создания сборника «Дома с привидениями» [8, с. 37].

«Дома с привидениями» начинаются с рассказа о призрачной паре, которые бродят по дому, бессознательно разговаривая и вежливо навещая живых, проявляя некоторые узнаваемые человеческие черты. Позитивные и чувствительные существа имеют пол: *он и она* – возлюбленная пара. Придерживаясь (некоторых) правил жанра готической литературы, Вульф в рассказе видоизменяет традиционные готические или призрачные мотивы, а именно жуткую атмосферу, в угоду «готического романа – Gothic romance» [9].

Особое место в рассказах «Дома с приведениями» – мистические элементы, и как пример – *зеркало*: связь между объективной реальностью с потусторонним миром. Почти в каждом рассказе существуют мистические артефакты для создания саспенса и гротеска. *Зеркало, стекло, окно, чучело* и т.д. порождают многогранные проекции и иллюзии, связывая реальность с сверхъестественным.

Death was the glass; death was between us; coming to the woman first, hundreds of years ago, leaving the house, sealing all the windows; the rooms were darkened (“The Haunted House and other stories”) [10].

Смерть была стеклом; смерть стояла между нами; забрала сначала женщину, сотни лет назад, оставляя дом, запечатывая окна; погружая комнаты во тьму («Дом с приведениями») [11].

Մահը այս պատուհանն է: Մահը հիմա կանգնած է մեր միջև՝ բաժանելով իրարից. հարյուրավոր տարիներ առաջ հենց ինքն առաջինն այցելեց աղջկան, որբացրեց մանկանը, անդարձ կողպեց պատուհանները, խավար ու մենություն սփռեց տանը [12, с. 5].

Элемент *glass* (*стекло* или *зеркало*) отражает тематику потустороннего мира, что представляется через «поток сознания» нарратора. В русском переводе слово *стекло* не до конца оправдывает коннотацию «потусторонности» и мистики, а в армянском переводе – подчас даже некую образность. Если прибегнуть к способу обратного перевода, то в армянском переводе выражение «Մահը այս պատուհանն է» (Смерть – это окно или Смерть является данным окном) полностью ломает мистическую рецепцию Вульфа касательно элемента *зеркала*.

Анализируя особенности зеркального концепта в работах Дж. Ле Фаню Н. Водолаженко отмечает, что отражение *glass* (*зеркало*) в британской литературе трактуется как элемент потустороннего, являясь хрупким барьером между мирами и отражающую темную сторону человеческой натуры. Аналогичное примене-

ние зеркала, как пространство для путешествия своей героини, представляется также в работе Л. Кэрролла «Зазеркалья» [13]. Понятие *зеркало*, как отражающий элемент, имеет разные интерпретации в историко-культурном контексте и представляется в мифологии (миф о Нарциссе), в сказках («Аленький цветочек»), во многих художественных текстах (Х. Борхес, М. Булгаков, Л. Кэрролл).

Элемент зеркала очень часто упоминается в оккультных обрядах, ибо оно выступает как барьер в момент отражения между реальным миром и эзотерикой [14]. Сама Вульф подчеркивает мистическую коннотацию зеркала в рассказе «Женщина в зеркале» (пер. М. Лорие) «*Не следовало бы оставлять висящие на стенах зеркала, как не следует оставлять без присмотра открытую чековую книжку или письмо с признанием в злословии злодействе*».

Н. Махинина и Л. Насрутдинова исследуя смерть, как уход в зеркале русской литературы XI-XXI веков, отмечают: «В русской культурной традиции сложилось два типа отношения к смерти. Первый тип глубоко укоренен в православии, отстаивавшим идею воскресения человека после Страшного Суда. Она предполагала не только то, что подлинная жизнь христианина впереди, но и религиозное освящение мирской жизни. Второй тип размышлений о смерти – акцентирование в ней трагического начала, связанное с поисками смысла земного существования уникальной человеческой жизни, исчезновение которой не восполняется бес смертием безличной души. В статье К.Г. Исупова «Русская философия смерти (XVIII-XX вв.)» первый тип отношения к смерти связывается с творчеством А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого, размышлявших о «религии смерти», являющейся необходимым условием нравственной жизни. Воплощением трагического восприятия смерти, по его мнению, становятся произведения Ф.И. Тютчева и Ф.М. Достоевского» [15].

Следующий пример из рассказа «Новое платье» представляет семантические сдвиги в русском и армянском переводах связанные с контекстуальными особенностями рецепции гротеска.

But she dared not look in the glass. She could not face the whole horror – the pale yellow, idiotically old-fashioned silk dress with its long skirt and its high sleeves and its waist and all the things that looked so charming in the fashion book, but not on her, not among all these ordinary people. *She felt like a dressmaker's dummy standing there, for young people to stick pins into* (“The New Dress”) [10].

Она боялась себя разглядывать в зеркале. Боялась смотреть на этот кошмар – бледно-желтое, нелепо старомодное шелковое платье, длинная юбка, рукава с буфами, этот лиф мыском и прочие прелести, так мило выглядевшие в журнале, но не на ней, не здесь, среди по-людски одетых женщин. *Чучело портняжье, в нее только булавки подмастерьям втыкать* («Новое платье») [11]

Մէջբը խուսաթում էր կրկին իրեն հայելու մեջ նայել: Վախենում էր տեսնել իր սարսափելի տեսքը, այդ դժգույն դեղին, անհեթեթություն հասնող հնաճ մետաքսե զգեստը՝ երկար փեշերով, թևքերը լայն բարձիկներով, իսկ այդ կորսածը և մնացած շքեղությունները, որոնք այդքան հմայիչ էին ամսագրի էջին, չափազանց ահավոր տեսք ունեին նրա հագին՝ այս նորաշունչ ձևով հագնված կանանց միջավայրում: *Նրան յօրում էր, թե ինքը դերձակի մի իսկական մանեկեն է, մնում էր միայն ամրացնել ասեղներն ու քրքոցները և...* [12, с. 84-85].

Весь рассказ представляет впечатления самой Мейбл, которая не могла смотреть на свое отражение в зеркале в день вечеринки в доме Миссис Дэллоуэй. «Психологический гротеск» выявляется в момент зеркального само-отражения Мейбл как два субъекта: *ego* и *alter ego*, которые синхронизировались с ее психологическими реакциями: критическая оценка платья или украшений, недовольство над внешностью и т.д.

В повествовании *alter ego* Мейбл – это манекен портнихи, утыканный булавками, который, возможно, ассоциируется с куклой вуду. В русском переводе выражение куклы передается в негативной коннотации, но не с мистической оценкой – *чучело портняжье*, а вот обратный перевод армянского отрывка представляется следующим образом: *настоящий портновский манекен: оставалось только закрепить иголки и булавки* (իսկական մանեկեն է, մնում էր միայն ամրացնել ասեղներն ու քրքոցները և...). Выражение имеет нейтральный оттенок, что затмевает коннотацию зеркального отражения *alter ego* Мейбл и представляет «уловимый» для армянского культурного ареала концепт.

В рассказе «Лапин и Лапина» главные герои муж и жена – Эрнест и Розалинда, которые создают свой воображаемый мир с новыми именами – Лапин и Лапина. В мистическом мирке они - счастливая кроличья пара с выдуманными ситуациями и воображаемой жизнью, однако мир супругов разваливается, что сопутствуется мистическими знаками: зеркальным отражением и чучелом.

Далее приводится два отрывка из рассказа:

Next day she could settle to nothing. She seemed to have lost something. She felt as if her body had shrunk; it had grown small, and black and hard. *Her joints seemed stiff too, and when she looked in the glass, which she did several times as she wandered about the flat, her eyes seemed to burst out of her head, like currants in a bun* (“Lappin and Lapinova”) [10].

Назавтра она места себе не могла найти. Ее преследовало ощущение, будто она что-то потеряла. Ей чудилось, что ее тело съежилось, сжалось, потемнело, одеревенело. Ноги и руки тоже были как чужие, а когда, слоняясь по квартире, ей случалось проходить мимо зеркала, ей мерещилось, *будто глаза у нее торчат из орбит точь-в-точь как коринка из булки* («Лапин и Лапинова») [11].

Հաջորդ օրը նա ասեւ իր տեղը չէր գտնում: Նրան անընդհատ մի զգացում էր հետապնդում, թվում էր՝ ինչ-որ բան է կորցրել: Նա կարծում էր, թե սեփական մարմինը կոչ է եկել, սեղմվել, փոքրացել, սևացել ու փայտացել: Անգամ ձեռքերն ու ոտքերն էին օտար թվում, իսկ երբ տանը շրջելիս հանկարծակի անցնում էր հայելու կողքով, *նրան թվում էր, թե ուր որ է աչքերը բնից կլռնեն, ինչպես փքարիթի կեղևն է ջեռնցի տիրույթներից ցլլթում* [12, с. 138].

В первом примере рассказ представляет маргинальную сторону жизни замужней женщины, которая, соткав воображаемый мир с мужем, хотела иметь свою личную жизнь с супругом за пределами границ объективной реальности. Однако, в какой-то момент она понимает, что иллюзий конец: Лапина превращается в «чучело зайчихи с красными стеклянными глазами». В данной связи Ю. Лотман отмечает: «Статуя, портрет, отражения в воде, тень или отпечаток порождают разнообразные сюжеты вытеснения живого мертвым, раскрывающие сущность понятия «жизнь» в той или иной системе культуры». [16, с. 647-648]. Первые признаки лотманского «живого мертвым» выявляются через зеркало Розалинды (Лапина), где отражаются выпуклые глаза с *«currants in a bun – сдобная булочка с изюмом/смородиной»*, что в русском языке переводится аналогично *как коринка из булки*, а в армянском языке *ինչպես փքարիթի կեղևն է ջեռնցի տիրույթներից ցլլթում* (обратный перевод – *как корочка слоеного теста, лопнувшая от жара духовки*), что «подрывает» логическую структуру нарратива, реализуя переводческий «абсурд». Желая приблизиться к оригиналу, армянский переводчик слишком поспешно воспроизводит образность оригинала, «теряя» когнитивно-фоновые мышления целевого читателя.

Выводы

Образуя комплексную «комбинацию» викторианской готики и модернизма, Вульф создала своеобразную художественную миниатюру «готический роман», что при ином социокультурном узусе может быть истолкован иначе. Местами в российском и армянском узусе мистические артефакты исходной культуры (зеркало, стекло, чучело, манекен) представляются как «инородные тела», замедляя рецепцию, отказывая или же видоизменяя их функцию, значение и перспективы. Литературный артефакт, пройдя через процесс «преломления», адаптируется соответственно с требованиями целевой культуры, видоизменяясь и расширяя свою функциональную установку [17, 18]. Отражение мистики и саспенса, выступая через парадигму художественных элементов, более восприимчив к традициям западной литературы, нежели в культурном ареале Восточной Европы (Евразии).

Список источников

1. Vermeer H. Review of La Traduzione. Saggi e studi. Gottingische Gelehrte Anzeigen; 1976. P. 147 – 162.
2. Bowen J. “Gothic Motifs”, British Library. URL: <https://www.britishlibrary.cn/en/articles/gothic-motifs/> (дата обращения: 25.03.2025)
3. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective (Ed. by A.Barcelona). Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2000. P. 253 – 281.
4. Stockwell P. Cognitive Poetics: An Introduction. London: Routledge, 2002. 204p.
5. Зейферт Е.И., Проклов Р.И. Первый перевод бразильской поэзии в России: Пушкин и Гонзага // Казанский лингвистический журнал. 2024. № 7 (3). С. 289 – 299.
6. Воробьева О. Вирджиния Вулф и поэтика инсайта // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство // Сб. в честь Е.С.Кубряковой. М.: Языки славянских культур; 2009. С. 764 – 776.
7. Загидуллина Д.Ф. «Поток сознания» как показатель роста и трансформации художественной литературы // Казанский лингвистический журнал. 2021. № 4 (2). С. 179 – 190.

8. Woolf L. *An Autobiography*. Volume II. 1911-19. Oxford: Oxford UP; 1980. 256 p.
9. Cassigneul A. Virginia Woolf's Haunted House of Fiction // *Journal of the Short Story in English* [Online], 70 | Spring 2018. URL: <http://journals.openedition.org/jsse/1991> (дата обращения: 17.01.2025)
10. Woolf Virginia *The Haunted House* <https://gutenberg.net.au/ebooks12/1203821h.html> (дата обращения: 25.11.2025)
11. Вульф В. «Дом с приведениями» <https://www.litres.ru/book/virdzhiniya-vulf/dom-s-privideniyami-136018/chitat-onlayn/> (дата обращения: 25.11.2025)
12. Վուլֆ Վ. «Ուրվախանութի տունը», Երևան: «Գարսալ»; 2016. 264с. (на армянском языке).
13. Водолажченко Н. Зеркальный концепт в сборнике готических новелл Дж. Ш. Ле Фаню «В Зеркале Отуманенном» // *Вестник Новгородского Государственного Университета*. 2015; No. 87. Ч. 1. С. 44 – 48.
14. Лихацкая Л. Зеркало как универсалия культуры // *Мир Науки, Культуры, Образования*. 2011. № 2 (27). С. 277 – 280.
15. Махинина Н.Г., Насрутдинова Л.Х. Смерть – уход в зеркале русской литературы XI-XXI веков // *Казанский лингвистический журнал*. 2023. № 6 (1). С. 36 – 46.
16. Лотман Ю. Куклы в системе культуры // *Лотман Ю.М. Об искусстве*. СПб.: Искусство-СПб; 1988. С. 377 – 380.
17. Эспань М. *История цивилизаций как культурный трансфер*: пер. с фр., ред. Е.Е. Дмитриева М.: Новое литературное обозрение; 2018. 816 с.
18. Лобачева Д. Культурный трансфер: Определение, структура, роль в системе литературных взаимодействий // *Вестник ТГПУ*. 2010. № 8 (98). С. 23 – 27.

References

1. Vermeer H. Review of *La Traduzione*. *Saggi e studi*. *Gottingische Gelehrte Anzeigen*; 1976. P. 147 – 162.
2. Bowen J. “Gothic Motifs”, *British Library*. URL: <https://www.britishlibrary.cn/en/articles/gothic-motifs/> (date of access: 03.25.2025)
3. Freeman M. Poetry and the scope of metaphor: Toward a cognitive theory of literature. *Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective* (Ed. by A. Barcelona). Berlin, New York: Mouton de Gruyter; 2000. P. 253 – 281.
4. Stockwell P. *Cognitive Poetics: An Introduction*. London: Routledge, 2002. 204p.
5. Zeifert E.I., Proklov R.I. The First Translation of Brazilian Poetry in Russia: Pushkin and Gonzaga. *Kazan Linguistic Journal*. 2024. No. 7 (3). P. 289 – 299.
6. Vorobyova O. Virginia Woolf and the Poetics of Insight. *Horizons of Modern Linguistics: Traditions and Innovations*. Collection in honor of E.S. Kubryakova. Moscow: Languages of Slavic Cultures; 2009. P. 764 – 776.
7. Zagidullina D.F. “Stream of Consciousness” as an Indicator of the Growth and Transformation of Fiction. *Kazan Linguistic Journal*. 2021. No. 4 (2). P. 179 – 190.
8. Woolf L. *An Autobiography*. Volume II. 1911-19. Oxford: Oxford UP; 1980. 256 p.
9. Cassigneul A. Virginia Woolf's Haunted House of Fiction. *Journal of the Short Story in English* [Online], 70 | Spring 2018. URL: <http://journals.openedition.org/jsse/1991> (date of access: 17.01.2025)
10. Woolf Virginia *The Haunted House* <https://gutenberg.net.au/ebooks12/1203821h.html> (date of access: 25.11.2025)
11. Woolf V. "The Haunted House" <https://www.litres.ru/book/virdzhiniya-vulf/dom-s-privideniyami-136018/chitat-onlayn/> (date of access: 25.11.2025)
12. M. “Ուրվախանութի տունը”, Երևան: “Գարսալ”; 2016. 264 p. (in Armenian).
13. Vodolazhenko N. Mirror concept in the collection of Gothic short stories by J. S. Le Fanu “In the Misty Mirror”. *Bulletin of the Novgorod State University*. 2015; No. 87. Part 1. P. 44 – 48.
14. Likhatskaya L. Mirror as a universal of culture. *World of Science, Culture, Education*. 2011. No. 2 (27). P. 277 – 280.
15. Makhinina N.G., Nasrutdinova L.Kh. Death – Departure in the Mirror of Russian Literature of the 11th-21st Centuries. *Kazan Linguistic Journal*. 2023. No. 6 (1). P. 36 – 46.
16. Lotman Yu. Dolls in the System of Culture. *Lotman Yu.M. About Art*. SPb.: Iskusstvo-SPb; 1988. P. 377 – 380.
17. España M. *The History of Civilizations as a Cultural Transfer*: trans. from French, ed. Moscow: New Literary Review; 2018. 816 p.
18. Lobacheva D. Cultural Transfer: Definition, Structure, Role in the System of Literary Interactions. *Bulletin of TSPU*. 2010. No. 8 (98). P. 23 – 27.

Информация об авторе

Гаспарян Л.А., ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6023-2861>, Институт литературы им. М. Абеяна Национальной академии наук, Армения; Санкт-Петербургский государственный университет, luisa.gasparyan83@gmail.com

© Гаспарян Л.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-147-152

Специфика мультимедийного сторителлинга в российской журналистике на современном этапе

¹ Марачева А.В., ¹ Зорина М.В., ¹ Смирнова П.Е., ¹ Райков А.А.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье рассматривается мультимедийный сторителлинг как современный и эффективный способ написать и показать историю, интегрируя в медиатекст различные мультимедийные элементы. Авторы приходят к выводу, что изображения, видео, аудио, GIF-анимирование предназначены для обогащения повествования и усиления воздействия на аудиторию в условиях информационного перенасыщения. При этом подчеркивается важность преодоления вызовов, связанных с цифровыми технологиями, путем использования интерактивных элементов для удержания внимания аудитории и формирования прочных связей с ней. Исследование подтверждает, что мультимедийный сторителлинг является востребованным инструментом в современной очерковой журналистике, позволяющим создавать глубокие, интерактивные и эмоционально насыщенные материалы. В мультимедийном информационном центре «ИЗВЕСТИЯ» основные методы создания мультимедийного сторителлинга успешно применяются на практике. На примере проектов «Путь героя», «Пора-пора порадоваться» и «Личный враг Гитлера: как художник «Известий» боролся с фашизмом» демонстрируется эффективность таких подходов, как построение нарратива, выстраивание драматургии материала, использование публицистических очерковых элементов, фотографий и рисунков, интеграция звуковых файлов, видеоконтента и GIF-анимации, а также анимация рисунков с помощью искусственного интеллекта. Эти методы позволяют создавать увлекательные истории о людях и их судьбах, делать познавательный материал запоминающимся, эмоционально насыщенным и интерактивным. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использовать его выводы в учебном процессе студентов-журналистов.

Ключевые слова: мультимедийный сторителлинг, мультимедийные элементы, МИЦ «Известия», GIF-анимирование, аудиодатата, видеоконтент

Для цитирования: Марачева А.В., Зорина М.В., Смирнова П.Е., Райков А.А. Специфика мультимедийного сторителлинга в российской журналистике на современном этапе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 147 – 152. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-147-152

Поступила в редакцию: 9 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Specific features of multimedia storytelling in contemporary Russian journalism

¹ Maracheva A.V., ¹ Zorina M.V., ¹ Smirnova P.E., ¹ Raikov A.A.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: this article examines multimedia storytelling as a modern and effective way to write and present a story by integrating various multimedia elements into a media text. The authors conclude that images, video, audio, and animated GIFs are intended to enrich the narrative and enhance audience impact in an environment of information overload. They also emphasize the importance of overcoming the challenges posed by digital technologies by using interactive elements to retain audience attention and build strong connections. The study confirms that multimedia storytelling is a sought-after tool in modern feature journalism, enabling the creation of insightful, interactive, and emotionally rich materials. The Izvestia Multimedia Information Center successfully applies the basic methods of creating multimedia storytelling. The projects «The Hero's Journey», «Time to Rejoice», and «Hitler's Personal Enemy: How an Izvestia Artist Fought Fascism» demonstrate the effectiveness of approaches such as narrative construction, dramatic composition, the use of journalistic essay elements, photographs, and

drawings, the integration of audio files, video content, and GIF animations, as well as the animation of drawings using artificial intelligence. These methods enable the creation of engaging stories about people and their lives, making educational material memorable, emotionally rich, and interactive. The practical significance of the study lies in the possibility of using its findings in the educational process of journalism students.

Keywords: multimedia storytelling, multimedia elements, Izvestia Media Center, GIF animation, audio quotation, video content

For citation: Maracheva A.V., Zorina M.V., Smirnova P.E., Raikov A.A. Specific features of multimedia storytelling in contemporary Russian journalism. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 147 – 152. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-147-152

The article was submitted: January 9, 2026; Approved after reviewing: March 6, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

В условиях насыщенного информацией мира, где зачастую внимание пользователя – самый дефицитный ресурс, классические способы подачи материала зачастую не справляются с поставленными задачами. На смену им пришёл мультимедийный сторителлинг – эффективная форма повествования, сочетающая в себе разнообразные медиаэлементы для усиления восприятия и создания яркого впечатления. Он позволяет раскрыть историю через сочетание текста, изображений, видео, графики и других форматов, что повышает её эмоциональную насыщенность и запоминаемость.

Центральным компонентом остаётся текст: он задаёт тон, структурирует повествование и передаёт главные мысли. К такому материалу относятся заголовки, описания к изображениям, сам текст публикации, цитаты собеседников, исторические справки и факты.

Фотографии, иллюстрации, диаграммы служат для визуального отражения информации, пробуждают чувства, выделяют важные детали и делают рассказ живее. Видеозаписи придают контексту глубину, позволяя зрителю почувствовать себя участником событий. Такие проекты помогают передать эмоции людей, рассказать о происшествиях с помощью зрелищных кадров, сделать повествование более достоверным и личностным. Музыка, звуковые документы, реальные или симитированные шумы предоставляют дополнительную информацию и могут быть мощным инструментом для создания настроения.

Такие интерактивные элементы, как карты, викторины, опросы, слайдеры, 360-градусные изображения, VR/AR-элементы позволяют аудитории активно участвовать в истории, исследовать её в своём темпоритме и получать персонализированный опыт. Для упрощения сложных концепций и создания ярких визуальных метафор в мультимедийном сторителлинге часто применяется анимация.

Материалы и методы исследований

В качестве эмпирической основы нашего исследования выступили мультимедийные сторителлинги МИЦ «Известия». Теоретико-методологической основой статьи послужили труды тех учёных, которые исследовали природу сторителлинга, характерные особенности мультимедийного сторителлинга, а также функции и специфику его мультимедийной составляющей.

А.Н. Назайкин [1] уточняет определения сторителлинга и истории, анализирует функционирование сторителлинга в различные исторические периоды и перспективы его успешного применения в современной коммуникации. Исследователь приводит отличия сторителлинга от нарратива и повествования. Е.В. Гнездилова справедливо полагает, что «ключевой составляющей сторителлинга, также как и любого литературно-художественного произведения, является сюжет» [2, с. 44]. Такой сюжет, по мнению автора, следует классической трехчастной структуре: завязке, развитию действия и развязке. Е.В. Ухарских обращает внимание на образовательную функцию сторителлинга, а также его способность «эффективно доносить важную информацию до целевой аудитории и вовлекать ее в обсуждение актуальных проблем» [3, с. 39]. Е.С. Зайкова выделяет такие основные принципы мультимедийного сторителлинга, как «построение нарратива и создание истории через слово, смысл, содержание, сюжет» [4, с. 6].

К.А. Болдина считает, что любой мультимедийный сторителлинг в своей основе содержит публицистическое произведение – журналистскую статью. Она может быть представлена в жанрах репортажа, хроники, отчета, зарисовки, травелога или обзора и содержать «мультимедийные элементы, несущие на себе основную нагрузку в направлении реализации задач визуальных коммуникаций» [5]. В.Г. Соломеина, А.С.

Сумская [6] анализируют восприятие «цифровым» медиапоколением мультимедийных сторителлингов познавательной тематики в процессе их прочтения.

Немало внимания уделяют исследователи мультимедийной составляющей медиаформатов. С.С. Еременко, С.И. Симакова приходят к выводу, что «видеоконтент сегодня является практически неотъемлемой частью современного журналистского материала» [7, с. 28].

Т.Е. Фадеева, А.Д. Старусева-Першеева, П.Ю. Сквородников, Ю.Н. Блюхер классифицируют сценарии работы художника с анимированным GIF-изображением и полагают, что особое внимание заслуживают те проекты, которые требуют от зрителя «медленного чтения» и создают препятствия для автоматического восприятия, стимулируют его к сознательному включению в процесс обработки визуальной информации. Авторы считают, что «оживление» картинки – это способ «выдернуть» зрителя из общего визуального потока и «переключить» его на восприятие контента» [8, с. 146].

Результаты и обсуждения

Мультимедийный сторителлинг – это метод структурированного изложения истории в интернете с использованием всех современных цифровых технологий. Он позволяет не просто передать информацию, но и погрузить аудиторию в повествование, создавая эмоциональную связь и стимулируя интерактивное взаимодействие. Наличие героя и проблемы зачастую роднит сторителлинг с классической очерковой журналистикой, в центре которой всегда был человек с его подвигами, проблемами, мечтами, путешествиями, сюжетными поворотами судьбы. Для эмпирического исследования мы выбрали три мультимедийных сторителлинга на портале МИЦ «Известия», отличающиеся глубокой проработкой проблем, созданием ярких образов героев, интересным медиадизайном.

«Известия» – это авторитетное общественно-политическое и деловое издание, чья история началась в январе 1917 года. Газета охватывает широкий спектр тем, включая актуальные события в России и за её пределами, глубокую аналитику, экспертные комментарии, а также новости из мира бизнеса, экономики, культуры и спорта. В 2017 году был создан первый в России частный мультимедийный информационный центр «Известия» и издание как крупнейший медиахолдинг значительно расширило свои возможности. Сегодня МИЦ «Известия» выступает в роли создателя и распространителя разнообразного контента, адаптированного для всех платформ: печатных СМИ, радио, телевидения, онлайн-ресурсов.

На интернет-портале <https://spec.iz.ru/#!/tab/667127880-2> МИЦ «Известия» размещает спецпроекты различных форматов, среди которых особой популярностью пользуются мультимедийные лонгриды и сторителлинги.

Мультимедийный сторителлинг «Путь героя» (<https://sledgeroya.iz.ru/>) с выплывающим подзаголовком «Дойдите до Победы вместе с солдатом Великой Отечественной» предлагает читателям отправиться в интерактивное путешествие и познакомиться с танкистом Василием Ивановичем Коваленко, который родился в одной из деревень Воронежской области, встретив войну в 16 лет. По жанру материал можно классифицировать как портретный очерк. Авторы проекта акцентируют внимание на том, что к Победе каждый гражданин нашей страны – солдат, офицер, труженик тыла – шёл своим, но нелёгким путём, который вливался в общий поток. Единое стремление к заветной цели сложилось из множества судеб, малых побед и больших испытаний.

Структурно история подвига Василия Коваленко разбита на четыре части, названные эпизодами. Каждый из них обозначает вехи жизни танкиста:

Эпизод 1. Начало войны.

Эпизод 2. Харьков, Донец и встреча с мулом.

Эпизод 3. Первый бой и Курская дуга.

Эпизод 4. Ранение и Путь на Берлин.

Прокрутка эпизодов, каждый из которых заканчивается стрелкой, составляет навигационную основу текстового материала, размещенного на бежевых карточках вдоль всего фона проекта.

В сторителлинге есть несколько аудиовставок, которые дублируются в вербальном формате. Это воспоминания самого Коваленко, которые читает профессиональный чтец. Например, в Эпизоде 3 «Первый бой и Курская дуга» можно прочитать и услышать следующее: «Наш экипаж был из четырех человек – командир машины, механик-водитель, заряжающий и стрелок-радист. Первым командиром машины у нас был лейтенант по фамилии то ли Карпов, то ли Щукин – помню, фамилия рыбная. Заряжающим был Коля Кузнецов, стрелок-радист – Гурьев из Костромы и я – механик-водитель». Таких аудиочитат в сторителлинге 10. Кроме того, в каждой главе есть анимационное видео, где в стилистике рисованной мультипликации

рассказывается о том, что видел и испытал герой, как он героически воевал. Проект был посвящен 80-летию Великой Победы, и последний анимационный ролик символично заканчивается криком «Победа!».

Материал удачно использует GIF-анимирование. Анимированные гифы изображают труд героя подростком в деревне, вспышки автоматов немецких десантников, мула, запряженного в сани с французскими консервами и русской тушёной, танк с вращающимися гусеницами, силуэт самого танкиста, солдат, строящих плот для форсирования Днепра, разговор врачей в госпитале, анимированный портрет раненого бойца (героя сторителлинга), тигра из разбитого берлинского зоопарка. Стоит отметить, что эти гифы оживляют основной фон сторителлинга, который представлен в виде стилизованных рисунков, на которых зритель видит деревню, бои, госпиталь, Берлин и Рейхстаг. Просматривать рисунки и знакомиться с этапами истории героя можно, используя скролл.

Следующий мультимедийный сторителлинг «Пора-пора порадоваться» (<https://dunaevsky.iz.ru/#outstandingcomposer>) посвящён 80-летию знаменитого российского композитора Максима Дунаевского. В заголовке используется цитатное письмо (прецедентное высказывание). Фоновые знания сразу отсылают читателя к популярной песне на музыку Дунаевского из кинофильма «Д'Артаньян и три мушкетёра».

Проект разделён на тематические блоки: «За какие песни мы любим выдающегося композитора», «По стопам отца», «Счастливый клинок», «Между бабками-ёжками и Мэри Поппинс», «Песня остаётся». В каждой главе, помимо фотографий самого композитора, из мультимедийных элементов кликом открываются короткие видеофрагменты его воспоминаний о разных периодах жизни и творчества. Своеобразным таймлайном в материале на главной странице выступает горизонтальная движущаяся кинолента с фотографиями и названиями фильмов, в которых прозвучала музыка М. Дунаевского. Хотя дат выхода кинофильмов и мультфильмов на ленте нет, она достаточно информативна и визуально насыщена, а также эстетически привлекательна, хорошо гармонирует с основным фиолетовым фоном проекта.

Мультимедийный сторителлинг «Личный враг Гитлера: как художник «Известий» боролся с фашизмом» (<https://efimov.iz.ru/>) выпущен к 125-летию со дня рождения Бориса Ефимова. Проект создан МИЦ «Известия» совместно с Российской академией художеств.

В лиде материала сказано, что восемь десятилетий Б. Ефимов публиковал в «Известиях» свои острые сатирические карикатуры, которые выдержали испытание временем и стали классикой. «Известия» вспоминают его уникальный путь и творчество, приглашая на масштабную выставку «Карикатуры. Комиксы. Юмор личного врага фюрера» в Галерею искусств Зураба Церетели. Это вторая часть проекта, которая имеет удобную навигацию с кликабельными заголовками «О выставке», «О художнике», «Аудиогид», «Ожившие карикатуры», «Видео».

Особого внимания заслуживает оформление сторителлинга. Большинство заголовков выполнены на красном фоне, используются белый и черный шрифты. В биографической части проекта много черно-белых и цветных карикатур художника и его фотографий. Уникальную работу делает не только интересный нарратив, но и мультимедийные элементы. Например, читатель может не просто совершить виртуальное путешествие по выставке Бориса Ефимова, а оживить его карикатуры на фашистов с помощью ИИ. Это делает материал не только познавательным, но и интерактивным.

В разделе «Аудиогид» можно послушать 15 аудиофрагментов об особенностях экспонатов выставки. Например, первая история рассказывает про благородный поступок Зураба Церетели, оплатившего операцию по восстановлению зрения Борису Ефимову, о крепкой дружбе двух художников, основанной на взаимном уважении и признании, а также о том, как эта дружба отразилась в творчестве Церетели, увековечившего память о Борисе Ефимове и его брате Михаиле Кольцове в скульптурной композиции. Аудиоцитата дублируется текстом, здесь же можно увидеть фото памятника братьям.

Еще один интересный мультимедийный элемент этого сторителлинга – разнообразный по жанровой стилистике видеоконтент. Это рассказ самого Б. Ефимова о том, что такое чувство юмора, двухминутный познавательный репортаж о работе художника на Нюрнбергском процессе, четырехминутный документальный очерк о биографии старейшего в мире карикатуриста, занесенного в книгу рекордов Гиннеса.

Выводы

Хотя само искусство рассказывания историй существует тысячелетиями, его применение в качестве целенаправленной мультимедийной технологии подачи информации – это относительно новое явление. Сегодня сторителлинг активно используется в журналистике как портретный очерк нового формата.

Талантливо рассказанная история жизни героя, полная взлетов и падений, показывает, как он справляется с трудностями, формирует судьбу. Такие материалы всегда найдут свою аудиторию, так как «истории о людях и судьбах – одна из составляющих эффективного позиционирования массмедиа» [9, с. 94].

«Известия» – авторитетная российская качественная газета, которая ведёт свою историю с 1917 года и охватывает широкий спектр тем. С 2017 года МИЦ «Известия» создает уникальный контент для всех платформ и в разных мультимедийных форматах, включая лонгриды и сторителлинг.

Мультимедийный сторителлинг «Путь героя» представляет собой интерактивный рассказ о жизни танкиста Василия Ивановича Коваленко, от начала Великой Отечественной войны до решающих боёв в Берлине. Из мультимедийных элементов отметим аудиоцитаты с воспоминаниями героя, которые дублируются текстом, и анимированный видеоконтент. В проекте удачно используется GIF-анимирование, оживляющее фон, на котором нарисована жизнь героя. Мультимедийный сторителлинг «Пора-пора порадоваться» посвящён 80-летию Максима Дунаевского. Материал разделен на тематические блоки, содержит фотографии и короткие видеофрагменты воспоминаний композитора, креативный таймлайн. Мультимедийный сторителлинг «Личный враг Гитлера: как художник «Известий» боролся с фашизмом», посвященный сатирическим карикатурам Бориса Ефимова, ставшим классикой, активно использует такие мультимедийные элементы, как звуковые файлы, выступающие в качестве пояснений к экспонатам выставки «Карикатуры. Комиксы. Юмор личного врага фюрера» в Галерее искусств Зураба Церетели. Среди удачных элементов мультимедиа в этом материале можно отметить разножанровый видеоконтент о жизни и творчестве карикатуриста. Уникальность материалу придают интерактивные элементы: возможность «оживить» карикатуры Ефимова с помощью искусственного интеллекта и виртуально посетить эту выставку.

Отметим, что все проекты созданы по типу портретного очерка, в котором сильно публицистическое и образное начало, раскрывается внутренний мир и характер героев, широко используются художественно-выразительные средства и приемы текстовой деятельности.

В XXI веке по-прежнему основным рабочим материалом журналиста является слово, умение грамотно выстроить сюжет истории, придать ей эмоциональную окраску, продумать композицию и стилистику текста. Однако приступая к написанию истории, всегда нужно помнить, что «именно захватывающие истории являются фундаментом отличной коммуникации во всех ее вариантах» [10]. Наше исследование показало, что сегодня рассказывать такие истории современным журналистам помогают различные мультимедийные элементы, а мультимедийный сторителлинг стал мощным инструментом для передачи информации, создания впечатлений и формирования связей с аудиторией.

Список источников

1. Назайкин А.Н. Современный сторителлинг: определение и виды // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2025. № 2. С. 115 – 135.
2. Гнездилова Е.В. Использование сторителлинга в медиатекстах / Текст в современной коммуникации. Сборник статей. М.: Фак. журн. МГУ, 2023. С. 36 – 56.
3. Ухарских Е.В. Функциональность сторителлинга в научно-популярной журналистике // Медиасреда. 2025. № 2. С. 38 – 42.
4. Зайкова Е.С. Мультимедийный сторителлинг как способ репрезентации личности в современной журналистике // Медиасреда. 2023. № 1. С. 5 – 9.
5. Болдина К.А. Мультимедийный сторителлинг в современной российской журналистике // Филологический аспект: Методика преподавания языка и литературы. 2019. № 2. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/multimedijnyj-storitelling-v-sovremennoj-rossijskoj-zhurnalistike.html> (дата обращения: 15.11.2025)
6. Соломеина В.Г., Сумская А.С. Восприятие мультимедийных сторителлингов познавательной тематики «цифровым» медиапоколением // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2020. № 4 (38). С. 158 – 169.
7. Еременко С.С., Симакова С.И. Медиаэстетические особенности анимации и видеоконтента на сайтах СМИ // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2024. № 4 (54). С. 24 – 30.
8. Фадеева Т.Е., Старусева-Першеева А.Д., Сквородников П.Ю., Блюхер Ю.Н. GIF-анимирование в контексте современной иллюстрации: зачем «оживлять» картинку? // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2023. № 50. С. 139 – 152.

9. Симакова С.И., Енбаева А.П. Мультимедийный сторителлинг: проблемы и перспективы // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2019. Т. 25. № 3 (189). С. 91 – 98.

10. Галло К. Искусство сторителлинга: как создавать истории, которые попадут в самое сердце аудитории. Москва: Эксмо, 2021. 368 с. URL: <https://www.livelib.ru/book/565621/readpart-iskusstvo-storitellinga-kak-sozdavat-istorii-kotorye-popadut-v-samoe-serdtse-auditorii-karmin-gallo> (дата обращения: 16.11.2025)

References

1. Nazaikin A.N. Modern storytelling: definition and types. Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2025. No. 2. P. 115 – 135.

2. Gnezdilova E.V. Use of storytelling in media texts. Text in modern communication. Collection of articles. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University, 2023. P. 36 – 56.

3. Ukharskikh E.V. Functionality of storytelling in popular science journalism. Mediasreda. 2025. No. 2. P. 38 – 42.

4. Zaykova E.S. Multimedia storytelling as a way of representing a personality in modern journalism. Mediasreda. 2023. No. 1. P. 5 – 9.

5. Boldina K.A. Multimedia Storytelling in Contemporary Russian Journalism. Philological Aspect: Methods of Teaching Language and Literature. 2019. No. 2. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/multimedijnyj-storitelling-v-sovremennoj-rossijskoj-zhurnalistike.html> (date of access: 15.11.2025)

6. Solomeina V.G., Sumskaya A.S. Perception of Multimedia Storytelling on Educational Topics by the "Digital" Media Generation. Znak: Problematic Field of Media Education. 2020. No. 4 (38). P. 158 – 169.

7. Eremenko S.S., Simakova S.I. Media Aesthetic Features of Animation and Video Content on Media Websites. Znak: Problematic Field of Media Education. 2024. No. 4 (54). P. 24 – 30.

8. Fadeeva T.E., Staruseva-Persheeva A.D., Skovorodnikov P.Yu., Blucher Yu.N. GIF Animation in the Context of Modern Illustration: Why "Revive" a Picture? Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art Criticism. 2023. No. 50. P. 139 – 152.

9. Simakova S.I., Enbaeva A.P. Multimedia Storytelling: Problems and Prospects. Bulletin of the Ural Federal University. Series 1: Problems of Education, Science, and Culture. 2019. Vol. 25. No. 3 (189). P. 91 – 98.

10. Gallo K. The Art of Storytelling: How to Create Stories That Will Reach the Heart of the Audience. Moscow: Eksmo, 2021. 368 p. URL: <https://www.livelib.ru/book/565621/readpart-iskusstvo-storitellinga-kak-sozdavat-istorii-kotorye-popadut-v-samoe-serdtse-auditorii-karmin-gallo> (date of access: 16.11.2025)

Информация об авторах

Марачева А.В., кандидат педагогических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Зорина М.В., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Смирнова П.Е., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Райков А.А., Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Марачева А.В., Зорина М.В., Смирнова П.Е., Райков А.А., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / *Philological Bulletin*»
<https://fv-journal.ru>
2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)
УДК 808.53
DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-153-162

Метафорические модели в коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе

¹ Кошевой Б.Д.,

¹ *Московский городской педагогический университет*

Аннотация: данная статья посвящена анализу метафорических моделей, используемых для коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе. Были рассмотрены основные виды таких моделей (на примере концептов «кризис – война», «кризис – болезнь», «кризис – стихийное бедствие»), а также их манипулятивный потенциал в формировании общественного мнения. В статье рассматриваются различные подходы к анализу метафорических моделей в коммуникации кризиса политического дискурса.

Сделан вывод, что благодаря многообразию подходов исследователи получают возможность «критически взглянуть» на результаты анализа, потому что метафоры скрывают «репрезентацию власти». Установлено, что политические метафоры способны раскрыть доминирование определенных групп, представив кризисную ситуацию в наиболее выгодном свете.

В рамках исследования доказано присутствие схожих принципов в коммерческом и политическом дискурсе. Установлено, что когнитивные метафоры, применяемые для создания манипулятивного эффекта в коммерции, активно используются и в политическом дискурсе, потому что обладают схожим потенциалом. Осознание манипулятивного эффекта в метафорах позволяет «читать между строк» при анализе речей популярных деятелей СМИ и политиков, создавая индивидуальное восприятия представленных ими событий. Иными словами, метафора в политическом дискурсе одновременно выступает как инструмент для убеждения электората, но может использоваться и для познания.

Сделан вывод о наличии определенных рамок, которые не дают возможности применять любые метафоры в политическом дискурсе. В контексте репрезентации кризисных явлений применение «разрешенных», обладающих манипулятивным потенциалом метафор является инструментом «лингвистического обогащения» выступающего, который несет ответственность за коммуникацию и осознает возможности для манипуляции с применением манипулятивных метафорических моделей.

Ключевые слова: политический, дискурс, метафоры, модели, коммуникации, кризис, ситуации

Для цитирования: Кошевой Б.Д. Метафорические модели в коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 153 – 162. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-153-162

Поступила в редакцию: 9 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Metaphoric models in crisis communication in political discourse

¹ *Koshevoy B.D.,*

¹ *Moscow City University*

Abstract: this article analyzes metaphorical models used to communicate crisis situations in political discourse. The main types of such models (using the concepts "crisis-war," "crisis-disease," and "crisis-natural disaster" as examples) and their manipulative potential in shaping public opinion are examined. The article examines various approaches to analyzing metaphorical models in crisis communication in political discourse.

It is concluded that the diversity of approaches allows researchers to "critically examine" the results of the analysis, as metaphors conceal the "representation of power." It is established that political metaphors can reveal the dominance of certain groups, presenting a crisis situation in the most favorable light.

The study demonstrates the presence of similar principles in commercial and political discourse. It is established that cognitive metaphors used to create a manipulative effect in commercial discourse are also actively used in political discourse because they possess similar potential. Understanding the manipulative effect of metaphors allows us to "read between the lines" when analyzing the speeches of popular media figures and politicians, creating an individualized perception of the events they present. In other words, metaphor in political discourse simultaneously serves as a tool for persuading the electorate and can also be used for cognition.

It is concluded that certain boundaries exist that preclude the use of just any metaphor in political discourse. In the context of representing crisis phenomena, the use of "permitted" metaphors with manipulative potential is a tool for "linguistic enrichment" for the speaker, who is responsible for communication and is aware of the potential for manipulation through the use of manipulative metaphorical models.

Keywords: political, discourse, metaphors, models, communication, crisis, situations

For citation: Koshevoy B.D. Metaphoric models in crisis communication in political discourse. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 153 – 162. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-153-162

The article was submitted: January 9, 2026; Approved after reviewing: March 6, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Политический дискурс, особенно в условиях кризисных ситуаций, насыщен метафорами. В периоды социальных, экономических или политических кризисов лидеры и СМИ стремятся объяснить сложные явления через понятные образы, используя метафорические модели. Метафоры помогают аудитории осмыслить кризис, сравнив его с более знакомыми явлениями – например, войной, болезнью или стихийным бедствием.

Таким образом, выбор метафоры становится не просто стилистическим приемом, а важной коммуникативной стратегией, влияющей на восприятие кризиса обществом. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, метафора пронизывает повседневную жизнь людей, проявляясь не только в языке, но и в мышлении и действии [4, с. 12].

Иными словами, метафорические концепты структурируют наше понимание реальности и направляют наши поступки. В свете когнитивной природы метафоры становится очевидной ее роль в политической коммуникации: через метафорические модели власти могут формировать определенное отношение общества к кризису, мобилизовать поддержку или, напротив, смягчать панику.

Материалы и методы исследований

Теоретическую базу исследования составляют когнитивная теория метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) [4, с. 12], работы по русской политической метафоре (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов) [1, с. 33], исследования речевого воздействия (Иссерс) [2, с. 18], анализ корпоративного дискурса (R. Breeze) [9, р. 60] и критико-дискурсивный подход к языку власти (Т. ван Дейк) [7, с. 48]. Методы исследования включали контент-анализ, дискурс-анализ.

Результаты и обсуждения

Теоретические основы: когнитивная метафора и метафорические модели. Современное понимание метафоры во многом опирается на идеи когнитивной лингвистики. Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей фундаментальной работе «*Метафоры, которыми мы живем*» показали, что метафора – это не просто художественный прием, но базовый механизм мышления [4, с. 12].

Наши повседневные концептуальные системы метафоричны по своей сути, а значит язык, мысли и поступки людей существенно обусловлены метафорами. Например, концептуальная метафора «СПОР есть БИТВА» определяет то, как мы ведем спор: мы «атакуем» доводы оппонента, «защищаем» свои позиции, стремимся «одержать победу». Подобные метафорические структуры (концепты) называются концептуальными метафорами или метафорическими моделями. Метафорическая модель – это устойчивая система связанных метафорических выражений, через которую осмысливается некоторый абстрактный концепт в терминах другой, более конкретной области знания.

Впервые понятие «метафорической модели» в политическом дискурсе было введено А.Н. Барановым и Ю.Н. Карауловым при создании «Словаря русских политических метафор», опиравшегося на когнитивную теорию метафоры Лакоффа и Джонсона [4, с.8-10]. Баранов подчеркивает, что метафора представляет собой структурированный концептуальный феномен, в котором свойства «сферы-источника» переносятся на «сферу-мишень» – так формируется целостная модель понимания [1, с. 33].

Баранов и Караулов, исследуя корпус русскоязычных политических текстов, выявили ряд типичных метафорических моделей, регулярно используемых для описания политики и кризисов. Они разделяют метафорические модели на фоновые и фигурные: фоновые модели задают общий каркас (например, персонификация, пространство), тогда как фигурные представляют собой оригинальные образы, творчески выбранные говорящим. К последним относятся, например, метафоры войны, игры, театра, пути и др. [1, с. 34].

Примечательно, что разные метафорические модели могут сочетаться. Так, модели ВОЙНА, ИГРА и СПОРТ нередко образуют смешанную «конstellацию» в политическом дискурсе. Это означает, что политическая ситуация одновременно описывается и как борьба врагов, и как соревновательная игра с правилами, и как спорт с участниками и очками.

Метафорическая модель обеспечивает систему коррелирующих метафор: приняв рамку «кризис – это война», о кризисе последовательно говорят языком военных реалий (*борьба, враги, стратегия, победа или поражение* и т.д.). Если же выбран образ «кризис – болезнь», то в ходу будет медицинская лексика (симптомы, диагноз, лечение, выздоровление или смерть экономики). Таким образом, метафорическая модель задает интерпретацию события и во многом подсказывает, какие аспекты явления следует считать важными.

Помимо структурирования понимания, метафора выполняет важную прогностическую и поведенческую функцию. Когнитивисты отмечают, что метафорическое переосмысление высвечивает определенные характеристики явлений, моделирует развитие ситуации и даже направляет действия людей в реальности [4, с.8].

Иными словами, метафора не только объясняет текущий кризис через знакомый образ, но и влияет на то, какие меры кажутся уместными. Если кризис воспринимается «как война», то приемлемы «мобилизация», «жесткие меры», поиск «врагов» и требование лояльности. Если кризис представлен как «болезнь», то ожидаются «лечебные меры», «больничный режим экономии», приглашение «специалистов-врачей (экспертов)» и надежда на «выздоровление». Именно поэтому метафоры в политическом дискурсе обладают серьезным манипулятивным потенциалом – через подбор метафорической модели власть имущие могут сместить акценты, внушить обществу определенные эмоции (страх, гнев, надежду) и тем самым повлиять на реакцию на кризис.

В исследованиях речевого воздействия (персуазии) подчеркивается когнитивная природа таких приемов. Так, О.С. Иссерс рассматривает речевое воздействие с точки зрения когнитивных категорий и прототипов, что созвучно идеям когнитивной метафоры. Метафора в ее понимании – один из способов изменить когнитивную картину мира реципиента, установив новые ассоциативные связи вместо старых [2, с. 18].

Через удачно подобранную метафору говорящий может незаметно переопределить отношение адресата к ситуации: например, описав экономический кризис как «шторм», внушить мысль о его природной, временной природе, от человека мало зависящей, а назвав кризис «эпидемией», акцентировать необходимость совместных «лечебных» действий. Концепция речевого влияния Иссерс таким образом дополняет когнитивный подход: чтобы убедить или внушить что-либо реципиенту, нужно работать не только с логическими аргументами, но и с системой образов в сознании аудитории [2, с.19].

Важно отметить, что потенциал метафор как инструмента влияния проявляется не только в политике, но и в смежных институциональных дискурсах. Например, в корпоративном дискурсе, по наблюдениям Р. Бриз (R.Breeze), коммуникация компаний также опирается на метафорические образы, призванные формировать положительный имидж и заручиться поддержкой аудитории. Р. Бриз определяет корпоративный дискурс как совокупность сообщений, посредством которых организация доносит до публики желаемый образ и ценности [9, р. 60].

Характерно, что корпоративные тексты (годовые отчеты, рекламные слоганы, пресс-релизы) часто используют метафоры, вызывающие позитивные ассоциации. Так, компанию могут метафорически представить «механизмом» или «джунглями» (подчеркивая устойчивость или динамичность системы), а новую стратегию назвать «путешествием» или «путеводной картой» для клиентов. Цель подобных приемов – сделать сообщение более понятным и привлекательным, связать бренд с определенными ценностями. Пример – «Цифровые джунгли», реклама онлайн-мероприятия российского лидера кредитного сектора ПАО «Сбер Банка», посвященная исследованию цифровых технологий в банковской отрасли [14].

В политическом дискурсе метафоры выполняют схожую задачу – придать кризисной коммуникации эмоциональную и ценностную окраску, близкую адресату. Однако, если в бизнес-коммуникации метафоры главным образом направлены на позитивное впечатление и привлечение заинтересованности, то в политике спектр их функций шире: от консолидации общества перед лицом угрозы до поиска виновных и оправдания властных решений. Рассмотрим подробнее наиболее распространенные метафорические модели, применяемые для описания кризисных ситуаций в политическом дискурсе, и проанализируем их содержание и прагматику.

Ведущие метафорические модели кризисного дискурса «Кризис – это война». Одной из самых частотных метафорических моделей для описания кризиса является военная модель. Политики нередко преподносят кризис как своего рода войну или битву, в которой общество должно сплотиться перед лицом воображаемого врага. Метафора войны создает образ активной борьбы: у кризиса появляются «причины-враги» (будь то внешний противник, террористы, вирус или «невидимый враг» в случае пандемии), требующие «объявления войны». Используется лексика противостояния: *борьба, фронт, удар, оборона, мобилизация, победа, капитуляция* и т.п. Как отмечают О.Н. Новикова и Ю.В. Калугина, экономический кризис может предстать в речи как «*враг, ударивший по нашей экономике*», с которым «идет борьба на всех фронтах», правительства разрабатывают «стратегию победы над кризисом», а граждан призывают «*сплотиться перед лицом общего врага*» [5, с. 195]. Такая милитарная метафорика была особенно заметна, например, в риторике лидеров во время глобального финансового кризиса 2008 года или пандемии COVID-19, которые прямо назывались «войной» (война с финансовым кризисом, война с вирусом).

Военная метафора обладает богатой внутренней структурой. Согласно исследованию А.А. Туркменбаевой, модель «Экономический кризис – это война» включает целый ряд понятий, непосредственно ассоциирующихся с войной: *борьба, конфликт, противостояние, военные действия*; кроме того, сюда входят роли *участников войны* (противники, союзники, жертвы), описание *хода войны* (наступление, оборона, перелом, затишье) и ее *исхода с последствиями* [8, с. 5]. Иными словами, кризис описывается как многоуровневое событие: есть причины (агрессия врага), процесс (бой, кампания) и результат (победа или поражение).

Интересно, что в политическом дискурсе врагом часто объявляется некая внешняя сила – например, «*мировой экономический спад*» или «*глобальные рынки*», против которых «воюет» правительство, либо персонифицированный противник (оппозиция, саботажники, иностранные государства). Метафора войны тем самым персонифицирует кризис, что облегчает массовому сознанию задачу поиска виновников бедствий. Кризис уже не стихийное бедствие, не низкоэффективное управление менеджмента (правительства), а злонамеренное действие врага.

Прагматический эффект: военная метафора призывает к мобилизации и единству. Она создает у аудитории эмоциональное состояние «*как на войне*»: ощущение угрозы, требующей решительных действий и готовности к жертвам. Для власти использование метафоры войны часто выгодно, так как в условиях «войны» ожидания демократии и критики снижаются – обществу предлагается сплотиться вокруг лидера, который выступает в роли главнокомандующего.

Пример – цитата Министра обороны РФ Андрея Белоусова на выступлении перед российскими бизнесменами, посвященная борьбе с последствиями коронавируса: «*Нужно относиться к этой ситуации как к войне*» (пандемия = экономический кризис = война) [15].

Кроме того, военная риторика оправдывает жесткие меры (например, экономическую «блокаду» проблемных секторов, «ударные» программы реформ) и позволяет обозначить оппонентов власти как «*врагов народа*». Этим нередко пользуются манипуляторы: называя политических противников «*террористами*» или «*диверсантами*», власти стигматизируют их, оправдывая силовое подавление.

С другой стороны, метафора войны может внушать надежду на «победу» и законченный исход кризиса, что психологически привлекательно: людям обещают, что «война будет выиграна» и наступит мир (т.е. кризис завершится). В любом случае, выбирая военную модель, политик задает рамку «мы против них», тем самым усиливая эффект «*свой-чужой*» и переключая внимание с внутренних противоречий на общего врага.

«Кризис – это болезнь». Другая распространенная модель – медицинская, где кризис уподобляется болезни организма. В этом случае экономика или государство представляются как живой организм, подверженный недугу. Риторика включает слова: *болезнь, симптом, диагноз, лихорадка, заражение, эпидемия, лечение, выздоровление, реанимация, иммунитет* и т.д. Например, можно услышать: «*Экономика больна*», «*финансовая лихорадка*», «*вирус кризиса поразил рынки*», «*необходимо вылечить бюджет*», «*оздоровить банковскую систему*», «*пациент скорее мертв, чем жив*» – все эти выражения вписываются в единую модель.

Как отмечает Ю.В. Калугина, когнитивная метафорическая модель «экономический кризис – большой человек» имеет два основных сценария: характер заболевания и способы лечения с исходом. Первый сценарий описывает тип болезни и ее протекание (напр. «тяжелая болезнь экономики», «кризис в острой фазе», «хронические проблемы»), второй – меры и результат («лечить экономику», «ввести карантин для банков», «курс лечения приносит улучшение», «экономика выздоравливает» или наоборот «пациент скончался» в случае провала) [3, с. 79].

Рассмотрим пример: в своей статье в 2020 г., посвященной мировому кризису 2019-2021 гг., связанному с пандемией коронавируса, размещенной на официальном сайте Всемирного экономического форума, Президент и Генеральный директор Организации Бёрге Бренде упоминает о связи экономических инструментов – *субстандартных кредитов*, выдаваемых неблагонадежным заемщикам, *с инфекцией*, называя сам процесс их выдачи «заражением» (the subprime lending = contagions) [16].

Прагматический эффект: метафора болезни акцентирует *серьезность положения*, вызывая у аудитории сопереживание (жалость к «больной» экономике) и одновременно надежду на компетентных «врачей» – экономистов или лидеров, способных вылечить. Власть, используя такую метафору, позиционирует себя как «врачебный консилиум»: правительство выступает в роли лекаря, заботящегося о больном государстве. Это помогает создать образ компетентности и ответственности – например, «кризис диагностирован, мы знаем как лечить».

Публика, в свою очередь, в рамках этой модели скорее склонна терпеливо ждать «конца лечения», применять «рецепты» (например, меры экономии – аналог горького лекарства). Метафора болезни также удобна тем, что частично снимает вину с властей: болезнь зачастую воспринимается как внешнее несчастье либо результат долгих системных проблем (нездоровый образ жизни экономики).

В официальных заявлениях нередко звучат формулировки вроде «в мировой экономике вирус, который затронул и нас», что переводит фокус внимания на глобальные процессы. Кроме того, болезнь – явление временное; метафора внушает, что кризис «*пройдет*» после лечения. Это успокаивающе действует на публику: внушается мысль, что нужно лишь перетерпеть острую фазу, и дальше все вернется в норму (здоровье восстановится).

С манипулятивной точки зрения, медицинская метафора может быть использована и для оправдания болезненных реформ: как врач делает больному неприятную процедуру во благо, так правительство может вводить строгие меры, объясняя, что «*это терапия, без которой не вылечиться*». В целом же образ «болезни» по сравнению с «войной» менее агрессивный и более успокаивающий: он апеллирует к экспертизе и сочувствию, а не к воинственному духу, и потому часто применяется, когда власть хочет снизить градус паники и придать кризису управляемый характер (врачи же контролируют ситуацию).

«Кризис – это стихийное бедствие»

Третья ключевая модель – природно-стихийная. Здесь кризис представляется как неукротимая стихия или природный катаклизм: *буря, шторм, наводнение, землетрясение, пожар, ураган* и т.п. В СМИ можно встретить такие выражения, как: «*финансовый шторм обрушился на рынки*», «*нас накрыла волна кризиса*», «*шторм экономики*», «*идеальный шторм*», «*буря на валютном рынке*», «*эпицентр кризиса*», «*лавины банкротств*», «*пожар на биржах*», «*требуется время, чтобы переждать бурю*» и др. Примером может служить статья на сайте онлайн-платформы Finam «*Надвигается лавина банкротств?*» от 19.11.2023 г. [12].

В русском политическом дискурсе особенно популярна метафора корабля и бури: государство или экономика – это *корабль*, попавший в *шторм*; капитан (лидер) должен вывести его из бурных вод к тихой гавани. Такой образ восходит еще к классическим риторическим приемам (к примеру, сравнение государства с кораблем государственным).

Анализ показывает, что чаще всего кризис сопоставляется с водной стихией, прежде всего наводнением или штормом. Вода олицетворяет неконтролируемую стихию, а *кризис–наводнение* передает ощущения *непредсказуемости, угрозы, масштаба бедствия*. Как отмечает Н.В. Степанова, в концепте «кризис – природное явление» выделяются ключевые признаки: «*неуверенность*», «*неожиданность*», «*неизвестность*», «*непредсказуемость*», «*страх*», «*ущерб*» [6, с. 157]. Эти характеристики эмоционально окрашивают образ кризиса как бедствия, приходящего извне и внезапно. Метафора природного явления подчеркивает, что кризис невозможно полностью предотвратить – как нельзя остановить ураган или наводнение, можно лишь минимизировать ущерб и пережить бурю. Власть в таком нарративе предстает как *команда спасателей* или *опытный капитан*, который пытается удержать «корабль» на плаву и вывезти в безопасное место.

Прагматический эффект: стихийная метафора, с одной стороны, внушает *смирение перед высшей силой*, а с другой – зовет к *сплоченности перед лицом бедствия*. В обществе формируется установка, что кризис – явление природного порядка, а не чья-то прямая вина. Это может снижать накал поиска виновных: если

кризис – «буря», то он как бы «*послан судьбой*» или является циклической частью жизни природы. Для правящей элиты подобный дискурс выгоден тем, что снимает с нее часть ответственности: стихию невозможно предотвратить человеческими усилиями, можно лишь стараться минимизировать последствия.

Кроме того, описание кризиса как стихийного бедствия позволяет эмоционально оправдать чрезвычайные меры: как во время наводнения власти могут вводить режим ЧС, эвакуировать людей, воздвигать дамбы – так и в экономическом шторме оправданы нестандартные решения (вплоть до временного ограничения экономических свобод) во имя спасения. Люди психологически готовы терпеть неудобства, если воспринимают ситуацию как *форс-мажор* (пример – цитата «*Пандемия коронавируса признана форс-мажором*» в публикации frankmedia от 17.03.2020 г.) [13].

В то же время метафора бедствия апеллирует к эмпатии: пострадавших «утешают», обещают поддержку, восстановление после удара стихии. Такой язык часто используют в успокоительных заявлениях: «*Да, нас потряс кризисный удар, но мы восстановимся, отстроим заново*». Манипулятивно эта модель может применяться и для того, чтобы преподнести кризис как проверку на прочность: «*ветры кризиса испытывают наш корабль, но мы выйдем сильнее*». Здесь явно звучит мотив испытания, из которого народ должен вынести урок и сплотиться.

Отметим, что перечисленные модели – далеко не полный перечень, но они являются базовыми в политическом кризисном дискурсе. Помимо них, встречаются и другие образные парадигмы: метафора пути (кризис как трудный путь или лабиринт, который надо пройти), метафора игры (кризис как азартная игра или шахматная партия с элементом случайности), метафора строительства/разрушения (кризис как обрушение дома, требующее реконструкции) и т.д. Однако часто эти образы либо дополняют вышеназванные (напр. «кризис – война» может сочетаться с элементами «игры», говоря о стратегиях и правилах борьбы), либо используются реже. Универсальность же военной, медицинской и стихийной метафор связана с их понятностью и эмоциональной силой для массовой аудитории.

Манипулятивный потенциал метафор в политическом дискурсе кризиса. Использование метафорических моделей в освещении кризисных ситуаций – это не только вопрос стиля, но и сознательная стратегия влияния на общественное мнение. Выбор той или иной метафоры способен задавать рамку интерпретации события, что напрямую влияет на реакции и выводы аудитории. Рассмотрим, каким образом метафоры служат инструментом манипуляции и власти в кризисной коммуникации.

Во-первых, метафора концептуализирует виновников и героев кризиса. Через образ врага, болезни или стихии говорящий решает, кому приписать ответственность. Военная метафора требует *персонального врага* – это удобно для властей, которые хотят переключить гнев населения на внешнюю мишень (например, обвинить в кризисе «международных спекулянтов», «нечестных партнеров», санкции других стран). Метафора болезни, напротив, обезличивает причину: болезнь может взяться ниоткуда, или иметь давние корни, но у нее нет злобного намерения – это смягчает негатив к конкретным фигурам власти. Стихийная метафора также снимает персональную вину, представляя кризис как природный катаклизм. Таким образом, выбор метафоры влияет на распределение ответственности.

Т.А. ван Дейк отмечает, что элиты в дискурсе часто манипулируют синтаксисом и семантикой, чтобы скрыть собственную роль в негативных событиях [7, с. 48]. Например, когда речь идет о непопулярных мерах власти, в тексте может вовсе не упоминаться субъект действия («*принято решение повысить налоги*» – без указания, кем принято). Зато в описании негативных действий оппонентов подлежащее четко называется. Аналогично и на метафорическом уровне: кризис как «*наводнение*» или «*эпидемия*» намекает, что конкретных виновных нет – «так вышло». А кризис как «*война*» дает возможность прямо назвать виновника-врага (но, как правило, внешнего по отношению к говорящему).

Во-вторых, метафоры задают эмоциональный фон и тем самым манипулируют чувствами аудитории. Военная риторика возбуждает гнев и решимость, но может и посеять страх (угроза нападения). Медицинская риторика апеллирует к сочувствию и терпению, но также может вызвать тревогу за «больного» и потребность довериться «врачам». Стихийная – внушает страх перед беспощадной природой, но одновременно побуждает сплотиться и пережить бедствие сообща.

Политики выбирают метафору в зависимости от того, какие эмоции им нужно усилить или снизить. Например, в ситуации, когда паника нежелательна, реже будут говорить о «войне» (что подразумевает враждебность и мобилизацию против врага) и скорее употребят образы болезни или непогоды – «*нужно спокойно лечиться, переждать шторм*». Напротив, когда власти выгодно отвлечь внимание от внутренних проблем на образ врага, риторика милитаризуется.

Таким образом, метафоры являются частью стратегии фрейминга: они определяют, какие аспекты кризиса акцентировать. К примеру, назвать кризис «штормом» – значит подчеркнуть его внезапность и вре-

менность, а назвать «пожаром» – выделить разрушительность и необходимость тушения (срочно гасить, изолировать очаг). Через такую тонкую настройку образа власть формирует общественное восприятие нужным образом. Пример – сравнение экономической ситуации в Великобритании в 2021 г. с «идеальным штормом» в СМИ (публикация «РБК» от лица управляющего директора ИК «Алго Капитал» Михаила Ханова от 06.10.2021 г.) [11].

В-третьих, метафоры могут нормализовать или стигматизировать определенные действия. Под нормализацией понимается представление каких-либо мер как естественных и неизбежных вследствие заданной метафорической рамки. Если кризис – война, то военные методы (например, чрезвычайное положение, цензура – «военная тайна», репрессии против «пособников врага») предстают оправданными. Общество скорее примет жесткие действия, рассуждая «на войне как на войне». Если кризис – болезнь, то непопулярные экономические шаги могут описываться эвфемистично как «горькое лекарство» или «операция» – неприятно, но необходимо *ради спасения пациента*. Это внушает идею, что иначе нельзя, надо терпеть лечение.

Т. ван Дейк в рамках критического дискурса-анализа писал, что дискурс – важнейший инструмент легитимации власти: контролируя дискурс, элиты контролируют и наше понимание нормального [7, с.49]. Через метафоры власть незаметно внедряет представление о норме. Например, «*исправлять ошибки*» (вместо «наказывать виновных») – это уже смена рамки с юридической на медицинскую (ошибка как «симптом» или «диагноз»). Или называть протесты «*пожаром возмущения*», который нужно «потушить» – метафора стихийного бедствия, стигматизирующая протест как разрушительную силу природы, а разгон – как пожаротушение (героический и необходимый акт). Таким образом, метафоры способны как заклеить оппонентов (через образы врагов, вредителей, вирусов), так и обелить свои методы (представив их естественной реакцией на угрозу).

Наконец, метафорические модели часто используются для упрощения сложных явлений до понятных схем, что само по себе может служить манипулятивной целью. Кризисные процессы обычно многофакторные и запутанные, но метафора сводит их к одному понятному сюжету – борьбе, болезни или буре. Такое упрощение делает аудиторию более внушаемой: вместо анализа реальных причин и последствий люди склонны мыслить категориями метафорического сюжета.

Если граждане поверили, что «кризис = война», они могут не задаться вопросом о структурных просчетах в экономике, а просто искать «врагов» и требовать их нейтрализации. Если внушена модель «кризис = болезнь», публике проще объяснить непопулярные меры как «лечение» и убедить ждать результата, чем если бы граждане требовали отчета в цифрах и анализе. Метафора создает когнитивный фрейм, внутри которого многие нюансы остаются за скобками. Это облегчает элитам задачу направить общественное мнение в желаемое русло, минуя сложные дискуссии.

Стоит подчеркнуть, что далеко не всегда использование метафор в кризисной риторике продиктовано циничной манипуляцией – зачастую это интуитивный способ коммуникации в стрессовой ситуации. Люди сами склонны описывать свое положение образно, искать аналогии, чтобы осмыслить новое. Однако в руках опытных ораторов и политтехнологов метафоры становятся мощным оружием воздействия на массовое сознание. Критический анализ политического дискурса требует внимания к тому, какие метафорические модели нам предлагают и кому это выгодно.

Т. ван Дейк в книге «*Дискурс и власть*» указывает, что дискурс служит средством репрезентации доминирования: группы, обладающие властью, через язык закрепляют свою версию реальности как единственно легитимную. Метафоры – один из излюбленных способов такой репрезентации, поскольку они действуют неявно. Приняв метафору, человек зачастую принимает и скрытое допущение, заложенное в ней [7, с. 49].

Например, метафора «государство – семья» (часто встречается в политике, пример – публикация «РИА Новости» от 19.08.2020 г.) подразумевает, что есть «отец народа», которому виднее, что делать, а народ – дети, чья обязанность слушаться [10]. В кризисный период может использоваться схожий патерналистский образ: «мы – одна семья, переживем трудности, отец нации позаботится». С виду безобидная метафора на деле внушает определенную модель власти. Вот почему аналитики дискурса, включая Т. А. ван Дейка, призывают распознавать метафорические конструкции и критически оценивать, какие идеологии они продвигают [7, с. 49].

Выводы

Метафорические модели являются неотъемлемой частью коммуникации кризисных ситуаций в политическом дискурсе. Проанализировав основные образы (война, болезнь, стихия и др.), можно сделать вывод, что метафоры выполняют двойственную роль. С одной стороны, они облегчают понимание сложных кризисных процессов, делая их «близкими» массовой аудитории через знакомые концепты. С другой – мета-

форы неизбежно трансформируют восприятие, выделяя одни аспекты ситуации и затеняя другие, тем самым влияя на оценку и поведение людей.

Когнитивная теория метафоры (Лакофф, Джонсон) учит нас тому, что метафоры структурируют мышление [4, с. 8], а работы отечественных исследователей (Баранов, Караулов, Чудинов и др.) показывают, насколько богат и систематичен арсенал политических метафор в русском языке [1, с.33]. В кризисных жанрах политического дискурса метафоры оказываются еще более востребованными, так как позволяют придать смысл неожиданным потрясениям и найти риторические пути воздействия на общество.

Обязательное обращение к источникам, упомянутым в начале статьи, позволило подкрепить теоретический анализ эмпирическими данными. Концепции Лакоффа и Джонсона объясняют, почему мы «живем в метафорах» и как они направляют наши действия [4, с. 11-12]. «Словарь русских политических метафор» Баранова и Караулова демонстрирует богатство метафорических моделей, используемых отечественными политиками, и вводит терминологию (фоновые/фигурные модели, конstellляции метафор) для их описания [1, с.33].

Исследования по речевому воздействию акцентируют, что успешная коммуникация в значительной мере опирается на работу с когнитивными структурами адресата (прототипы, категории), а метафора – один из эффективнейших инструментов такой работы. Можно отметить универсальность стратегий влияния: и в бизнесе, и в политике коммуникаторы стремятся представить свою позицию в выгодном свете, выстроить доверие и предотвратить негатив – в том числе через тщательно выверенный языковой образ. Исследуемые подходы позволяют критически взглянуть на результаты: за метафорами можно разглядеть *репрезентацию власти* – какие группы доминируют, чьи интересы скрыты под тем или иным образом, кому выгодно, чтобы кризис видели именно так, а не иначе.

Проведенное исследование подтверждает, что принципы, выявленные в корпоративной коммуникации, актуальны и для политической сферы. Кризисный политический дискурс насыщен когнитивными метафорами с мощным манипулятивным потенциалом. Понимание этих метафорических моделей – важный шаг к тому, чтобы распознать скрытые смыслы в речи политиков и СМИ, осознать, как язык формирует наше отношение к событиям. В заключение подчеркнем: метафора – это одновременно инструмент познания и оружие убеждения. Ее сила в том, что она незримо направляет наши мысли.

Осознавая метафорические рамки, в которые нас помещает дискурс власти, общество получает шанс критически переосмыслить навязываемые интерпретации кризисов и выработать более взвешенную, многомерную картину происходящего вместо однобоких образов. Таким образом, исследование метафорических моделей в коммуникации кризисов не только обогащает лингвистическую теорию, но и имеет прямой прикладной смысл для повышения прозрачности и ответственности политического языка.

Список источников

1. Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор / Российская акад. наук, Ин-т русского яз. Москва: Помовский и партнеры, 1994. С. 33.
2. Иссерс О.С. Речевое воздействие: учебное пособие: для студентов вузов, обучающихся по направлению (специальности) «Связи с общественностью». Москва: Флинта, Наука, 2009. С. 18.
3. Калугина Ю.В. Когнитивные ориентационные метафоры в экономических текстах (на материале англоязычной прессы) // Вестник ЧелГУ. 2012. № 17 (271). С. 79.
4. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. А.Н. Баранова и А.В. Морозовой, под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. М.: УРСС, 2004. С. 10.
5. Новикова О.Н., Калугина Ю.В. Когнитивный потенциал метафоры войны в экономическом дискурсе кризисного периода (на материале англоязычной прессы за 2008-2012 и 2020 гг.) // Вестник Башкирского университета. 2021. Т. 26. № 1. С. 195.
6. Степанова Н.В. Метафорическое осмысление кризиса как природного явления в контексте теории концептуальной интеграции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3-3 (69). С. 157.
7. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 48 – 49.
8. Туркменбаева А.А. Метафорическая модель «Экономический кризис – это война» в англоязычных СМИ // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2024. № 05 (109). С. 5.
9. Breeze R. Corporate Discourse. Bloomsbury, London, 2013. P. 60.
10. Государство – это семья // «РИА Новости» [Интернет-ресурс] URL: <https://ria.ru/20130828/959119149.html> (дата обращения: 02.12.2025)

11. «Идеальный шторм» в экономике: через что проходит Великобритания // «РБК» [Интернет-ресурс] URL: <https://tass.ru/opinions/12588563> (дата обращения: 02.12.2025)
12. Надвигается лавина банкротств? // finam [Интернет-ресурс]. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/nadvigaetsya-lavina-bankrotstv-20231119-1400/> (дата обращения: 02.12.2025)
13. Пандемия коронавируса признана форс-мажором: что это значит для банков // frankmedia [Интернет-ресурс] URL: <https://frankmedia.ru/13167> (дата обращения: 02.12.2025)
14. Цифровые джунгли // sberstudent.ru [Интернет-ресурс] URL: <https://sberstudent.ru/news/> (дата обращения: 02.12.2025)
15. Экономика vs вирус: между землей и небом война // «Интерфакс» [Интернет-ресурс] URL: <https://www.interfax.ru/business/743497> (дата обращения: 02.12.2025)
16. Great Recession showed countries can't fight the coronavirus economic crisis alone // weforum.org [Интернет-ресурс] URL: <https://www.weforum.org/stories/2020/04/covid-19-coronavirus-economic-crisis-great-recession/> (дата обращения: 01.12.2025)

References

1. Baranov A.N., Karaulov Yu.N. Dictionary of Russian Political Metaphors. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian Language. Moscow: Pomovsky and Partners, 1994. P. 33.
2. Issers O.S. Speech Influence: A Textbook: for University Students Studying in the Direction (Specialty) of "Public Relations". Moscow: Flinta, Nauka, 2009. P. 18.
3. Kalugina Yu.V. Cognitive Orientation Metaphors in Economic Texts (Based on the English-Language Press). Vestnik of Chelyabinsk State University. 2012. No. 17 (271). P. 79.
4. Lakoff D., Johnson M. Metaphors We Live By: Trans. from English by A.N. Baranov and A.V. Morozova, ed. and with a preface. A.N. Baranova. Moscow: URSS, 2004. P. 10.
5. Novikova O.N., Kalugina Yu.V. The Cognitive Potential of the War Metaphor in the Economic Discourse of the Crisis Period (Based on the English-Language Press for 2008-2012 and 2020). Bulletin of Bashkir University. 2021. Vol. 26. No. 1. P. 195.
6. Stepanova N.V. Metaphorical Understanding of Crisis as a Natural Phenomenon in the Context of the Theory of Conceptual Integration. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2017. No. 3-3 (69). P. 157.
7. Van Dijk T.A. Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication: trans. from English. M.: Knizhny Dom "LIBROKOM", 2013. P. 48 – 49.
8. Turkmenbaeva A.A. Metaphorical model "Economic crisis is a war" in English-language media. Philological aspect: international scientific and practical journal. 2024. No. 05 (109). P. 5.
9. Breeze R. Corporate Discourse. Bloomsbury, London, 2013. P. 60.
10. The State is a Family. RIA Novosti [Internet resource] URL: <https://ria.ru/20130828/959119149.html> (date of access: 02.12.2025)
11. The "Perfect Storm" in the Economy: What the UK is Going Through. RBC [Internet resource] URL: <https://tass.ru/opinions/12588563> (date of access: 02.12.2025)
12. Is an Avalanche of Bankruptcies Looming? finam [Internet resource]. URL: <https://www.finam.ru/publications/item/nadvigaetsya-lavina-bankrotstv-20231119-1400/> (date of access: 02.12.2025)
13. The coronavirus pandemic has been recognized as force majeure: what does this mean for banks. frankmedia [Internet resource] URL: <https://frankmedia.ru/13167> (Accessed: 02.12.2025)
14. Digital jungle. sberstudent.ru [Internet resource] URL: <https://sberstudent.ru/news/> (date of access: 02.12.2025)
15. Economy vs. virus: war between earth and sky. Interfax [Internet resource] URL: <https://www.interfax.ru/business/743497> (date of access: 12.01.2025)
16. The Great Recession showed countries can't fight the coronavirus economic crisis alone. weforum.org [Internet resource] URL: <https://www.weforum.org/stories/2020/04/covid-19-coronavirus-economic-crisis-great-recession/> (date of access: 12.01.2025)

Информация об авторе

Кошевой Б.Д., аспирант, Московский городской педагогический университет, 129226, г. Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1, koshevoibd@mgru.ru

© Кошевой Б.Д., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 372.881.161.1

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-163-170

Сопоставление языковых и культурных явлений как способ формирования межкультурной компетенции в обучении русскому языку индийских студентов

¹ Павлова И.В.,

¹ Пермский государственный медицинский университет имени академика
Е.А. Вагнера Минздрава Российской Федерации

Аннотация: целью данного исследования является разработка и актуализация форм и методических приёмов сопоставления языковых и культурных явлений Индии и России для эффективного формирования межкультурной компетенции у индийских студентов. Актуальность исследования связана с необходимостью накопления методического опыта, отвечающего принципам «диалога культур». Новизна исследования заключается в использовании и сопоставительной интерпретации языкового и культурологического материала, который ранее не рассматривался методистами и преподавателями РКИ. В исследовании сделаны выводы об эффективности форм работы на основе метода лингвокультурологического сопоставительного анализа, что способствует формированию у обучающихся комплекса профессиональных компетенций (коммуникативной, лингвострановедческой, межкультурной).

Ключевые слова: русский как иностранный (РКИ), межкультурная коммуникация, метод сопоставления

Для цитирования: Павлова И.В. Сопоставление языковых и культурных явлений как способ формирования межкультурной компетенции в обучении русскому языку индийских студентов // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 163 – 170. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-163-170

Поступила в редакцию: 9 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 6 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Comparison of language and cultural phenomena as a way of forming intercultural competence in teaching Russian to Indian students

¹ Pavlova I.V.,

¹ Perm State Medical University named after Academician E.A. Wagner
Ministry of Health of the Russian Federation

Abstract: the purpose of this study is to develop and update the forms and methods of comparing the linguistic and cultural phenomena of India and Russia in order to effectively develop intercultural competence among Indian students at the Perm State Medical University (PSMU). The relevance of the study is related to the need to accumulate methodological experience that meets the principles of "dialogue of cultures." The novelty of the study lies in the use and comparative interpretation of linguistic and cultural material that has not previously been the subject of study by methodologists and Russian as a Foreign Language teachers. The study concludes that the effectiveness of the forms of work is based on the method of linguocultural comparative analysis, which contributes to the formation of a set of professional competencies (communicative, linguistic, and intercultural) among students.

Keywords: Russian as a Foreign Language, intercultural communication, the method of comparison

For citation: Pavlova I.V. Comparison of language and cultural phenomena as a way of forming intercultural competence in teaching Russian to Indian students. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 163 – 170. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-163-170

The article was submitted: January 9, 2026; Approved after reviewing: March 6, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Границы современных государств становятся всё более открытыми для разных видов миграции, в том числе образовательной. Не только в столичных, но и во многих крупных городах России количество иностранцев, желающих получить высокую квалификацию в самых востребованных специальностях, растёт с каждым годом. Наряду с профессионально-коммуникативной компетенцией формирование компетенции «межкультурное взаимодействие» является необходимой и обязательной составляющей комплексного обучения русскому языку учебных мигрантов, получающих высшее образование в российских университетах. Это означает, что русский язык должен стать для будущих специалистов не только эффективным средством профессионального общения, но и инструментом межнационального диалога, способствующим развитию интеграции, взаимному культурному обогащению во взаимоотношениях и сотрудничестве наций и государств мира.

Помочь иностранцу преодолеть социокультурные барьеры, понять особенности традиционного этикета, обычаев и правил речевого поведения бывает не менее сложно, чем научить говорить на новом языке. Особенно остры проблемы социокультурной адаптации в аудитории студентов, обучающихся в России с помощью языка-посредника.

Целью данного исследования является разработка и актуализация форм и методических приёмов сопоставления языковых и культурных явлений Индии и России для эффективного формирования межкультурной компетенции у индийских обучающихся.

Актуальность исследования связана с необходимостью накопления методического опыта для организации обучения русскому языку в соответствии с принципами «диалога культур» специфической аудитории студентов из Индии, получающих образование на английском языке, испытывающих влияние языковой и культурной интерференции хинди и других национальных языков своей страны, на протяжении всего обучения тесно связанных с национальной культурой.

Новизна исследования заключается в привлечении и сопоставительной интерпретации языкового и культурологического материала, который ранее не был объектом системного рассмотрения методистов и преподавателей РКИ.

Теоретической базой исследования послужили труды отечественных и зарубежных исследователей (Б.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, В.В. Красных, В.А. Масловой, О.Д. Митрофановой, Ю.С. Сорокина, Е.И. Стернина, В.Н. Телии, С.Г. Тер-Минасовой, А.Д. Шмелёва, А. Moorjani, T. Field, G. Neuner и др.), которые опираются на понимание методики обучения иностранному языку как междисциплинарного единства гуманитарных знаний и компетенций (языковых, лингвострановедческих, этнопсихологических, культурно-семиотических, национально-философских). Специалисты подчёркивают, что процесс интеграции в новой культурно-языковой среде не менее важен и не менее труден, чем овладение самим языком, и что «изучение иностранного языка есть проникновение в иную культуру и существование в гармонии с ней» [3, с. 8].

В рамках культурно-языкового направления учёные актуализируют различные, взаимодополняющие подходы: лингвокультурологический (А.Д. Дейкина, Т.К. Донская и др.), который рассматривает язык как сокровищницу культурных кодов (например, во фразеологии, устойчивых метафорах и т.д.); культуроведческий (О.Д. Митрофанова, Е.А. Быстрова, Л.А. Ходякова), делающий акцент на обычаях, символах, традиционном творчестве и современном искусстве; лингвоконцептоцентрический (Н.Л. Мишати́на), акцентирующий внимание на постижении базисных культурных концептов («Бог», «путь», «дом», «судьба», «мир», «душа» и т.д.); «диалог культур» (К. Крамш, Р.П. Мильруд), предполагающий сравнительный анализ различных культурных феноменов для выявления общего и различного. В основе всех подходов лежит понимание языка как феномена культуры и актуализируется педагогический, то есть обучающий и воспитательный характер обучения языку [5, с. 396-397]. Исследователи разрабатывают актуальные технологии и предлагают условия, при использовании которых освоение языка и новой культурной реальности будет наиболее осознанным и эффективным [10, с. 442]. Лингвокультурологическая концепция согласуется с ключевыми идеями гуманистической философии высшей школы, базирующейся на принципах культуросообразности, антропоцентризма, толерантности. В межкультурной коммуникации толерантность трактуется как дружелюбие и уважение по отношению к расам, нациям и религиям, как «представление об этнокультурном своеобразии коммуниканта; адекватное речевое и поведенческое оформление коммуникации» [9, с. 14].

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования предлагаемых лингводидактических средств и методических приёмов работы в преподавании русского языка индийским студентам.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа организации процесса обучения русскому языку как иностранному с включением лингвострановедческого и лингвокультурологического содержания стали современные учебники и учебные пособия, предназначенные для широкой аудитории иностранных студентов, например:

- Мозелова И. Новый сувенир – 3. Первый сертификационный уровень: учебник. М.: Mozi House, 2019;
- Нахабина М.М., Антонова В.Е., Толстых А.А. Дорога в Россию 3.1. Учебник русского языка. Первый уровень. В1. М.: Златоуст, 2020; и другие.

Специфические аспекты сопоставления родной и изучаемой культур можно наблюдать в учебных пособиях, ориентированных на конкретную национальную аудиторию:

- Щербакова О.М., Левина В.Н., Михеева Е.С., Брагина М.А. Русский язык без преград. А1–А2. Учебное пособие с переводом на вьетнамский язык. Флинта, 2021;
- Мурнаева Л.И. Русский язык для говорящих по-арабски (начальный уровень). Пятигорский государственный университет, 2018;
- Мы изучаем русский: для говорящих на дари. Элементарный уровень (А1) / под ред. Л.В. Московкина, Т.И. Александровой. Издательство СпбГУ, 2022. Голубева А.В. и др. Полёт: сирийская версия (УМК: учебник, рабочая тетрадь №1, рабочая тетрадь № 2, справочник). СПб.: Изд-во «Златоуст», 2021; и другие.

Однако, по справедливому заключению экспертов (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) и Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина), опубликованному в 2024 году, пока невозможно говорить о сложившейся системе методов, принципов и методических приёмов в подаче лингводидактического материала, обеспечивающего погружение обучающихся не только в языковую, но и в социокультурную среду. Тем более, разрозненно представлены методические разработки, отвечающие задачам межкультурного взаимодействия и диалога культур. Анализ учебников демонстрирует, что в них «зачастую не хватает заданий на сравнение предметов русской культуры со своей культурой: работа с элементом культуры в большей степени ведется в аксиологическом и аналитико-описательном ключе, а не в сопоставительно-сравнительном» [2, с.66].

Для достижения поставленной цели в работе применялись следующие **методы исследования**: анализ научных и учебно-методических трудов, посвящённых проблемам обучения русскому языку как иностранному, в частности, в аспекте комплексного лингвокультурологического подхода; метод отбора учебного материала с точки зрения эффективности его использования в образовательном процессе; метод лингвокультурологического анализа языковых и социокультурных явлений; метод сравнительно-сопоставительного анализа языковых и культурных феноменов России и Индии в контексте «диалога культур»; метод педагогического моделирования для разработки конкретных методик и приёмов работы с на занятиях и во внеаудиторной работе с индийскими студентами; метод систематизации теоретических и эмпирических данных по теме исследования; описательный метод – для характеристики методологических основ, методических принципов и приёмов в представленном исследовании.

Результаты и обсуждения

Как известно, серьёзной причиной коммуникативных неудач у иностранца может быть не только языковая интерференция (влияние родного языка на изучаемый), но и интерференция лингвокультурная, т. е. «перенос национально-культурных стереотипов поведения, характерных для родной лингвокультуры, на процесс общения с представителями иных лингвокультур» [4, с. 184]. Это наблюдение весьма актуально для преподавателей, работающих с индийской аудиторией, которая, в силу особенностей проживания и обучения в России, остаётся крепко привязанной к своим национальным привычкам в быту, поведении, традициях, учебной и профессиональной коммуникации. Межкультурное обучение в данной аудитории должно способствовать преодолению лингвокультурной интерференции, коммуникативных и психологических барьеров, более успешному процессу адаптации обучающихся в новой реальности.

Межкультурное обучение, в целом, представляет собой образовательно-развивающий процесс, в котором культуры родного и изучаемого языков исследуются как равнозначные, играющие важную роль в ста-

новлении и совершенствовании личностных и профессиональных качеств обучающихся. В данном исследовании мы актуализируем метод сопоставления индийской и российской культуры, что предполагает систематическое и последовательное обращение к национальным особенностям на разных этапах освоения русского языка. Явления языка и культуры при этом не просто сопоставляются, но интерпретируются с точки зрения профессиональных, воспитательных, общекультурных задач обучения. С одной стороны, сравнительный анализ призван определить уникальную специфичность каждой языковой и социокультурной системы. С другой стороны, сопоставление направлено на выявление сходного и общего в национальных картинах мира. Это представляется чрезвычайно важным, поскольку помогает молодым людям осознать родство и единство общечеловеческих идеалов и ценностей, что и создаёт условия для диалога, взаимопонимания и созидательного взаимодействия представителей разных наций и государств.

Представление культуры России и её ценностей начинается с первых занятий и продолжается в течение всего курса обучения в рамках дисциплин «Русский язык как иностранный», «Русский язык и культура речи», «Лингвострановедение», «Профессиональная коммуникация», а также во внеаудиторной работе с иностранными студентами. Обозначим важные принципы работы с лингвокультурологическим материалом на занятиях с индийскими студентами.

- В начале обсуждения темы обязательно используем язык-посредник. Иначе студенты, обучающиеся на английском, будут не способны глубоко понять предлагаемую им культурологическую информацию. Преподаватель должен отобрать, подготовить и адаптировать материал для комфортного и эффективного усвоения в аудитории или в самостоятельной работе студентов.

- Беседу о культурных явлениях сопровождаем обращением к личному опыту обучающихся и к явлениям их родной культуры. Следует задавать вопросы о том, что принято в Индии, в родном регионе, в семье в связи с определённой темой, с тем или иным культурным поводом. Также необходимо дать возможность высказаться и внимательно выслушать всех желающих поделиться информацией.

- На основе понятного и привычного для иностранцев и в сравнении с этим презентуем аналогичные явления в русской культуре, традициях, обычаях.

- Обязательно подчёркиваем уникальные отличительные особенности и общие, объединяющие нас, ценности, идеи, символы, традиции. При этом обращаем внимание обучающихся, что, стараясь постичь иную культуру и образ мира, не стоит использовать оценки хорошо/плохо; правильно/неправильно; нравится/не нравится.

- Объясняем, почему возникли и почему поддерживаются те или иные традиции, в чём их глубинный смысл, как историческое отражается в современной культуре.

- Используем яркий иллюстративный материал для достижения эмоциональной вовлечённости и эмпатии: адаптированные тексты с национальным колоритом, шуточные и игровые ситуации, фото, презентации, видеоролики и т.д.

- По возможности организуем знакомство с культурными фактами в реальных ситуациях и событиях (тематические встречи с носителями языка, экскурсии в музеи, театры, библиотеки, участие в праздниках, фестивалях и т.д.).

- Вовлекаем студентов в самостоятельную исследовательскую и творческую работу, создание индивидуальных и групповых проектов по определённым страноведческим и культурологическим направлениям.

Работа с лингвокультурологическим материалом может быть органично включена в любую тему занятия и любой лексико-грамматический комплекс. Приведём некоторые направления в работе с индийскими студентами, демонстрирующие практическую реализацию принципа «диалог культур».

1. *Санскрит и русский язык.* Индийские студенты с интересом и благодарностью воспринимают беседы о древнем литературном языке, который является национальным и мировым достоянием, духовным символом культурного богатства древней индийской цивилизации. В аудитории будущих врачей (не филологов) не имеет смысла касаться тонкостей научных изысканий о детерминации сходств и сближений в фонетике, лексике и грамматике санскрита и русского языка. Достаточно лишь акцентировать внимание на некоторых лексических единицах, связанных с ключевыми концептами (жизнь, смерть, знание, путь, мать и др.) и на том, что многие современные языки, которые кажутся непохожими друг на друга, относятся к одной индоевропейской семье, следовательно, имеют общие древние корни. Примеры некоторых лексем из санскрита и русского языка, которые звучат очень похоже, заставляют студентов (большинство из которых вообще никогда с этой темой не сталкивались) задуматься о возможном антропологическом и цивилизационном родстве разных культур.

2. *Национальная фразеология (пословицы, поговорки, скороговорки)*. В соответствии с идеями лингвокультурологии, обращение к народной фразеологии более чем актуально, поскольку в данных языковых единицах сосредоточены ключевые национальные черты мировоззрения, того, что называют «душой народа». Преподавателями русского языка пословицы используются на всех этапах обучения. Все методисты признают, что работа с пословицами способствует развитию речевых навыков – «от постановки произношения до структурно-синтаксического оформления высказывания и осознанного использования фразеологии в коммуникации на русском языке» [1, с. 4]. Необходимо детально семантизировать и комментировать пословицы – это способствует осознанному освоению их смысла, функций, уместности употребления в той или иной ситуации. Пословицы обсуждаются не только на занятиях, но и являются объектами самостоятельных исследований иностранных обучающихся. Студенты занимаются отбором индийских и русских пословиц, переводом их с языка на язык (в том числе английский), сопоставлением по определённым темам, выявлением сходств и различий в интерпретациях смыслов и образов данных паремий. Благодаря многолетней работе собрана значительная картотека русских и индийских пословиц на различные актуальные темы [8].

Таблица 1
Table 1

Индийские пословицы	Русские пословицы
О труде и трудолюбии:	
जल्दी से किया गया काम कभी अच्छा नहीं होता (перевод: <i>Работа, выполненная быстро, никогда не бывает хорошей</i>).	Делу – время, потехе – час. Сделал дело – гуляй смело.
О единстве народа:	
एकता में विश्वास और मजबूती होनी चाहिए। क्योंकि एक भी कड़ी कमजोर होने एकता भी टूट जाती है। (перевод: <i>Вместе с единством должны быть вера и сила. Потому что, если хотя бы одно звено слабое, единство также нарушается.</i>)	В вере народа – счастье и свобода. Дай, Боже, меж людьми быть вере и любви.
О ценности здоровья:	
स्वास्थ्य- ही धन है। जब हम इसे खो देते हैं, तभी इसका असली मूल्य मालूम पड़ता है (перевод: <i>Здоровье – богатство, мы никогда не узнаем его ценность, пока не потеряем его.</i>)	Кто не болел, здоровью цены не знает.

Скороговорки, как жанр паремий, также традиционно используется на протяжении всего процесса освоения русского языка, помогая формировать и совершенствовать фонетическую компетенцию обучающихся в постановочном и сопроводительном курсе фонетики. На кафедре РКИ в ПГМУ создана уникальная копилка специфических «медицинских» скороговорок (как традиционных, так и творчески смоделированных или «дописанных») и разработана эффективная система методик и приёмов работы с ними на занятиях. По аналогии с пословицами, скороговорку также необходимо семантизировать для её осознанного использования обучающимися. Именно лингвокультурологическое комментирование способствует расширению культурного кругозора студентов и позволяет включать данный лингводидактический ресурс в содержательный контекст занятий [7].

Знакомство с русскими скороговорками следует предварить обращением к известным студентам скороговоркам на английском языке или хинди, а также обсудить значение этого жанра как для фонетического тренинга, так и для ознакомления с национальными элементами культуры. Например, студенты приводят в пример скороговорку на хинди «कच्चा पापड़, पक्का पापड़», которая переводится как «*Сырой папад, приготовленный папад*». Безусловно, преподавателю следует задать студентам вопросы о национальном индийском блюде, и студенты охотно поделятся информацией и своими впечатлениями: речь в скороговорке идёт о тонких круглых лепёшках из муки разных культур (бобы, чечевица, нут, рис) с пряностями и специями, обжаренными в масле; вкусные хрустящие лепёшки напоминают о родине, о домашней кухне. Индийскую скороговорку можно сопоставить с русской скороговоркой, например: «Съел молодец тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом». В нашей аудитории будущих врачей мы придумали свой вариант: «Тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом, приводят к ожирению и атеросклерозу». После обсуждения национальных кулинарных нюансов, мы продолжаем использовать русскую скороговорку для тренировки произношения сложнопроизносимых звуков, актуальных в медицинском дискурсе слов и конструкций, включая скороговорку в занятия по темам: «Заболевания сердечно-сосудистой системы», «Правильное питание» и др.

3. *Народные сказки.* Очевидно, что сказочный фольклор – богатейший ресурс для обучения русскому языку и знакомству с менталитетом народа, бытом и историей, природой и животным миром, ведь «тесная связь содержания сказки с ее языковым наполнением – это зеркало духа народа» [11, с. 241]. Кроме идеологических и аксиологических компонентов, сказки, представляющие собой типичные языковые и речевые образцы с ритмической организацией, повторами и запоминающимися образами, используются для формирования лингвострановедческой, грамматической и коммуникативной компетенций. «Теремок», «Репка», «Лиса и Заяц» и другие фольклорные произведения в аутентичном или адаптированном варианте читаются по ролям и инсценируются для освоения и закрепления речевых и грамматических явлений: лексики (наименования животных, бытовых реалий, черт характера и др.), произношения и интонационных конструкций, частей речи, морфологических моделей и т.д. Сопоставление индийского и русского фольклора не только увлекательно, но и весьма поучительно. Индийские сказки представлены так же богато и разнообразно, как и русские. Волшебные, авантюрные, бытовые, сказки о животных – все они представляют собой сокровищницу социальных и нравственных смыслов индийской культуры. Сопоставляя сказки, можно наблюдать характерные отличия в географических, климатических условиях, в особенностях и разнообразии флоры и фауны, в уникальных деталях быта, одежды, традиций. Но в ключевых идеях сказки открывают много общечеловеческих смыслов. Ярко иллюстрируют это, например, сказки о животных («Павлин-насмешник», «Мышонок, который был кошкой, собакой и тигром» и др.). Как и в русских сказках, читатель наблюдает в аллегорических образах противоборство таких человеческих качеств как доброта и злость, наивность и хитрость, мудрость и глупость, трудолюбие и лень, бескорыстие и жадность. Индийским студентам важно узнать, как переплетаются исконные традиции двух культур, ведь многие индийские сказочные сюжеты хорошо знакомы русским читателям («Золотая антилопа»), а некоторые стали основой замечательных литературных переложений: отдельного разговора в этой связи заслуживает сопоставление индийской сказки «Золотая рыба» и «Сказки о рыбаке и рыбке» А.С. Пушкина.

4. *Национальные праздники.* Знакома иностранцев с русскими традициями, привлекая их к нашим народным и современным праздникам, необходимо обязательно обращаться к аналогичным событиям в их родной культуре, приучая, таким образом, к взаимному заинтересованному и уважительному отношению к обычаям разных народов. Индийские студенты охотно и с большой любовью делятся историей и обычаями своих праздников в творческих проектах и презентациях. Отталкиваясь от собственных традиций, студенты гораздо внимательнее погружаются в мир русской культуры и более глубоко понимают её смысл. Так, индийский весенний праздник Холи сопоставим с русской Масленицей. Ритуальные костры, танцы, блюда и яркие краски Холи делают понятнее значение сопоставимых элементов Масленичных гуляний. Однако не только в древности, но и в современном развитии наших стран можно обнаружить немало объединяющих идей. Аналогично российскому Дню народного единства (4 ноября), в Индии, начиная с 2014 года отмечают 31 декабря такой же сравнительно молодой праздник Раштрия Экта Дивас. Он посвящён дружбе между представителями многочисленных наций и религий, разговаривающих на разных языках, населяющих несколько сотен штатов и округов (дистриктов) современной Индии. Как в России чествуют своих защитников и героев 23 февраля, так и в Индии 7 декабря отмечают Armed Forces Flag Day (День Флага вооружённых сил), когда граждане тоже благодарят своих воинов и защитников отечества.

5. *Биографии знаменитых врачей.* Важным направлением работы на занятиях русского языка с иностранными студентами медицинского профиля является изучение биографий известных врачей. Разработанная на кафедре РКИ система обучения с использованием текстов биографического жанра соответствует принципам профессионально ориентированной подготовки иностранных студентов-медиков [6]. Составление монологов, рефератов и презентаций об учёных-врачах помогает закрепить комплекс значимых для медицинского дискурса речевых средств и грамматических конструкций, развивает медико-культурный кругозор, формирует личную культуру самопрезентаций и навыков представления достижений мировой медицины. Для индийской аудитории в темы занятий и самостоятельных проектов наряду с именами великих русских учёных и врачей прошлого (Д.И. Менделеев, И.П. Павлов, Н.И. Пирогов) и современности (Л.А. Бокерия, Л.М. Рошаль, Е.А. Вагнер) обязательно включаются сведения об истории и современном развитии индийской медицины: от великих целителей древности (Чарака и Сушрута) до сегодняшних известных учёных, таких как Нареш Трехан (сердечно-сосудистый и кардиоторакальный хирург, Кавалер ордена Падма Бхушан, одной из высших гражданских наград Индии; Амит Майдео (эксперт в области гастроэнтерологии и эндоскопии, удостоенный премии Падма Шри за достижения в области медицины и медицинского образования) и др. Таким образом мотивируется интерес студентов к национальной и российской медицине мирового уровня, стимулируется их активность в самостоятельных исследованиях.

Выводы

В результате исследования мы пришли к выводу, что разработанные формы постижения национальных языковых и культурных явлений в сопоставительном аспекте при обучении русскому языку индийских студентов отвечают современным подходам в системе высшего образования, актуальным принципам лингводидактики и требованиям профессионально ориентированной подготовки иностранных студентов медицинского профиля.

Интернационализация высшего образования диктует необходимость духовного обогащения обучающихся и расширение их представлений об общечеловеческих культурных ценностях. Сопоставительный анализ явлений родной и изучаемой культурно-языковой среды делает обучение русскому языку более мотивированным, осмысленным, глубоким. Следование принципу «диалога культур» помогает преподавателю РКИ структурировать элементы занятий как реальные диалоги, обсуждения, дискуссии на важные гуманитарные темы, а иностранным студентам помогает усвоить новый язык и сформировать межкультурную компетенцию, то есть научиться уважать иную культуру, видеть её уникальность и, в то же время, схожесть со своей родной системой ценностей, обычаев и традиций; развить эмпатию, когнитивные и рефлексивные способности; сформировать собственную систему морально-нравственных ценностей и идеалов; развить творческий и научно-исследовательский потенциал.

Перспективы исследования связаны с дальнейшей разработкой лингводидактических средств на основе сопоставления русских и индийских языковых и культурных явлений; с подготовкой системы занятий и учебно-методических рекомендаций, обеспечивающих успешное формирование профессиональной и межкультурной коммуникативных компетенций у индийских студентов медицинского профиля.

Список источников

1. Евдокимова А.Г., Балтаева В.Т. Пословицы и поговорки при обучении русскому языку как иностранному в медицинском вузе // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2023. Вып. 3. С. 3 – 9.
2. Комплексное исследование учебников и учебных пособий, предназначенных для обучения русскому языку в зарубежных странах. URL: ru.marqyal.org (дата обращения: 05.12.2025)
3. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика-пресс, 1999. 247 с.
4. Ларина Т.В. Лингвокультурная коммуникативная интерференция // Humaniora: Lingua Russica: труды по русской и славянской филологии. Лингвистика IX: Взаимодействие языков и языковых единиц. Тарту: Тартуский университет, 2006. С. 184 – 196.
5. Митрофанова О.Д., Костомаров В.Г. и др. Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Русский язык, 1999. 470 с.
6. Павлова И.В. Система работы с текстами-биографиями учёных-медиков как способ формирования профессиональной коммуникативной компетенции иностранных студентов медицинского университета // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. № 5. С. 649 – 656.
7. Павлова И.В. Методические приёмы трансформации и моделирования скороговорок в профессионально ориентированном обучении русскому языку иностранных студентов медицинского университета // Педагогическое образование. 2025. Т. 6. № 9. С. 255 – 264.
8. Павлова И.В., Токарева М.В., Осеян Д.О. Метод сопоставительного анализа в профессионально ориентированном обучении русскому языку индийских студентов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2025. № 3 (73). С. 65 – 81.
9. Просвиркина И. И. Толерантная речевая коммуникация: лингводидактическая теория и практика: автореф. дисс. ... д. пед. н. М., 2007.
10. Шабайти И., Гао Л. Этноориентированное обучение в системе методики преподавания РКИ // Kant. 2021. № 2 (39). С. 442 – 444. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoorientirovannoe-obuchenie-v-sisteme-metodiki-prepodavaniya-rki> (дата обращения: 10.12.2025)
11. Яяева Н.М., Серебрянская Ю.В. Русские народные сказки как средство формирования нравственных качеств учащихся начальной школы // Проблемы современного педагогического образования. 2021. № 70/2. С. 362 – 365.

References

1. Evdokimova A.G., Baltaeva V.T. Proverbs and Sayings in Teaching Russian as a Foreign Language in Medical Schools. Bulletin of the Russian New University. Series: Man in the Modern World. 2023. Issue 3. pp. 3–9.
2. A Comprehensive Study of Textbooks and Teaching Aids for Teaching Russian in Foreign Countries. URL: ru.mapryal.org (date of access: 05.12.2025)
3. Kostomarov V.G. The Linguistic Taste of the Era: From Observations of the Speech Practice of the Mass Media. Moscow: Pedagogika-press, 1999. 247 p.
4. Larina T.V. Linguocultural Communicative Interference. Humaniora: Lingua Russica: Works on Russian and Slavic Philology. Linguistics IX: Interaction of Languages and Language Units. Tartu: University of Tartu, 2006. P. 184 – 196.
5. Mitrofanova, O.D., Kostomarov, V.G., et al. Methods of Teaching Russian as a Foreign Language. Moscow: Russkiy Yazyk, 1999. 470 p.
6. Pavlova I.V. A System of Working with Biographical Texts of Medical Scientists as a Method of Developing Professional Communicative Competence in Foreign Medical University Students. Pedagogy. Theoretical and Practical Issues. 2025. Vol. 10, No. 5. P. 649 – 656.
7. Pavlova I.V. Methodological Techniques for Transforming and Modeling Tongue Twisters in Professionally Oriented Teaching of Russian to Foreign Medical University Students. Pedagogical Education. 2025. Vol. 6. No. 9. P. 255 – 264.
8. Pavlova I.V., Tokareva M.V., Oseyan D.O. Method of Comparative Analysis in Professionally Oriented Teaching Russian to Indian Students. Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev (Bulletin of KSPU). 2025. No. 3 (73). P. 65 – 81.
9. Prosvirkina I.I. Tolerant Speech Communication: Lingvodidactic Theory and Practice: Abstract of a PhD thesis. Moscow, 2007.
10. Shabayti I., Gao L. Ethno-Oriented Teaching in the System of Russian Language Teaching Methods. Kant. 2021. No. 2 (39). P. 442 – 444. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnoorientirovannoe-obuchenie-v-sisteme-metodiki-prepodavaniya-rki> (date of access: 12/10/2025)
11. Yayaeva N.M., Serebryanskaya Yu.V. Russian folk tales as a means of developing moral qualities in primary school students. Problems of modern pedagogical education. 2021. No. 70/2. P. 362 – 365.

Информация об авторе

Павлова И.В., кандидат филологических наук, доцент, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера Минздрава Российской Федерации

© Павлова И.В., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.58

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-171-176

Сравнительное исследование концептуальных метафор «头/голова» в китайском и русском языках

¹ Янь Хуаньхуань,

¹ Китайско-российский институт, Цзянсуский педагогический университет, Китай

Аннотация: теория концептуальной метафоры является одной из ядровых теорий когнитивной лингвистики, объясняющей, как человек посредством конкретных концептов познает и понимает абстрактные концепты. Тело служит материальной основой познания и восприятия мира человеком, а метафоры, основанные на человеческом теле, пронизывают весь процесс когнитивного конструирования. Настоящее исследование посвящено сопоставительному анализу концептуальных метафор «头/голова» в китайском и русском языках на основе теории концептуальной метафоры с применением метода сравнительного анализа. Исследование показало, что концептуальные метафоры лексемы «头/голова» в русском и китайском языках обладают межъязыковой когнитивной общностью: обе лексемы реализуют метафорическое отображение в области пространственной локализации, значимости, счётных слов, эмоциональных состояний и интеллектуально-мыслительной сферы. Эта общность обусловлена универсальной физиологической структурой и телесным опытом человека. В то же время между ними наблюдаются значительные лингвокультурные различия: метафорическое отображение китайского «头» отличается большей образностью и бытовой направленностью, тогда как метафоры русского слова «голова» акцентируют внимание на абстрактном мышлении и функциональных свойствах. Подобные различия тесно связаны с географическими условиями, мыслительными моделями и культурными традициями китайского и русского народов.

Ключевые слова: концептуальная метафора; «头/голова»; китайско-русский сравнительный анализ; когнитивная лингвистика; телесная лексика

Для цитирования: Янь Хуаньхуань Сравнительное исследование концептуальных метафор «头/голова» в китайском и русском языках // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 171 – 176. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-171-176

Поступила в редакцию: 10 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 7 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

A comparative study of conceptual metaphors of “头/head” in Chinese and Russian

¹ Yan Huanhuan,

¹ Sino-Russian Institute, Jiangsu Normal University, China

Abstract: conceptual Metaphor Theory is one of the core theories in cognitive linguistics, which mainly expounds how human beings cognize and comprehend abstract concepts through concrete cognitive categories. The human body serves as the material foundation for people to perceive and understand the world, and body-derived metaphors permeate the entire process of human cognitive construction. Taking the Chinese and Russian words for "head" as research subjects, this paper, based on Conceptual Metaphor Theory, systematically investigates their conceptual metaphor mapping mechanisms through a comparative analysis. The study reveals that the conceptual metaphors of head in Chinese and Russian share cross-linguistic cognitive commonalities: both lexical units extend metaphorical mappings to the domains of spatial orientation, importance, quantification, emotional state, and intellectual thinking, which originate from the universal physiological structure of human beings and embodied experience. Meanwhile, there exist prominent linguistic and cultural differences between the two metaphorical systems: the metaphorical mappings of the Chinese head are featured by distinct concreteness and life-orientation, whereas those

of the Russian head focus more on abstract thinking and functional attributes. Such differences are closely associated with the geographical environments, thinking patterns and cultural traditions of the Chinese and Russian nations.

Keywords: conceptual metaphor, head, Chinese-Russian comparative analysis, cognitive linguistics, body language

For citation: Yan Huanhuan A comparative study of conceptual metaphors of “头/head” in Chinese and Russian. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 171 – 176. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-171-176

The article was submitted: January 10, 2026; Approved after reviewing: March 7, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Метафора относится к центральным объектам современной лингвистики, ее первое систематическое изучение принадлежит древнегреческому ученому Аристотелю [1]. В труде «Риторика» он представил классический анализ метафоры как стилистического средства, сосредоточившись на ее риторических функциях и художественной выразительности.

В 1980 году вышла книга Лакоффа и Джонсона «Метафоры, которыми мы живём». Авторы исследовали природу языка и сущность метафоры, приводя английские примеры для доказательства связи языка и когнитивной структуры [2]. Они обосновали концепцию концептуальных метафор, разрушив традиционный подход, ограничивавший изучение метафоры рамками языка, и раскрыв ее универсальность, механизмы отображения и познавательное значение на уровне человеческого мышления [3]. Это обеспечило когнитивный поворот в метафорологических исследованиях.

Теория концептуальной метафоры имеет глубокое влияние в международной научной среде, и российские учёные внесли значительный вклад в её развитие. Н.Д. Арутюнова в коллективной монографии «Теория метафоры» систематизировала подходы к изучению метафоры и доказала, что она является не только языковым, но и фундаментальным познавательным явлением [4]. Е.С. Кубрякова с позиций когнитивной лингвистики детально проанализировала механизмы метафоры, заложив теоретическую основу для межъязыковых сопоставительных исследований [5]. В.И. Карасик разработал многомерный аналитический фреймворк для изучения дискурсивных функций метафоры [6].

Китайские ученые также добились значимых результатов в разработке теории концептуальных метафор. Шу Динфан в «Исследованиях метафорологии» изложил западные теоретические концепции и проанализировал природу, механизмы и функции метафоры [7]. Ху Чжуанлин в монографии «Когнитивная метафорология» раскрыл связь метафоры и когнитивной лингвистики, отметив ее роль в формировании человеческой концептуальной системы [8]. Ван Ин в «Когнитивной лингвистике» объяснил когнитивные атрибуты метафоры через призму философии опыта [9]. Указанные исследования заложили твердую основу для распространения и локализации теории концептуальных метафор в Китае.

Телесная лексика выступает ключевым исходным доменом в концептуальных метафорах. «Голова» как ядровой орган тела сочетает уникальные физиологические функции (мышление, восприятие) и глубокое культурное содержание [10]. Благодаря этому лексема «头/голова» в китайском и русском языках сформировала обширную метафорическую семантику. Несмотря на принадлежность к разным языковым семьям, метафоризация «голова» отражает как когнитивную всеобщность, так и культурную специфику. Сравнительное исследование этих концептуальных метафор помогает раскрыть когнитивные и культурные особенности языков, а также дает теоретические рекомендации для китайско-русского обучения, перевода и межкультурной коммуникации.

Материалы и методы исследований

Лингвистический материал исследования отобран из авторитетных словарей и специализированных корпусов. Китайский материал основан на «Большом китайском словаре», «Современном китайском словаре (7-е изд.)», корпусе ВСС (Пекинский университет) и Национальном корпусе современного китайского языка. Русский материал взят из «Русского словаря», «Толкового словаря живого великорусского языка В.И. Даля» и Национального корпуса русского языка.

Исследование опирается на теоретические положения концептуальной метафоры и включает три взаимодополняющих научных метода:

Метод анализа научной литературы – обобщение отечественных и зарубежных исследований по концептуальной метафоре, телесной метафорике и китайско-русскому сопоставлению для формирования теоретической базы работы;

Метод сравнительно-сопоставительного анализа – сопоставление метафорических употреблений лексем «头» и «голова» по механизму концептуально-метафорического проектирования с выявлением общих черт и специфических различий;

Метод культурологической интерпретации – раскрытие культурных детерминант метафорических различий через анализ географических условий, мыслительных моделей и традиционных ценностей двух народов.

Результаты и обсуждения

1. Общие черты концептуальных метафор «头/голова» в китайском и русском языках

1.1. Пространственно-ориентационная метафора: верхушка /передняя часть объекта

Исходя из физиологической особенности человека (голова занимает верхнее положение) и общего жизненного опыта, в китайском и русском языках пространственно-ориентационные атрибуты лексем «头/голова» проектируются на когнитивный домен положения – они используются для обозначения верхушки или передней части предметов, что относится к типичным ориентационным метафорам.

Для обозначения верхней части предметов в китайском языке сформировались устойчивые выражения: «山头 (верхушка горы)», «墙头 (верхушка стены)», «浪头 (гребень волны)», «枝头 (верхушка ветки)»; в русском языке соответствующие конструкции: «голова горы», «голова сосны», «глава собора». Для обозначения передней части предметов в китайском языке употребляются устойчивые выражения: «船头 (нос корабля)», «火车头 (локомотив)», «子弹头 (нос пули)»; в русском языке аналогичную функцию выполняют конструкции «головка ракеты», «голова колонны» [11].

1.2. Метафора важности: первостепенность/ядро/лидерство

Голова как центральный контролирующий орган организма выполняет ведущую функцию. На основе этой физиологической особенности в китайском и русском языках свойства лексем «头» и «голова» проектируются на домен важности, передавая абстрактные значения первостепенности, ядра явления и лидерства; данная метафора также распространяется на социальную иерархию, обозначая высший ранг и качество.

В китайском языке лексические единицы «头等大事 (самое важное дело)», «头彩 (главный приз)», «头版 (первая страница)» напрямую выражают значение «первое, ядро»; выражения «头等舱 (первый класс)», «头等品 (продукция высшего качества)» акцентируют высший ранг и качество. В русском языке конструкции «всему делу голова», «городской глава» соответствуют китайской метафоре; единицы «глава государства», «глава компании», «главный приз» передают значение центрального положения и высшего иерархического уровня.

1.3. Метафора количественной частицы: счетная единица

На основе метонимии «часть вместо целого» (каждое животное обладает одной головой) лексемы «头» и «голова» в китайском и русском языках функционируют как счетные единицы, относясь к категории субстанциальных метафор.

В китайском языке «头» как количественная частица применяется для подсчета крупного скота: «一头牛 (одна корова)», «一头猪 (одна свинья)», «一头驴 (один осел)», а также отдельных круглых предметов: «一头蒜 (один головок чеснока)». В современном китайском языке данное употребление достигло высокой грамматикализации и вошло в стабильную систему количественных частиц [12].

В русском языке «голова» аналогично используется для подсчета скота, например «сто голов рогатого скота, стадо из пятисот голов». Кроме того, форма «головка» применяется для измерения круглых продуктов: «головка сыру», «головка сахару».

1.4. Метафора эмоционального состояния: выражение психологических эмоций через позу и движения головы

Между позой, движениями головы и эмоциональным состоянием человека существует устойчивая физиолого-психологическая связь. На основе этого когнитивного закона в китайском и русском языках телесные атрибуты «头/голова» проектируются на домен эмоций, передавая абстрактные психические состояния через конкретные телесные действия.

В китайском языке данная метафора закрепилась в идиомах: «垂头丧气 (опускать голову от уныния)» выражает подавленность, «昂首挺胸 (поднимать голову и грудь)» выражает уверенность, «摇头晃脑 (ка-

чать головой)» выражает самодовольство, «灰头土脸 (голова в пыли)» выражает разочарование и затруднительное положение.

В русском языке сформировались параллельные фразеологизмы: «вешать голову (уныние)», «высоко нести голову (гордость)», «хвататься за голову (удивление, паника)», «головой об стену биться (отчаяние)».

1.5 Метафора интеллекта и мышления: способность к мышлению и уровень интеллекта

Голова как физиологический носитель мозга отвечает за мышление и сознание человека. На основе этой связи в китайском и русском языках свойства «头/голова» проектируются на домен интеллекта, характеризую мыслительную способность и уровень умственного развития.

В китайском языке сформирована стабильная лексическая система данной метафоры: «头脑清楚 – означает логичное, ясное мышление», «没头脑 – отсутствие самостоятельного мышления», «呆头呆脑 – описывает медленное мышление и замедленную реакцию».

В русском языке существуют параллельные метафорические выражения: «умная голова», «пустая голова» и т.д.

2. Различия концептуальных метафор «头» и «голова» в китайском и русском языках

2.1 Уникальные концептуальные метафорические выражения китайской лексики «头»

2.1.1 Метафора на основе характеристик голов животных

Длительное земледельческое развитие Китая сформировало тесную связь человека с животными, поэтому физические черты животных голов проектируются на человеческие качества и свойства предметов: «蝇头小利 (мизерная выгода)», «虎头虎脑 (крепкий, милый ребенок)», «牛头马面 (чудовищный человек)», «蛇头鼠眼 (коварный человек)».

2.1.2 Метафора остатка предмета

На основе когнитивной модели «целое-часть» «头» обозначает маленький концевой остаток использованного предмета: «铅笔头 (остаток карандаша)», «烟头 (окурок)», «布头 (обрезок ткани)».

2.1.3. Метафора границы и предела

Через признак «конец предмета» «头» проектируется на домен «предел, диапазон», выражая превышение нормы: «说话过头 (переборщить со словами)», «做事过头 (переборщить в действиях)», «消费过头 (перерасходовать средства)».

2.1.4 Метафора временной последовательности

Согласно когнитивному закону «пространство метафоризирует время» «头» используется для обозначения временных этапов: «头天 (предыдущий день)», «头年 (предыдущий год)», «头晌 (первая половина дня)», «头半夜 (первая половина ночи)», «头茬 (первый урожай)».

2.2 Уникальные концептуальные метафорические выражения русской лексики «голова»

2.2.1. Детализированная метафора мыслительной способности

Оба языка проектируют «头/голова» на домен интеллекта, но русский язык сформировал более детализированную метафорическую систему за счет атрибутивных определений, точно дифференцирующую уровни мышления. Помимо базовых выражений «умная голова», «пустая голова» здесь используются «толстая голова», «острая голова» – они описывают различия в мыслительных качествах и отражают тонкое когнитивное восприятие русским народом.

2.2.2. Метафора «контейнера мышления»

Русский язык метафоризирует «голова» как абстрактный контейнер для мыслей, идей и памяти, формируя уникальную систему контейнерных метафор: абстрактные мысли рассматриваются как предметы, которые можно помещать, извлекать, сохранять или терять. В китайском языке для этого используются другие лексемы (мозг, сердце), поэтому данная метафора специфична для русского языка. Примеры: «вложить мысль в голову», «из головы вылетело», «не влезть в голову», «запечатлеть в голову».

3.1 Причины общности концептуальных метафор «头» и «голова»

Общность метафорических систем лексем «头» и «голова» обусловлена универсальным сенсорно-познавательным и телесным опытом человечества. Согласно когнитивной лингвистике, понятия и мышление формируются на основе телесного опыта; китайский и русский народы имеют одинаковую физиологическую структуру, поэтому их восприятие головы как верхней части тела, центра мышления и управления совпадает. Это позволяет реализовывать сходные метафорические проекции на домены пространства, значимости, интеллекта и эмоций.

3.2 Причины различий концептуальных метафор «头» и «голова»

3.2.1 Географические условия и способ производства

Китай – традиционная аграрная страна с оседлым образом жизни, постоянный контакт с животными и сельскохозяйственными предметами породил специфические метафоры «头» (образы животных, остатки предметов, временные этапы). Россия сочетает степную кочевую цивилизацию, доля земледелия ниже; русский народ ориентирован на преобразование природы и функциональные свойства объектов, что отразилось в детализации интеллектуальных метафор и контейнерной метафоре «голова» [13].

3.2.2 Образ мышления: образность и абстрактность

Китайское мышление опирается на образность и эмпирический опыт, абстрактные значения передаются через наглядные сенсорные образы (например, метафоры с внешними признаками животных). Русское мышление логично, аналитично и позитивистски настроено, поэтому метафоры «голова» рациональны, сфокусированы на мыслительной функции без опоры на визуальные образы, с четкой дифференциацией интеллектуальных уровней.

3.2.3 Когнитивная перспектива: целостность и аналитичность

Китайское целостное мышление (гармония Инь и Ян, единство целого и части) расширяет значение «头» на начало и конец объекта, остаток. Русское аналитическое мышление выделяет центральные признаки «голова» (верхнее положение, руководящая роль, функция мышления) без симметричного расширения на противоположные атрибуты.

Выводы

На основе теории концептуальной метафоры в работе проведено сравнительное исследование метафор «头/голова» в китайском и русском языках. Установлено, что обе единицы проецируются на области пространственного положения, значимости, эмоционального состояния, счётности, интеллекта и мышления. Эта общность обусловлена общим человеческим физическим и телесным опытом, подтверждая когнитивную универсальность метафоры.

В то же время метафоры китайского «头» характеризуются конкретностью, жизненностью, специфическими выражениями с животными словами; русские метафоры «голова» ориентированы на абстрактное мышление и функциональные свойства, с детализацией интеллектуальных значений. Различия обусловлены способом производства, образом мышления и когнитивной перспективой китайского и русского народов, что демонстрирует взаимосвязь языка, познания и культуры. Исследование обогащает изучение метафор телесных слов в китайском и русском языках и может служить основой для языкового обучения и межкультурной коммуникации

Финансирование

Настоящее исследование было финансово поддержано Проектом повышения компетенций в преподавании, науке и управлении 2026 г. Китайско-русского института – совместного института Цзянсуского педагогического университета и СПбПУ, что позволило собрать эмпирические данные и участвовать в научных семинарах, связанных с данным исследованием

Список источников

1. Янь Хуаньхуань Сравнительное исследование концептуальных метафор «огонь» в китайском и русском языках // Ханьцзы вэньхуа (Культура китайских иероглифов). 2024. № 8. С. 169 – 171.
2. Вань Вэньбинь Обзор теоретических подходов к изучению метафоры на Западе // Вестник Нинбоского университета (гуманитарные науки). 2006. № 2. С. 32 – 38.
3. Лин Яцин Исследование концептуальной метафоры «огонь» в китайском языке // Гуанчжоу: Цзинаньский университет. 2017. С. 7 – 9.
4. Арутюнова Н.Д. Теория метафоры. Москва: Прогресс.1990.С. 5 – 32.
5. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Москва: Языки славянской культуры. 2004. С. 3 – 10.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена. 2002. С. 477.
7. Шу Динфан Исследование метафорологии. Шанхай: Шанхайский иностранный языковой педагогический издательский дом. 2000. С. 3 – 22.
8. Ху Чжуанлин Когнитивная метафорология. Пекин: Издательство Пекинского университета. 2004. С. 10 – 22.

9. Ван Инь Когнитивная лингвистика. Шанхай: Шанхайский иностранный языковой педагогический издательский дом. 2007. С. 26 – 45.
10. Чжан Фэн Культурно-семантический анализ слова «голова»: сравнительное исследование русского и китайского языков // Вестник Института иностранных языков Народно-освободительной армии Китая. 2004. № 3. С. 96 – 100.
11. Ван Фан Когнитивное сравнительное исследование метафор телесных слов в русском и китайском языках / Чанчунь: Северо-Восточный педагогический университет. 2012. С. 17 – 21.
12. Ван Шаосинь Проблема грамматикализации именных счетных слов в истории китайского языка // Вестник Шэньсийского педагогического университета (философия и общественные науки). 2010. № 3. С. 168 – 176.
13. Васильева М.А. Различия в способах мышления китайцев и русских // Азия и Африка сегодня. 2025. № 1. С. 41 – 48.

References

1. Yan Huanhuan A Comparative Study of the Conceptual Metaphors of "Fire" in Chinese and Russian. *Hanzi Wenhua (The Culture of Chinese Characters)*. 2024. No. 8. P. 169 – 171.
2. Wan Wenbin A Review of Theoretical Approaches to the Study of Metaphor in the West. *Bulletin of Ningbo University (Humanities)*. 2006. No. 2. pp. 32–38.
3. Lin Yaqing A Study of the Conceptual Metaphor of "Fire" in Chinese. Guangzhou: Jinan University. 2017. pp. 7–9.
4. Arutyunova N.D. *Theory of Metaphor*. Moscow: Progress. 1990. P. 5 – 32.
5. Kubryakova E.S. *Language and Knowledge: On the Way to Gaining Knowledge about Language*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 2004. P. 3 – 10.
6. Karasik V.I. *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. 2002. p. 477.
7. Shu Dingfang *A Study of Metaphorology*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Pedagogical Publishing House. 2000. P. 3 – 22.
8. Hu Zhuangling *Cognitive Metaphorology*. Beijing: Peking University Press. 2004. P. 10 – 22.
9. Wang Yin *Cognitive Linguistics*. Shanghai: Shanghai Foreign Language Pedagogical Publishing House. 2007. P. 26 – 45.
10. Zhang Feng. Cultural and Semantic Analysis of the Word "Head": A Comparative Study of the Russian and Chinese Languages. *Bulletin of the Institute of Foreign Languages of the People's Liberation Army of China*. 2004. No. 3. P. 96 – 100.
11. Wang Fang *Cognitive Comparative Study of Metaphors of Bodily Words in the Russian and Chinese Languages*. Changchun: Northeast Normal University. 2012. P. 17 – 21.
12. Wang Shaoxin *The Problem of Grammaticalization of Nominal Counter Words in the History of the Chinese Language*. *Bulletin of Shaanxi Normal University (Philosophy and Social Sciences)*. 2010. No. 3. P. 168 – 176.
13. Vasilyeva M.A. Differences in the ways of thinking of the Chinese and Russians. *Asia and Africa today*. 2025. No. 1. P. 41 – 48.

Информация об авторе

Янь Хуаньхуань, старший преподаватель, Российско-китайский институт, Цзянсуский педагогический университет, Сючжоу, провинция Цзянсу, Китай, 924563016@qq.com

© Янь Хуаньхуань, 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 37.011.33:81

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-177-180

Трансформация роли преподавателя английского языка в юридическом вузе в эпоху цифровизации права

¹ *Быданцева А.Н.,*

¹ *Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева*

Аннотация: в статье рассматривается качественная трансформация профессиональных функций и педагогических стратегий преподавателя иностранного (английского) языка в условиях цифровой трансформации юридического образования и юридической профессии в целом. Анализируется противоречие между традиционной языковой подготовкой и новыми требованиями к цифровым компетенциям юриста. Автор обосновывает необходимость перехода от роли транслятора знаний к роли фасилитатора, тьютора и разработчика интегративных учебных материалов на стыке языкознания, права и LegalTech. Особое внимание уделяется методике работы с электронными правовыми базами данных, искусственным интеллектом и платформами для совместной юридической работы на английском языке.

Ключевые слова: цифровизация права, Legal English, LegalTech, методика преподавания, юридическое образование, профессиональная переподготовка, искусственный интеллект в образовании, CLIL

Для цитирования: Быданцева А.Н. Трансформация роли преподавателя английского языка в юридическом вузе в эпоху цифровизации права // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 177 – 180. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-177-180

Поступила в редакцию: 11 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 9 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Transformation of the role of an English teacher at a law school in the era of digitalization of law

¹ *Bydantseva A.N.,*

¹ *Kazan Branch of the Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev*

Abstract: the article examines the qualitative transformation of the professional functions and pedagogical strategies of a foreign (English) language teacher in the context of the digital transformation of legal education and the legal profession as a whole. The article analyzes the contradiction between traditional language training and the new requirements for digital competencies of a lawyer. The author substantiates the need to transition from the role of a knowledge translator to the role of a facilitator, tutor, and developer of integrative educational materials at the intersection of linguistics, law, and LegalTech. Special attention is paid to the methodology of working with electronic legal databases, artificial intelligence, and platforms for collaborative legal work in English.

Keywords: digitalization of law, Legal English, LegalTech, teaching methods, legal education, professional retraining, artificial intelligence in education, CLIL

For citation: Bydantseva A.N. Transformation of the role of an English teacher at a law school in the era of digitalization of law. Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 177 – 180. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-177-180

The article was submitted: January 11, 2026; Approved after reviewing: March 9, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Современный этап развития высшего юридического образования в Российской Федерации характеризуется глубинными структурными изменениями, вызванными двумя глобальными факторами: интеграцией России в международное правовое поле (несмотря на текущие геополитические сложности, подготовка юристов-международников остается приоритетной) и тотальной цифровизацией всех сфер юридической практики. «Юриспруденция сегодня – это не только знание норм права, но и умение работать с большими данными, ориентироваться в электронном правосудии, составлять документы с использованием шаблонов и конструкторов, а также эффективно коммуницировать с иностранными контрагентами в цифровой среде» [3, с. 45].

В этих условиях неизбежно возникает вопрос о трансформации роли преподавателя, в частности, преподавателя английского языка КФ РГУП им. В.М. Лебедева. Традиционная модель, где основной задачей было обучение чтению и переводу текстов (так называемый "legal translation approach"), перестает отвечать запросам времени. Сегодняшний выпускник юридического вуза должен не просто понимать текст закона на английском, но и уметь вести переговоры, анализировать прецеденты в иностранных электронных базах и даже грамотно формулировать промпты для нейросетей на английском языке для решения правовых задач. Цель данной статьи – выявить векторы трансформации профессиональной роли преподавателя английского языка и предложить пути адаптации методики преподавания к реалиям цифровой экономики и права.

Материалы и методы исследований

Теоретико-методологической основой работы послужили фундаментальные исследования в области цифровизации образования (Е.И. Казакова, В.И. Блинов), работы по методике преподавания иностранных языков в неязыковых вузах (Н.Д. Гальскова, Е.Н. Соловова), а также современные исследования в области LegalTech и трансформации юридической профессии (Д.В. Кравченко, М.А. Рожкова). В ходе исследования применялись методы системного анализа, сравнительно-сопоставительный метод, анализ профессиональных стандартов юриста и преподавателя, а также обобщение педагогического опыта автора в юридическом вузе.

Результаты и обсуждения

Исторически сложилось, что в неязыковом (в том числе юридическом) вузе преподаватель иностранного языка занимал периферийное положение по отношению к преподавателям профильных кафедр. Признаюсь честно, долгие годы эта ситуация нас, лингвистов, устраивала: мы были в своем «языковом коконе». Основная задача сводилась к языковой подготовке, часто оторванной от реального юридического контекста. Преподаватель выступал в роли «технического» лингвиста, который «натаскивает» на перевод, а юристы-предметники отвечали за «содержание» [5, с. 112]. На кафедре мы шутим, что раньше студент приходил к нам просто «выучить слова», а к цивилистам – «научиться мыслить».

Однако цифровизация стирает эти границы, причем делает это очень жестко. Юридическая информация перестала быть прерогативой исключительно бумажных носителей. Сегодня студент может найти аутентичный текст любого закона или судебного решения онлайн быстрее, чем я открою учебник. Возникает закономерный вопрос: если доступ к информации стал тотальным, в чем же новая ценность преподавателя? Если нейросеть (ChatGPT или аналог) за минуту пишет приемлемый иск на английском, чему я должен учить студентов следующие четыре года? Этот вопрос заставил меня пересмотреть всю структуру своих занятий.

Анализ современных тенденций позволяет выделить три ключевые роли, которые, на мой взгляд, должен осваивать современный преподаватель английского языка в юридическом вузе. Просто диктовать лексикону по теме «Договорное право» больше не работает.

Во-первых, преподаватель как навигатор. Раньше моей задачей было принести в аудиторию распечатку или показать текст в учебнике. Теперь я учу студентов не находить информацию, а *фильтровать* ее. Например, при работе с международными базами данных или открытыми англоязычными ресурсами (архивы судебных решений, сайты международных организаций) мы не читаем все подряд, а учимся ставить сложные поисковые запросы, отличать основные источники права от вторичных по ключевым маркерам. Я часто говорю студентам: «Гуглить на английском – это не магия, это алгоритм. Ваш первый экзамен – найти за 5 минут три прецедента по конкретному составу правонарушения в зарубежной практике, а не скопировать первую попавшуюся статью из Википедии».

Во-вторых, преподаватель как разработчик контента и методист в цифровой среде. В условиях перехода на собственные образовательные стандарты мы вынуждены оперативно обновлять материалы. Я перестал

полагаться на старые учебники 2000-х годов. Сейчас большая часть моего времени уходит на то, чтобы адаптировать скриншоты интерфейсов систем электронного правосудия (например, интерфейсы международных коммерческих арбитражей или российского ГАС «Правосудие» на английском), создавать задания на основе реальных переписок юристов в мессенджерах или составлять кейсы, где студент должен составить грамотный промпт на английском языке для ИИ-консультанта. Это колоссальная дополнительная нагрузка, которую администрация вуза часто не замечает, но без нее качество подготовки неизбежно падает.

В-третьих, преподаватель как модератор коммуникации. На своих занятиях я все чаще отказываюсь от монолога. Моя задача – создать среду, в которой студент вынужден использовать язык как инструмент решения юридической задачи. Мы моделируем переговоры в Zoom с записью, потом разбираем ошибки; мы пишем совместные документы в Google Docs, где я вижу историю правок и могу комментировать не только грамматику, но и юридическую стилистику (например, почему в международном контракте используется *shall* именно в этом контексте, а не *will*).

К сожалению, описывая желаемую модель, нельзя закрывать глаза на системные проблемы. Многие преподаватели, особенно с большим стажем, воспринимают цифровые инструменты как угрозу своему статусу. Я не раз слышал на кафедральных собраниях фразу: «Раньше студенты писали шпоры, а теперь они приходят с нейросетями, и я не знаю, что оценивать». Это страх не столько перед технологиями, сколько перед потерей контроля. Если студент принес идеально выполненное задание, но оно сгенерировано ИИ, а я не научил его критически его осмыслить и переделать под юридическую специфику – значит, я свою работу не сделал.

Вторая проблема – рабочие программы, как известно, утверждаются на несколько лет вперед, и внести в них изменения, особенно касающиеся работы с нейросетевыми инструментами или зарубежными правовыми базами, – задача не из легких. Помимо бюрократических сложностей, есть и проблема доступа: далеко не у всех студентов он есть, а у кого есть – не всегда стабильный. Добавим к этому жесткие требования к почасовому планированию, которые оставляют мало пространства для маневра. Между тем практика работы с цифровыми ресурсами гибкости требует по определению: сегодня ресурс открыт, завтра – уже нет; сегодня разбираемый кейс актуален, а завтра появляется новый прецедент, и логика занятия вынужденно меняется.

Выводы

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровизация права вовсе не упрощает деятельность преподавателя английского языка в юридическом вузе – напротив, она существенно усложняет и содержательно обогащает ее. Мы неизбежно выходим из роли «учителя английского» в традиционном понимании, превращаясь в наставников, сопровождающих студента в выстраивании связей между правовой нормой и цифровым инструментом. То есть вектор трансформации очевиден: от простой трансляции лингвистических знаний – к позиции интегратора, навигатора, а в чем-то и модератора в непростой экосистеме, объединяющей цифровое право и международную коммуникацию.

При этом важно подчеркнуть: чтобы эти изменения носили не стихийный характер (а сегодня они во многом держатся на личном энтузиазме отдельных преподавателей), требуются системные, институциональные шаги. В системе повышения квалификации, например, по-прежнему доминируют курсы педагогической направленности, тогда как программы по LegalTech и методикам работы с искусственным интеллектом в лингвистическом образовании представлены слабо, а зачастую отсутствуют вовсе. Назрела необходимость пересмотра рабочих программ – с акцентом на включение цифровых правовых ресурсов и инструментов ИИ, – а также налаживания полноценного взаимодействия между кафедрами. Без диалога между языковыми кафедрами и кафедрами информационного и международного права мы рискуем так и остаться в роли «технических лингвистов», которые учат «как», но не всегда понимают «зачем». Только при таком комплексном подходе выпускник юридического вуза сможет овладеть не просто формальным знанием юридического английского, а полноценной цифровой юридической компетенцией на иностранном языке – а это, полагаю, и есть наша общая конечная цель.

Список источников

1. Блинов В.И., Сергеев И.С., Есенина Е.Ю. Цифровая дидактика профессионального образования и обучения. М.: Издательство Юрайт, 2020. 385 с.
2. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика. 7-е изд., стер. М.: Академия, 2021. 336 с.

3. Кравченко Д.В. LegalTech: трансформация юридической профессии и доступа к правосудию в цифровую эпоху // Закон. 2021. № 5. С. 42 – 55.
4. Полат Е.С., Бухаркина М.Ю. Современные педагогические и информационные технологии в системе образования. 4-е изд., стер. М.: Академия, 2018. 368 с.
5. Соловова Е.Н. Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций. 5-е изд. М.: Просвещение, 2019. 238 с.
6. Рожкова М.А. Право и цифра: юридические аспекты цифровой трансформации / Под ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2022. 512 с.
7. Титова С.В. Цифровые технологии в языковом образовании: теория и практика. М.: Эдитус, 2020. 248 с.
8. Хуторской А.В. Методология педагогики: человекообразный подход. Результаты исследования. М.: Эйдос, 2020. 290 с.
9. Kasneci E. et al. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education // Learning and Individual Differences. 2023. Vol. 103. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/learning-and-individual-differences>
10. Шевченко Н.П. Интегративный подход к обучению иностранному языку в неязыковом вузе в условиях цифровизации // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16. № 4. С. 120 – 126.

References

1. Blinov V.I., Sergeev I.S., Yesenina E.Yu. Digital Didactics of Professional Education and Training. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 385 p.
2. Gal'skova N.D., Gez N.I. Theory of Teaching Foreign Languages. Lingvodidactics and Methodology. 7th ed., reprinted. Moscow: Academy, 2021. 336 p.
3. Kravchenko D.V. LegalTech: Transformation of the Legal Profession and Access to Justice in the Digital Age. Law. 2021. No. 5. pp. 42–55.
4. Polat E.S., Bukharkina M.Yu. Modern Pedagogical and Information Technologies in the Education System. 4th ed., reprinted. Moscow: Academy, 2018. 368 p.
5. Solova E.N. Methods of Teaching Foreign Languages: A Basic Lecture Course. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie, 2019. 238 p.
6. Rozhkova M.A. Law and Digital: Legal Aspects of Digital Transformation. Ed. by M.A. Rozhkova. Moscow: Statut, 2022. 512 p.
7. Titova S.V. Digital Technologies in Language Education: Theory and Practice. Moscow: Editus, 2020. 248 p.
8. Khutorskoy A.V. Methodology of Pedagogics: A Human-Based Approach. Research Results. Moscow: Eidos, 2020. 290 p.
9. Kasneci E. et al. ChatGPT for good? On opportunities and challenges of large language models for education. Learning and Individual Differences. 2023. Vol. 103. URL: <https://www.sciencedirect.com/journal/learning-and-individual-differences>
10. Shevchenko N.P. An Integrative Approach to Teaching a Foreign Language in a Non-Linguistic University in the Context of Digitalization. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. Vol. 16. No. 4. P. 120 – 126.

Информация об авторе

Быданцева А.Н., Казанский филиал Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева

© Быданцева А.Н., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.1/.2

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-181-185

Модусные категории оценочности и эмотивности (сопоставительный анализ употребления глаголов получения в русском и французском языке)

¹ Пермякова Е.Г.,

¹ Уральский государственный университет путей сообщения

Аннотация: данное исследование посвящено изучению модусных категорий оценочности и эмотивности с опорой на контекстуальное употребление глаголов получения в русском и французском языке. Цель настоящего исследования - определение культурных особенностей субъективного восприятия ситуации получения представителями двух языковых сообществ. Поставленная цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) установление эквивалентных глаголов получения в схожих контекстах; 2) проведение ассоциативного эксперимента среди русскоязычных и франкоязычных студентов; 3) подведение итогов и сопоставление результатов полученных данных. Актуальность исследования обусловлена проведением языкового эксперимента, который позволит выявить скрытые различия в концептуальной оценке русскоязычных и франкоязычных студентов через контекстуального употребления глаголов. С методологической стороны, разработка и апробация языкового эксперимента представляет новый инструментарий для изучения скрытых механизмов языкового сознания. Полученные данные свидетельствуют о существовании культурно обусловленных различий в концептуальной оценке мира. Русская лингвокультура характеризуется большей прагматичностью, тогда как французская – более чувственно-эмоциональная. Эти различия отражаются в языковом поведении студентов и должны учитываться при обучении иностранным языкам. Материалы ассоциативного эксперимента могут быть использованы для проведения практических занятий и семинаров по изучению русского и французского языков как иностранных.

Ключевые слова: модусная категория, оценочность, эмотивность, глагол, ассоциативный эксперимент, французский язык, русский язык

Для цитирования: Пермякова Е.Г. Модусные категории оценочности и эмотивности (сопоставительный анализ употребления глаголов получения в русском и французском языке) // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 181 – 185. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-181-185

Поступила в редакцию: 12 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Modus categories of evaluation and emotiveness (comparative analysis of the use of verbs of receiving in Russian and French)

¹ Permyakova E.G.,

¹ Ural State Transport University

Abstract: our study focuses on modal categories of value and emotion based on contextual use of Russian and French verbs of getting. The purpose of this study is to determine the cultural characteristics of subjective perception of a situation of getting by native speakers. It involves solving the following tasks: 1) establishing equivalent verbs of getting in contexts; 2) conducting an associative experiment among Russian-speaking and French-speaking students; 3) summing up and comparing the results of the data obtained. The relevance of the study is determined by the language experiment which will reveal hidden differences in the conceptual assessment of Russian-speaking and French-speaking students through the contextual use of verbs. From the methodological point of view, the language experiment can provide a new tool for studying the hidden mecha-

nisms of language consciousness. The data obtained indicate the existence of culturally determined differences in the conceptual assessment of the world. Russian linguoculture is characterized by greater pragmatism, while French is more sensory and emotional. These differences are reflected in students' language behavior and should be taken into account when teaching foreign languages. The results of the associative experiment can be used for practical classes and seminars on the study of Russian or French as a foreign language.

Keywords: modus category, value, emotion, verb of getting, associative experiment, French, Russian

For citation: Permyakova E.G. Modus categories of evaluation and emotiveness (comparative analysis of the use of verbs of receiving in Russian and French). *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 181 – 185. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-181-185

The article was submitted: January 12, 2026; Approved after reviewing: March 10, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Понятие категории в лингвистической науке понимается как группа языковых элементов, объединенных каким-либо признаком. Язык постоянно пополняется новыми категориями, так и в рамках категории происходит непрерывное развитие, благодаря углублению познания человека [6, с. 90].

Познание мира невозможно без использования языка. Вербализованные сущности обслуживают коммуникативный уровень при изучении коммуникативного уровня вся необходимая информация извлекается из поверхностных структур. Наряду с классическими языковыми категориями есть категории, связанные непосредственно с процессом использования языка и такие категории называются коммуникативными [8]. Коммуникативные категории выражают субъективное отношение к содержанию высказывания.

Многие из коммуникативных категорий являются результатом продуманной тактики. Осознанный выбор тактик рассматривается как прагматический подход и такие категории называются модусными [2, 3], [7]. Модусные категории являясь коммуникативными категориями характеризуются своим основным функциональным назначением – выражать субъективность при постоянном взаимодействии с реальной действительностью [5, с. 61, 10]. Модусные категории обладают онтологическими свойствами, они проникают во все сферы когнитивно-креативной деятельности человека по восприятию, обработке, интерпретации происходящих вокруг него событий и формированию на этой основе субъективных смыслов [2, с. 46], [4, 11].

В рамках модусных категорий проявляются более частные категории, например категории оценочности и эмотивности. Категория оценочности проявляется в различных оценках в рамках субъективных понятий нормы и собственных представлений о мире. Человек прагматически оценивает высказывание или явление, взвешивает, продумывает что надо сказать, решает как отразится результат на его субъективной действительности по нескольким направлениям: хорошо/плохо, приятно/неприятно и т.п. [1, 9, 13].

Категория эмотивности представляется как выражение эмоционального состояния говорящего в произносимой речи. Человек не просто что-то сообщает, а передает эмоцию собеседнику. Это главная коммуникативная задача категории эмотивности. Эмотивность связана с психологией человека, она представляет собой настолько индивидуальное явление, что считается наиболее трудной для описания, поскольку ее границы размыты. Представляется возможным обнаружить категорию эмотивности по большей части в текстах. Однако, это категория встречается и в повседневном общении. Любая реакция человека на событие или высказывание невозможна без отрицательной или положительной эмоции. Это нередко приводит к ответной реакции-высказыванию [12].

Проблема нашего исследования заключается в недостаточном понимании того, как выбор конкретных глаголов в различных контекстуальных ситуациях соотносятся с когнитивными и культурными установками носителей французского и русского языков. В частности, остается неясным, могут ли быть разработаны модели употребления глаголов, отражающие эмоциональные реакции или оценочные суждения, характерные для каждой языковой группы. Изучение этих нюансов позволит не только уточнить представления о межкультурной прагматике, но и разработать более эффективные методики преподавания иностранных языков, учитывающие когнитивные механизмы, влияющие на восприятие.

Материалы и методы исследований

Данное исследование строится на комплексном использовании как количественных, так и качественных методов анализа языкового материала, собранного в результате сплошной выборки из толковых словарей, национальных языковых корпусов и таблицы, специально организованные для проведения эксперимента.

Для исследования использовались словарные дефиниции глаголов получения из источников: Новый словарь русского языка и Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales. Примеры для контекстуального анализа собраны методом сплошной выборки из национальных корпусов: Национальный корпус русского языка (НКРЯ); корпус Leipzig Corpora Collection (LCC).

Для изучения того, как человеческий разум воспринимает и интерпретирует получаемые данные информации с последующей интерпретацией и для реализации задач использовались методы когнитивной лингвистики, одним из которых является функционально-семиологический подход, предложенный Н.Н. Болдыревым, как система многоаспектных исследовательских приемов [2].

В исследовании применена оригинальная методика, позволяющая зафиксировать ассоциации, возникающих у респондентов по таким параметрам как наличие компонентов высказывания «оценка» и «эмоции». Предпринята попытка эмпирического выявления и сопоставительного анализа употребления глаголов получения, представленных в схожих контекстах в русском и французском языке.

Языковой ассоциативный эксперимент был проведен на кафедре «Иностранные языки и межкультурные коммуникации» Уральского государственного университета путей сообщения. Для его проведения были составлены листы опроса, в которых была включена анкета для общего представления об участниках: возраст, город (регион/область, страна), образование, социальный статус. В экспериментальной части предъявлялись речевые ситуации. Респондентам предлагалось отметить те ассоциации, на которые у них возникал тот или иной концептуальный отклик, а именно «хорошо/плохо», «смешно/грустно», «приятно/неприятно» и т.п. Помимо основных пунктов участникам эксперимента предлагается выделить стимульное слово. Наличие такого слова предполагает проявление какой-либо части речи в отдельном предложении. Для разноязычных вариантов карточек предлагались близкие по значения, полные или переводные эквиваленты предложений. Например: *Я загнал свой телек. - J'ai bazardé ma téléche.*

При выявлении субъективных оценок большую роль играет контекст. В определенных контекстах знаки препинания и междометия, выраженные словесно, оценочная лексика могут значить гораздо больше, чем целое предложение. Всё перечисленное характерно для разговорной речи, что оказало влияние на выбор примеров и дало возможность зафиксировать определенную реакцию человека на происходящее событие, которое описывается в высказывании. Мы постарались создать некоторое подобие модели эмоционального высказывания на русском и французском языке.

Результаты и обсуждения

Обработка данных выявила следующие анкетные данные. Среди участников преобладают юноши и девушки в возрасте от 17 до 30 лет. Большинство участников – уроженцы крупных городов различных регионов. Это обстоятельство, может свидетельствовать об определенном мировоззрении, сформированном благодаря возможности обучения в специализированных учебных заведениях, наличие возможности посещать разнообразные творческие и спортивные секций, а также получения дополнительного профессионального образования. Лишь немногие участники родом из небольших городов с относительно комфортными условиями, однако ограниченным доступом к дополнительному образованию и востребованным профессиям, что, безусловно, может влиять на кругозор студентов-участников.

Данные, полученные эмпирическим путем, свидетельствуют о существовании культурно обусловленных различий в концептуальной оценке мира.

Рассмотрим, результаты проведенного опроса на примере конкретных глаголов получения в русском и французском языках. В русском языке, в ситуациях получения через отчуждение часто вербализуется концептуальный признак результативности и цели, подчеркивая нацеленность на успех и продуктивность, что подразумевает активное участие получателя выгоды. Например, русские глаголы *отвалить*, *выманить*, *загнать*. Во французском языке, напротив, эквивалентные глаголы или глаголы в схожих контекстах *bazarder*, *écailler*, *balancer* могут быть более описательными, концентрируясь на внутреннюю логику самого процесса, реализуя концептуальный признак локативности, инструмента и способа.

Выявленные различия влияют на восприятие учебного процесса и формирование концептуальной системы обучающихся. Русскоязычные студенты лучше воспринимают конкретное и буквальное объяснение, и более склонны к тщательному и прагматичному описанию своих действий. Французские студенты более склонны к эстетическому восприятию и рефлексии. Подобные различия в ассоциативном поле у представи-

телей разных лингвокультур проявились не только по результатам ассоциаций в ответ на семантическое наполнение ситуаций с глаголами получения. Учитывается и реакция на слова стимулы, усиливающие экспрессию. В русском тексте такими словами чаще являются глаголы и существительные, связанные с материальными ценностями. Во французском языке доминируют глаголы, несущие основную смысловую нагрузку, передающие оттенки чувств и состояние эмоциональной напряженности. Изучение примечательных лексических единиц дает возможность лучше понять, какие средства языка используются для достижения максимального воздействия на читателя.

Выводы

Подводя итог, следует отметить, что разработка и апробация языкового эксперимента, направленного на ассоциации с эмоциями и оценками контекстуального употребления глаголов получения позволили выявить сходства и различия в формировании концептуальной оценки русскоязычных и франкоязычных студентов. Выявленные различия могут помочь в подготовке более эффективных методик преподавания русского и французского языка как иностранного в рамках создания искусственных коммуникативных ситуаций для привлечения внимания к определенным когнитивным механизмам, с целью стимулирования индивидуальных системы стереотипов и ценностей. Кроме того, результаты исследования могут способствовать улучшению межкультурного взаимопонимания, уменьшению языковых барьеров и развития практик межкультурного взаимодействия.

Дальнейшее исследование будет направлено на изучение влияния индивидуального и коллективного опыта на процесс формирования языковых ассоциаций. Планируется расширить выборку участников и провести более детальный анализ полученных данных.

Список источников

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988. 338 с.
2. Болдырев Н.Н. Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Часть 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. ст. к юбилею профессора Н.А. Кобриной. СПб., 2005. С. 31 – 46.
3. Болдырев Н.Н. Вторичная интерпретация как способ языкового манипулирования сознанием // Манипуляции и социум: язык, сознание, культура: сборник научных трудов. Калининград, 2023. С. 5 – 8.
4. Болдырев Н.Н. Интерпретирующий потенциал глагола в языковом конструировании знаний о мире // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2025. № 1. С. 5 – 16.
5. Кобрина Н.А. Культура и ее роль в лингвокреативной деятельности человека // *Studia Linguistica*. Перспективные направления современной лингвистики. СПб., 2003. Вып. XII. С. 61 – 67.
6. Кобрина О.А. Модусные категории как способы выражения субъективного отношения человека к высказыванию // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2006. № 2 (7). С. 90 – 100.
7. Кобрина О.А. Модусная составляющая лингво-коммуникативной категории // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: сборник материалов Второй всероссийской конференции с международным участием. Нижний Новгород, 2021. С. 50 – 56.
8. Кубрякова Е.С. О двойной сущности языковых категорий и организации языковых категорий // Материалы науч. конф. 23-25 апреля 1998. М., 1998. С. 7 – 12.
9. Макарова Е.М. Эмоционально-оценочный компонент слова как составляющая его лексического значения // Лекантовские чтения – 2022: материалы межд. науч. конф. 18 ноября 2022. М.: Московский государственный областной педагогический университет, 2022. С. 246 – 250.
10. Панасенко Л.А., Самарина А.Г. Концептуально-тематическая область как средство модусного форматирования рекламного слогана // Вопросы когнитивной лингвистики. Тамбов, 2021. № 2. С. 37 – 45.
11. Панасенко Л.А. Ассоциативный формат интерпретирующего потенциала лексики как когнитивная основа вторичных структур в дискурсе // Когнитивные исследования языка. Тамбов, 2024. № 2-1 (58). С. 714 – 717.
12. Пиотровская Л.А. Стратификация эмоций в речемыслительной деятельности // Функционально-лингвистические исследования: сб. науч. ст. в честь проф. А.В. Бондарко. СПб., Наука, «Сага», 2005. С. 102 – 115.
13. Сенченкова М.В. Сходство и отличие французской глагольной системы от русской: категория модальности // Вопросы современной лингвистики: сб. науч. ст. М., 2024. № 6. С. 71 – 78.
<https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-71-78>

References

1. Arutyunova N.D. Types of linguistic meanings. Evaluation. Event. Fact. Moscow, 1988. 338 p.
2. Boldyrev N.N. Modus categories in language. Cognitive linguistics: mental foundations and linguistic realization. Part 1. Lexicology and grammar from a cognitive point of view: collected articles for the anniversary of professor N.A. Kobrina. St. Petersburg, 2005. P. 31 – 46.
3. Boldyrev N.N. Secondary interpretation as a way of linguistic manipulation of consciousness. Manipulations and society: language, consciousness, culture: collection of scientific papers. Kaliningrad, 2023. P. 5 – 8.
4. Boldyrev N.N. Interpretive potential of the verb in the linguistic construction of knowledge about the world. Issues of cognitive linguistics. Tambov, 2025. No. 1. P. 5 – 16.
5. Kobrina N.A. Culture and its role in human linguo-creative activity. Studia Linguistica. Promising directions of modern linguistics. St. Petersburg, 2003. Issue XII. P. 61 – 67.
6. Kobrina O.A. Modus categories as ways of expressing a person's subjective attitude to an utterance. Issues of cognitive linguistics. Tambov, 2006. No. 2 (7). P. 90 – 100.
7. Kobrina O.A. Modus component of the linguo-communicative category. Actual problems of philology and linguodidactics: collection of materials of the Second All-Russian conference with international participation. Nizhny Novgorod, 2021. P. 50 – 56.
8. Kubryakova E.S. On the Dual Essence of Linguistic Categories and the Organization of Linguistic Categories. Proceedings of the scientific conf. April 23–25, 1998. Moscow, 1998. P. 7 – 12.
9. Makarova E.M. The Emotional-Evaluative Component of a Word as a Component of Its Lexical Meaning. Lekantovskie Readings – 2022: Proceedings of the int. scientific conf. November 18, 2022. Moscow: Moscow State Regional Pedagogical University, 2022. P. 246 – 250.
10. Panasenko L.A., Samarina A.G. Conceptual and Thematic Area as a Means of Modal Formatting of an Advertising Slogan. Issues of Cognitive Linguistics. Tambov, 2021. No. 2. P. 37 – 45.
11. Panasenko L.A. Associative format of the interpretative potential of vocabulary as a cognitive basis for secondary structures in discourse. Cognitive studies of language. Tambov, 2024. No. 2-1 (58). P. 714 – 717.
12. Piotrovskaya L.A. Stratification of emotions in speech-thought activity. Functional-linguistic studies: collection of scientific articles in honor of prof. A.V. Bondarko. St. Petersburg, Nauka, "Saga", 2005. Pp. 102–115.
13. Senchenkova M.V. Similarities and differences between the French and Russian verb systems: the category of modality. Issues of modern linguistics: collection of scientific articles. M., 2024. No. 6. P. 71 – 78. <https://doi.org/10.18384/2949-5075-2024-6-71-78>

Информация об авторе

Пермякова Е.Г., кандидат филологических наук, доцент, Уральский государственный университет путей сообщения

© Пермякова Е.Г., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'42

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-186-194

Тактики конфронтации и мобилизации в молодёжном экологическом дискурсе

¹Ходыка А.И.,

¹Донской государственный технический университет

Аннотация: статья посвящена комплексному прагматическому анализу экологического дискурса молодёжного активизма на материале публичных выступлений Дж. Фостера II и Ш. Роске-Мартинеза. Актуальность исследования обусловлена возрастанием роли молодёжных климатических движений в глобальной политической повестке и необходимостью изучения дискурсивных механизмов речевого воздействия. Цель работы состоит в выявлении доминирующих конфронтационных и мобилизационных тактик, а также в анализе маркеров распределения ответственности в речах экологов. Эмпирическую базу составил аннотированный корпус из шести публичных выступлений. В качестве методологической основы использованы критический дискурс-анализ и теория речевых актов, что позволило формализовать способы построения экологической аргументации. Результаты количественного и качественного анализа показывают, что основу конфронтационной макростратегии составляет тотальная критика институциональной политики, тогда как мобилизационная макростратегия характеризуется внутренней дифференциацией: для дискурса Ш. Роске-Мартинеза показателен акцент на конструировании срочности (N = 81), тогда как риторика Дж. Фостера II опирается на формирование коалиций (N = 45), направленное на консолидацию уязвимых социальных групп. Установлено, что институциональная критика непосредственно связана с коммуникативным механизмом перераспределения ответственности, в рамках которого на политические элиты возлагается каузальная ответственность за экологический кризис, а молодёжь наделяется моральным правом на легитимацию радикальных системных преобразований. Полученные результаты вносят вклад в развитие эколингвистики, политической прагматики и теории речевого воздействия.

Ключевые слова: экологический дискурс, активистский дискурс, критический дискурс-анализ, коммуникативная тактика, прагматика, молодёжный активизм, распределение ответственности, речевое воздействие

Для цитирования: Ходыка А.И. Тактики конфронтации и мобилизации в молодёжном экологическом дискурсе // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 186 – 194. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-186-194

Поступила в редакцию: 12 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 10 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Confrontation and mobilization tactics in youth environmental activism discourse

¹Khodyka A.I.,

¹Don State Technical University

Abstract: the article presents a comprehensive pragmatic analysis of the environmental discourse of youth activism based on the public speeches of J. Foster II and X. Roske-Martinez. The relevance of the study is driven by the increasing role of youth climate movements in the global political agenda and the need to study the discursive mechanisms of persuasion. The aim of the work is to identify the dominant confrontational and mobilizational tactics, as well as to deconstruct the markers of responsibility distribution in the speeches of eco-activists. The empirical base consisted of an annotated corpus of six public speeches. Critical discourse analysis combined with the speech act theory was applied as a methodological framework, which allowed for the formalization of the ways of constructing environmental argumentation. The results of the quantitative and qualitative analysis demonstrate that the foundation of the confrontational macro-strategy is the total criticism of institutional

policy, while the mobilizational macro-strategy is diversified: the discourse of X. Roske-Martinez is characterized by an emphasis on urgency creation (N=81), whereas the rhetoric of J. Foster II relies on coalition building (N=45) to consolidate vulnerable social groups. It is proved that institutional criticism is inextricably linked to the communicative mechanism of responsibility redistribution, in which political elites are assigned causal blame for the environmental crisis, while youth are delegated the moral right to legitimize radical systemic transformations. The obtained results make a significant contribution to the development of ecolinguistics, political pragmatics, and the theory of speech influence.

Keywords: environmental discourse, activist discourse, critical discourse analysis, communicative tactic, pragmatics, youth activism, distribution of responsibility, speech influence

For citation: Khodyka A.I. Confrontation and mobilization tactics in youth environmental activism discourse. *Philological Bulletin*. 2026. 5 (2). P. 186 – 194. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-186-194

The article was submitted: January 12, 2026; Approved after reviewing: March 10, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

В современной лингвистической парадигме экологический дискурс представляет собой многомерный и динамично развивающийся феномен. Экологический дискурс традиционно понимается как совокупность публичных высказываний об экологических проблемах и способах реагирования на них, которые адресованы массовой аудитории и предполагают прагматическую направленность на формирование позиции адресата и на изменение его поведенческих установок. Формируясь на пересечении естественнонаучного, политического и медийного типов институционального общения, экологический дискурс оформляет климатическую повестку через специфический набор коммуникативных целей. К их числу относятся описание экологической ситуации, критическая оценка действий государственных и корпоративных институтов, мобилизация аудитории, легитимация предлагаемых климатических решений, а также конструирование и распределение ответственности между участниками глобальных процессов.

Особый статус в структуре глобальной климатической коммуникации занимает активистский дискурс, интенсивное развитие которого неразрывно связано с беспрецедентной политизацией экологических проблем в XXI веке. Дискурс активистских выступлений характеризуется систематической ориентацией на призывные и нормативные высказывания, на прямое оценивание действий институтов, а также на предъявление аргументации в форме, максимально пригодной для публичного распространения и цитирования. Специфика данного типа коммуникации определяется синкретизмом субъектности: говорящий вынужден совмещать сразу несколько социальных и речевых ролей в одном жанровом формате, выступая одновременно как рядовой участник низового социального движения, как профессиональный публичный коммуникатор, как бескомпромиссный представитель определённой этико-ценностной позиции, а в ряде случаев – как легитимный эксперт или транслятор научного знания.

Обострение климатического кризиса в последние годы спровоцировало феномен глобального молодёжного климатического активизма, яркими представителями которого являются такие фигуры, как Грета Тунберг, Шие Бастида, Джером Фостер II и Шутезкат Роске-Мартинез. Исследования последних лет убедительно доказывают, что молодёжный активистский дискурс представляет собой не просто реактивную форму протеста, а сложную дискурсивную практику субъективации и перераспределения будущего. Дискурс молодёжного активизма фреймирует климатический кризис не только как техногенную катастрофу, но прежде всего как результат структурной социальной асимметрии и межпоколенческой несправедливости. Критический дискурс-анализ (КДА) публичных выступлений молодых эоактивистов демонстрирует, что в их текстах последовательно оспариваются доминирующие властные отношения, а консенсусные бюрократические нарративы о «постепенном устойчивом развитии» вытесняются риторикой диссенсуса и радикального перелома.

Теоретической рамкой настоящего исследования выступает концепция коммуникативных стратегий и тактик. В контексте политической и экологической прагматики коммуникативные стратегии и тактики трактуются как устойчивые способы организации сообщения и повторяющиеся речевые действия, посредством которых говорящий реализует свои иллокутивные намерения. На фоне общей персуазивной стратегии, направленной на убеждение реципиента, в активистском дискурсе отчетливо кристаллизуются два вектора тактического воздействия: конфронтационный и мобилизационный. Конфронтационные тактики обеспечивают делигитимацию оппонентов (правительств, транснациональных корпораций) и деконструкцию статус-кво, в то время как мобилизационные тактики нацелены на формирование коллективной иден-

тичности протеста, создание чувства немедленной угрозы и стимуляцию массового гражданского участия [9; 10].

Фундаментальным прагматическим механизмом, связывающим конфронтацию и мобилизацию, является распределение ответственности. В экологическом дискурсе распределение ответственности функционирует как способ конструирования каузальных и моральных связей: кто является виновником кризиса, кто несет бремя его последствий, и кто обладает легитимным правом требовать изменений. Персонализация и деперсонализация ответственности, выражаемая через лексико-грамматические маркеры долженствования и специфическую систему местоименной адресации (оппозиция «мы» – «они/вы»), становится главным риторическим инструментом, позволяющим активистам конвертировать критику институтов в призыв к коллективному действию [12; 13].

Несмотря на наличие обширной научной базы, посвященной экологической коммуникации и роли метафор или эмоций в активистском дискурсе [14; 15], наблюдается явный дефицит исследований, сфокусированных на детальном количественно-качественном микроанализе специфических конфронтационных и мобилизационных тактик в речах англоязычных лидеров молодёжного климатического движения. Актуальность настоящей работы обусловлена необходимостью восполнить этот пробел посредством системного описания лингвистических механизмов тактического воздействия на материале аннотированных корпусов текстов двух выдающихся молодых активистов – Джерома Фостера II и Шутезката Роске-Мартинеза.

Исходя из поставленной цели, в настоящем исследовании формулируются следующие исследовательские вопросы:

1. Какие конфронтационные и мобилизационные тактики являются наиболее частотными в институциональных публичных выступлениях Дж. Фостера II и Ш. Роске-Мартинеза?
2. Каким образом посредством данных тактик в речах активистов распределяется ответственность между инклюзивным субъектом («я/мы»), аудиторией и властными институтами?
3. Как дискурсивная критика институтов сопрягается с мобилизационными призывами к коллективному действию?

Материалы и методы исследований

Эмпирической базой данного исследования послужил специализированный текстовый корпус, включающий шесть транскрибированных публичных выступлений англоязычных экологических активистов. Выборка ограничена выступлениями двух видных представителей молодёжного климатического движения мужского пола: Джерома Фостера II (Jerome Foster II, 23 года) и Шутезкатля Роске-Мартинеза (Xiuhtezcatl Roske-Martinez, 25 лет). Отбор материала продиктован стремлением проанализировать дискурс спикеров, которые обладают высоким статусом в международной экоактивистской среде и регулярно выступают на крупнейших глобальных площадках.

В качестве минимальной единицы анализа в исследовании был принят отдельный речевой сегмент (speech act segment / clause). Использование сегмента, а не целого грамматического предложения, обусловлено методологическими требованиями прагматики: сложные бессоюзные или сложноподчиненные предложения часто дробятся оратором для последовательной реализации нескольких различных тактик. Сегментация производилась по границам интонационной, синтаксической и предикативной завершенности, что позволило строго соотнести каждую выделенную реплику с классификацией иллокутивных актов Дж. Сёрля (ассертивы, директивы, экспрессивы, комиссивы, декларативы).

Методология качественного и количественного анализа строго ограничена набором тактик, верифицированным в первичных аннотациях корпуса. Новые виды классификационного анализа не вводились. Аналитический аппарат сфокусирован на двух макрокатегориях:

1. Конфронтационные тактики:
 - Критика политики (Policy criticism) – высказывания, направленные на деконструкцию текущего политического курса, изобличение системной несправедливости, расизма, колониализма или экологического пренебрежения;
 - Требования (Demands) – императивные утверждения, устанавливающие жесткие рамки необходимых действий и бескомпромиссных условий для властных структур.
2. Мобилизационные тактики:
 - Конструирование срочности (Urgency creation) – риторические ходы, подчеркивающие немедленный, безотлагательный характер кризиса и дефицит времени;
 - Формирование коалиций (Coalition building) – апелляции к коллективной идентичности, объединение маргинализированных групп (молодежь, коренные народы) в единый фронт;

- Призыв к действию (Call to action / СТА) – прямые директивы, побуждающие аудиторию к физическому, социальному или политическому сопротивлению.

Правила подсчета базируются на методах описательной статистики. Для каждой тактики высчитывалась абсолютная частота появления (N) в рамках аннотированного массива. Для обеспечения сопоставимости данных между активистами применялась нормализация: вычислялась процентная доля (%) конкретной тактики от общего числа сегментов внутри её макрокатегории (конфронтационной или мобилизационной). Данные представлены в формате сводных таблиц.

Выбор примеров для иллюстративного анализа осуществлялся целенаправленно из пула наиболее частотных тактик обоих спикеров. Короткие фрагменты цитат экстрагированы строго из оригинального англоязычного корпуса без смысловых искажений. Интерпретация примеров производилась через призму маркеров распределения ответственности (лексика долженствования, семантика вины, местоименная оппозиция), демонстрируя взаимосвязь между речевым актом, стратегией и тактикой.

Результаты и обсуждения

Формирование активистского дискурса неразрывно связано с выбором специфического тактического арсенала, позволяющего говорящему одновременно выполнять функции критика существующей системы и мотиватора масс. Количественные показатели, извлеченные из аннотированного корпуса институциональных речей Дж. Фостера II и Ш. Роске-Мартинеза, позволяют выявить фундаментальные закономерности в архитектуре экологического протеста.

В табл. 1 представлены абсолютные и относительные частоты использования конфронтационных и мобилизационных тактик в репертуаре каждого из активистов.

Таблица 1

Частотность тактик по каждому активисту (N, %).

Table 1

Frequency of tactics for each activist (N, %).

Макрокатегория	Наименование тактики	Дж. Фостер II (N)	Дж. Фостер II (%)	Ш. Роске-Мартинез (N)	Ш. Роске-Мартинез (%)
Конфронтационные	Критика политики (Policy criticism)	75	89,3%	85	96,6%
	Требования (Demands)	9	10,7%	3	3,4%
	Итого по категории:	84	100%	88	100%
Мобилизационные	Формирование коалиций (Coalition building)	45	53,6%	5	5,7%
	Конструирование ургентности (Urgency creation)	34	40,5%	81	92,0%
	Призыв к действию (Call to action)	5	5,9%	2	2,3%
	Итого по категории:	84	100%	88	100%

Эмпирические данные свидетельствуют о высоком уровне гомогенности конфронтационного профиля обоих ораторов: абсолютной доминантой выступает «критика политики». У Дж. Фостера II данная тактика охватывает 89,3% конфронтационных актов, а у Ш. Роске-Мартинеза достигает 96,6%. Использование прямых требований (demands) носит точечный, кульминационный характер. Однако в мобилизационном профиле фиксируется радикальная дивергенция. Дискурс Дж. Фостера II центрирован на «формировании коалиций» (53,6%), что отражает его стратегию интерсекциональности – объединения климатической повестки с антирасистской и антиколониальной борьбой. В противовес этому, риторика Ш. Роске-Мартинеза опирается на «конструирование ургентности» (92,0%), акцентируя внимание на дефиците времени и необратимости климатических изменений.

Для выявления общих жанровых констант молодежного эоактивизма целесообразно рассмотреть агрегированные данные по двум ораторам, представленные в табл. 2.

Таблица 2
Сравнение конфронтационных и мобилизационных тактик (сводно по двум активистам).

Table 2

Comparison of confrontational and mobilization tactics (summary for two activists).

Категория воздействия	Тактика	Суммарная частота (N)	Общая доля внутри категории (%)
Конфронтация	Критика политики	160	93,0%
	Требования	12	7,0%
Мобилизация	Конструирование срочности	115	66,9%
	Формирование коалиций	50	29,1%
	Призыв к действию	7	4,0%

Сводный анализ выявляет ключевой парадокс активистского дискурса: прямые призывы к действию (Call to action) составляют лишь 4,0% от общего объема мобилизационных усилий. Это подтверждает гипотезу о том, что мобилизация аудитории в экологическом дискурсе осуществляется не эксплицитно (через императивы), а имплицитно – посредством создания атмосферы критической угрозы (66,9%) и выстраивания солидарности (29,1%). Критика институтов выступает не автономным актом, а логическим фундаментом, подготавливающим когнитивную базу для последующей поведенческой мобилизации.

Одним из сложнейших аспектов прагматического анализа является выявление механизмов распределения ответственности. Поскольку в исходном корпусе отсутствует изолированная метка «ответственность», данная категория реконструируется на пересечении тактических приемов, типов речевых актов (директивы, комиссивы) и лексико-грамматических маркеров. Систематизация этих маркеров представлена в табл. 3.

Таблица 3

Маркеры распределения ответственности в речах активистов.

Table 3

Markers of responsibility distribution in activist speeches.

Тип маркера	Лингвистическая реализация (примеры из корпуса)	Сопряженная тактика	Прагматическая функция в дискурсе
Институциональная вина (Ретроспективная ответственность)	Местоимение «you» (вы), лексемы «mess», «decisions»	Критика политики, Требования	Персонализация вины элит; делегитимация текущего политического курса.
Коллективный долг (Проспективная ответственность)	Местоимения «we/our», лексемы «responsibility», «accountability»	Формирование коалиций, Этос	Деперсонализация индивидуальной вины в пользу солидарного долга поколений.
Деонтическая модальность	Глаголы «must», «have to», «need to»	Конструирование срочности, Призыв к действию	Установление безальтернативных рамок действий; блокировка компромиссов.

Для более глубокой интерпретации того, как критика институтов сочетается с призывами к коллективному действию и как при этом перераспределяется ответственность, рассмотрим короткие иллюстративные примеры употребления тактик из речей обоих активистов.

Пример 1 (Ш. Роске-Мартинез, ООН)

Текст: «It's important that you realize we are the ones that will have to clean up the mess you leave behind».

Тактика: Требования (Demands) / Критика политики (Policy criticism).

Анализ: Директивный речевой акт жестко поляризует субъектов коммуникации через оппозицию местоимений «we» (молодежь) и «you» (институты). Использование разговорной метафоры «the mess» (беспорядок) для описания глобального кризиса снижает статус политических решений до уровня бытовой халатности. Ответственность здесь предельно персонализирована: элитам приписывается вина за прошлое и настоящее, а на молодежь возлагается бремя проспективной ответственности за исправление ситуации.

Пример 2 (Ш. Роске-Мартинез, ООН)

Текст: «What a lot of people fail to see or simply ignore is that climate change isn't an issue that is far off in the future... It's affecting us right here, right now, and will only continue to get worse».

Тактика: Конструирование срочности (Urgency creation).

Анализ: Ассертивное высказывание направлено на деконструкцию иллюзии временной дистанции. Нагромождение темпоральных деиктических маркеров («right here, right now») переводит экологическую угрозу из разряда гипотетических прогнозов в категорию немедленного физического опыта. Это ключевой мобилизационный прием, лишаящий институты права на бюрократическое промедление.

Пример 3 (Дж. Фостер II, ООН)

Текст: «...we can't have climate justice in an unjust system that's inherently unjust».

Тактика: Критика политики (Policy criticism) / Формирование коалиций (Coalition building).

Анализ: Тавтологический повтор лексемы «unjust» усиливает категоричность ассертива. Фостер демонстрирует, что экологический кризис неотделим от кризиса социального. Распределение ответственности переходит с уровня индивидуальных экологических практик на уровень системного демонтажа дискриминационных институтов, что формирует идеологическую базу для объединения различных протестных групп.

Пример 4 (Дж. Фостер II, ООН)

Текст: «We're talking about trying to reverse colonialism. We're trying to talk about reversing racism... which has exploited entire communities and exploited entire people».

Тактика: Формирование коалиций (Coalition building) / Критика политики (Policy criticism).

Анализ: Спикер прибегает к тактике семантического расширения экологического дискурса. Фрейминг изменения климата через призму колониализма и расизма позволяет Дж. Фостеру II возложить историческую ответственность на развитые государства и корпорации. Глагол «exploited» маркирует агрессивную каузальность действий элит, объединяя жертв экологического и социального неравенства в единую коалицию.

Пример 5 (Дж. Фостер II, ООН)

Текст: «...but it's our responsibility to make sure that countries have the quality of life that they need».

Тактика: Формирование коалиций (Coalition building) / Апелляция к этосу (Ethos).

Анализ: Прямое лексическое маркирование ответственности («responsibility»). Инклюзивное местоимение «our» деперсонализирует вину, трансформируя ее в солидарный глобальный долг. Фостер переводит дискурс из парадигмы «помощи» (charity) в парадигму этического обязательства перед уязвимыми нациями, легитимируя требования экологической справедливости.

Пример 6 (Дж. Фостер II, ООН)

Текст: «And we have to act».

Тактика: Призыв к действию (Call to action) / Требования (Demands).

Анализ: Предельно лаконичный директив, в котором модальный глагол «have to» снижает любую опциональность поведения. Мобилизационный призыв здесь лишен патетики; он выступает как строгое логическое следствие (логос) из предшествующей критики политики, требуя от аудитории безотлагательного выполнения своего долга.

Пример 7 (Ш. Роске-Мартинез, ООН)

Текст: «...future generations will look back at this time and blame us for not doing everything in our power to stop it».

Тактика: Конструирование urgency (Urgency creation) / Прогнозирование (Projection).

Анализ: Использование лексемы «blame» (обвинять) в сочетании с концептом будущих поколений конструирует ответственность авансом. Спикер использует проекцию будущего для оказания мощного психологического давления на политиков в настоящем. Мобилизация достигается через страх исторического осуждения.

Пример 8 (Ш. Роске-Мартинез, ООН)

Текст: «...standing up to fight for my future and for our planet.»

Тактика: Призыв к действию (Call to action).

Анализ: Замещение пассивного экологического лексикона агрессивной милитаристской метафорикой («fight»). Ответственность за выживание персонализируется («my future»), но немедленно масштабируется до глобального уровня («our planet»). Это переводит активистский дискурс из статуса наблюдателя в статус активного, конфронтационного сопротивления.

Интерпретация полученных результатов в контексте современных прагматических и политологических исследований [5; 6; 8] позволяет констатировать, что активистский дискурс формируется на стыке деконструкции и конструирования. Различия между активистами обусловлены их индивидуальными тактическими профилями: Дж. Фостер II тяготеет к интерсекциональности и глубокой социальной проблематизации, объединяя климат с антирасистской повесткой, что объясняет его фокус на тактике формирования ко-

алиций. Ш. Роске-Мартинез опирается на темпоральные маркеры и индигенную (коренную) идентичность, делая ставку на конструирование ургентности и катастрофизм, что является классическим триггером эмоционального фреймирования.

Однако общая закономерность неоспорима: критика институтов служит обязательным прагматическим пререквизитом для мобилизации. Как отмечает Ф. Бюре, риторика диссенса в молодёжном климатическом движении политизирует проблему, отвергая консенсусные бюрократические подходы. Делегитимируя действия властей посредством тактики *policy criticism*, активисты создают ценностный вакуум, который немедленно заполняется их собственными радикальными требованиями.

Механизм адресации играет ключевую роль в этом процессе [3; 9]. Эксклюзивное обращение к институтам («you») используется для жесткой фиксации ретроспективной вины (кто разрушил экологию). Напротив, инклюзивное обращение («we/our») применяется для формулирования проспективной ответственности (кто должен спасти планету). Таким образом, распределение ответственности выступает не просто семантическим наполнением текста, а мощным коммуникативным эффектом: оно лишает политические элиты монополии на принятие решений и наделяет молодёжь неоспоримым моральным авторитетом, необходимым для инициации глобальных коллективных действий [10; 11].

Выводы

Проведенное исследование конфронтационных и мобилизационных тактик в экологическом дискурсе молодёжного активизма позволяет сделать следующие выводы, дающие исчерпывающие ответы на поставленные исследовательские вопросы:

Во-первых, установлено, что основу конфронтационной макростратегии в речах обоих активистов составляет тактика критики политики (93,0% от всех конфронтационных актов), которая используется для тотальной деконструкции текущего институционального курса. В мобилизационной макростратегии доминирующими тактиками выступают конструирование ургентности (66,9%) и формирование коалиций (29,1%). При этом выявлены индивидуальные предпочтения: дискурс Ш. Роске-Мартинеза центрирован на темпоральной ургентности (92,0%), тогда как Дж. Фостер II опирается на интерсекциональное коалиционное строительство (54,2%). Прямые призывы к действию (СТА) составляют незначительное меньшинство (4,0%), что доказывает имплицитный характер мобилизационного воздействия в современном активизме.

Во-вторых, распределение ответственности реализуется через жесткую субъектно-объектную поляризацию и манипулирование местоименной референцией. Институциональным акторам посредством эксклюзивного местоимения «you» и лексики обвинения («mess», «blame») приписывается каузальная и ретроспективная ответственность за допущение кризиса. Одновременно с этим, через инклюзивное «we/our» и деонтическую модальность («must», «have to», «responsibility») на аудиторию и молодёжь возлагается моральная и проспективная ответственность за немедленное спасение окружающей среды.

В-третьих, сопряжение критики институтов с мобилизационными призывами носит каузальный характер. Конфронтационная критика не является автономным актом; она функционирует как прагматический триггер, разрушающий легитимность традиционных бюрократических методов решения проблем. Дискредитация политических элит и создание атмосферы критической угрозы формируют у аудитории когнитивный диссонанс, единственным выходом из которого становится солидаризация с активистами и готовность к коллективному действию.

Таким образом, экологический дискурс молодёжного активизма представляет собой высокоорганизованную персуазивную систему, в которой прагматическое перераспределение ответственности выступает главным механизмом конвертации институциональной критики в глобальную гражданскую мобилизацию.

Список источников

1. Иванова Е.В. Метафорическая концептуализация природных катастроф в экологическом дискурсе: на материале медийных текстов: дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 219 с.
2. Buhre F. Dissensus Rhetoric in Youth Climate Justice Activism // *Environmental Communication*. 2025. Vol. 19. No. 8. P. 1411 – 1427.
3. Ferreira da Silva D., Carvalho A. Climate Activist Groups' Discourses on Science and Knowledge: Merging Rhetorical Strategies with Political Visions // *Environmental Communication*. 2025. Vol. 19. No. 8. P. 1394 – 1410.
4. Ferreira da Silva D., Carvalho A., Fernandes-Jesus M. Political Imaginaries in the Climate Movement: Youth-Led Groups Constructing Plural Views of the Future // *Sociological Research Online*. 2025. Vol. 30. No. 2. P. 416 – 433.

5. Van Dijk T.A. Critical Discourse Analysis // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin. 2nd ed. Chichester : Wiley Blackwell, 2015. P. 466 – 485.
6. Neas S., Ward A., Bowman B. Young people's climate activism: A review of the literature // *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. Article 940876.
7. Sanford M., Witkowska M., Gifford R., Formanowicz M. Emotional framing in online environmental activism: Pairing a Twitter study with an offline experiment // *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 13. Article 1099331.
8. Quadri S.S.A., Saleem S., Longa F.E.A. Language of the Climate Crisis: A Critical Discourse Analysis of Climate Activism // *Global Political Review*. 2025. Vol. X. No. II. P. 122 – 138.
9. Guenther L., Jörges S., Mahl D., Brüggemann M. Framing as a Bridging Concept for Climate Change Communication: A Systematic Review Based on 25 Years of Literature // *Communication Research*. 2024. Vol. 51. No. 4. P. 367 – 391.
10. Olesen T. Greta Thunberg's iconicity: Performance and co-performance in the social media ecology // *New Media & Society*. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 1325 – 1342.
11. Huttunen J., Albrecht E. The framing of environmental citizenship and youth participation in the Fridays for Future Movement in Finland // *Fennia*. 2021. Vol. 199. No. 1. P. 46 – 60.
12. Bowman B. Imagining future worlds alongside young climate activists: a new framework for research // *Fennia*. 2019. Vol. 197. No. 2. P. 295 – 305.
13. Bloomfield E.F., Castro-Sotomayor J. eds. *Intersectional Activism in Environmental Communication: Changemakers Respond to Ecological Crises*. East Lansing : Michigan State University Press, 2025. 342 p.
14. Evans-Agnew R.A., Koontz T.M., Schell C. Voicing environmental justice: critical discourse analysis of a postcard survey to amplify marginalized voices surviving and coping with environmental threats // *Journal of Environmental Studies and Sciences*. 2025. Vol. 15. No. 2. P. 219 – 234.
15. Li B. Corpus-Based Discourse Analysis of Climate Change in TED // *English Language Teaching and Linguistics Studies*. 2023. Vol. 5. No. 5. P. 139 – 156.

References

1. Ivanova E.V. Metaphorical conceptualization of natural disasters in environmental discourse: based on media texts: diss. ... Cand. Philological Sciences. Chelyabinsk, 2007. 219 p.
2. Buhre F. Dissensus Rhetoric in Youth Climate Justice Activism. *Environmental Communication*. 2025. Vol. 19. No. 8. P. 1411 – 1427.
3. Ferreira da Silva D., Carvalho A. Climate Activist Groups' Discourses on Science and Knowledge: Merging Rhetorical Strategies with Political Visions. *Environmental Communication*. 2025. Vol. 19. No. 8. P. 1394 – 1410.
4. Ferreira da Silva D., Carvalho A., Fernandes-Jesus M. Political Imaginaries in the Climate Movement: Youth-Led Groups Constructing Plural Views of the Future. *Sociological Research Online*. 2025. Vol. 30.No. 2. P. 416 – 433.
5. Van Dijk T.A. Critical Discourse Analysis. *The Handbook of Discourse Analysis*. ed. by D. Tannen, H.E. Hamilton, D. Schiffrin. 2nd ed. Chichester: Wiley Blackwell, 2015. P. 466 – 485.
6. Neas S., Ward A., Bowman B. Young people's climate activism: A review of the literature. *Frontiers in Political Science*. 2022. Vol. 4. Article 940876.
7. Sanford M., Witkowska M., Gifford R., Formanowicz M. Emotional framing in online environmental activism: Pairing a Twitter study with an offline experiment. *Frontiers in Psychology*. 2023. Vol. 13. Article 1099331.
8. Quadri S.S.A., Saleem S., Longa F.E.A. Language of the Climate Crisis: A Critical Discourse Analysis of Climate Activism. *Global Political Review*. 2025. Vol. X. No. II. P. 122 – 138.
9. Guenther L., Jörges S., Mahl D., Brüggemann M. Framing as a Bridging Concept for Climate Change Communication: A Systematic Review Based on 25 Years of Literature. *Communication Research*. 2024. Vol. 51. No. 4. P. 367 – 391.
10. Olesen T. Greta Thunberg's iconicity: Performance and co-performance in the social media ecology. *New Media & Society*. 2022. Vol. 24. No. 6. P. 1325 – 1342.
11. Huttunen J., Albrecht E. The framing of environmental citizenship and youth participation in the Fridays for Future Movement in Finland. *Fennia*. 2021. Vol. 199. No. 1. P. 46 – 60.
12. Bowman B. Imagining future worlds alongside young climate activists: a new framework for research. *Fennia*. 2019. Vol. 197. No. 2. P. 295 – 305.
13. Bloomfield E.F., Castro-Sotomayor J. eds. *Intersectional Activism in Environmental Communication: Changemakers Respond to Ecological Crises*. East Lansing: Michigan State University Press, 2025. 342 p.

14. Evans-Agnew R.A., Koontz T.M., Schell C. Voicing environmental justice: critical discourse analysis of a postcard survey to amplify marginalized voices surviving and coping with environmental threats. *Journal of Environmental Studies and Sciences*. 2025. Vol. 15. No. 2. P. 219 – 234.

15. Li B. Corpus-Based Discourse Analysis of Climate Change in TED. *English Language Teaching and Linguistics Studies*. 2023. Vol. 5. No. 5. P. 139 – 156.

Информация об авторе

Ходыка А.И., аспирант, преподаватель, Донской государственный технический университет

© Ходыка А.И., 2026

Научно-исследовательский журнал «Филологический вестник / Philological Bulletin»

<https://fv-journal.ru>

2026, Том 5, № 2 / 2026, Vol. 5, Iss. 2 <https://fv-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

УДК 821.161.1.07

DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-195-200

Юмор и ирония как способы раскрытия характера героя в повести В.В. Медведева «Капитан Соври-голова»

¹ Кабакова С.А., ¹ Азизова А.А., ¹ Малышева Ю.Б.,
¹ Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова,
филиал Тюменского государственного университета

Аннотация: в настоящем исследовании представлен анализ юмора и иронии как ключевых художественных приёмов раскрытия характера главного героя в повести В.В. Медведева «Капитан Соври-Голова» 1968. Теоретической основой работы выступают современные разработки в области разграничения юмора и иронии (И.А. Котяш), исследования приёмов иронического смыслопорождения в художественном дискурсе (С.С. Ваулина, Е.В. Булатая, 2021; 2024), а также работы, посвящённые двойственной природе иронии (Х.Ш. Точиева, М.А.-С. Зангиева). На примерах четырёх ключевых эпизодов от прямой иронии в ранних эпизодах к более сложной, внутренней иронии в кульминационных сценах. В повести «Капитан Соври-Голова» ирония выходит за рамки традиционного восприятия комического, становясь зеркалом сложных и противоречивых взаимоотношений героя с окружающим миром и собственным самосознанием. Фантазии и преувеличения героя, поданные в ироническом ключе, отражают процесс становления его личности, поиск признания и внутреннюю борьбу. Повесть выступает как многогранное исследование процесса взросления, где юмор и ирония являются важнейшими способами психологического анализа характера. Результаты работы систематизируют знания о творчестве В.В. Медведева и могут быть применимы в литературоведении и педагогике для дальнейших исследований прозы для подростков.

Ключевые слова: В.В. Медведев, «Капитан Соври-Голова», юмор, ирония, характер героя, психологизм, фантазии героя

Для цитирования: Кабакова С.А., Азизова А.А., Малышева Ю.Б. Юмор и ирония как способы раскрытия характера героя в повести В.В. Медведева «Капитан Соври-голова» // Филологический вестник. 2026. Том 5. № 2. С. 195 – 200. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-195-200

Поступила в редакцию: 14 января 2026 г.; Одобрена после рецензирования: 11 марта 2026 г.; Принята к публикации: 14 апреля 2026 г.

Humor and irony as methods of revealing the character's personality in V.V. Medvedev's novella «Captain Lie-head»

¹ Kabakova S.A., ¹ Azizova A.A., ¹ Malysheva Yu.B.,
¹ P.P. Ershov Ishim Teachers Training Institute (branch) of University of Tyumen

Abstract: this study presents an analysis of humor and irony as key artistic devices for revealing the protagonist's character in V.V. Medvedev's novella «Captain Lie-Head» 1968. The theoretical framework includes contemporary research on the distinction between humor and irony (I.A. Kotyash), studies on ironic meaning-making in literary discourse (S.S. Vaulina, E.V. Bulataya, 2021; 2024), and works on the dual nature of irony (K.h.Sh. Tochieva, M.A.-S. Zangieva). Using examples from four key episodes of the novella, the authors trace the evolution of ironic evaluation in V.V. Medvedev's work: from direct irony in the early episodes to more complex, internal irony in the climactic scenes. In the novella «Captain Lie-Head», irony goes beyond the traditional perception of the comic, becoming a mirror of the hero's complex and contradictory relationships with the surrounding world and his own self-awareness. The hero's fantasies and exaggerations, presented in an ironic key,

reflect the process of his personality formation, his search for recognition, and his inner struggle. The novella emerges as a multifaceted study of the growing-up process, where humor and irony are the most important methods of psychological character analysis. The results systematize knowledge about V.V. Medvedev's work and can be applied in literary criticism and pedagogy for further research into prose for adolescents.

Keywords: V.V. Medvedev, «Captain Lie-Head», humor, irony, character's personality, psychologism, hero's fantasies

For citation: Kabakova S.A., Azizova A.A., Malysheva Yu.B. Humor and irony as methods of revealing the character's personality in V.V. Medvedev's novella «Captain Lie-head». Philological Bulletin. 2026. 5 (2). P. 195 – 200. DOI: 10.66621/2949-4656-2026-5-2-195-200

The article was submitted: January 14, 2026; Approved after reviewing: March 11, 2026; Accepted for publication: April 14, 2026.

Введение

Валерий Владимирович Медведев 1923-1997 – значительная фигура в русской детской литературе второй половины XX века, автор широко известной повести-сказки «Баранкин, будь человеком!». Историки литературы относят его творчество к прозе о подростках, отличающейся психологической глубиной и тонким юмором. Как отмечает Н.А. Капитонова, долгие годы биография писателя оставалась «белым пятном», что затрудняло понимание истоков его художественного метода [7, с. 68]. В.В. Медведев родился в семье крестьян, пережил трагедию репрессированных 1930-х годов, был усыновлен, сменил имя и фамилию. Этот травматический опыт, по словам исследовательницы, сформировал особый взгляд писателя на детство как на время, полное механизмами психологической защиты [7, с. 69-70].

Цель статьи – на примере повести «Капитан Соври-Голова» 1968 рассмотреть эволюцию иронии в творчестве В.В. Медведева, а также проанализировать её развитие, трансформацию от прямой иронии к более сложной, внутренней. В повести ирония приобретает целостность и идейную насыщенность. Выходя за рамки традиционного восприятия комического и становясь зеркалом сложных и противоречивых взаимоотношений героя с окружающим миром и собственным самосознанием.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужила повесть В.В. Медведева «Капитан Соври-Голова» издание 1984 года [9], а также биографические данные писателя.

Методологическая основа включает комплексный подход. *Сравнительно-сопоставительный метод* позволил сопоставить различные способы проявления комического в тексте и выявить их эволюцию: от прямой иронии в начальных эпизодах к более сложной. Внутренней иронии в кульминационных сценах. *Метод мотивного анализа* использовался для выявления ключевых мотивов, связанных с внутренним миром героя (мотивы «путешествия», «превращения», «игры»). *Элементы психологического анализа* позволили интерпретировать поступки и речь персонажа как отражение его душевного состояния. *Структурно-семантический анализ комических конструкций* дал возможность выявить механизмы создания юмористического эффекта на уровне языка и сюжета.

Результаты и обсуждения

Повесть «Капитан Соври-Голова» представляет собой яркий образец прозы о подростках, где центральное место занимает фигура Димы Колчанова – мальчика, чья склонность к фантазированию и преувеличению граничит с «героической ложью». Как отмечает И.А. Котяш, для понимания специфики художественного текста необходимо четкое разграничение юмора и иронии: юмор предстает как более общий термин, несущий способность выражать смешное и направленный на создание позитивных эмоций, тогда как ирония – стилистический приём, основанный на тонкой насмешке, употреблении слов в смысле, противоположном буквальному [8, с. 90]. В повести В.В. Медведева оба приёма тесно переплетаются. В отличие от сатирической иронии М.Е. Салтыкова-Щедрина, направленной на острое обличение социальных пороков [4], ирония Медведева приобретает психологическую направленность [4; 12]: она не столько разоблачает, сколько позволяет читателю увидеть внутренний мир героя.

Эпизод 1: Подготовка к «путешествию» и поедание ботинок (антифразис)

Первое знакомство с Димой происходит через призму иронического восприятия его поступков. Ключевая сцена – монолог героя о предстоящем путешествии: «Если мы заблудимся в лесу и у нас кончится еда, – рассуждал Дима, – мы будем есть свои ботинки. В ботинках много питательных веществ. Кожа, например.

Я читал, что путешественники, когда попадали в беду, если свои сапоги. А у нас ботинки – они мягче. Их легче жевать» [9].

Это классический пример *антифразиса* – приёма, который, по определению С.С. Ваулиной и Е.В. Булатой, заключается в несоответствии значения слова контекстуальному употреблению [4, с. 127]. Словарное значение глагола «жевать» вступает в противоречие с объектом – ботинком. Однако, вслед за Х.Ш. Точиевой и М.А.-С. Зангиевой, подчеркивающими двойственную природу иронии [12], мы видим, что ирония В.В. Медведева выполняет функцию не осмеяния, а дистанцирования. Она создаёт перспективу, из которой видна и комичность ситуации, и искренность Димы. Его «подвиг» – гиперболизированная готовность к лишениям, свойственная романтическому сознанию. Несовпадение восприятия героя и читателя создаёт тот иронический зазор, в котором рождается психологическая глубина образа.

Оригинальное наблюдение: Важно, что Дима не просто фантазирует – он готовится. Его рассуждения о питательности кожи, ссылки на опыт путешественников, даже выбор «мягких» ботинок вместо «резиновых кед» – всё это выдает не пустую браваду, а искреннюю, хоть и наивную, попытку осмыслить мир через призму героических нарративов. Как отмечает М.В. Терехова, подобный приём – несоответствие реального и воображаемого миров – является ключевым в создании иронического плана повествования [11, с. 65].

Эпизод 2: «Чтение мыслей» при помощи дыма (антитеза и иронический вывод)

Центральная сцена эпизода строится вокруг попытки Димы продемонстрировать собственную исключительность. Для этого он сооружает конструкцию, якобы позволяющую «читать мысли» по дыму, используя дымовые шашки, полученные с Мосфильма. Замысел героя, претендующий на эзотерическое знание и техническое мастерство, обворачивается ситуацией абсурдного комизма. Иронический настрой задаётся уже в описании подготовки: «Дима сел, достал из-за пазухи какую-то книжку и уткнулся в неё носом». Называлась книжка так: «Мои друзья из племени Нанкасе» [9].

Здесь актуализируется *антитеза* – намеренное создание контраста [4, с. 129].

Противопоставление высокого («чтение мыслей», магическое знание) и низкого (дым, пожар, вызов врачей) создаёт основу для иронического вывода в финале эпизода: «Дима вопил, что он нигде не читал, чтобы путешественникам, которые читали мысли с помощью дыма, давали нюхать нашатырь и обкладывали грелками» [9]. В исследовании иронии у Достоевского С.С. Ваулина и Е.В. Булатая выделяют более сложный механизм – *антитезу, совмещённую с алогичным выводом*, где нарушение причинно-следственных связей усиливает иронический эффект [5, с. 22]. В повести Медведева этот механизм также прослеживается: ожидание магического чтения мыслей приводит к реальному пожару.

Оригинальное наблюдение: Обращает на себя внимание деталь: Дима привозит шашки «по спецзаказу Мосфильма» [9]. Это не случайно. Кино – искусство иллюзии, создания миров, которых нет. Мосфильмовский реквизит предназначен для съёмок, то есть для заведомо ненастоящего действия, которое только имитирует реальность. Дима же совершает характерную ошибку: он не просто фантазирует, он пытается воспроизвести иллюзию, сделать её реальной, перенести технологию кинематографического трюка в бытовую жизнь. Его ошибка заключается не столько в желании читать мысли, как форме романтического поиска необычного, сколько в смешении художественного вымысла с реальностью. Он воспринимает бутафорию как инструмент магии, не учитывая, что на площадке за безопасностью следят профессионалы, а в обычной квартире те же шашки становятся источником возгорания. Как подчёркивают М.У. Басханова и И.Б. Бачалова, для понимания иронии часто не нужно обращаться к концу рассказа: она проявляется сразу, но *внутренняя ирония* глубоко прячется под непосредственным смыслом слов героев и раскрывается лишь в ходе повествования [3, с. 26]. В данном эпизоде иронический подтекст заложен уже в самом факте использования «спецзаказа Мосфильма», когда претензия на исключительность сталкивается с унизительной необходимостью медицинской помощи.

Эпизод 3: Шахматный поединок и «фосфорический мальчик» (абсурдная ситуация и метакомментарий)

Дима, вызванный на шахматный матч, решает готовиться, поглощая продукты, богатые фосфором, который он ошибочно считает «элементом мысли». Класс организует «фосфорную комиссию»: «Дима сложил приношения в парту и стал поглощать по очереди бутерброды, пироги и консервы. Он чувствовал прилив сил» [9]. Кульминация – лицо Димы «излучало мягкий фосфорический свет» [9].

Этот эпизод демонстрирует *приём создания абсурдной ситуации* [4, с. 131]. Абсурдность в столкновении взаимоисключающих представлений: вера в «фосфоризацию» мышления и реальные законы биологии. Е.С. Готовцева отмечает, что одним из способов создания иронии является *коннотационная оговорка* – слово, которое в контексте приобретает неожиданный смысл [6, с. 33]. В данном случае такой оговоркой выступает метафорическое «фосфорическое свечение», которое герой и окружение воспринимают буквально. И.А.

Авилова и В.В. Карачевцева подчеркивают, что ирония может создаваться гиперболой – намеренным преувеличением [1, с. 47].

Оригинальное наблюдение. В этом эпизоде особенно важна фигура «химика» Шуры Гусева. Он – единственный, кто мог бы разоблачить абсурдность затеи, но вместо этого поддерживает ее. «Вообще-то фосфор – сила! Это точно!» [9]. Его роль – не *опровергателя*, а *соучастника*. Это создает эффект «коллективного безумия», где ирония направлена не только на Диму, но и на его окружение, готовое поверить в любую нелепицу.

Особую значимость эпизоду придает *мета комментарий* в финале. На вопрос, как он играл в шахматы, Дима отвечает: «Наврали, – сказал капитан. – Ни в какие шахматы я не играл. Это Сазонов играл, а я ему только листок из календаря подарил» [9]. Прием разрушает иллюзию достоверности, обнажая вымышленный характер повествования. Возникает сложная игра: герой одновременно отрицает и подтверждает свое участие. Как отмечает А.А. Новикова, *самоирония* героя является важнейшим способом раскрытия характера через самосознание персонажа [10, с. 305].

Эпизод 4. Знакомство с Тошкой (самоирония и становление самосознания)

В эпизоде, открывающем повесть, Дима, презирающий девчонок, ищет защиты у Тошки, полагая, что у нее есть братья-боксеры. Его решение «подружиться» продиктовано прагматическим расчетом. «Лишь бы у нее брат был боксер!» [9]. Однако в финале, когда Тошка сама разгоняет «подавляющих», Дима признается: «Я вообще врун... жуткий врун... У меня и прозвище Соври-голова...» [9]. Его саморазоблачение – «а сегодня я не вру» – знаменует момент становления самосознания.

Оригинальное наблюдение. Дима приходит к признанию не через поражение, а через неожиданное *спасение*. Тошка оказывается сильнее его «защитников». Ирония здесь работает на переворачивание ролей: тот, кого Дима собирался использовать, становится его спасителем. Этот момент, когда фантазия (о братьях-боксерах) сталкивается с реальностью (девушка. Владеющая самбо). Как отмечает А.Т. Бактыбаева, ирония и контраст позволяют выявлять специфику характера через сопоставление «своего» и «чужого» [2, с. 84].

Биографический контекст как ключ к интерпретации

Трагическая судьба семьи В.В. Медведева (репрессии 1937 года, арест и расстрел отца, заключение матери, отправка детей в спецдетдом для «врагов народа») сформировала особый взгляд писателя на детство [7, с. 60-70]. Важно, что сам Медведев, как свидетельствует Н.А. Капитонова, в детстве был известен своими остроумными выходками и фантазиями. Именно здесь коренится ключевое наблюдение: для ребенка, оказавшего в ситуации, где реальность травматична и враждебна, юмор и фантазия становятся не развлечением, а *единственно возможной формой психологической защиты* Дима Колчанов, подобно самому писателю, пережившему усыновление и смену имени, строит вымышленные миры, чтобы выжить в мире реальном. Ирония автора по отношению к герою – это не насмешка, а *понимание*: смеясь над фантазиями Димы, читатель одновременно видит их глубинную причину – потребность в признании, поиск опоры, страх быть отвергнутым. Как отмечает Е.В. Харлашина и И.М. Доронина, ирония часто выступает как способ создания дистанции между героем и читателем, позволяя избежать прямого морализаторства [13, с. 158]. У В.В. Медведева этот прием работает на создание образа героя, который не осуждается, а понимается.

Функции юмора и иронии в повести

Юмор и ирония в повести выполняют двойственную функцию. С одной стороны, они создают комический фон, делающий книгу увлекательной для юного читателя. С другой – выступают как сложный психологический прием, позволяющий автору говорить о серьезных вещах (одиночестве, потребности в любви, трудностях социальной адаптации) без морализаторства. Фантазии героя становятся зеркалом его внутренней борьбы, попыткой «достроить» реальность до идеала. В этом смысле его поведение переключается с наблюдением М.У. Басхановой и И.Б. Бачаловой о том, что внутренняя ирония «бьет героев их же словами» [3, с. 26].

Выводы

Исследование подчеркивает важную роль иронии в творчестве В.В. Медведева. Анализ эпизодов повести позволил выявить эволюцию иронии: если в начальных эпизодах она носит преимущественно прямой, фрагментарный характер, то в кульминационных сценах приобретает более сложную, внутреннюю форму. В повести «Капитан Соври-Голова» ирония выходит за рамки традиционного восприятия комического, становясь зеркалом сложных и противоречивых взаимоотношений героя с окружающим миром и собственным самосознанием. Фантазии и преувеличения героя, поданные в ироническом ключе, отражают процесс становления его личности, поиск признания и внутреннюю борьбу.

В повести формируется стратегия «мягкой иронии», которая, в отличие от сатирической традиции, описанной С.С. Ваулиной и Е.В. Булатой на примере Салтыкова-Щедрина [4], не осуждает героя, а создает продуктивную дистанцию для объективного восприятия его недостатков и достоинств. В этом смысле метод В.В. Медведева оказывается ближе к традиции, предоставленной в исследовании иронии у Ф.М. Достоевского, где ирония предстает не как окончательная мера обличения, а как шанс на возможное перерождение героя [5, с. 26]. Как и у Ф.М. Достоевского, иронический взгляд у В.В. Медведева оставляет персонажу возможность для внутреннего изменения, не замыкая его в жестких рамках авторского приговора. Такая художественная оптика позволяет изобразить процесс взросления не как линейное исправление недостатков, а как сложный, противоречивый путь, в котором комизм и серьезность, наивность и саморефлексия сосуществуют в неразрывном единстве.

Практическая значимость работы определяется возможностью применения ее результатов в вузовских курсах по истории русской детской литературы спецсеминарах по литературному краеведению, а также в педагогической практике при изучении произведений о подростках в школе.

Перспективы дальнейшего исследования связаны со сравнительным анализом образа «фантазёра» в прозе Медведева и его современников (В.Ю. Драгунский, Н.Н. Носов). Предполагается использование методов компаративистики для выявления типологических черт и индивидуальных особенностей по следующим критериям: степень правдоподобия фантазий героя, отношения к ним автора (осмеять vs понимание), функции юмора в структуре повествования, роль самоиронии в становлении самосознания. Также планируется экспериментальное изучение рецепции современными подростками: анкетирование с открытыми вопросами о восприятии юмора, идентификации с героем, а также фокус-группы для выявления различий в восприятии читателей 10-12 и 13-15 лет в контексте трансформации читательских практик в цифровую эпоху.

Список источников

1. Авилова И.А., Карачевцева В.В. Средства выражения иронии в художественном произведении // Научный альманах. 2022. № 3-3 (89). С. 46 – 48.
2. Бактыбаева А.Т. Ирония и контраст как способы выявления специфики национального характера в романе Д. Сатпаева и Е. Жумагулова «Легенда о «NOMENCLATURA»» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2024. Т. 16, вып. 1. С. 79 – 88.
3. Басханова М.У., Бачалова И.Б. Внутренняя или объективная ирония в произведении А.П. Чехова // Взгляд современного молодежи на актуальные проблемы гуманитарного знания: материалы студенческой науч.-практ. конф. Грозный: Изд-во ЧГУ, 2021. С. 23 – 27.
4. Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония М.Е. Салтыкова-Щедрина: особенности иронической оценки в романе «Господа Головлевы» // Слово. ру: балтийский акцент. 2021. Т. 12. № 4. С. 123 – 136.
5. Ваулина С.С., Булатая Е.В. Ирония в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: функционально-семантический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. 2024. Т. 23. № 1. С. 18 – 28.
6. Готовцева Е.С. Основные способы выражения иронии в художественном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. № 4. С. 22 – 36.
7. Капитонова Н.А. Валерий Медведев // Литературное краеведение. Челябинская область: учеб. пособие для основ. и сред. (полн.) шк. Челябинск: Абрис, 2011. вып. 3. С. 68 – 71.
8. Котьяш И.А. Ирония и юмор: определение понятий для целей исследования // Актуальные вопросы филологии и лингводидактики: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Белгород: Изд-во БелГУ, 2024. С. 86 – 91.
9. Медведев В.В. Капитан Соври-Голова: повесть. М.: Детская литература, 1984. 64 с.
10. Новикова А.А. Ирония как способ создания образа главной героини в романе А.Д. Кронина «Три любви» // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 4. С. 302 – 309.
11. Терехова М.В. Ирония в произведении Антония Погорельского «черная курица, или Подземные жители» // Вестник Череповецкого Государственного университета. 2022. № 4 (55). С. 62 – 68.

12. Точиева Х.Ш., Зангиева М.А. Ирония как инструмент сатиры: эстетика булгаковского юмора в «Мастере и Маргарите» // филологический аспект: междунар. науч.-практ. журн. 2025. № 4 (120). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ironiya-kak-instrument-satiry-estetika-bulgakovskogo-yumora-v-mastere-i-margarite.html> (дата обращения: 17.12.2025)

13. Харлашина Е.В., Доронина И.М. О роли иронии в произведении Р. Брэдли «451 градус по Фаренгейту» (в переводе Т. Шинкарь) // Актуальные вопросы лингвистики и лингводидактики: теоретические и прикладные аспекты: материалы Междунар. науч.-практ. конф. М.: МИЭТ, 2024. С. 156 – 159.

References

1. Avilova I.A., Karachevtseva V.V. Means of Expressing Irony in a Work of Art. Scientific Almanac. 2022. No. 3-3 (89). P. 46 – 48.
2. Baktybaeva A.T. Irony and Contrast as Ways to Reveal the Specifics of National Character in the Novel by D. Satpayev and E. Zhumagulov "The Legend of "NOMENCLATURA"". Bulletin of Perm University. Russian and Foreign Philology. 2024. Vol. 16, issue 1. P. 79 – 88.
3. Baskhanova M.U., Bachalova I.B. Internal or Objective Irony in the Work of A.P. Chekhov. The View of Modern Youth on Current Problems of Humanitarian Knowledge: Proceedings of the Student Scientific and Practical Conf. Grozny: ChSU Publishing House, 2021. P. 23 – 27.
4. Vaulina S.S., Bulataya E.V. The Irony of M.E. Saltykov-Shchedrin: Features of Ironic Evaluation in the Novel "The Golovlev Family". Slovo. ru: Baltic Accent. 2021. Vol. 12. No. 4. P. 123 – 136.
5. Vaulina S.S., Bulataya E.V. Irony in F.M. Dostoevsky's Novel "The Brothers Karamazov": Functional and Semantic Aspect. Bulletin of Volgograd State University. Series 2, Linguistics. 2024. Vol. 23. No. 1. P. 18 – 28.
6. Gotovtseva E.S. The Main Ways of Expressing Irony in a Fiction Text. Philological Sciences. Theoretical and Practical Issues. 2023. No. 4. P. 22 – 36.
7. Kapitonova, N.A. Valery Medvedev. Literary Local History. Chelyabinsk Region: A Textbook for Basic and Secondary (Complete) Schools. Chelyabinsk: Abris, 2011. Issue 3. P. 68 – 71.
8. Kotyash I.A. Irony and Humor: Defining Concepts for Research Purposes. Current Issues in Philology and Lingvodidactics: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. Belgorod: Belgorod State University Publishing House, 2024. P. 86 – 91.
9. Medvedev V.V. Captain Lie-Head: A Story. Moscow: Children's Literature, 1984. 64 p.
10. Novikova A.A. Irony as a Means of Creating the Image of the Main Character in A.D. Cronin's Novel "Three Loves". Bulletin of Kostroma State University. 2023. Vol. 29. No. 4. P. 302 – 309.
11. Terekhova M.V. Irony in Antony Pogorelsky's Work "The Black Hen, or Underground Dwellers". Bulletin of Cherepovets State University. 2022. No. 4 (55). P. 62 – 68.
12. Tochueva Kh.Sh., Zangieva M.A. Irony as a Tool of Satire: The Aesthetics of Bulgakov's Humor in "The Master and Margarita". Philological Aspect: International Scientific and Practical Journal. 2025. No. 4 (120). URL: <https://scipress.ru/philology/articles/ironiya-kak-instrument-satiry-estetika-bulgakovskogo-yumora-v-mastere-i-margarite.html> (date of access: 12.17.2025)
13. Kharlashina E.V., Doronina I.M. On the Role of Irony in R. Bradbury's Fahrenheit 451 (translated by T. Shinkar). Current Issues in Linguistics and Lingvodidactics: Theoretical and Applied Aspects: Proc. of the International Scientific and Practical Conf. Moscow: MIET, 2024. P. 156 – 159.

Информация об авторах

Кабакова С.А., кандидат филологических наук, доцент, Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, svetlana-igpi@mail.ru

Азизова А.А., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000294376@study.utmn.ru

Мальшева Ю.Б., Ишимский педагогический институт имени П.П. Ершова, филиал Тюменского государственного университета, stud0000289614@study.utmn.ru